Дивер Джеффри

Танцор у гроба

Посвящается памяти, моей бабушки Этель Мей Райдер

Часть первая

Слишком много способов умереть

Ястреба нельзя приручить. Чувства ему незнакомы. Эта птица в каком-то смысле является творением психиатра. В противоборстве ястреб не знает пощады.

Т.Г. Уайт, «Ястреб»

Глава первая

Прощаясь со своей женой Перси, Эдвард Карни не догадывался, что видит ее последний раз в жизни.

Сев в свою машину, которую ему с трудом удалось припарковать на переполненной Восточной Восемьдесят седьмой улице в Манхэттене, Карни влился в оживленный поток. Наблюдательный по своей природе, он заметил стоящий рядом с их коттеджем черный микроавтобус с темными тонированными стеклами, покрытыми капельками грязи. Приглядевшись к видавшему виды автомобилю, Карни обратил внимание на номера штата Западная Вирджиния и вспомнил, что за последние несколько дней уже видел несколько раз микроавтобус на своей улице. Но тут остановившиеся на светофоре машины тронулись. Карни, едва успев проскочить перекресток на желтый свет, начисто забыл о микроавтобусе. Выехав на шоссе имени Рузвельта, он помчался на север.

Через двадцать минут Карни по сотовому позвонил жене домой. Она не ответила, и он начал волноваться. Перси должна была лететь вместе с ним — вчера вечером они бросили монету, кто займет командирское кресло слева, и жена, выиграв, одарила его фирменной торжествующей улыбкой. Но в три часа ночи Перси проснулась с жуткой мигренью, не отпускавшей ее весь день. Пришлось срочно звонить и искать второго пилота на замену, а Перси, приняв флоринал, вынуждена была остаться в постели.

Никакая другая болезнь кроме мигрени не смогла бы удержать ее на земле.

Эдвард Карни, долговязый сорокапятилетний мужчина, все еще носивший короткую армейскую стрижку, склонив голову набок, слушал гудки в телефоне. Наконец включился автоответчик, и он положил трубку на рычаг, слегка обеспокоенный.

Карни вел машину со скоростью ровно шестьдесят миль в час, строго посередине крайнего правого ряда; подобно большинству летчиков, за рулем он вел себя консервативно. Доверяя другим пилотам, он считал почти всех водителей сумасшедшими.

— Конторе чартерной авиакомпании «Гудзон-Эйр», расположенной на территории аэродрома «Мамаронек» в Винчестере, его ждал пирог. Строгая и чопорная Салли-Энн, пахнущая как парфюмерный отдел дорогого магазина, испекла его сама, чтобы отпраздновать новый контракт, заключенный компанией. Нацепившая по торжественному случаю брошь в виде биплана с искусственным бриллиантом, подаренную внуками на прошлое Рождество, Салли-Энн бдительным оком оглядывала помещение, убеждаясь, что все двенадцать сотрудников получили по куску соответствующих размеров. Эд Карни, куснув пирог пару раз, стал обсуждать предстоящий полет с Роном Тэлботом, чье солидное брюшко свидетельствовало о любви к выпечке, хотя держался Рон в основном за счет кофе и сигарет. Тэлбот, сидевший на двух креслах — менеджера и руководителя полетами, высказывал свои опасения по поводу того, что доставить грузы не удастся в назначенный срок, что расход горючего может превысить расчетную величину, что стоимость работ посчитана неправильно. Отдав свой недоеденный кусок пирога, Эд посоветовал ему успокоиться.

Вспомнив про Перси, он зашел в свой кабинет и снял трубку.

Дома по-прежнему никто не отвечал.

Озабоченность переросла в беспокойство. Люди, имеющие детей, и люди, имеющие собственное дело, всегда отвечают на звонок. Бросив трубку на аппарат, Эдвард подумал было о том, что надо бы позвонить соседям и попросить заглянуть к нему домой. Но тут в расположенный рядом с конторой ангар въехал большой белый грузовик, и настало время работать.

Тэлбот протянул Карни на подпись десяток документов, и в этот момент появился Тим Рэндольф, в темном костюме, белой рубашке и узком черном галстуке. Тим называл себя «вторым пилотом», и Карни это нравилось. «Первыми пилотами» были сотрудники компании, работавшие на регулярных авиалиниях; и хотя Карни уважал любого компетентного человека в правом кресле, все-таки до конца избавиться от снобизма ему не удалось.

Высокая темноволосая Лорен, помощница Тэлбота, специально надела платье, приносящее удачу, — его небесно-голубой цвет соответствовал цвету логотипа компании «Гудзон-Эйр», силуэту сокола над земным шаром. Склонившись к Карни, Лорен шепнула ему на ухо:

— Теперь все будет хорошо, правда?

— Все будет замечательно, — заверил ее он.

Они обнялись. Салли-Энн, тоже потискав Карни в своих объятиях, предложила ему в полет еще кусок пирога, но он решительно отказался. Ему хотелось поскорее уйти отсюда, прочь от праздника, прочь от сентиментальности. Оторваться от земли, подняться в воздух.

Долго ждать Карни не пришлось. Вскоре он летел на высоте трех миль над землей, сидя за штурвалом «Лир-35А», лучшего частного реактивного самолета на свете, не имеющего на своем полированном серебристом корпусе никаких надписей и знаков кроме регистрационного номера.

Он летел в сторону поразительно прекрасного заката — идеальный оранжевый диск опускался в огромные мечущиеся тучи, окрасившиеся в розовые и пурпурные цвета.

Только рассвет может сравниться красотой с этим зрелищем. И только гроза может быть более величественной.

До аэропорта «О'Хейр» было 723 мили, и «Лир» преодолел это расстояние меньше чем за два часа. Центр управления полетами в Чикаго, вежливо попросив снизиться до четырнадцати тысяч футов, передал самолет станции слежения за подходом.

— Станция слежения за подходом Чикаго, — подал запрос Тим. — «Лир — Чарли Джульетт» приближается на высоте четырнадцати тысяч футов.

— Приветствую вас, «Чарли Джульетт», — ровным голосом произнес другой диспетчер. — Снижайтесь до восьми тысяч. Альтиметр в Чикаго — тридцать точка один. Ожидаемая полоса — двадцать семь.

— Принято, Чикаго. «Чарли Джульетт» снижается с четырнадцати до восьми тысяч.

Аэропорт «О'Хейр» является самым оживленным в мире, и поэтому диспетчер поставил самолет в очередь на посадку, заставив его кружить над западными пригородами Чикаго.

Через десять минут приятный голос предложил:

— "Чарли Джульетт", заходите курсом ноль-девять-ноль по ветру на двадцать седьмую полосу.

— Курс ноль-девять-ноль. «Чарли Джульетт» принял, — ответил Тим. Взглянув на яркие созвездия, высыпавшие на серо-стальное небо, Карни подумал: «Эх, Перси, если бы ты видела, какие сегодня звезды...» И впервые за всю свою летную карьеру поступил так, как не должен поступать профессионал. Тревога за Перси стремительно нарастала. Он должен был услышать ее голос.

— Принимай управление, — бросил Карни Тиму.

— Есть принять управление, — ответил тот, без вопросов беря в руки штурвал.

Сквозь треск атмосферных разрядов снова раздался голос авиадиспетчера.

— "Чарли Джульетт", снижайтесь до четырех тысяч. Курс прежний.

— Принято, Чикаго, — ответил Тим. — «Чарли Джульетт» снижается с восьми до четырех тысяч. Карни переключил частоту радиостанции.

— Вызываю компанию, — ответил он на вопросительный взгляд Тима.

Связавшись с Тэлботом, Карни попросил его переключить вызов к нему домой. Ожидая соединения, он начал под руководством Тима осуществлять предпосадочную подготовку.

— Отклонить закрылки на двадцать градусов.

— Закрылки на двадцать градусов... есть.

— Проверить скорость.

— Сто восемьдесят узлов.

Когда Тим заговорил в микрофон: «Чикаго, „Чарли Джульетт“ прошел пятую отметку, приближается к четвертой», Карни услышал гудки.

Ну же. Перси, сними трубку! *Где же ты?*

Пожалуйста...

Раздалась команда диспетчера:

— "Чарли Джульетт", снижайте скорость до один-восемь-ноль. Связывайтесь с диспетчером аэропорта. Всего хорошего.

— Принято, Чикаго. Один-восемь-ноль узлов. До свидания.

Третий звонок.

Проклятие, где она? Что случилось?

Пустота в груди росла.

Турбовентиляторные двигатели запели скрипучую песню. Застонала гидравлика. В наушниках трещали далекие грозовые разряды.

— Закрылки на тридцать градусов, — приказал Тим. — Выпустить шасси.

— Закрылки на тридцать градусов... есть. Выпустить шасси... есть, все три стойки.

И тут, наконец, в наушниках раздался резкий щелчок. Голос его жены произнес:

— Алло!

От облегчения Карни рассмеялся вслух.

Он начал было говорить, но тут самолет встряхнуло так сильно, что за долю секунды взрывная волна сорвала громоздкий шлемофон с его головы, швырнув обоих пилотов в приборную панель. Вокруг посыпались искры.

Оглушенный Карни машинально схватился левой рукой за штурвал, забыв, что тот онемел, — самолетом управлял Тим. Он повернулся к напарнику как раз в тот момент, когда его окровавленное обмякшее тело исчезло в зияющей дыре в обшивке.

— О господи, нет... нет...

Но тут вся кабина, оторвавшись от разваливающегося самолета, подпрыгнула вверх, оставив позади фюзеляж, крылья и двигатели, превратившиеся в огненный шар.

— Перси, — прошептал Карни, — Перси...

Но у его губ больше не было микрофона.

Глава вторая

Огромные как астероиды, цвета слоновой кости песчинки светились на экране компьютера. Мужчина сидел, подавшись вперед, напрягая до боли шею, прищурившись, но не от проблем со зрением, а потому, что так было легче сосредоточиться.

Где-то далеко прогремел гром. Утреннее небо приняло желтовато-зеленоватый оттенок, вот-вот должна была разразиться гроза. По сообщениям синоптиков, такой дождливой весны еще не было.

Песчинки...

— Увеличить, — приказал мужчина, и изображение на экране послушно стало вдвое крупнее. Как странно...

— Курсор вниз... стоп.

Он снова наклонился вперед, напряженно вглядываясь в экран.

Ничто так не радует криминалиста, как песок, думал Линкольн Райм: каменные крупинки, иногда смешанные с другими материалами, размером от 0,05 до 2 мм (меньше — это пыль, больше — гравий). Песок цепляется к одежде преступников не хуже свежей краски, а затем словно по заказу осыпается на месте преступления и в логове преступника, позволяя провести ниточку от убитого к убийце. Кроме того, песок может многое поведать о тех местах, где бывал подозреваемый. Мутные песчинки встречаются в пустыне. Прозрачные — на морском берегу. Амфибол означает Канаду. Обсидиан — Гавайи. Кварц и магматические породы — это Новая Англия.

Гладкий магнитный железняк серого цвета — западное побережье Великих озер.

Но вот откуда взялись именно эти песчинки. Линкольн Райм не имел понятия. В районе Нью-Йорка песок состоит в основном из кварца и полевого шпата. На берегах пролива Лонг-Айленд он каменистый, на Атлантическом побережье — мелкий как пыль, у Гудзона смешан с глиной. Но эти песчинки были белыми, остроугольными, сверкающими; среди них встречались крошечные красные шарики. А это что за колечки? Белые каменные колечки, похожие на микроскопические кусочки кальмаров. Райм никогда не встречал ничего похожего.

Заинтригованный этой загадкой, криминалист не мог оторваться от компьютера до четырех часов утра. Наконец, он был вынужден отослать образец песка коллеге в лабораторию ФБР в Вашингтоне. Сделал он это скрепя сердце. Линкольн Райм ненавидел, когда его задачи решал кто-то другой.

Какое-то движение за окном над кроватью. Райм повернулся в ту сторону. Его соседи, соколиная пара, проснулись и собрались вылететь на охоту. Голуби, берегитесь! Уронив голову, Райм пробормотал: «Проклятие!», имея в виду не отчаяние от невозможности справиться с упрямыми уликами, а недовольство незваными гостями.

На лестнице послышались торопливые шаги. Том открыл дверь, но Райм сейчас никого не хотел видеть.

— О боже, только не сейчас! — недовольно буркнул он, поворачиваясь к двери в прихожую.

Но гости, разумеется, этого не услышали, а если бы и услышали, то все равно не остановились бы.

Их двое...

Один грузный, ступает тяжело. Другой нет.

Отрывистый стук в открытую дверь, и они вошли.

— Привет, Линкольн.

Райм проворчал что-то невнятное.

Тяжелые шаги принадлежали Лону Селитто, следователю первого разряда полиции Нью-Йорка. За ним семенил его напарник, худощавый молодой парень Джерри Бэнкс в элегантном сером костюме. Джерри обильно полил свою гриву лаком, Райм уловил запахи пропана, изобутана и ацетата винила, но волосы все равно упрямо топорщились во все стороны.

Крепыш Селитто обвел взглядом комнату второго этажа, имевшую размер двадцать на двадцать футов. На стенах никаких украшений.

— Линк, никак не могу понять, что с комнатой?

— Ничего.

— О, я понял — здесь стало чисто, — сказал Бэнкс и сразу же осекся.

— Конечно, чисто, — подтвердил Том, как всегда, в безукоризненно отутюженных светло-коричневых брюках, белой рубашке и пестром галстуке, который Райм находил вызывающе безвкусным, несмотря на то, что сам заказал его по каталогу для своего помощника. Том работал у него уже несколько лет, и хотя Райм дважды выгонял его, а один раз он уходил сам, криминалист трижды снова приглашал невозмутимого

санитара-помощника. Том разбирался в спинномозговых травмах не хуже врача-специалиста, а полученных от Линкольна Райма познаний в области криминалистики хватило бы, чтобы из него получился неплохой сыщик. Но молодой человек довольствовался должностью, обозначенной страховой компанией как "помощник по уходу за инвалидом ", хотя этот термин не нравился ни Райму, ни самому Тому. В зависимости от настроения криминалист называл помощника «наседкой» или «Немезидой», и оба этих обращения несказанно радовали Тома.

— Райм был вне себя, — продолжал помощник, обходя остановившихся в дверях полицейских, — но я позвонил в службу быта, и дом отдраили снизу доверху. Разве что не пришлось проводить дезинфекцию. Вы потом со мной целый день не разговаривали.

— Зачем надо было здесь убирать? Я теперь ничего не могу найти!

— Но ведь вы и *не должны*ничего искать, правда? — возразил Том. — На это у вас есть я.

У Райма не было настроения вступать в пререкания.

— Ну? — его красивое лицо обратилось к Селитто. — Что у вас?

— Есть одно дело. Мы подумали, ты захочешь нам помочь.

— Я занят.

— Это еще что такое? — спросил Бэнкс, указывая на новый компьютер, стоящий у изголовья кровати Райма.

— О, — с радостью воскликнул Том, — это настоящее произведение искусства. Линкольн, покажите им. Покажите!

— Я не *хочу*никому ничего показывать. Новые раскаты грома, но пока ни капли дождя. Сегодня, как это нередко бывает, погода снова издевалась над людьми.

— Ну покажите, как он работает, — настаивал Том.

— Не хочу.

— Вы просто стесняетесь.

— Том! — взорвался Райм.

Но молодой помощник был равнодушен к угрозам и обвинениям.

— Ума не приложу, что на него нашло, — сказал Том, поправляя ужасный или сверхмодный галстук. — Еще совсем недавно он очень гордился этой штуковиной.

— Ничего подобного!

— Вот этот ящик, — продолжал Том, — подключен к компьютеру.

— Ого, двести мегагерц? — понимающе кивнул Бэнкс. Избегая хмурого взгляда Райма, он вцепился в вопрос словно сова в лягушку.

— Точно, — подтвердил Том.

Но Линкольна Райма нисколько не интересовали компьютеры. В настоящий момент его вообще не интересовало ничего кроме крохотных колечек, затаившихся среди песчинок.

— Это микрофон, сигнал с него поступает прямо в компьютер, — не сдавался Том. — Компьютер понимает то, что говорит Линкольн. Потребовалось много времени, чтобы научить компьютер распознавать его голос. Линкольн любит невнятно бормотать.

На самом деле Райм был очень доволен новой системой — компьютером, работающим с быстротой молнии, специальным устройством контроля за окружающей средой и программным обеспечением распознавания речи. Теперь криминалист мог голосом двигать по экрану курсор, — здоровый человек делает это при помощи клавиатуры и мыши. Больше того, он мог одним словом включать и выключать кондиционер, зажигать и гасить свет, включать стереопроигрыватель или телевизор, звонить по телефону и отправлять факсы.

— Он может даже сочинять музыку, — объяснял гостям Том. — Достаточно только говорить компьютеру, какую ноту куда поставить.

— Это самое главное, — угрюмо проворчал Райм. — Музыка! Для инвалида с травмой четвертого позвонка, каковым являлся Райм, не составляло труда кивнуть головой. Он мог также пожимать плечами, хотя и не так пренебрежительно, как ему хотелось бы. Еще одним фокусом, достойным показа в цирке, было то, что Райм мог шевелить безымянным пальцем левой руки на несколько миллиметров в любом направлении. В течение последних нескольких лет этим и ограничивался набор физических действий, доступных ему. А написание сонаты для скрипки не входило в его ближайшие планы.

— Он также может играть в компьютерные игры, — добавил Том.

— Я не играю в компьютерные игры. Я их ненавижу. Селитто, напоминающий Райму большую незаправленную кровать, без интереса посмотрел на компьютер.

— Линкольн, — мрачно произнес он, — дело серьезное. Мы работаем вместе с федералами. Вчера вечером произошли большие неприятности.

— Мы словно наткнулись на каменную стену, — рискнул вставить Бэнкс.

— И мы подумали… точнее, *я*подумал, что ты, возможно, захочешь нам помочь. Он *захочет*им помочь?

— Я сейчас занят, — объяснил Райм. — Если конкретно, работаю на Перкинса. — Томас Перкинс был специальным агентом манхэттенского отделения ФБР. — Один из ребят Фреда Деллрея бесследно исчез.

Специальный агент Фред Деллрей, ветеран Бюро, руководил работой тайных агентов манхэттенского отделения. В свое время сам Деллрей был одним из лучших оперативников ФБР. Он не раз удостаивался благодарности от самого директора за успешное проведение операций, связанных с внедрением людей в ближайшее окружение главарей наркомафии Гарлема и в негритянские террористические организации. Несколько дней назад один из агентов Деллрея Тони Панелли бесследно исчез.

— Перкинс нам говорил, — заметил Бэнкс. — Чертовщина какая-то!

Услышав такое откровенное заявление, Райм закатил глаза. Хотя спорить было не с чем. Агент пропал в девять часов утра из своей машины, стоящей напротив административного здания в центре Манхэттена. На улицах было не слишком людно, но и пустынными их нельзя было назвать. Дверь служебной машины Панелли была открыта, двигатель работал. В салоне не оказалось ни следов крови, ни частиц пороха, неизбежных при выстреле, ни царапин и потертостей, свидетельств борьбы. И никто ничего не видел, по крайней мере, желающих дать показания не было.

Действительно, какая-то чертовщина.

В распоряжении Перкинса имелись замечательные специалисты-криминалисты, в том числе из отдела осмотра мест преступления. Но именно Райм стоял у истоков создания этого отдела, поэтому именно к нему обратился Деллрей с просьбой исследовать

улики, обнаруженные на месте исчезновения агента. Бывший сотрудник Райма, проведя в машине Панелли несколько часов, не смог обнаружить никаких посторонних отпечатков пальцев и вернулся с десятью пакетами ничего не значащих улик и кучкой очень странных песчинок — единственной ниточкой, которая могла куда-нибудь привести.

Именно эти песчинки сейчас и сияли на экране компьютера, огромные и величественные, словно небесные тела.

— Если ты согласишься нам помочь, Линкольн, Перкинс поручит дело Панелли кому-нибудь другому, — продолжал Селитто. — Но главное, я уверен, что ты сам захочешь заняться этим.

Опять этот глагол — «захочешь». Что все-таки случилось? Несколько лет назад Райм и Селитто работали в отделе по расследованию убийств. Они занимались самыми сложными и самыми громкими делами. Райм прекрасно знал своего бывшего напарника, и хотя он, как правило, не доверял своей способности судить о людях (его бывшая жена Блэйн говорила, и не раз, с возмущением, что Райм разглядит за целую милю стреляную гильзу, не заметив прямо под носом человека), сейчас у него не было сомнений, что Селитто что-то недоговаривает.

— Ну хорошо, Лон. В чем дело? Говори.

Селитто кивнул на Бэнкса.

— Филипп Хансен, — многозначительно произнес молодой полицейский, поднимая жиденькие брови.

Это имя было известно Райму только по газетам. Хансен, жесткий напористый бизнесмен родом из Тампы, штат Флорида, владел оптовой компанией, зарегистрированной в Армонке, штат Нью-Йорк. Дела компании шли очень успешно, и Хансен быстро сколотил себе многомиллионное состояние. Ему никогда не приходилось искать клиентов, тратиться на рекламу, испытывать проблемы со сбытом. Больше того, единственной неприятностью, с которой сталкивалась компания «Ф.Х. Дистрибьютер», заключалась в том, что федеральное правительство и администрация штата Нью-Йорк не жалели сил и средств, чтобы ее ликвидировать, а президента упрятать за решетку. Потому что торговала компания Хансена не списанными армейскими машинами, а оружием, преимущественно похищенным с военных складов или нелегально импортированным. В начале этого года двое солдат были убиты во время нападения на грузовик со стрелковым оружием, направлявшийся в Нью-Джерси. За этим преступлением стоял Хансен. И прокурор штата Нью-Йорк, и генеральный прокурор знали это, но не могли доказать.

— Мы с Перкинсом потихоньку сколачиваем против него дело, — сказал Селитто. — Работаем в сотрудничестве с армейской службой безопасности. Но движемся чертовски медленно.

— Все боятся стучать на Хансена, — сказал Бэнкс. Райм не сомневался, что ни один человек в здравом уме не рискнет доносить на такого человека, как Хансен.

— Но, наконец, на прошлой неделе в деле произошел крупный прорыв, — продолжал молодой полицейский. — Видите ли, Хансен в прошлом летчик. Его компании принадлежат склады в районе аэродрома «Мамаронек» — это рядом с Уайт-Плейнз, знаете? Так вот, судья выдал санкцию на проведение там обыска. Естественно, мы ничего не нашли. Но на прошлой неделе, около полуночи, аэродром уже был закрыт, но там еще оставались люди, и они видели, как человек, по описанию похожий на Хансена, подъехал к частному самолету, загрузил туда какие-то мешки и взлетел. Не имея разрешения диспетчерской службы. Даже не поставив ее в известность. Просто взлетел. Вернулся через сорок минут, приземлился, сел в машину и дал деру так, что загорелись покрышки. Свидетели сообщили регистрационный номер самолета в Федеральное агентство гражданской авиации, и выяснилось, что он принадлежит не компании Хансена, а лично ему.

— Значит, Хансен понял, что вы обложили его со всех сторон, и решил избавиться от улик, которые могли бы привязать его к нападению на армейский грузовик, — сказал Райм, начиная понимать, почему полицейские обратились к нему. В его душу упали первые семена заинтересованности. — Авиадиспетчеры проследили маршрут полета?

— Какое-то время самолет вел аэропорт «Ла-Гуардия». Он шел прямо на пролив Лонг-Айленд. Там снизился и на десять минут исчез с экранов локаторов.

— И вы очертили круг, определив, как далеко он смог улететь. Водолазы уже работают?

— Да. Так вот, нам стало известно, что Хансен, узнав о свидетелях, видевших его, струхнул. И нам удалось упрятать его в тюрьму до понедельника. Обвинение в федеральном преступлении.

Райм рассмеялся.

— Неужели вам удалось уговорить судью открыть дело на основании таких шатких улик?

— В основном мы наплели какую-то чушь про нарушения правил полетов, — ответил Селитто. — Вылет без разрешения, полет на опасно малой высоте и все такое.

— И что говорит по этому поводу мистер Хансен?

— Он в таких делах дока. Ни одного слова тем, кто его арестовывал, ни одного слова прокурору. Адвокат все отрицает и собирается подавать жалобу по поводу незаконного задержания и так далее, и так далее, и так далее. Но если мы до понедельника находим эти мешки, мать их, мы выкладываем их на стол судье и — бац! Хансен готов.

— Разумеется, — согласился Райм, — если в них есть какие-то серьезные улики.

— Есть.

— Почему вы так в этом уверены?

— Потому что Хансен запаниковал. Он нанял убийцу, чтобы тот расправился со свидетелями. С одним уже покончено. Вчера ночью его самолет взорвался на подлете к Чикаго.

Значит, от него хотят, чтобы он нашел мешки... Возникает масса любопытнейших вопросов. Возможно ли привязать самолет к какому-то конкретному району водной поверхности, над которой он пролетал, на основании анализа осаждения морских солей на фюзеляже или останков какого-то насекомого, размазанного по передней кромке крыла? Можно ли вычислить время смерти насекомого? А как насчет концентрации солей в морской воде и наличия посторонних примесей? Может ли так быть, что самолет, пролетая над самой поверхностью воды, засосал в двигатели какие-либо водоросли?

— Мне нужна подробная карта пролива, — начал Райм. — Далее, чертежи самолета...

— Гм, Линкольн, понимаешь, мы здесь не за этим, — остановил его Селитто.

— Не для того, чтобы найти мешки, — добавил Бэнкс.

— Нет? Тогда зачем?

Райм тряхнул головой, прогоняя со лба надоедливую прядь волос, и хмуро взглянул на молодого полицейского.

Селитто уставился на коробку контроля за окружающей средой. Выходящие из нее красные, желтые и черные провода были похожи на греющихся на солнце змей.

— Мы хотим, чтобы ты помог нам найти убийцу. Того типа, которого нанял Хансен. Остановить его, прежде чем он доберется до двух оставшихся свидетелей.

— И? — Райм видел, что Селитто до сих пор недоговаривает, придерживая что-то про запас.

Отвернувшись к окну, тот сказал:

— Линкольн, похоже, это Танцор.

— Танцор у гроба?

Повернувшись к нему лицом, Селитто кивнул.

— Вы уверены?

— Насколько нам известно, несколько недель назад он выполнил один заказ в Вашингтоне. Убил помощника конгрессмена, замешанного в сделках с оружием. Во время проверки выяснилось, что из телефонной будки рядом с домом Хансена был звонок в гостиницу, в которой останавливался Танцор. Линкольн, это он.

Светящиеся песчинки, огромные как астероиды, гладкие как женские плечи, потеряли для Райма всякий интерес.

— Итак, — тихо произнес он, — мы столкнулись с проблемой.

Глава третья

Она запомнила: вчера ночью похожий на пение цикад звонок телефона разбудил ее, перекрыв шум противного мелкого дождя за окном спальни.

Она с презрением посмотрела на телефон, словно именно телефонная компания Нью-Йорка была виновата в терзавшей ее тошноте, в мучительной боли, удушающим обручем стиснувшей ей голову, в пляшущих перед глазами огоньках.

Наконец, она сбросила ноги с кровати и на четвертом звонке схватила трубку.

— Алло!

Ответом ей было гулкое эхо коммутатора, соединившего телефонную линию с радиостанцией.

Потом раздался голос. Кажется.

Смех. Кажется.

Затем оглушительный рев. Щелчок. И тишина.

Никакого гудка, приглашающего к набору номера. Полная тишина, укутанная в оглушительные волны, накатывающиеся на ее уши.

— Алло? Алло?..

Положив трубку, она села на кровать и уставилась в окно, на дождь за окном, на куст кизила, сгибающийся и распрямляющийся под порывами грозового ветра. Затем она снова заснула. Но через полчаса телефон зазвонил снова. Ей сообщили, что реактивный самолет «Лир — Чарли Джульетт» разбился при заходе на посадку, унеся с собой жизни ее мужа и Тима Рэндольфа.

Сейчас, серым понурым утром. Перси Рейчел Клэй уже знала, что таинственный ночной звонок был от ее мужа. Рон Тэлбот, мужественно позвонивший ей с известием о катастрофе, рассказал, что приблизительно в то время, когда «Лир» разбился, он переадресовал на ее домашний телефон вызов Эда.

Значит, это был его смех...

Алло? Алло?

Откупорив фляжку. Перси сделала глоток. Ей вспомнился ветреный день много лет назад, когда они с Эдом прилетели на гидроплане «Сесна-180» на Красное озеро в провинции Онтарио и сели, имея в баках всего около шести унций горючего. Успешное завершение полета они отпраздновали, осушив бутылку канадского виски сомнительного качества, после которого на следующий день их мучило жуткое похмелье. От этого воспоминания у нее навернулись слезы.

— Послушай, Перси, хватит на сегодня, хорошо? — сказал мужчина, сидящий на диване, указывая на фляжку. — Пожалуйста.

— Да-да, хорошо, — в ее хриплом голосе прозвучал сдержанный сарказм. — Конечно, — она сделала еще глоток. Ей хотелось закурить, но она держалась. — За каким чертом Эду вздумалось звонить мне во время захода на посадку?

— Наверное, он очень о тебе беспокоился, — предположил Брит Хейл. — Тебя же мучила мигрень.

Как и Перси, Хейл эту ночь провел без сна. Тэлбот позвонил и ему, и Брит, узнав о катастрофе, сразу же приехал к Перси, чтобы быть рядом с ней. Он оставался у нее до самого утра, помогая делать все необходимые звонки. Именно Хейл, а не Перси, сообщил печальное известие ее родным, живущим в Ричмонде.

— Брит, почему он звонил во время захода на посадку?

— Это никак не связано с тем, что случилось, — мягко заметил Хейл.

— Знаю.

Они были знакомы друг с другом уже много лет. Хейл стал одним из первых летчиков компании «Гудзон-Эйр». Он работал четыре месяца, не получая жалования, а затем, когда его сбережения иссякли, застенчиво попросил у Перси хоть каких-то выплат. Хейл так и не узнал, что она платила ему из собственного кармана, так как компания стала приносить прибыль только через год. Внешне Хейл напоминал строгого сухопарого учителя. В действительности он очень легко сходился с людьми — полная противоположность Перси — и был не прочь пошутить. Однажды, когда пассажиры буянили и вели себя особенно грубо, он перевернул самолет вверх шасси и летел так до тех пор, пока они не успокоились. Хейл часто занимал правое кресло, когда в левом сидела Перси, считавшая его лучшим вторым пилотом в мире.

— Считаю за честь летать с вами, мэм, — отвечал он, не очень удачно копируя Элвиса Пресли. — Благодарю вас.

Боль в висках почти прошла. Перси, не раз терявшая друзей — в основном в авиакатастрофах — знала, что утрата ближнего является хорошим обезболивающим.

Как и алкоголь.

Еще один глоток из фляжки.

— Черт возьми. Брит! — она плюхнулась на диван рядом с ним. — О, черт возьми!

Хейл положил ей на плечо свою сильную руку. Перси уронила голову ему на грудь.

— Успокойся, малыш, — нежно прошептал он. — Я могу чем-нибудь помочь?

Она покачала головой. Этот вопрос не имел ответа.

Снова глотнув бурбон. Перси взглянула на часы. Девять утра. С минуты на минуту приедет мать Эда. Друзья, родственники... Надо будет думать о поминках...

Так много дел.

— Я должна позвонить Рону, — наконец сказала Перси. — Надо что-то делать. Компания...

В гражданской авиации слово «Компания» имеет несколько другой смысл, чем в других областях деятельности. Компания — обязательно с прописной "К" — это живое существо, организм. О ней говорят с почтительностью, грустью или гордостью. Иногда с горечью. Гибель Эда стала раной в жизни многих, в том числе Компании, для которой ранение может оказаться смертельным.

Столько дел...

Но Перси Клэй, женщина, не знающая, что такое паника, вытворявшая на своем «Лир-23» такие пируэты, что даже бывалые летчики закрывали глаза, сейчас будто парализованная сидела на диване. «Странно, — думала она, словно глядя на себя из другого измерения, — я не могу пошевелиться». Перси даже посмотрела на свои руки, уверенная, что они, обескровленные, стали белыми как полотно.

О, Эд...

Разумеется, и Тима Рэндольфа тоже жалко. Прекрасный второй пилот, каких еще поискать. Перси мысленно представила себе его юное круглое лицо, чем-то напоминающее лицо молодого Эда. Улыбающийся и жизнерадостный. Внимательный, исполнительный, но твердый. Управляя самолетом, Тим даже от самой Перси требовал беспрекословного подчинения.

— Тебе хорошо бы выпить кофе, — предложил Хейл, направляясь на кухню. — Я приготовлю тебе двойной мокаччино с молоком.

Они с Перси часто шутили, что настоящие летчики терпеть не могут растворимые помои и пьют только настоящий черный кофе.

Но сейчас Хейл, благослови его Господи, думал не о кофе. В действительности он хотел сказать: «Брось пить». Перси намек поняла. Закупорив фляжку, она с громким стуком швырнула ее на стол.

— Ну хорошо, хорошо.

Встав с дивана. Перси принялась расхаживать по гостиной. Вдруг она увидела себя в зеркале. Плоское лицо с приплюснутым носом. Жесткие непокорные кудри, черные как смоль. Однажды во время терзаний переходного возраста Перси остриглась наголо. «Я им покажу!» Но этот вызывающий поступок лишь дал ученицам закрытой женской школы в Ричмонде дополнительное оружие против нее. Перси все еще оставалась стройной, а ее глаза, как не переставала твердить мать, были «высочайшего качества». Естественно, с ее собственной точки зрения. А мужчины, разумеется, на это качество плевали свысока.

Сейчас под этими глазами набухли темные мешки. Кожа лица уже давно потеряла блеск — расплата за то, что многие годы Перси выкуривала по две пачки «Мальборо» в день. Проколотые мочки ушей, не зная сережек, много лет как заросли.

Перси выглянула в окно, сквозь деревья, растущие рядом с домом, на оживленную улицу. В ее памяти что-то шевельнулось. Что-то неприятное.

Что? Что именно?

Ощущение исчезло, сметенное настойчивым звонком в дверь.

Открыв дверь. Перси увидела на крыльце двух дородных полицейских.

— Миссис Клэй?

— Да.

— Полиция Нью-Йорка, — они показали значки. — Мы будем охранять вас до тех пор, пока не будет установлено, что случилось с вашим мужем.

— Проходите, — сказала она. — Со мной Брит Хейл.

— Мистер Хейл? — обрадованно кивнул один из полицейских. — Он здесь? Очень хорошо. Мы направили двух человек я в его дом в Бронксвилле.

Взглянув на улицу. Перси снова ощутила что-то неуловимое. Обойдя полицейских, она вышла на крыльцо.

— Миссис Клэй, вам лучше не выходить из дома...

Она стояла, застыв на месте, уставившись на улицу. В чем же дело?

И вдруг Перси поняла.

— Я должна вам кое-что сообщить, — повернулась она к полицейским. — Черный микроавтобус.

— Черный микро?..

— Да, черный микроавтобус. Он стоял вон там.

Один из полицейских достал записную книжку.

— Расскажите мне о нем подробнее.

* * *

— Подожди, — сказал Райм.

Лон Селитто оборвал свой рассказ на полуслове.

Криминалист услышал приближающиеся шаги. Ни легкие, ни тяжелые. Он узнал, чьи они. И дело тут было не в дедукции. Просто Райм уже много раз слышал эти шаги.

В дверях показалось красивое лицо Амелии Сакс в обрамлении длинных рыжих волос. Неуверенно остановившись, молодая женщина все же решила войти. Она была в синей полицейской форме, но без фуражки и галстука. В руках она держала хозяйственную сумку.

Джерри Бэнкс расплылся в улыбке. Его реакция была вполне объяснима: мало кто из простых полицейских с улицы мог, как Амелия Сакс, похвастаться работой в престижном агентстве фотомоделей на Мэдисон-авеню. Однако пылкий взгляд Бэнкса, как и его чувство, остались без ответа, и молодой полицейский, несмотря на небритый подбородок и торчащие во все стороны волосы, решил продолжить свои немые воздыхания.

— Привет, Джерри, — бросила Сакс.

Селитто удостоился кивка и почтительного «сэр». (Лейтенант слыл легендой в убойном отделе. Сакс была из семьи полицейских и еще до академии за обеденным столом приучилась уважать старших.)

— Похоже, ты устала, — заметил Селитто.

— Спать сегодня не пришлось, — объяснила Сакс. — Искала песок, — она достала из сумки несколько пакетиков. — Вот, собирала образцы.

— Хорошо, — сказал Райм, — но теперь это осталось в прошлом. Мы получили новое задание.

— Новое задание?

— В городе появился один человек. Мы должны его поймать.

— Кто?

— Наемный убийца, — вставил Селитто.

— Профи? Связан с организованной преступностью?

— Профессионал высочайшего класса, — подтвердил Райм. — О связях с организованной преступностью нам ничего не известно.

Именно крупные преступные группировки являлись основными поставщиками наемных убийц.

— Вольный стрелок, — пояснил Райм. — Мы прозвали его «Танцор у гроба».

Сакс подняла бровь, расчесанную ногтем до красноты.

— Почему?

— Лишь одной из жертв, познакомившихся с ним вблизи, удалось прожить после этого достаточно долго для того, чтобы поведать нам какие-либо подробности об убийце. У него на плече есть — по крайней мере была — татуировка: Джек-Потрошитель, танцующий с женщиной перед гробом.

— Что ж, это уже *можно*помещать в графу «особые приметы», — криво усмехнулась Сакс. — Что еще известно об убийце?

— Белый мужчина, скорее всего, тридцати с небольшим лет. Это все.

— Татуировку пытались проследить? — спросила она.

— Разумеется, — сухо ответил Райм. — Искали даже на краю земли.

И это действительно было так. Но ни одно правоохранительное отделение во всех крупных городах мира не смогло предоставить никаких данных по такой татуировке.

— Дамы и господа, прошу прощения, — вмешался Том. — Мне надо кое-что сделать.

Разговор прервался на то время, пока молодой помощник осуществлял процедуру переворачивания своего босса. Это способствовало вентиляции легких. Для инвалидов со спинномозговой травмой определенные части тела становятся персонифицированными; у них с этими частями развиваются особые отношения. После того как несколько лет назад во время осмотра места преступления был поврежден спинной мозг Райма, собственные руки и ноги стали для него главными врагами: столько усилий, направленных на то, чтобы заставить их подчиняться ему, было потрачено в пустую. Но конечности одержали бесспорную победу и до сих пор оставались неподвижными как бревна. После этого Райм столкнулся со спазмами, безжалостно сотрясающими все его тело. Он пытался остановить их. Со временем спазмы прекратились — похоже, без его участия. Райм не мог с чистым сердцем приписать себе победу над ними, хотя и признал их капитуляцию. После этого криминалист обратился к второстепенным врагам, занявшись в первую очередь легкими. В конце концов через год лечения он смог отказаться от искусственного вентилятора. Райм снова смог дышать самостоятельно. До сих пор это была его единственная победа над собственным телом, и криминалиста не покидало мрачное предчувствие, что легкие лишь выжидают, чтобы взять реванш. Райм решил, что через год-два умрет от пневмонии или эмфиземы.

В принципе Линкольн Райм ничего не имел против смерти. Но умереть можно по-разному; криминалист был полон решимости покинуть этот мир без мучений.

— Есть какие-то наводки?

— Достоверно известно, что он некоторое время назад находился в федеральном округе Колумбия, — протянул по-бруклински Селитто. — И это все. Больше ничего. О, впрочем, кое-что можно добавить. Деллрею известно больше, чем нам. У него есть и тайные агенты, и стукачи. Так вот, этот Танцор — он все равно что десять разных человек. Меняет форму ушей, применяет силиконовые накладки на лицо. Добавляет шрамы, убирает шрамы. Толстеет, худеет. Однажды он освежевал труп жертвы, снял кожу с рук и использовал ее в качестве перчаток, чтобы обмануть криминалистов, оставив чужие отпечатки.

— Меня он не обманул, — напомнил Райм.

«Но я его так и не взял», — мрачно добавил он про себя.

— Он все просчитывает заранее, — продолжал детектив. — Сначала отвлекает внимание, затем наносит удар. Свою работу выполняет безукоризненно. А потом очень умело заметает за собой следы, мать его.

Селитто обеспокоенно умолк, что было странно для человека, зарабатывающего на жизнь охотой на убийц.

Райм отвернулся к окну, не желая поддерживать молчание своего бывшего напарника.

— То дело, с освежеванными руками — было последней по времени работой Танцора в Нью-Йорке, — продолжил рассказ он. — Это произошло лет пять-шесть назад. Его нанял один банкир, решивший избавиться от своего партнера. Танцор выполнил заказ честно и аккуратно. Моя команда экспертов прибыла на место преступления и начала осмотр. Кто-то из ребят достал из мусорной корзины скомканную бумагу. Это привело к срабатыванию заряда пластида. Приблизительно восемь унций. Оба криминалиста погибли на месте, большинство улик было уничтожено.

— Прости, что заставила тебя заговорить об этом, — сказала Сакс.

Наступило неловкое молчание. Уже больше года молодая женщина была учеником и напарником криминалиста, а в последнее время она стала и его другом. Иногда Сакс даже оставалась у него на ночь. Она спала на диване в гостиной или, как целомудренная старшая сестра, забиралась к нему в просторную двуспальную кровать. Но разговоры в основном велись о методах научной криминалистики. Райм убаюкивал молодую женщину рассказами о серийных убийцах и неуловимых ворах-домушниках. Оба старались избегать личных тем. Вот и сейчас Сакс ограничилась лишь банальным: «Представляю, каково тебе было».

Райм отмахнулся от сочувствия, тряхнув головой. Он уставился на голую стену. Когда-то вся комната была увешена художественными репродукциями. Их давным-давно сняли, но криминалист постоянно играл в игру, проводя взглядом мысленные линии между остатками липкой ленты. Сейчас у него получилась кривобокая звезда, которой не удалось все же заслонить перед глазами Райма жуткую картину обезображенного взрывом места преступления, обугленных, изуродованных тел его помощников.

— Тот тип, что нанял танцора, он что, решил вдруг его заложить? — спросила Сакс.

— Прямо-таки горел желанием. Но он мало что мог нам рассказать. Деньги и инструкции он опустил в указанный ему почтовый ящик. Лично они ни разу не встречались. — Райм набрал полную грудь воздуха. — Но самое страшное заключалось в том, что банкир, заплатив за устранение конкурента, потом передумал и решил отменить заказ. Нервы не выдержали. Но он так и не смог связаться с Танцором.

Впрочем, это все равно не имело значения. Танцор с самого начала предупредил его: «Об отмене задания не может быть и речи».

Затем Селитто вкратце рассказал Сакс о деле против Филиппа Хансена, о свидетелях, видевших его ночной вылет, и о вчерашней бомбе.

— Кто оставшиеся свидетели? — спросила она.

— Перси Клэй, жена этого Карни, погибшего в авиакатастрофе. Она — президент компании «Гудзон-Эйр». Ее муж был вице-президентом. Третий свидетель — Бриттон Хейл, летчик той же компании. Я послал к ним домой нянек — присматривать за ними.

— Я уже связался с Мелом Купером, — сказал Райм. — Он будет работать в лаборатории на первом этаже. Дело Хансена ведется в сотрудничестве с федералами; Бюро будет представлять Фред Деллрей. Если понадобится, он выделит для защиты свидетелей специальных агентов и охраняемый дом.

Отключившись от того, что начал говорить Селитто, Линкольн Райм снова погрузился в воспоминания. Перед глазами снова встала картина помещения, развороченного пять лет назад взрывом бомбы, которую оставил Танцор.

Воспоминания: мусорная корзина, раскрывшаяся от взрыва словно черная роза. Запах взрывчатки — удушливая вонь, нисколько не похожая на аромат дыма от костра. Растрескавшаяся от жары краска на обгоревшем дереве. Обугленные трупы экспертов, застывшие в неестественных скорченных позах... От этих жутких картин Райма спасло жужжание факса. Джерри Бэнкс выхватил из машины первый лист.

— Протокол осмотра места падения самолета, — объявил он. Райм жадно повернулся к факсу.

— Мальчики и девочки, пора за работу!

* * *

Мыть. Мыть тщательно.

«Солдат, у тебя руки чистые?»

«Стараюсь, сэр!»

Коренастый мужчина лет тридцати с небольшим стоял в туалете кафе на Лексингтон-авеню, поглощенный своим занятием.

Тереть, тереть, тереть…

Прервавшись, мужчина огляделся вокруг. Похоже, никому нет дела до того, что он торчит здесь уже десять минут.

И опять тереть, тереть…

Стивен Колл осмотрел кожу на руках, крупные красные костяшки пальцев.

Вроде чистые, вроде чистые. Червей нет. Ни одного.

У него было прекрасное настроение, когда он перегонял свой черный микроавтобус с улицы в подземный гараж. Забрав из багажника необходимый инструмент, Стивен поднялся по пандусу и влился в оживленную толпу. Ему уже приходилось несколько раз работать в Нью-Йорке, но он никак не мог привыкнуть к такому огромному скоплению народа. Только в одном квартале не меньше тысячи человек.

От этого становится не по себе.

От этого по коже словно *черви*ползают.

Поэтому Стивен заглянул в туалет и долго оттирал руки.

«Солдат, ну ты закончил наконец? Тебе нужно поразить еще две цели».

«Так точно, сэр, почти закончил. Необходимо полностью исключить риск оставить на месте операции какие-то следы, сэр».

«О, во имя всего святого, побыстрее…»

На руки лилась теплая вода. Он потер под ногтями щеткой, принесенной с собой. Выдавил из мыльницы на стене каплю розового жидкого мыла. И принялся тереть дальше.

Наконец, удовлетворенно осмотрев покрасневшие руки, он обсушил их под струёй горячего воздуха из автомата. Никаких полотенец, никакой клетчатки, способной многое рассказать.

И никаких червей.

Сегодня Стивен был одет в камуфляжную форму. Разумеется, не в желтую с бурыми разводами спецодежду времен операции «Буря в пустыне». Джинсы, кроссовки, клетчатая рубашка и серая штормовка в пятнах краски. На поясе сотовый телефон и рулетка. Стивен выглядел обыкновенным строителем, которых на Манхэттене тысячи. Сегодня он

выбрал этот маскарадный костюм потому, что никто не обратит внимания на строителя, надевшего в погожий весенний день матерчатые перчатки.

Стивен вышел из кафе.

Народу по-прежнему тьма. Но теперь руки у него чистые, и неприятное ощущение прошло.

Остановившись на углу, он посмотрел на особняк, в котором раньше жили Муж и Жена, но теперь осталась одна Жена, потому что Муж уже разлетелся на миллион кусочков над родиной президента Линкольна.

Итак, в живых осталось два свидетеля, и оба должны умереть до того момента, как в понедельник утром соберется на заседание суд. Стивен сверился с часами, которые представляли собой массивный корпус из нержавеющей стали. Половина десятого утра, суббота.

«Солдат, тебе хватит времени, чтобы завалить обоих?» «Сэр, возможно, прямо сейчас я обоих не уничтожу, но у меня в запасе почти двое суток. На то, чтобы установить местонахождение двух целей и уничтожить их, времени более чем достаточно, сэр».

«Солдат, а если возникнут какие-то трудности?» "Сэр, я *живу*ради того, чтобы преодолевать трудности". Перед особняком стояла одинокая полицейская машина. Как он и ожидал.

Итак, известная зона действия перед домом и неизвестная внутри...

Оглянувшись по сторонам, Стивен пошел по тротуару, чувствуя зуд в оттертых начисто руках.

Он шел, представляя себя местным жителем. Не Стивеном и не мистером Коллом, а также не Тоддом Джонсоном, Стэном Бледгоу и не десятком других человек, чьи имена он испробовал за последние несколько лет. А его настоящее имя превратилось во что-то вроде заржавленного турника в глубине двора — ты знаешь, что он там есть, но в действительности смотришь и не замечаешь. Резко повернув, Стивен зашел в подъезд дома, стоящего напротив особняка Жены. Остановившись в дверях, он посмотрел на большое окно в доме напротив, частично скрытое цветущим кизилом. Стивен надел дорогие очки с желтоватыми поляризованными стеклами, и отблески от стекла исчезли. Он разглядел в комнате движущиеся фигуры. Один полицейский... нет, два полицейских. Мужчина, стоящий к окну спиной. Возможно, Друг, третий свидетель, которого должен убрать Стивен. И... да! Вот и Жена. Невысокая. Неказистая. Похожая на мальчишку. На ней была белая

блузка. Замечательная мишень. Жена отошла от окна и скрылась из виду. Нагнувшись, Стивен расстегнул рюкзак.

Глава четвертая

Линкольна Райма перенесли из-за компьютера в кресло на колесах под названием «Штормовая стрела».

Теперь криминалист смог взять управление на себя. Зажав во рту пластмассовую соломинку, он въехал в крошечный лифт, на месте которого был когда-то встроенный шкаф. Лифт без лишних церемоний опустил его на первый этаж.

В 90-е годы XIX века, когда был построен этот особняк, помещение, в которое сейчас въехал Линкольн Райм, служило салоном. Деревянные стены, обитые дранкой и покрытые лепниной в виде массивных лилий, стрельчатые ниши и массивные дубовые половицы, соединенные так прочно, словно сваренные сваркой. Но архитектор пришел бы в ужас, увидев, что Райм полностью разрушил стену, отделявшую салон от гостиной, а в оставшихся насверлил огромные отверстия для прокладки дополнительной электропроводки. Образовавшееся просторное помещение было заполнено не хрусталем и задумчивыми пейзажами кисти Джорджа Иннса, а произведениями искусства совершенно иного толка: колбами определителя плотности, компьютерами, микроскопами, сравнительными микроскопами, газовым хроматографом, масс-спектрометром, ультрафиолетовой лампой и паровыми рамками для снятия частичных отпечатков пальцев. Один угол занимал величественный электронный микроскоп, стоящий уйму денег, который был подключен к источнику рентгеновского излучения переменной мощности. Рядом лежали более знакомые человеку с улицы предметы, также незаменимые в ремесле криминалиста: защитные очки, перчатки, резиновые и из специальной ткани, которую невозможно разрезать, чаши, отвертки и пассатижи, лопатки, скальпели, отмычки, ватные тампоны, банки, полиэтиленовые пакеты, пластинки для анализов и зонды. Пара дюжин деревянных палочек (Райм требовал от своих помощников, чтобы те обращались с уликами как с фирменными блюдами в китайском ресторане).

Криминалист уверенно подкатил маневренную «Штормовую стрелу» к лабораторному столу. Том, закрепив у него на голове микрофон, загрузил компьютер.

Через минуту в дверях появились Селитто и Бэнкс в сопровождении третьего мужчины, который только что приехал. Кожа новоприбывшего, высокого здоровяка, была не светлее автомобильной покрышки. На нем был зеленый костюм и рубашка неземного желтого цвета.

— Здравствуй, Фред.

— Привет, Линкольн.

— Добрый день, — кивнула Фреду Деллрею появившаяся в лаборатории Сакс.

Молодая женщина уже простила агенту ФБР свой недавний арест — следствие межведомственной неразберихи — и теперь между ними, высокой красавицей из полиции и долговязым шутником из Бюро, возникло странное взаимное влечение. Оба, по категорическому заключению Райма, предпочитали иметь дело с *людьми*(сам он предпочитал иметь дело с *уликами).*Деллрей доверял методам криминалистики не больше, чем Райм показаниям свидетелей. Что же касается бывшей уличной полицейской Сакс, на ее природные наклонности Райм никак не мог повлиять, но он был настроен заставить ее отбросить эти способности и стать лучшим криминалистом в Нью-Йорке, если не во всей стране. Цель вполне достижимая для молодой женщины, даже несмотря на то, что она сама не вполне сознавала это.

Деллрей, пронесшись через помещение, остановился у окна, скрестив руки на груди. Никто, в том числе и Райм, не мог похвастаться близким знакомством с ним. Деллрей жил один в маленькой квартирке в Бруклине, любил художественную литературу и философские труды, а еще больше любил играть в карты в дешевых барах. Фреда Деллрея, в свое время ценнейшего тайного агента ФБР, до сих пор иногда называли «Хамелеон»: под таким прозвищем он действовал в кварталах Гарлема. Понятие дисциплины было ему чуждо, и все это прекрасно знали, но начальство из Бюро предоставляло Деллрею полную свободу: на его счету числилось не меньше тысячи задержаний. Но он слишком долго работал в подполье, и несмотря на мастерство перевоплощения Деллрей стал, на жаргоне Бюро, «перетянутым». Его разоблачение было лишь вопросом времени, а в этом случае ничего хорошего ему ждать не приходилось. Поэтому Деллрей скрепя сердце согласился перейти на административную работу — руководство сетью тайных агентов и осведомителей.

— Значит, ма-аи ребята сказали, к нам па-ажаловал сам Танцор, — протянул он.

Его говор был не таким жутким, как обычно. С грамматикой и словарем Фред Деллрей обращался так же, как и со своей жизнью в целом, полагаясь исключительно на дар импровизации.

— О Тони ничего нового? — спросил Райм.

— О моем пропавшем мальчике? — скорчил недовольную гримасу Деллрей. — Ни-че-го.

Тони Панелли, агент, исчезнувший несколько дней назад среди белого дня с людной улицы, оставил после себя безутешную жену, серый «Форд» с работающим двигателем и несколько таинственных песчинок — прекрасных астероидов, обещающих дать исчерпывающие ответы, но пока упорно молчащих.

— Поймав Танцора, мы с Амелией вернемся к этому делу, — заверил Деллрея Райм. — Бросим все силы. Обещаю.

Агент ФБР постучал, задумавшись, кончиком незажженной сигареты за ухом.

— Танцор... Дерьмо! На этот раз надо взять его за задницу. Дерьмо!

— Что насчет вчерашней катастрофы? — спросила Сакс. — Есть какие-нибудь подробности?

Селитто покопался в пачке свитков ленты факса и своих записей, сделанных от руки.

— Эд Карни взлетел с аэродрома «Мамаронек» в семь часов пятнадцать минут вечера, — он наконец оторвался от бумаг. — Компания «Гудзон-Эйр» занимается чартерными авиаперевозками. Грузы для корпоративных клиентов. Лизинг самолетов. Только что получила новый контракт — перевозка человеческих органов для трансплантации по Восточному Побережью. Насколько я понял, сейчас дело это очень прибыльное, и конкуренция жесточайшая.

— Буквально вцепляются друг другу в горло, — вставил Бэнкс и сам улыбнулся своей шутке.

— Заказчиком была медицинская компания «Ю. Эс. Хелскэр», расположенная в Сомерсе. Объединяет сеть частных клиник. Карни предстояло лететь по очень жесткому графику. Чикаго, Сент-Луис, Мемфис, Лексингтон, Кливленд, затем Эри, штат Пенсильвания. Назад он должен был вернуться только сегодня утром.

— Пассажиры на борту были? — спросил Райм.

— Целых не было, — пробормотал Селитто. — Только груз. Полет рутинный, проходил нормально. Затем в десяти минутах лета от «О'Хейра» взрывается бомба. Самолет разлетается ко всем чертям. Карни и второй пилот погибают. Четверо раненых на земле. Кстати,

жена Карни должна была лететь вместе с ним, но внезапно заболела, и ее пришлось заменить.

— Отчет о катастрофе у тебя есть? — спросил Райм. — Хотя, конечно же, еще нет.

— Отчет будет готов только через два-три дня, не раньше.

— Но мы не можем *так долго ждать!* -раздраженно крикнул Райм. — Мне он нужен сейчас!

У него на шее еще был виден розовый шрам от вентиляционной трубки. Но криминалисту удалось избавиться от искусственного легкого, и теперь он мог дышать самостоятельно. Инвалид с травмой четвертой позвонка, Линкольн Райм мог вздыхать, кашлять и ругаться как матрос.

— Мне нужно знать все об этой бомбе.

— Я позвоню приятелю в Город-на-ветрах[1], — предложил Деллрей. — За ним есть должок. Объясню ему, в чем дело, и попрошу срочно выслать нам все, что он узнает.

Кивнув, Райм задумался над словами Селитто.

— Итак, у нас есть два места преступления. Место катастрофы под Чикаго. Туда Сакс уже опоздала. Там все безнадежно испорчено. Остается лишь надеяться, что ребята из Чикаго хоть что-то смогли установить. Второе место — аэропорт «Мамаронек». *Там*Танцор заложил бомбу на борт самолета.

— Откуда нам известно, что он это сделал в аэропорту? — спросила Сакс, закручивая ослепительно-рыжие волосы и закалывая их на макушке.

Такие восхитительные волосы при осмотре места преступления являются большим недостатком: они могут испортить улики. Сакс отправлялась на место преступления, вооруженная пистолетом «Глок» и дюжиной шпилек.

— Хорошее замечание. Сакс. — Райму очень нравилось, когда она опережала его мысли. — Нам это *неизвестно*и не будет известно до тех пор, пока мы не обнаружим место закладки бомбы. Она могла быть заложена в багаж, в сумку, в кофейник.

Или в корзину для мусора, мрачно подумал он, снова вспоминая бомбу на Уолл-Стрит.

— Нужно как можно скорее доставить сюда все до последнего фрагменты бомбы, — твердо заявил Райм. — Это необходимо.

— Видишь ли, Линк, — медленно произнес Селитто, — самолет взорвался в миле над землей. Обломки рассыпаны по огромной территории, мать их.

— Мне наплевать, — решительно произнес Райм, чувствуя, как начинают болеть затекшие мышцы шеи. — Поиски продолжаются?

Осмотром мест авиакатастроф занимаются местные спасатели, но расследование ведут федеральные органы, поэтому именно Фред Деллрей позвонил агенту ФБР, находящемуся на месте происшествия.

— Передай, что нам нужны все до одного обломка, на которых будут обнаружены следы взрывчатки. Пусть даже нанограммы. Мне нужна эта бомба.

Деллрей, передав его слова, выслушал ответ и покачал головой.

— Оцепление снято.

— Что? — воскликнул Райм. — Всего через двенадцать часов? Возмутительно! Нелепо!

— Там очень оживленное движение. Агент сказал...

— Пожарные машины! — оборвал его Райм.

— Что?

— Все пожарные машины, кареты скорой помощи, полицейские машины... все, что было на месте катастрофы: отскоблите грязь с шин.

Черное лицо Деллрея вытянулось.

— И ты хочешь, чтобы это я повторил своему старому другу?

Он протянул Райму телефон.

Не обращая внимания на трубку, криминалист объяснил Деллрею:

— Шины машин неотложных служб — лучший источник улик с затоптанного места преступления. Эти машины первыми прибывают туда, шины у них, как правило, новые с глубокими канавками протекторов, и перемещаются они прямиком с базы до места преступления. Пусть мне пришлют грязь со всех колес.

Деллрею удалось вытянуть у коллеги из Чикаго обещание очистить как можно больше колес.

— Не «как можно больше», — крикнул ему Райм, — а *все до последнего*.

Закатив глаза, агент передал его слова и положил трубку.

— Том! — вдруг воскликнул Райм. — Том, где ты?

В дверях тотчас же появился его многострадальный помощник.

— В ванной, вот где.

— Забудь о стирке. Так, пиши, пиши...

— Линкольн, *что*писать? И где?

— На грифельной доске. На той, что побольше. — Райм посмотрел на Селитто. — Когда начнется заседание суда?

— В понедельник в девять утра.

— Прокурор вызовет их к себе за пару часов до этого, машина заедет за ними между шестью и семью утра.

Криминалист взглянул на настенные часы. Они показывали десять часов утра. Субботнего.

— Итак, у нас ровно сорок пять часов. Том, пиши: «Час 1-й из 45».

Помощник стоял в нерешительности.

— Пиши!

Том продолжал стоять не шелохнувшись.

Райм обвел взглядом собравшихся. Всеобщее недоумение. Лицо Сакс пересекли недовольные морщины. Молодая женщина рассеянно почесала голову.

— Может быть, вы считаете, что я излишне драматизирую ситуацию? — спросил криминалист. — И нам не нужно это напоминание?

Некоторое время все молчали. Наконец заговорил Селитто:

— Знаешь, Линкольн, по-моему ничего до того времени не случится.

— Нет, случится, — сказал Райм, не отрывая взгляда от самца сокола. Могучая птица, казалось, без усилий взмыла в воздух и полетела к Центральному парку. — К семи часам утра понедельника или мы схватим Танцора за шиворот, или оба наших свидетеля будут уже мертвы. Других вариантов нет.

Поколебавшись, Том взял мел и начал писать. Натянутую тишину нарушило чириканье сотового телефона Бэнкса. Некоторое время полицейский слушал молча, затем повернулся к собравшимся.

— Есть кое-что.

— Что? — встрепенулся Райм.

— Звонили полицейские, охраняющие миссис Клэй и второго свидетеля, Бриттона Хейла.

— Что там у них?

— Они дома у миссис Клэй. Она говорит, что в течение последних двух дней видела напротив дома незнакомый микроавтобус черного цвета. Номера другого штата.

— Она их запомнила? Хотя бы штат?

— Нет, — ответил Бэнкс. — По словам миссис Клэй, вчера вечером, когда ее муж отправился в аэропорт, машина какое-то время отсутствовала.

Селитто молча смотрел на своего подчиненного.

Райм подался вперед.

— И?

— Миссис Клэй говорит, сегодня утром микроавтобус ненадолго появился снова. Сейчас его нет. Она...

— Господи... — прошептал Райм.

— В чем дело? — испуганно спросил Бэнкс.

— Центральное управление! — выкрикнул криминалист. — Звоните в центральное! Живо!

* * *

Перед особняком Жены остановилось такси.

Оттуда вышла пожилая женщина и направилась нетвердой походкой к двери.

Стивен бдительно следил за происходящим.

«Солдат, эта цель для тебя легкая?»

"Сэр, ни одну цель нельзя считать легкой. Каждый выстрел требует максимальной сосредоточенности и выдержки.

Однако в данном случае, сэр, я могу нанести цели смертельные ранения. Я могу превратить ее в решето".

Медленно поднявшись по лестнице, пожилая женщина скрылась в коридоре. Вскоре Стивен увидел, как она вошла в гостиную Жены. Мелькнуло что-то белое — снова блузка Жены. Женщины обнялись. В комнату вошел еще один человек. Мужчина. Полицейский? Мужчина повернулся. Нет, это Друг.

Обе цели от него в каких-то тридцати ярдах!

Пожилая женщина — мать или свекровь — остановилась перед Женой. Они о чем-то говорили, склонив головы.

Любимая «Модель 40» осталась в машине. Но для того чтобы поразить цели, снайперская винтовка была Стивену не нужна, достаточно было длинноствольной «Беретты». Старой, видавшей виды, но безотказной. В отличие от многих наемников и профессиональных убийц, Стивен никогда не делал фетиша из своего оружия. Если данную жертву лучше всего убить камнем, он воспользуется камнем.

Стивен определил расстояние до цели, оценил угол падения, преломление света в стекле, возможное отклонение пули. Пожилая женщина, отойдя от Жены, остановилась прямо перед окном.

«Солдат, каков твой замысел?»

Он выстрелит в окно и поразит пожилую женщину. Та упадет. Жена инстинктивно шагнет к ней, став отличной целью. Друг тоже бросится к окну, и Стивен без труда сразит и его.

А как быть с полицейскими?

Конечно, небольшой риск всегда имеется. Но простые уличные полицейские в лучшем случае стреляют средне, к тому же, им наверняка ни разу не приходилось применять свое оружие на практике. Первой их реакцией будет растерянность.

В подъезде по-прежнему никого не было.

Оттянув назад затвор, Стивен зарядил оружие. Поставив переключатель огня на режим одиночных выстрелов, он поудобнее обхватил рукоятку и положил палец на спусковой крючок. Распахнув дверь, Стивен подставил ногу, не давая ей закрыться, и бросил взгляд вправо и влево.

На улице никого.

«Дыши ровно, солдат. Дыши, дыши, дыши…»

Положив цевье на ладонь, сжав тяжелую рукоятку рукой в перчатке, Стивен начал плавно давить на курок.

«Дыши, дыши…»

Не отрывая взгляда от пожилой женщины, он начисто забыл об оружии, забыл о прицеле, забыл о тех деньгах, что должен был заработать — забыл обо всем на свете. Пистолет-пулемет застыл в его неподвижных как скала руках, собираясь выстрелить сам по себе.

Глава пятая

Час 1-й из 45

Пожилая женщина вытирает слезы. Жена стоит у нее за спиной, скрестив руки на груди.

Они уже мертвы. Они…

«Солдат!»

Стивен застыл. Указательный палец правой руки расслабился.

Огни!

Красные и синие мигалки, безмолвно несущиеся по улице. Установленные на крыше полицейской машины. Следом еще две машины. Еще не меньше десятка. Перекрыли улицу с обеих сторон, встретились у особняка Жены.

«Солдат, оружие на предохранитель!»

Опустив «Беретту», Стивен шагнул в темный подъезд.

Из машин во все стороны, словно вода из переполненного сосуда, хлынули полицейские. Они рассыпались по улице, внимательно

осматривая окна и крыши домов напротив особняка Жены. Несколько человек, распахнув двери особняка с такой силой, что стекло разлетелось вдребезги, ворвались внутрь.

Пять бойцов подразделения по борьбе с терроризмом в полной экипировке застыли вдоль тротуара, прикрывая именно те места, которые нужно было прикрыть. Зорко оглядываясь по сторонам, они держали указательные пальцы на черных курках своих черных пистолетов-пулеметов. Это не простые уличные полицейские, отлавливающие хулиганов и нарушителей дорожного движения. Во всем мире нет солдат лучше, чем бойцы нью-йоркского спецназа. Жена и Друг исчезли из оконного проема, поваленные, вероятно, на пол. Пожилая женщина также куда-то скрылась.

Подъехали новые полицейские машины, запрудившие проезжую часть и тротуары.

Стивену Коллу стало не по себе. Опять кругом черви. Его ладони покрылись потом, и он сжал руки в кулаки, чтобы пот впитался в перчатки.

«Солдат, срочно отступать...»

Отжав отверткой язык замка входной двери, Стивен проник внутрь. Опустив голову, он пошел быстро, но не срываясь на бег, направляясь к служебному входу, ведущему в переулок. Никем не замеченный, Стивен проскользнул на улицу. Вскоре он очутился на Лексингтон-авеню и, смешавшись с толпой, повернул на юг, к подземному гаражу, где оставил свою машину.

«Солдат, внимательно изучайте местность впереди».

«Сэр, непредвиденные неприятности».

Опять полиция.

Она перекрыла Лексингтон-авеню за три квартала от того места, где он находился. Полицейские оцепили особняк Жены и теперь медленно сходились к нему со всех сторон, останавливая машины, осматривая пешеходов, освещая фонариками салоны стоящих вдоль тротуаров автомобилей. На глазах у Стивена двое патрульных, положив руки на рукоятки пистолетов, попросили водителя выйти из машины, после чего принялись рыться в груде белья на заднем сиденье. Больше всего Стивена встревожило то, что мужчина был белым, приблизительно одних с ним лет.

Гараж, где Стивен оставил свою машину, находился в круге оцепления. Когда он будет выезжать, его обязательно остановят. Цепочка полицейских приближалась. Быстро дойдя до гаража, Стивен залез в свой микроавтобус. Молниеносно переоделся — избавился от строительного комбинезона и надел синие джинсы, ботинки (без характерного рисунка подошвы), простую черную футболку, темно-зеленую ветровку (без эмблемы команды). Достав из машины, он убрал в рюкзак компьютер-ноутбук, несколько сотовых телефонов, оружие и боеприпасы. Туда же отправились запасные обоймы, бинокль, прибор ночного видения, набор инструментов и несколько упаковок взрывчатки с различными детонаторами.

«Модель 40» лежала в чемодане бас-гитары «Фендер». Поставив чемодан и рюкзак на пол, Стивен задумался, как быть с машиной. В салоне он ни к чему не прикасался без перчаток. В машине нет ничего, что помогло бы установить его личность. Сам «Додж» краденый; Стивен давно избавился от идентификационных номеров — обычного и секретного. Номерные знаки он изготовил сам. Стивен и так собирался рано или поздно расстаться с микроавтобусом. Что ж, этот заказ он завершит без машины.

Стивен принял решение избавиться от машины. Накрыв громоздкий «Додж» брезентом, он проколол ножом шины. Микроавтобус быстро приобрел вид уже несколько месяцев простоявшего на месте. Стивен покинул гараж через лифт, ведущий в здание.

Выйдя на улицу, он постарался затеряться в толпе. Но полиция была всюду. У него по спине поползли мурашки. Отвратительные скользкие черви. Зайдя в телефонную будку, Стивен сделал вид, что собирается позвонить. Прижавшись головой к металлической пластине аппарата, он ощутил, что его лоб покрыт капельками пота. Под мышками хлюпало. *Они везде.*Они его ищут. Они его уже *видят.*Из машин. С улицы.

Из *окон*...

К Стивену снова вернулось то жуткое воспоминание.

Лицо в окне...

Он сделал глубокий вдох и медленно выпустил воздух.

Лицо в окне...

Это произошло недавно. Стивен получил заказ убрать в Вашингтоне сотрудника аппарата Конгресса, продававшего военные секреты, как предположил Стивен, конкуренту человека, который его нанял.

Неудивительно, что сотрудник страдал манией преследования и превратил свой особняк в Александрии, штат Вирджиния, в неприступную крепость. Разведав местность, Стивен с большим Трудом смог приблизиться к цели на расстояние пистолетного выстрела, хотя это и было очень рискованно.

Один шанс, один выстрел…

Стивен просидел в засаде четыре часа, и когда жертва, приехав, бросилась стрелой в особняк, ухитрился произвести один выстрел. Как он решил, удачный. Но мужчина упал за кирпичным забором и скрылся из виду.

«Слушай меня внимательно, мальчик. Слушаешь?»

«Так точно, сэр!»

«Ты преследуешь раненую цель и добиваешь ее наверняка. Если понадобится, ты пойдешь по окровавленному следу до самой преисподней и вернешься назад».

«Но…»

"Никаких «но». Ты должен быть абсолютно уверен в том, что *каждая*цель поражена насмерть. Понятно? Иначе быть не может".

«Так точно, сэр».

Перебравшись через забор, окружающий особняк, Стивен обнаружил на мощеной дорожке рядом с фонтаном распростертое тело. Выстрел все-таки оказался смертельным.

Но тут произошло нечто странное. Нечто такое, от чего Стивена охватила холодная дрожь, а с ним это случалось крайне редко. Возможно, объяснялось все просто: тем, как мужчина упал, или характером пулевого ранения. Стивену показалось, что кто-то аккуратно вытащил окровавленную рубашку из-за пояса, обнажив грудь жертвы с крохотным черным отверстием.

Стремительно развернувшись, Стивен огляделся вокруг, ища кто бы мог это сделать. Но нет, поблизости никого не было.

По крайней мере, ему сначала так показалось.

Тут Стивен случайно взглянул в дальний угол двора. Там стояла старая конюшня с грязными заляпанными окнами, освещенными косыми лучами предзакатного солнца. И в одном из окон Стивен увидел — или

ему это показалось? — следящее за ним лицо. Он не смог различить отчетливо, мужское или женское. Так или иначе, этот человек был очень напуган. Он даже не попытался бежать или хотя бы пригнуться за подоконник.

«Свидетель! Солдат, ты оставил в живых свидетеля!»

«Сэр, я немедленно устраню возможность своего опознания».

Но выбив ногой дверь и ворвавшись в конюшню, Стивен обнаружил, что там никого нет.

«Солдат, немедленно отступать...»

Лицо в окне...

Стивен стоял в пустынном здании, выходящем окнами во двор, озаренный красноватыми лучами вечернего солнца, и словно одержимый медленно поворачивался на месте.

Кто это был? Что он делал? Или это был лишь плод его воображения? Отчим Стивена в ястребиных гнездах на раскидистых дубах Западной Вирджинии видел снайперов.

Лицо в окне таращилось на Стивена так, как иногда смотрел на него отчим: пристальным оценивающим взглядом. И маленький Стивен ломал себе голову: "Напортачил? Или сделал все как надо? Что он обо мне *думает?*

Не в силах больше ждать, Стивен вернулся в гостиницу в Вашингтоне.

В своей жизни Стивену довелось снести немало побоев; в него стреляли, его резали ножом. Но ничто не потрясло его так сильно, как то происшествие в Александрии. Ему никогда не являлись лица его жертв. Но лицо в окне мерзким червем ползало по его телу.

Именно так ощущал себя Стивен, видя приближающихся к нему с противоположных концов Лексингтон-авеню полицейских. Сердито гудели клаксоны машин, водители злились. Но полицейские не обращали на них никакого внимания, продолжая прочесывание. Еще несколько минут и его обязательно заметят: одинокий мужчина атлетического телосложения с гитарным чемоданом, в котором без труда поместится лучшая снайперская винтовка в мире.

Стивен обвел взглядом черные мрачные окна, выходящие на улицу.

Моля Бога о том, чтобы оттуда на него не смотрело лицо.

«Солдат, о чем это ты, мать твою?»

«Сэр, я...»

«Солдат, провести рекогносцировку».

«Слушаюсь, сэр!»

Ноздри уловили горьковатый запах горелого.

Обернувшись, Стивен обнаружил, что стоит у кафе быстрого обслуживания. Войдя в ресторан, он, притворившись, что изучает меню, осмотрел посетителей.

За одним из столиков на хлипком неудобном стуле сидела одинокая очень крупная женщина, нянчившая высокий стакан с чаем. Лет тридцати с небольшим, рыхлая, широкое лицо, толстый нос. Стивен окинул ее оценивающим взглядом.

Журнал «Вог» она читала не с похотью, а с завистью.

Заказав стакан фруктового чая, Стивен взял поднос и направился к столику у окна. Проходя мимо полной женщины, Стивен выронил поднос. Горячий чай разлился по полу. Отпрянув назад, женщина с испугом посмотрела на Стивена.

— О господи, — прошептал тот. — Извините ради Бога! — он поспешно схватил пачку салфеток. — Успокойте меня! Скажите, что я вас не облил. *Пожалуйста!*

* * *

Перси Клэй попыталась освободиться из рук молодого полицейского, буквально пригвоздившего ее к полу.

Джоан Карни, мать Эда, лежала в нескольких футах. На ее лице был написан ужас.

Два крепких полицейских прижимали Брита Хейла к стене, словно арестованного.

— Простите, мэм, — начал один из полицейских. — Миссис Клэй, мы...

— Что здесь происходит? — воскликнул ничего не понимающий Хейл.

В отличие от Эда, Рона Тэлбота и самой Перси, Хейл не служил в армии и никогда не бывал в боевой обстановке. Он не знал, что такое страх.

Рубашки Брит носил только с длинным рукавом, скрывая страшные следы от ожогов, которые он получил несколько лет назад, спасая из горящей «Сесны» пилота и пассажира. Но мысль о преступлении — сознательном причинении вреда — была ему совершенно чужда.

— С нами связались из центрального управления, — объяснил полицейский. — Там считают, что человек, убивший мистера Карни, вернулся. Вероятно, чтобы расправиться с вами и мистером Хейлом. Мистер Райм полагает, что именно убийца находится в том черном микроавтобусе, который вы видели сегодня.

— Но нас же охраняют *двое*полицейских! — недовольно заметила Перси, кивая на тех двоих, что пришли раньше.

— Боже милосердный, — пробормотал Хейл, оглядываясь кругом. — Да здесь же не меньше двадцати фараонов!

— Пожалуйста, сэр, держитесь подальше от окна, — твердо приказал ему полицейский. — Убийца может находиться на крыше. Дома на той стороне еще не проверены.

На лестнице послышался топот ног.

— На крыше? — недоверчиво усмехнулась Перси. — А может быть, он роет подземный ход в подвал. — Она обняла миссис Карни за плечи. — Мама, как вы?

— В чем дело? Что здесь происходит?

— Считается, что вы в опасности, — пояснил полицейский. — К вам это не относится, мэм, — добавил он, обращаясь к матери Эда. — Речь идет о миссис Клэй и мистере Хейли. Они являются свидетелями в одном серьезном деле. Мы получили приказ оцепить особняк и доставить вас в управление.

— С ним уже говорили? — спросил Хейл.

— Сэр, я не знаю, кого вы имеете в виду.

— Того типа, *против*которого мы должны давать показания. Хансена.

Брит жил в царстве логики, здравого смысла, машин, чисел и гидравлических систем. Все три его брака оказались неудачными, потому что сердце Бриттона Хейла раскрывалось только в кабине самолета.

— Просто спросите его, — продолжал Брит, смахивая волосы со лба. — И он скажет, где убийца. Это ведь *он*его нанял.

— Знаете, по-моему все не так просто. В дверях появился еще один полицейский.

— Улица очищена, сэр.

— Прошу вас пройти с нами. Я имею в виду вас обоих.

— А как насчет матери Эда?

— Вы живете здесь? — спросил офицер.

— Нет, я остановилась у сестры, — ответила миссис Карни. — В Сэддл-Ривер.

— Мы отвезем вас туда и попросим полицию Нью-Джерси выделить вам полицейского для охраны. Но вы не имеете к делу никакого отношения, так что, уверен, вам нечего беспокоиться.

— О, Перси!.. Женщины обнялись.

— Все будет хорошо, мама, — сказала Перси, пытаясь сдержать слезы.

— Нет, не будет, — слабо возразила пожилая женщина. — Хорошо больше никогда не будет...

Полицейский повел ее к патрульной машине. Перси, проводив взглядом свекровь, обратилась к тому полицейскому, который, как она рассудила, был главным.

— А нас куда?

— На встречу с Линкольном Раймом.

Заговорил другой полицейский:

— Мы выйдем вместе. С обеих сторон рядом с вами будут идти наши сотрудники. Держите головы опущенными и ни в коем случае их не поднимайте. Нам нужно пройти ко второй машине. Видите? Быстро забирайтесь внутрь и пристегивайте ремни безопасности. Мы поедем очень быстро. По дороге, не выглядывайте в окна. Вопросы есть?

— Да, — сказала Перси, открывая фляжку и делая глоток. — Кто такой этот Линкольн Райм, черт побери?

* * *

— Вы сами это сшили? Правда?

— Сама, — подтвердила женщина проведя рукой по джинсовому жилету, покрытому вышивкой.

Как и надетая на ней клетчатая юбка, жилет был чуть великоват, что должно было отвлечь внимание от чересчур пышной фигуры. Вышивка напомнила Стивену кольца на теле червя. Ощутив приступ тошноты, он поежился.

Но, сделав над собой усилие, тотчас же улыбнулся.

— Восхитительно!

Вытерев с пола чай, Стивен вежливо извинился, как истинный джентльмен, какого иногда умел строить из себя его отчим.

Он спросил у женщины разрешения подсесть к ней за столик.

— Мм… пожалуйста, — ответила она, поспешно убирая «Вог» в холщовую сумку, словно это была порнография.

— Да, кстати, — сказал Стивен. — Меня зовут Сэм Левин. — При упоминании фамилии глаза женщины блеснули и тут же оценили арийские черты его лица. — Все зовут меня Сэмми, — добавил он. — Для мамы я Сэмюэль, но только если плохо себя веду.

— Я буду называть вас «друг», — объявила женщина. — Меня зовут Шейла Горовиц.

Стивен уставился в окно, чтобы не пожимать ее влажную руку, оканчивающуюся пятью белыми жирными червями.

— Рад с вами познакомиться, — сказал он, отпивая отвратительный на вкус чай из нового стаканчика.

Шейла, заметив, что у нее под давно не стриженными ногтями грязь, попыталась незаметно от нее избавиться.

— Шитье так успокаивает, — сказала она. — Машинка у меня старая — «Зингер». Такая черная, досталась мне от бабушки.

Шейла попыталась пригладить свои короткие сальные волосы, запоздало жалея о том, что сегодня их не помыла.

— Сейчас, по-моему, сам больше никто не шьет, — сказал Стивен. — Вот когда я еще учился в колледже, моя знакомая девушка шила. Носила почти все вещи собственной работы. *Мне*очень нравилось.

— Гм, в Нью-Йорке сейчас никто сам не шьет, — презрительно усмехнулась Шейла. — Абсолютно никто.

— Моя мать шила часами, — сказал Стивен. — Каждый стежок должен был быть просто идеальным. С точностью до одной тридцать второй дюйма, — это было правдой. — У меня до сих пор сохранились вещи ее работы. Глупо, но я храню их просто потому, что их сшила мать, — а это уже не соответствовало действительности.

Стивен до сих пор слышал стрекот мотора «Зингера», доносившийся из крохотной душной комнаты матери. Днем и ночью. Все стежки должны быть идеальными. С точностью до одной тридцать второй дюйма. Почему? Потому что это очень *важно*.Вот сантиметр, вот выкройка, вот мел...

— Большинство мужчин... — ударение на втором слове раскрывало многое относительно личной жизни Шейлы Горовиц, — ничего не смыслят в шитье. От девушек им нужно только, чтобы те занимались спортом и разбирались в кинофильмах. Конечно, и без этого тоже нельзя, — поспешно добавила она. — Я катаюсь на лыжах. Хотя до вас, наверное, мне как до звезд. И в кино я люблю ходить. Только не на что попало.

— О, я не умею кататься на лыжах, — заверил ее Стивен. — Вообще я не очень дружен со спортом.

Выглянув на улицу, он увидел полицейских. Повсюду. Заглядывающих во все машины. Ползающие синие черви...

«Сэр, я не понимаю, чем вызваны такие активные действия».

«Солдат, понимать — это не твоя задача. Твоя задача — проникать, оценивать, выявлять, изолировать и уничтожать. Никаких других задач у тебя нет».

— Простите? — спросил Стивен, прослушав слова Шейлы.

— Я говорила, что не верю вам. Да мне надо несколько месяцев заниматься, чтобы прийти в такую форму, как у вас. Я собираюсь записаться в спортивный клуб. Уже выбрала, в какой. Правда, у меня спина побаливает, но я все равно запишусь.

Стивен рассмеялся.

— О, а я уже устал — нынешние девочки все как одна словно больные. Тощие и бледные. Если взять какой-нибудь скелет, обтянутый кожей, что постоянно мелькают по телевизору, да и вернуть ее во времена короля Артура — бах! там сразу же вызовут придворного лекаря. «Милорд, дама умирает!»

Поморгав, Шейла вдруг разразилась хохотом, обнажая кривые зубы. Воспользовавшись моментом, она накрыла ладонью руку Стивена. Ощутив прикосновение пяти мерзких червей, он еле сдержал позыв тошноты.

— Мой отец, — выдавила она сквозь смех, — он служил в армии, ему приходилось много разъезжать по свету. Так вот, он рассказывал, что во всем мире американских девушек считают слишком худыми.

— Он был военный? — улыбаясь, спросил Сэм Сэмми Сэмюэль Левин.

— Ушел в отставку в чине полковника. Не будет ли чересчур? — подумал он. И тотчас же ответил себе: — Нет.

— Я тоже служу. В сухопутных войсках. Сержант.

— Не может быть! И где же находится ваша часть?

— Войска специального назначения. В Нью-Джерси. — Шейла достаточно разбиралась в армейских тонкостях, чтобы не расспрашивать его о спецназе. — Мне очень приятно, что у вас в семье были военные. Я редко признаюсь малознакомым людям, чем занимаюсь в жизни. Сейчас это не слишком ценится. Особенно здесь. Я имею в виду, в Нью-Йорке.

— Не беспокойтесь. Я как раз считаю это занятие *очень*ценным, — она кивнула на чемодан. — Я вижу, вы еще и музыкой увлекаетесь?

— Да нет, это так, пустяки. В свободное от службы время обучаю музыке ребятишек из детдома.

Стивен снова посмотрел на улицу. Мигающие огоньки. Белые и синие. Мимо медленно проехала патрульная машина.

Шейла незаметно придвигала свой стул все ближе и ближе, и он ощутил исходящий от нее отталкивающий запах. Ему снова стало тошно; перед глазами встала непрошеная картина: копошащиеся в ее сальных волосах черви. Стивена едва не вырвало. Извинившись, он вышел в туалет и целых три минуты оттирал руки. Вернувшись, Стивен заметил две вещи: Шейла расстегнула верхнюю пуговицу своей блузки, а к ее спине прилипло не меньше тысячи волосинок кошачьей шерсти. Для него же кошки были лишь четвероногими червями.

Выглянув на улицу, Стивен увидел, что цепочка полицейских приближается. Взглянув на часы, он сказал:

— Знаете, мне пора. Нужно забрать у ветеринара кота...

— О, у вас есть кот? — подалась вперед Шейла. — И как его зовут?

— Бадди.

У нее вспыхнули глаза.

— Ой, как мило! Нет с собой его фотки?

Фотографии кота, мать его?

— Увы, — с сожалением прищелкнул языком Стивен.

— И что у бедняжки Бадди бо-бо?

— Ничего серьезного, обычный осмотр.

— Ой, как хорошо. Но остерегайтесь червей!

— Что? — встрепенулся Стивен.

— Ну, у кошек в кишечнике заводятся всякие глисты...

— Ах да, конечно.

— Гм, знаете что, если вы обещаете вести себя хорошо, — нараспев протянула Шейла, — я познакомлю вас с Гарфильдом, Андреа и Эсси. Конечно, на самом деле ее зовут Эсмеральдой, но это имя ей почему-то всегда не нравилось.

— Они просто восхитительные, — сказал Стивен, стараясь не смотреть на фотографии, которые вытащила из косметички Шейла. — Я жду не дождусь, когда познакомлюсь с ними.

— Представьте себе, — выпалила она, — я живу всего в трех кварталах отсюда. На Восемьдесят первой улице.

— У меня есть замечательная идея, — просиял Стивен. — Давайте забросим домой мое барахло, и я познакомлюсь с вашими малышами. А потом мы вместе съездим за Бадди.

— Превосходно! — обрадовалась Шейла.

— Тогда пошли.

Выйдя на улицу, она воскликнула:

— Уйя, смотрите, сколько полиции! Что тут произошло?

— Ого! Понятия не имею.

Стивен перекинул рюкзак через плечо. Звякнуло что-то металлическое. Возможно, это осколочная граната ударилась о «Беретту».

— Что у вас там?

— Музыкальные инструменты. Для детей.

— О, всякие треугольники?

— И треугольники тоже.

— Давайте я помогу вам нести гитару.

— Вы серьезно? Буду очень признателен.

Подхватив чемодан, Шейла просунула руку Стивену под локоть, и они, смеясь и разговаривая про кошек, прошли сквозь цепочку полицейских, не обративших внимания на влюбленную парочку.

Глава шестая

Час 1-й из 45

Спустившись вниз. Том провел кого-то в дом. Аккуратно одетый коротко подстриженный мужчина лет пятидесяти. Капитан Боу Хауманн, глава отделения быстрого реагирования управления полиции Нью-Йорка. Седой и жилистый, Хауманн внешне был похож на сержанта из учебки. Говорил он медленно и рассудительно, глядя собеседнику прямо в глаза, и при этом чуть улыбался. Отправляясь на операцию, он надевал бронежилет и каску и, как правило, первым врывался в забаррикадированную квартиру, где удерживали заложников.

— Это действительно он? — прямо с порога спросил капитан. — Танцор?

— Насколько нам известно, — ответил Селитто.

Последовала небольшая пауза.

— Я выделяю две бригады из «тридцать второго Е».

Сотрудники подразделения «тридцать два Е» — прозванного так по комнате, занимаемой в здании центрального управления полиции, а в действительности подразделения специального назначения отделения быстрого реагирования, имели за плечами опыт армейской службы. В первую очередь специалисты по осуществлению розысков и наблюдений, они также привлекались для участия в операциях по освобождению заложников. Сотрудников было немного. Несмотря на недобрую славу Нью-Йорка как криминальной столицы Соединенных Штатов, случаи, требовавшие вмешательства специального подразделения, бывали крайне редки. В основном дело удавалось решить путем переговоров, а нью-йоркские мастера уговаривать террористов считались лучшими в стране, так что до штурма дело доходило нечасто. Против Танцора Хауманн выделил две бригады по десять человек — почти всех сотрудников 32-Е.

Вскоре прибыл еще один человек, невысокий лысоватый мужчина в старомодных очках. Мел Купер считался лучшим техническим специалистом научно-исследовательского отделения управления полиции, которое когда-то возглавлял Райм. Купер никогда не проводил осмотр места преступления, никогда не арестовывал преступников, вероятно, забыл, как стрелять из маленького пистолета, который он, скрепя сердце, носил в старой кожаной кобуре. Он не имел ни малейшего желания покидать свою лабораторию и отрываться от микроскопа (впрочем, еще он появлялся на танцевальной площадке, где не раз завоевывал призы за исполнение танго).

— Детектив Райм, — сказал Купер, обращаясь к Линкольну Райму по званию, которое тот имел, когда несколько лет назад переманил Купера из полиции Олбани, — я полагал, что мне надо посмотреть песок. Однако, как я понял, речь идет о Танцоре, — тут Райм мысленно отметил, что есть только одно место, где слухи распространяются быстрее, чем на улице, — это полицейское управление. — Линкольн, на этот раз мы его возьмем. Обязательно возьмем.

Пока Бэнкс вкратце вводил новоприбывших в курс дела, Райм, случайно подняв взгляд, увидел в дверях лаборатории женщину. Казалось, от ее проницательных черных глаз не могло укрыться ничего из происходящего в лаборатории. В них не было ни тревоги, ни смущения.

— Миссис Клэй? — спросил Райм.

Женщина кивнула. У нее за спиной появился долговязый мужчина. Наверное, Бриттон Хейл.

— Пожалуйста, проходите, — пригласил криминалист.

Пройдя на середину помещения, женщина бросила взгляд на Райма, а затем повернулась к лабораторным стендам, перед которыми остановился Мел Купер.

— Прошу вас, зовите меня Перси, — сказала она. — А вы, наверное, Линкольн Райм?

— Совершенно верно. Примите наши соболезнования по случаю гибели вашего мужа.

Женщина кивнула, как-то смущаясь этому сочувствию. Райм подумал, что в этом она похожа на него.

— А вы мистер Хейл? — спросил он у вошедшего следом за миссис Клэй мужчины.

Кивнув, долговязый летчик шагнул было вперед, чтобы пожать криминалисту руку, но тут заметил, что запястья Райма пристегнуты ремнями к подлокотникам инвалидного кресла.

— Ой, — пробормотал он, краснея и отступая назад.

Райм представил остальных — всех кроме Амелии Сакс, по его настоянию менявшей форму на джинсы и водолазку, случайно нашедшиеся в шкафу. Криминалист объяснил, что Танцор нередко убивает или ранит полицейских — просто ради разнообразия. Он хотел, чтобы Сакс выглядела как можно более штатской.

Достав из кармана просторных брюк серебряную фляжку, Перси быстро сделала глоток. Она употребляла алкоголь как лекарство — Райм уловил аромат дорогого коньяка.

Райм, которому отказало его собственное тело, редко обращал внимание на физические данные других людей, если те не были преступниками или жертвами преступления. Но пройти мимо Перси Клэй было нельзя. Невысокая, ростом немногим выше пяти футов, она прямо-таки лучилась внутренней энергией. От ее глаз, черных словно ночное небо, невозможно было оторваться. Лишь потом можно было рассмотреть, что лицо Перси в целом некрасивое: мальчишеское и курносое. Черные вьющиеся волосы коротко острижены, но Райм подумал, что длинные локоны смягчили бы угловатые черты лица. Перси не переняла манеры, часто свойственные невысоким людям: вызывающая стойка подбоченясь или скрестив руки на груди, мельтешение пальцев перед лицом. Райм отметил, что по части ненужных движений Перси Клэй недалеко ушла от него самого.

У него вдруг мелькнула неожиданная мысль: в ней есть что-то цыганское.

Райм заметил, что Перси тоже пристально изучает его. И ее реакция была весьма странной. Увидев криминалиста в первый раз, большинство людей тут же поспешно натягивают на лицо сочувственную гримасу, краснеют как помидор и всеми силами пытаются не отводить взгляда от лица Райма, чтобы ненароком не увидеть снова его искалеченное тело. Но Перси, мельком взглянув на его лицо — красивое, с тонкими губами и носом как у актера Тома Круза, на вид моложе, его истинных сорока с чем-то лет, посмотрела на безжизненные ноги и руки, и тотчас же сосредоточила все внимание на специальном оборудовании, сверкающем инвалидном кресле «Штормовая стрела», мундштуке управления, шлемофоне с микрофоном и наушниками, компьютере.

Том, войдя в комнату, направился к Райму, чтобы измерить у него давление.

— Не сейчас, — попытался остановить его тот.

— Помолчите, — сказал Том, накачивая манжету тонометра. — Давление нормальное. Но вы очень много работали без перерыва. Вам необходимо отдохнуть.

— Убирайся, — проворчал Райм.

Многие люди, видя перед собой беспомощного инвалида, жалкие остатки нормального человеческого существа, почему-то воображали, что Райм с трудом понимает, что ему говорят. Они говорили медленно или даже пытались обращаться к нему через Тома. Перси заговорила нормальным голосом, глядя Райму прямо в глаза, чем сразу же завоевала несколько очков в свою пользу.

— Вы полагаете, что нам с Бриттом угрожает опасность.

— Да. И очень серьезная.

В лабораторию вошла Сакс. Райм представил ее Перси и мистеру Хейлу.

— Амелия? — переспросила Перси. — Вас зовут *Амелией?*

Сакс кивнула.

Слабо улыбнувшись, Перси повернулась к Райму.

— Нет, меня назвали не в честь той Амелии — летчицы, — сказала Сакс, вспомнив, что Перси пилот. — Так звали сестру моего деда. А Амелия Ирхарт[2] была настоящим героем?

— Нет, — ответила Перси. — Не совсем. Ну, далеко не во всем только ее заслуга.

— Вы что, собираетесь приставить к ней охрану? — спросил Хейл, кивая на Перси. — Постоянную?

— А то как же, — сказал Деллрей.

—Ну хорошо. И все же... У меня только одно замечание: по-моему, вам действительно необходимо переговорить с тем типом. Филиппом Хансеном.

— Переговорить? — удивился Райм.

— С Хансеном? — переспросил Селитто. — Разумеется. Но он все отрицает. Вряд ли нам удастся вытянуть из него хоть слово, — он переглянулся с Раймом. — С ним работали Близнецы. — Селитто снова повернулся к Хейлу. — Это наши лучшие следователи. Но Хансен молчит как камень. Пока нам никак не удается его разговорить.

— А нельзя ли его запугать... или сделать еще что-нибудь?

— Гм... нет, — ответил детектив. — Не думаю.

— Это не имеет никакого значения, — продолжал Райм. — Хансен нам все равно ничего не сможет сказать. Танцор никогда лично не встречается со своими клиентами и никогда не ставит их в известность, как и где он собирается выполнить заказ.

— Танцор? — спросила Перси.

— Мы так называем убийцу. Танцор у гроба.

— Танцор *у гроба?*

Перси издала смешок, как будто в этой фразе был для нее какой-то скрытый смысл, но не стала ничего объяснять.

— Какое-то жуткое имя, — с сомнением произнес Хейл, словно полицейским нельзя было давать мрачные прозвища преступникам.

У Райма мелькнула мысль, что он, возможно, и прав. Перси посмотрела прямо в глаза криминалисту, почти такие же темные, как ее собственные.

— Ас вами что произошло? Вас ранило?

Сакс и Хейл вздрогнули, услышав эти резкие слова, но Райм ничего не имел против. Наоборот, он предпочитал таких же людей, как он сам, не тратящих время на пустую вежливость.

— Я осматривал место преступления, — спокойно ответил криминалист. — Это было на стройке. Сорвалась плита, и я получил перелом позвоночника. В районе шеи.

— Как тот актер, Кристофер Рив.

— Да.

— Здорово ему досталось, — вставил Хейл. — Но храбрости Риву не занимать. Я видел его по телевизору. Наверное, если бы со мной случилось что-то подобное, я бы наложил на себя руки.

Райм посмотрел на Сакс, перехватившую его взгляд, и снова повернулся к Перси.

— Нам нужна ваша помощь. Мы должны установить, как преступнику удалось доставить бомбу на борт самолета. У вас есть какие-нибудь догадки?

— Никаких, — ответила Перси, вопросительно взглянув на Хейла. Тот покачал головой.

— Перед вылетом вы не заметили рядом с самолетом кого-нибудь незнакомого?

— Вчера вечером мне стало плохо, — сказала Перси. — Я даже не ездила на аэродром.

— Я был за городом, ловил рыбу, — объяснил Хейл. — У меня был выходной. Вернулся домой очень поздно.

— Где именно находился самолет перед вылетом?

— В нашем ангаре. Мы готовили его к новому заказу. Надо было снять сиденья, установить специальную электропроводку повышенной мощности. Для подключения холодильников. Вы уже знаете, какой был груз, да?

— Человеческие органы, — сказал Райм. — Ангар принадлежит только вам, или вы делите его с какой-то другой компанией?

— Нет, он наш. Точнее, мы его арендуем.

— Внутрь попасть просто? — спросил Селитто.

— Когда там никого нет, ангар заперт, но последние двое суток работы по переоборудованию «Лир» не прекращались ни на минуту.

— Вы знаете этих рабочих? — продолжал Селитто.

— Мы все как одна семья, — решительно заявил Хейл.

Селитто, закатив глаза, переглянулся с Бэнксом. Райм предположил, что детектив подумал о том, как часто в деле об убийстве первыми подозреваемыми бывают как раз члены семьи.

— Так или иначе, мы запишем их фамилии. Если не возражаете, проверим.

— Список сотрудников вам даст Салли-Энн, заведующая канцелярией.

— Ангар надо будет опечатать, — сказал Райм. — Удалив всех оттуда.

— Не получится, — покачала головой Перси.

— Опечатать, — повторил Райм. — И всех удалить. У-да-лить.

— Но...

— Иначе нельзя, — остановил он ее возражения.

— Ого, постойте-ка, — встрепенулась Перси. Она повернулась к Хейлу. — Что с «Фокстротом браво»?

Тот пожал плечами.

— Рон говорит, ему нужно еще не меньше суток. Перси вздохнула.

— Тот «Лир», на котором летел Эд, был единственным, переоборудованным под чартерный заказ. Следующий вылет назначен на завтрашний вечер. Для того чтобы успеть подготовить самолет, нам надо работать день и ночь. Ангар нельзя закрывать.

— Извините, такой вариант даже не рассматривается, — сказал Райм.

— А кто вы такой, что указываете мне, какие варианты рассматривать? — заморгала Перси.

— Я тот, кто пытается спасти вам жизнь, — резко бросил Райм.

— Я не могу потерять такой контракт.

— Мисс, подождите, — вмешался Деллрей. — Вы не понимаете, что этот нехороший человек...

— Он убил моего мужа, — каменным голосом произнесла она. — Я прекрасно все понимаю, но никому не удастся меня запугать. Я не откажусь от такого выгодного контракта.

Сакс подбоченилась.

— Подождите! Если кто-то и может спасти вас, то только Линкольн Райм. Тут даже и спорить нечего. Спор прервал спокойный голос Райма:

— Вы можете выделить нам час для того, чтобы осмотреть ангар?

— Час? — задумалась Перси.

Сакс, издав нервный смешок, изумленно повернулась к своему шефу.

— Осмотреть ангар всего за один час? — спросила она. — Райм, ты что!

И у нее на лице было написано: «Я-то пыталась тебя защитить, а ты выкидываешь такую штуку? На чьей ты стороне?»

Некоторые криминалисты направляют на осмотр места преступления целые бригады. Но Райм всегда настаивал на том, чтобы Амелия Сакс действовала в одиночку, как работал в свое время он сам. Одинокий эксперт может полностью сосредоточиться, чего не удается добиться, когда рядом работают другие. Одного часа для осмотра обширного места преступления единственным экспертом было очень мало. Райм это прекрасно понимал, но тем не менее Сакс он не ответил. Криминалист не отрывал взгляда от лица Перси.

— Один час? — наконец сказала та. — Ну хорошо. Это мы как-нибудь переживем.

— Райм, — взмолилась Сакс. — Мне нужно гораздо больше времени.

— Амелия, но ты лучшая из лучших, — отшутился Райм. Это означало, что решение уже принято.

— Кто сможет нам там помочь? — обратился он к Перси.

— Рон Тэлбот. Он партнер в компании и к тому же руководит полетами.

Сакс записала фамилию в блокнот.

— Мне выезжать прямо сейчас? — спросила она.

— Нет, — ответил Райм. — Я хочу, чтобы ты дождалась обломков бомбы, которые нам вот-вот должны привезти из Чикаго. Мне будет нужна твоя помощь.

— У меня есть всего лишь час, — запальчиво напомнила Сакс. — Ты не забыл?

— И все же тебе придется подождать, — проворчал он, поворачиваясь к Фреду Деллрею. — А как насчет безопасного местопребывания для свидетелей?

— О, наш домик вам понравится, — заверил Перси агент. — Он в Манхэттене. Доллары налогоплательщиков работают на полную катушку. Федеральные маршалы используют его для защиты самых важных свидетелей. Вот только нам понадобится кто-нибудь из управления полиции Нью-Йорка. Человек, который хорошо представляет себе, кто такой этот Танцор.

Джерри Бэнкс встрепенулся, увидев, что взгляды всех присутствующих обращены на него.

— В чем дело? — спросил он. — *В чем дело?*

И безуспешно попытался пригладить свой вихор.

* * *

Стивен Колл, любитель армейского жаргона, стреляющий из армейских винтовок, в действительности никогда не служил в армии.

Но это не помешало ему уверенно заявить Шейле Горовиц:

— Я горжусь тем, что потомственный военный. И это истинная правда.

— Многие…

— Да, — оборвал он ее, — многие не уважают эту профессию. Но это их трудности.

— Это *их*трудности, — эхом повторила Шейла.

— Как у тебя здесь мило.

Стивен обвел взглядом груды различного мусора, валявшиеся повсюду.

— Благодарю, Друг мой. Гм... ты как бы не желаешь чего-нибудь выпить? Оп-ля, я опять использую слова-паразиты.

Мама мне спуску не дает. Это все телевизор виноват. Как бы, как бы, как бы... Стыд и срам, стыд и срам! О чем это она, мать ее?

— Ты живешь одна? — спросил Стивен, мило улыбаясь.

— Да, только я и моя непоседливая троица. Ума не приложу, где они спрятались? Глупые малыши. — Шейла нервно затеребила расшитый край своего жилета. — Итак, ты чего-нибудь выпьешь? — повторила она.

— Не откажусь.

На холодильнике торжественно громоздилась одинокая бутылка вина, покрытая толстым слоем пыли. Припасенная для особого случая. И сейчас этот случай настал?

Судя по всему, еще нет. Шейла открыла бутылку диетической газированной воды.

Подойдя к окну, Стивен выглянул на улицу. Полиции нигде не видно. И отсюда всего полквартала до станции метро. Квартира на втором этаже, и хотя окна забраны решеткой, решетки не заперты. При необходимости можно будет спуститься по пожарной лестнице и затеряться на Лексингтон-авеню, где всегда людно...

В квартире есть телефон и компьютер. Это хорошо.

Стивен взглянул на настенный календарь с картинками ангелов. На нем было несколько пометок, но на ближайшие выходные — ничего.

— Послушай, Шейла... Осекшись, он покачал головой.

— В чем дело?

— Ну... просто... Я понимаю, что, может быть, поступаю глупо. То есть, мы едва знакомы и все такое... В общем, я хотел узнать, есть ли у тебя какие-то планы на ближайшую пару дней.

Шейла насторожилась.

— О, я… гм… Ну, я должна съездить к матери.

Стивен огорченно поморщился.

— Жаль. Понимаешь, у меня есть домик в Кейп-Мей…

— Это на пляжах Джерси!

— Точно. И я собирался поехать туда…

— После того, как заберешь Бадди?

Кто такой этот Бадди, мать его? Ах да, кот.

— Точно. Если у тебя нет никаких дел, может быть, ты бы смогла поехать со мной…

— Там…

— Там будет моя мать со своими подругами.

— Ой, ну я даже не знаю, что сказать.

— Может быть, ты позвонишь своей матери и скажешь, что эти выходные ей придется прожить без тебя?

— Ну… вообще-то, можно и не звонить. Если я не приеду, как бы ничего не произойдет. То есть, я как бы могу приехать, а могу и не приехать.

Значит, она лгала. Выходные у нее свободны. Ближайшие несколько дней ее никто не хватится.

Вдруг откуда-то чуть ли не на голову Стивену спрыгнула кошка и тут же начала тыкаться мордой ему в лицо. Он сразу же представил себе тысячи червей, ползущих по его телу. Копошащихся в волосах Шейлы. Представил ее пальцы, похожие на червей. Стивен начинал проникаться ненавистью к этой женщине. Ему захотелось кричать.

— Ооо, поздоровайся с нашим гостем, Андреа. Сэм, ты ей понравился.

Выпрямившись, Стивен оглянулся вокруг, размышляя. «Помни, мальчик, убивать можно чем угодно. Одними предметами убивать быстрее, другими дольше. Но убивать можно чем угодно».

— Слушай, а у тебя есть скотч?

— Гм… зачем? — мысли Шейлы беспорядочно носились. — Для того…

— Помнишь, у меня в сумке лежат музыкальные инструменты? Так вот, надо подклеить один барабан.

— Ну да, конечно же есть. Сейчас найду, — она вышла в коридор. — На Рождество я отправляю посылки всем своим тетушкам. И всегда покупаю новую катушку скотча. Никак не могу запомнить, остался ли у меня скотч, так что в конце концов дома скопилась целая куча начатых катушек. Ну не растяпа ли я?

Стивен не ответил, потому что как раз в этот момент он осмотрел кухню и пришел к выводу, что это лучшая зона для смерти в квартире.

— На, лови!

Шейла игриво бросила ему катушку скотча. Стивен непроизвольно поймал ее и тотчас же разозлился на себя за то, что не успел надеть перчатки. Теперь на катушке останутся его отпечатки. Увидев улыбающуюся Шейлу, он задрожал от ярости.

— Какой ты ловкий, друг мой!

Стивен видел огромного червя, неумолимо приближающегося к нему. Отложив скотч, он надел перчатки.

— Перчатки? Тебе холодно? Друг мой, что ты...

Не обращая на нее внимания, Стивен открыл холодильник и начал вынимать из него продукты.

Сделав еще шаг, Шейла застыла на месте. Ее глупая улыбка стала тускнеть.

— Гм... ты проголодался?

Он вынул все полки.

Шейла перехватила его взгляд, и вдруг у нее из самой глубины гортани вырвалось слабое: *«Эээээээ...»*

Стивен догнал жирного червя, прежде чем тот успел преодолеть половину расстояния до входной двери.

Быстро это или медленно?

И потащил его назад на кухню. К холодильнику.

Глава седьмая

Час 2-й из 45

По три.

Перси Клэй, бывший майор ВВС, дипломированный специалист по ремонту и обслуживанию фюзеляжей и авиационных двигателей, имеющая все лицензии Федерального агентства гражданской авиации, какие только выдаются летчикам, не имела времени на то, чтобы быть суеверной.

И все же, проезжая в пуленепробиваемой машине через Центральный парк по дороге в федеральный дом защиты свидетелей в Мидтауне, Перси вспомнила старинную поговорку, которую суеверные путешественники повторяют словно мрачное заклинание. Катастрофы случаются по три.

Несчастья тоже приходят по три.

Во-первых, Эд. И вот теперь вторая неприятность: то, что ей только что сообщил по сотовому Рон Тэлбот.

Перси сидела, зажатая между Бриттом Хейлом и молодым полицейским, Джерри Бэнксом. Слегка опустив голову, Хейл не отрывал от нее глаз, а Бэнкс осторожно выглядывал в окно, изучая проезжающие мимо машины, пешеходов, деревья.

— Корпорация «Ю. Эс. Хелскэр» согласилась дать нам еще один шанс.

Дыхание Тэлбота вырывалось с настораживающим присвистом. Один из лучших летчиков, каких только знала Перси, Тэлбот уже много лет не сидел за штурвалом: его приковало к земле слабое здоровье. Перси считала это ужасно несправедливым наказанием за пагубные пристрастия Рона к спиртному, табаку и еде (в основном потому, что сама грешила тем же).

— Я хочу сказать, — продолжал Рон, — они *могут*отменить контракт. Бомбы не являются форс-мажорными обстоятельствами. Мы должны доставлять груз вовремя.

— Но на завтрашний вылет компания все же согласна. Молчание.

— Да. Согласна.

— Послушай, Рон, — не выдержала Перси, — выкладывай все.

Было слышно, как он зажег новую сигарету. Массивный, пропахший дымом — именно у него она стреляла «Кэмел», когда бросала курить,

Тэлбот частенько забывал о чистом белье и бритве. И совершенно не умел сообщать плохие известия.

— "Фокстрот браво", — наконец с неохотой признался он.

— Что с ним?

Это был самолет Перси Клэй. «Лир-35А», бортовой номер Н695ФБ. Конечно, по документам все обстояло иначе. Официально двухмоторный реактивный самолет был взят в лизинг холдинговой корпорацией «Клэй-Карни», подразделением чартерной авиакомпании «Гудзон-Эйр», у компании «Морган-Эйр», в свою очередь взявшей его у холдинга «Ла-Джолла», дочернего предприятия корпорации «Транспорт солюшн», зарегистрированной в штате Делавэр. Такая сложная комбинация, юридически совершенно законная и весьма распространенная, объяснялась тем, что самолеты являются баснословно дорогим товаром, и каждая авиакатастрофа обходится в громадную сумму.

Но всем в компании «Гудзон-Эйр» было известно, что «Ноябрь шесть-девять-пять Фокстрот браво» принадлежал Перси. Она налетала на нем тысячи часов. Он был ее любимцем. Ее ребенком. И все те ночи, когда Эда не было рядом с ней, а их было так много, лишь мысль об этом самолете помогала справиться с болью одиночества. Реактивный «Лир», не самолет, а просто конфетка, без труда держал на высоте сорок пять тысяч футов крейсерскую скорость 460 узлов — больше пятисот миль в час. Перси было известно, что он может летать выше и быстрее, хотя она держала это в тайне от компании «Морган-Эйр», холдинга «Ла-Джолла», корпорации «Транспорт солюшн» и Федерального агентства гражданской авиации.

— Его переоборудование... это окажется сложнее, чем я думал, — наконец решился Тэлбот.

— Продолжай.

— Ну хорошо. Стю ушел.

Стю Маркард, главный механик.

— *Что?*

—Сукин сын ушел. Ну, пока что еще не ушел, — продолжал Тэлбот. — Он позвонил и сказал, что заболел, но говорил как-то странно, и я навел кое-какие справки. Стю переходит к «Сикорскому». Уже оформил все документы.

Перси была ошеломлена.

Это уже серьезная проблема. «Лир-35А» поставляются оснащенными для пассажирских перевозок, с восемью креслами в салоне. Для того, чтобы подготовить самолет для нужд компании «Ю. Эс. Хелскэр», требовалось снять практически все пассажирские кресла, установить на специальных амортизирующих станках холодильники и провести от электрогенераторов самолета мощную проводку. То есть осуществить сложные работы с фюзеляжем и электрооборудованием.

В компании не было лучшего механика, чем Стю Маркард, переоборудовавший «Лир» Эда в кратчайшие сроки. Но без него... У Перси появились сомнения, что ее «Фокстрот» успеют переоборудовать до завтрашнего вечера.

— Перс, в чем дело? — спросил Хейл, увидев ее помрачневшее лицо.

— Стю ушел, — прошептала она.

Он непонимающе покачал головой.

— Куда ушел?

— Уволился, — пробормотала Перси. — Ушел. Сбежал к вертолетчикам, мать их.

Хейл изумленно посмотрел на нее.

— Сегодня?

Она кивнула.

— Перс, он испугался, — продолжал Тэлбот. — Уже известно, что это была бомба. Полицейские ничего не говорят, но все догадались, что произошло. Люди занервничали. Я только что говорил с Джоном Ринглом...

— С Джонни? — это был молодой летчик, пришедший в компанию в прошлом году. — Он тоже собрался уходить?

— Нет, он просто спросил, не лучше ли нам закрыться на некоторое время. Переждать, пока все это не кончится.

— Нет, закрываться мы не будем, — решительно ответила Перси. — Мы не откажемся от этого контракта, черт бы всех побрал. Дело на первом месте. А если кто-нибудь еще скажется больным, гони его в три шеи.

— Перси...

С виду суровый и непреклонный, Тэлбот в душе был очень мягким.

— Ну хорошо, — отрезала Перси, — я *сама*выгоню.

— Слушай, насчет «Фокстрота браво». Я смогу заняться переоборудованием сам, — заявил Тэлбот, прекрасный квалифицированный авиационный механик.

— Постарайся сделать все что сможешь. Но все же попробуй найти замену Стю, — сказала Перси. — Ну все, договорим потом.

Она отключила телефон.

— Не могу поверить, — пробормотал Хейл. — Стю ушел.

Летчик был потрясен.

А Перси была взбешена. Люди бегут, как крысы с тонущего корабля. Компания умирает. А она понятия не имеет, как ее спасти.

Перси Клэй не обладала обезьяньей хваткой в делах.

Обезьянья хватка...

Впервые эту фразу Перси услышала в армии. В устах адмирала, морского летчика, она означала эзотерический прирожденный дар летчика, которому невозможно обучить.

Это точно, во всем, что касается авиации. Перси обладала обезьяньей хваткой. Она могла летать на любых типах самолетов, независимо оттого, доводилось ли ей прежде управлять ими, днем и ночью, в любых погодных условиях. Безукоризненно проведя машину по заданному маршруту, Перси с первого захода сажала ее в ту волшебную точку, куда целятся все летчики — «с тысячи за цифрами», с высоты тысячу футов точно за белыми цифрами на бетоне, номером взлетно-посадочной полосы. Гидросамолеты, бипланы, огромные транспортные «Геркулесы», «семисот тридцать седьмые», МиГи — Перси Клэй чувствовала себя как дома в кабине любого самолета.

Но этим и ограничивалась ее обезьянья хватка.

С родственниками она совсем не умела налаживать отношения, это уж точно. Отец выгнал ее из дому, заявив, что не желает даже говорить с ней, после того, как Перси бросила его альма-матер, университет штата Вирджиния, чтобы поступить в летную школу. (Даже несмотря на то, что

ее расставание с Шарлоттсвилем было неизбежным — через полтора месяца после начала занятий староста курса, высокая длинноногая блондинка, довольно бесцеремонно посоветовала некрасивой девчонке перейти в вечернее сельскохозяйственное училище.)

Несомненно, у Перси не было обезьяньей хватки в навыках армейского чинопочитания. Ее захватывающее дух мастерство управления тяжелыми «Томкэтами» не могло в полной мере компенсировать неприятную особенность высказывать вслух то, о чем остальные предпочитали помалкивать.

И, конечно. Перси не могла руководить компанией, президентом которой являлась. Она сама диву давалась, как это «Гудзон-Эйр», не имеющая отбоя в заказах, тем не менее едва сводила концы с концами. Вместе с Эдом, Бриттом Хейлом и другими летчиками Перси постоянно поднималась в воздух (летать еще больше ей не позволяло идиотское предписание ФАГА, ограничивающее ежемесячный налет восьмьюдесятью часами). Так почему же компания все время находится на грани банкротства? Если бы не обаяние Эда, способного очаровывать потенциальных клиентов, и умение ворчливого Рона Тэлбота сокращать до минимума затраты и уговаривать кредиторов, «Гудзон-Эйр» не продержалась бы эти два года.

Месяц назад компания оказалась на грани закрытия, но тут Эду удалось заполучить контракт от «Ю. Эс. Хелскэр». Сеть клиник зарабатывала фантастические деньги на трансплантации человеческих органов — как выяснила Перси, не только сердца и почек. Главная проблема заключалась в том, чтобы доставить донорский орган в течение считанных часов после того, как он появился в наличии. Как правило, транспортировка осуществлялась самолетами, совершающими регулярные рейсы (в холодильнике в пилотской кабине), однако это было связано с жестким расписанием полетов. «Гудзон-Эйр» не знала подобных ограничений. Компания согласилась выделить один самолет полностью под нужды «Ю. Эс. Хелскэр». Ему предстояло регулярно облетать против часовой стрелки шесть-восемь клиник, расположенных на Восточном побережье и Среднем Западе. Своевременная доставка гарантировалась. В дождь, снег, туман и ветер, до тех пор, пока аэродромы оставались открыты и полеты не запрещались из-за погодных условий, «Гудзон-Эйр» обязывалась доставлять груз в срок.

Первый месяц должен был стать испытательным периодом. В случае успешной работы компания получала контракт на полтора года, который становился бы хребтом ее финансового благополучия.

Судя по всему, Рону удалось уговорить клиента предоставить компании еще один шанс. Но если к завтрашнему вечеру «Фокстрот браво» не будет готов к вылету… Перси не хотелось даже думать об этом.

Проезжая в полицейской машине по Центральному парку, Перси Клэй смотрела на первую весеннюю зелень. Эд очень любил это место и частенько здесь бегал. Сделав два круга по берегу пруда, он возвращался домой, вспотевший и усталый, и заставал жену завалившейся в кресло с бортовым журналом или руководством по ремонту нового турбовентиляторного двигателя, с сигаретой и стаканом виски. Улыбаясь, Эд с силой тыкал ее пальцем под ребро, спрашивая, может ли она как-нибудь *еще*портить свое здоровье. И пока Перси смеялась, украдкой делал глоток-другой виски.

Она вдруг вспомнила, как Эд, наклоняясь, целовал ее в плечо. Дав выход переполняющей его страсти, он именно сюда ронял голову, утыкаясь лицом в кожу, и Перси Клэй верила, что здесь, где ее шея переходит в узкое плечо, хотя бы в этом месте, она является красивой женщиной.

Эд…

Все звезды ночного неба…

Перси подняла наполнившиеся слезами глаза к серому небу. Суровому, зловещему. Она оценила нижнюю границу облачности в пятнадцать тысяч футов, ветер 090, скорость пятнадцать узлов, порывистый. Перси неуютно поежилась. Сильные пальцы Бритта Хейла стиснули ее запястье. Джерри Бэнкс о чем-то говорил, но она его не слушала.

Перси Клэй приняла решение. Она снова достала сотовый телефон.

Глава восьмая

Час 3-й из 45

Завывание сирены приближалось.

Линкольн Райм ожидал услышать доплеровский эффект, но сирена, издав прощальный визг, умолкла еще до того, как машина подъехала к крыльцу. И почти тут же Том ввел в лабораторию на первом этаже молодого полицейского. Светловолосый страж порядка из Иллинойса был в синем мундире, который, вероятно, был безукоризненным, когда он надевал его вчера, но сейчас был весь измят и перепачкан землей и сажей. Было видно, что полицейский водил по подбородку электрической бритвой, но ему удалось лишь выкосить неровные полосы в темной щетине, резко контрастировавшей с соломенными волосами.

Он держал в руках две большие холщовые сумки и коричневую папку. Увидев его Линкольн Райм обрадовался так, как ничему не радовался вот уже целую неделю.

— Бомба! — воскликнул он. — Вот и бомба!

Курьер, раскрывший рот от изумления при виде такого разномастного сборища сотрудников правоохранительных органов, безропотно отдал сумки налетевшему на него коршуном Куперу. Селитто, поспешно чиркнувший в квитанции, сунул ее обратно в руки оторопевшему полицейскому из Иллинойса.

— Огромное спасибо, были рады вас видеть, до свидания, — на одном дыхании произнес он, отворачиваясь к испытательным стендам.

Вежливо улыбнувшись. Том быстро проводил курьера к выходу.

— Сакс, шевелись! — крикнул Райм. — Что ты стоишь как истукан? Ну, что там у нас есть?

Одарив его ледяной улыбкой, молодая женщина направилась к столу, на котором Купер аккуратно раскладывал содержимое сумок.

*Что*с ней сегодня? Целого часа вполне достаточно для осмотра места преступления, если ее беспокоит именно это. Нюх у нее превосходный.

— Так, Том, нам нужна твоя помощь. Тащи грифельную доску. Надо составить перечень улик. Расчерчивай таблицы. Пиши заголовок: «МП-один».

— М... гм... П?

— "Место преступления"! — взорвался криминалист. — Что еще это может быть? «МП-один, Чикаго».

В предыдущем деле, которым занимался Линкольн Райм, для составления списка улик использовалась обратная сторона мятого плаката музея «Метрополитен»[3]. Сейчас же криминалист был вооружен по первому слову техники: вдоль стен стояли черные грифельные доски, своим запахом напоминавшие о сырых весенних днях в школе, когда маленький Линкольн ненавидел правописание и ждал только уроков естествознания.

Помощник, бросив недовольный взгляд на своего босса, взял кусок мела и, смахнув невидимые пылинки с безукоризненно завязанного галстука и отутюженных, как лезвия, стрелок на брюках, принялся писать.

— Итак, Мел, что мы имеем? Сакс, помоги ему. Вдвоем они принялись разбирать содержимое полиэтиленовых пакетов и пластиковых банок, наполненных пеплом, кусками металла, тканей и расплавленной пластмассы, укладывая все на фарфоровые подносы. Эксперты, производившие осмотр места катастрофы, если они в квалификации не уступали людям Райма, должны были использовать установленные на кронштейнах магниты, мощные пылесосы и сетчатые фильтры.

Райм, разбирающийся практически во всех областях криминалистики, по части взрывных устройств был непревзойденным авторитетом. Бомбы его особенно не интересовали до того, как Танцор, оставив маленький сверток в мусорной корзине кабинета на Уолл-Стрит, убил двоих его экспертов. После этого Райм посчитал своим долгом узнать о взрывчатых веществах абсолютно все. Он занимался в отделении взрывных устройств центрального управления ФБР — одной из самых малочисленных, но отборной лаборатории, состоящей из четырнадцати следователей и технических экспертов. Эти люди не искали СВУ, «самодельные взрывные устройства» (официальный термин для бомб), и не обезвреживали их. Их работа состояла в анализе адских машин и мест их взрыва, чтобы по характерным особенностям устанавливать авторов (в определенных кругах изготовление бомб считалось искусством, и ученики старались изо всех сил, постигая секреты мастерства знаменитых взрывников).

— Разве бомба не уничтожает сама себя? — спросила Сакс, роясь в пакете.

— Сакс, ничто и никогда не разрушается полностью и бесследно, — наставительно произнес Райм. — Запомни это, — однако, подкатив свое кресло к лабораторному столу, он заметил: — Мы имеем дело со скверной штучкой. Видишь эти осколки? Кусочки алюминия слева? Металл не согнут, а разорван. Это означает, что взрывчатое вещество обладало высокой бризантностью.

— Бри... чем? — переспросил Селитто.

— Бризантностью. — Райм пустился в разъяснения: — Скоростью детонации. Но даже в этом случае от шестидесяти до девяноста процентов бомбы должны уцелеть после взрыва. Разумеется, речь идет не о взрывчатом веществе, хотя его все равно остается достаточно для того, чтобы установить тип. О, тут у нас есть над чем поработать.

— Да? — фыркнул Деллрей. — По-моему, это задачка похуже, чем собрать Шалтая-Болтая.

— О, Фред, а это уже не наше дело, — поправил его Райм. — Нам нужно лишь поймать того сукиного сына, что столкнул его со стены, — он

прокатился вдоль стола. — Мел, на что это похоже? Так, вижу батарейку, вижу провода, вижу часовой механизм. Что еще? Обломков упаковки нет?

Чемоданы позволили осудить больше террористов, чем часовые механизмы и детонаторы вместе взятые. Об этом широко не говорят, но авиакомпании, как правило, передают невостребованный багаж специалистам из ФБР, а те его взрывают, составляя библиотеку обломков. Эксперты бюро вычислили террористов, взорвавших в 1988 году рейс 103 компании «Пан-Американ», не по взрывчатке, а по магнитофону «Тошиба», в который она была заложена, по чемодану, в котором лежал магнитофон, и по одежде, в которую он был завернут. Отдельные предметы одежды удалось проследить до магазина в городе Слиема на Мальте, и продавец показал, что приобрел эти предметы сотрудник ливийской разведки.

Но Купер покачал головой.

— Рядом с эпицентром взрыва только детали бомбы.

— Значит, она была не в сумке и не в чемодане, — задумчиво произнес Райм. — Любопытно. Черт побери, как же Танцору удалось пронести ее на борт самолета? Где он ее заложил? Лон, прочти-ка мне, что написали ребята из Чикаго.

— "Установка точного места взрыва затруднена вследствие полного разрушения самолета и сильного пожара, — зачитал Селитто. — Предположительно взрывное устройство находилось снизу под пилотской кабиной".

— Снизу под кабиной. Интересно, там нет грузового отсека? А может быть... — криминалист умолк, внимательно обводя взглядом пакеты с уликами. — Стоп, стоп! — вдруг воскликнул он. — Мел, ну-ка покажи мне эти куски металла. Третий пакет слева. Алюминий. Давай их под микроскоп!

Вставив под объектив предметное стекло с крошечными частицами металла, Купер подключил к микроскопу компьютер. То, что он увидел в окуляр, Райм увидел на экране.

— Курсор вниз, — послышался голос криминалиста. — Двойной щелчок левой клавишей мыши.

Изображение на экране компьютера увеличилось.

— Вот, смотри! Обшивка вогнута внутрь.

— Внутрь? — спросила Сакс. — Ты хочешь сказать, бомба была *снаружи?*

—Думаю, да. Мел, а ты что скажешь?

— Похоже, ты прав. Все полированные головки заклепок вдавлены внутрь. Определенно, бомба была снаружи.

— Может быть, это была ракета? — предположил Деллрей.

Селитто сверился с отчетом.

— Сигналы радара, указывающие на возможную ракету, отсутствуют.

Райм покачал головой.

— Нет, все говорит о том, что это была бомба.

— Но снаружи? — спросил Селитто. — Никогда не слышал о таком.

— А вот и объяснение, — подал голос Купер. Надев очки с мощными увеличительными стеклами, он перебирал керамическим пинцетом куски металла с такой скоростью, с какой ковбой считает поголовье стада. — Фрагменты магнита. К алюминиевой обшивке он бы не прилип, но под ней стальные лонжероны. А еще я нашел остатки эпоксидной смолы. Судя по всему, преступник прилепил бомбу снаружи; магнит держал до тех пор, пока не застыла смола.

— Взгляни на следы ударной волны в слое смолы, — указал Райм. — Эпоксидка еще не успела полностью застыть, значит, бомба была приклеена перед самым взлетом.

— Можно определить происхождение смолы?

— Вряд ли. Обычная эпоксидка, продается где угодно.

— Есть ли надежда найти отпечатки пальцев? Мел, скажи правду.

Купер в ответ скептически усмехнувшись, тем не менее изучил обломки в поляризованном свете.

— Ничего.

— Дай понюхать, — попросил Райм.

— Понюхать? — удивилась Сакс.

— Учитывая высокую бризантность, мы можем говорить, что это вторичное взрывчатое вещество. Я хочу знать, какое именно.

Обычно террористы при изготовлении самодельных бомб используют первичные взрывчатые вещества. Эти вещества сгорают относительно медленно и взрываются только в том случае, если сгорание происходит в замкнутом объеме. Например, в металлической трубке или коробке. Самым распространенным из таких взрывчатых веществ является порох. Вторичные, или бризантные взрывчатые вещества, такие как пластид или тротил, сгорают очень быстро в нормальном состоянии, поэтому их не требуется никуда помешать. Но такие вещества стоят дорого, и достать их очень трудно. Тип взрывчатки и источник ее происхождения может многое сказать об авторе бомбы.

Открыв пакет. Сакс поднесла его к лицу Райма. Криминалист втянул воздух носом.

— Циклонит, — не колеблясь, объявил он.

— Да, у циклонита высокая бризантность, — согласился Купер. — Как ты думаешь, «Си-три» или «Си-четыре»?

Циклонит является основным компонентом этих двух взрывчатых составов. Они используются исключительно для производства военных боеприпасов; гражданское их применение запрещено.

— Только не «Си-три», — сказал Райм, обнюхивая пепел так, словно это было коллекционное «Бордо». — Нет сладковатого привкуса... Странно... не знаю, кажется, я что-то учуял... Ну-ка, Мел, включай хроматограф.

Эксперт пропустил образец через газовый хроматограф, объединенный с масс-спектрометром. Этот прибор выделяет в смесях отдельные вещества и идентифицирует их. Он способен выявить вещество, присутствующее в миллионных долях грамма, и, сверившись с обширной базой данных, правильно его назвать.

На экране появились результаты.

— Линкольн, ты прав, — сказал Купер. — Это действительно циклонит. И нефтепродукты. А вот это странно — крахмал...

— Ну конечно, крахмал! — воскликнул Райм. — Его я и унюхал. Это мука кормовых бобов...

И тотчас же это же слово появилось на экране компьютера.

— Как ты узнал? — рассмеялся Купер.

— Потому что это динамит.

— Но здесь же нет нитроглицерина, — возразил Купер, называя основной компонент динамита.

— Нет-нет, это не настоящий динамит, — пояснил Райм. — Это смесь циклонита, тротила, машинного масла и муки кормовых бобов. Последняя используется в качестве связующего вещества. Такой динамит встречается редко. Применяется в армии.

— В армии, да? — спросил Селитто. — Это указывает на Хансена.

— Несомненно.

Эксперт положил под объектив микроскопа новые образцы.

Тотчас же изображение появилось на экране компьютера. Волокна, обрывки проводов, щепки, пыль.

Это зрелище напомнило Райму другой похожий образ, который он видел много лет назад, хотя и при совершенно иных обстоятельствах. Он подарил на день рождения своей знакомой Клэр Триллинг, красивой и стильной девушке, массивный медный калейдоскоп, купленный в дорогом магазине. Они с Клэр провели вдвоем вечер за бутылкой мерло, гадая, с помощью каких экзотических кристаллов и драгоценных камней образуются настолько потрясающие картины. В конце концов Клэр, не уступавшая Райму в стремлении объяснить все с научной точки зрения, отвинтила заднюю крышку и высыпала содержимое трубки на стол. Молодые люди долго смеялись. Волшебные образы создавались с помощью кусочков металла, деревянной стружки, мелко нарезанных страниц иллюстрированных журналов и канцелярских кнопок.

Отмахнувшись от этих воспоминаний, Райм сосредоточился на том, что появилось на экране компьютера. Обрывок промасленной бумаги — в нее был завернут динамит. Волокна, целлюлоза и хлопок от детонационного шнура, которым Танцор обмотал мягкую взрывчатку. Кусок алюминия и тонкий провод в пестрой оплетке от электрического взрывателя. Еще провода и уголек от батарейки размером с ластик.

— Часовой механизм, — окликнул Купера Райм. — Я хочу взглянуть на часовой механизм.

Эксперт взял со стола маленький полиэтиленовый пакет. Внутри лежало остановившееся холодное сердце бомбы. Часовой механизм сохранился почти целиком, что удивило Райма. Ага, вот твоя первая ошибка, подумал он, молча обращаясь к Танцору. Большинство террористов

помещает часовой механизм внутрь заряда взрывчатого вещества, чтобы уничтожить все улики. Но в данном случае Танцор случайно установил часы за толстым стальным выступом коробки, в которой размещалась бомба. Этот выступ спас часовой механизм от разрушения.

Райм до боли напряг шею, разглядывая погнутый циферблат.

Купер внимательно осмотрел часы.

— Так, вижу клеймо завода-изготовителя и номер модели.

— Быстро связывайся с АВВ.

Архив взрывчатых веществ ФБР являлся самой обширной в мире базой данных по взрывным устройствам. В нем содержались сведения обо всех бомбах Соединенных Штатов, взорванных и обнаруженных неразорвавшимися, а также вещественные доказательства с места взрыва. Первые материалы попали в архив еще в 20-е годы.

Купер застучал по клавиатуре. Через мгновение его модем засвистел и защелкал.

Две минуты спустя пришел ответ на запрос.

— Ничего хорошего, — поморщился лысеющий эксперт, что было для него свидетельством крайнего возбуждения. — Эта бомба не похожа ни на одну из тех, что есть в коллекции.

Практически все террористы изготавливают свои адские машинки похожими друг на друга, освоив одну конструкцию, они предпочитают не экспериментировать (это вполне объяснимо, учитывая характер их продукции). Если бы бомба, заложенная Танцором, была бы похожа на СВУ, взорванное где-нибудь во Флориде или Калифорнии, специалисты архива, возможно, смогли бы на основе улик, собранных на месте предыдущих преступлений, высказать предположения относительно местонахождения террориста. Правило большого пальца гласит, что если две бомбы имеют по крайней мере четыре одинаковые конструктивные особенности, например, припаянные, а не примотанные контакты или механические, а не электрические часовые механизмы, скорее всего, их изготовил один и тот же мастер. Бомба, взорванная Танцором в офисе на Уолл-Стрит, была совершенно не похожа на эту. Но Райм понимал, что две бомбы были предназначены для совершенно разных целей. Первая должна была помешать осмотру места преступления; второй предстояло взорвать реактивный самолет. А Райм уже успел узнать о Танцоре у гроба по крайней мере одно: убийца

приспосабливал свой инструмент под те задачи, которые ему предстояло выполнить.

— Что, совсем плохо? — спросил Райм, увидев разочарованное выражением лица Купера, не отрывавшего глаз от экрана компьютера.

— Часовой механизм.

Райм вздохнул. Все понятно.

— Сколько миллиардов таких часов выпущено?

— Южно-корейская корпорация «Даивана» в прошлом году продала сто сорок две тысячи. В основном разошлись через мелкие магазины. Часы не имеют серийных номеров, поэтому невозможно отследить, из какой партии этот конкретный экземпляр.

— Замечательно. Просто замечательно. Купер продолжал читать с экрана.

— Гм. Ребята из АВВ говорят, что их очень заинтересовала нагла бомба, и они надеются, что мы добавим ее в их архив.

— Ага, это первоочередная задача, — проворчал Райм.

Внезапно у него свело плечевую мышцу, и ему пришлось уронить голову на подголовник кресла. Криминалист пару минут старался дышать размеренно, дожидаясь, пока невыносимая боль ослабнет, а затем исчезнет совсем. Сакс, единственная, кто это заметил, шагнула было к нему, но он покачал головой.

— Мел, сколько ты нашел проводов?

— Похоже, их было только два.

— Многожильные или оптико-волоконные?

— Да нет. Совершенно обыкновенные.

— Шунтов нет?

— Нет.

Шунтом называется отдельный провод, замыкающий электрическую цепь в том случае, если для обезвреживания перерезается провод, идущий к взрывателю или часовому механизму. Все сложные бомбы имеют шунтирующие механизмы.

— Так, — оживился Селитто, — а это уже добрый знак, не так ли? Наш дружок становится небрежным.

Но Райм думал как раз наоборот.

— Вряд ли, Лон. Предназначение шунта только в том, чтобы затруднить обезвреживание бомбы. Отсутствие шунта говорит о том, что Танцор был абсолютно уверен: бомбу ни за что не обнаружат, и она взорвется там, где и должна, — в воздухе.

— Ну и дрянь, — презрительно бросил Деллрей, оглядывая компоненты бомбы. — С какими такими людьми должен был якшаться наш парень, чтобы собрать такую штуковину? Я хочу сказать, у меня есть хорошие осведомители. Они могут знать о том, кто поставляет материал для подобных умельцев.

Фред Деллрей тоже многое знал о бомбах. Его напарник и друг Тоби Долиттл находился в административном здании в Оклахоме, когда маньяк загнал туда начиненный взрывчаткой грузовик. Тоби погиб на месте.

Но Райм покачал головой.

— Фред, здесь нет ничего такого, что было бы трудно достать. Конечно, за исключением взрывчатки и детонационного шнура. Но этим Танцора, скорее всего, снабдил Хансен. Проклятье, да он мог купить все что нужно в магазине для радиолюбителей.

— Что? — удивленно спросила Сакс.

— Да-да, — подтвердил Купер. — Мы называем их «Всё для террориста».

Райм проехал вдоль стола к куску стального кожуха, смятого словно клочок бумаги. Он долго смотрел на него, а затем, отъехав назад, устремил взгляд в потолок.

— Но почему он прикрепил бомбу снаружи? — задумчиво произнес криминалист. — Перси сказала, в ангаре было полно народу. К тому же, разве пилот перед вылетом не осматривает самолет, проверяя шасси и все такое?

— Думаю, обязательно проверяет, — сказал Селитто.

— Тогда почему Эд Карни и его напарник не увидели бомбу?

— Потому что, — вдруг заговорила Сакс, — Танцор не мог подложить бомбу до тех пор, пока не возникло твердой уверенности, что на самолете полетит тот, кто ему нужен.

Райм круто развернул к ней свое кресло.

— В самую точку. Сакс! Он был там и следил. Увидев, как Карни садится в кабину. Танцор понял, что сможет расправиться по крайней мере с одной жертвой. Затем в промежуток времени между тем, как Карни поднялся на борт, и взлетом, он закрепил бомбу. Сакс, ты должна найти этом место. И осмотреть его. Не теряй времени, в путь.

— У меня всего один час, а теперь уже меньше, — хладнокровно заметила Амелия Сакс, направляясь к двери.

— И еще одно, — сказал ей вдогонку Райм.

Она остановилась.

— Танцор не похож на всех тех, с кем тебе приходилось до сих пор встречаться, — как ей это объяснить? — Имея с ним дело, не всегда видишь то, что есть на самом деле.

Сакс подняла бровь, словно призывая его перейти к делу.

— Вероятно, сейчас его нет в аэропорту. Но если ты увидишь, что кто-то... в общем, стреляй не задумываясь.

— Что? — рассмеялась она.

— Беспокойся в первую очередь о себе, и лишь затем о месте преступления.

— Я же только полицейская, — бросила Сакс, выходя из лаборатории. — Какое Танцору до меня дело.

— Амелия, послушай...

Но ответом ему стали звуки удаляющихся шагов. Знакомый рисунок: сначала гулкий стук по дубовым половицам, затем приглушенные шаги по восточному ковру, потом звонкое Цоканье по мрамору в вестибюле. И, наконец, кода: хлопнувшая входная дверь.

Глава девятая

Час 3-й из 45

«Главное качество солдата — выдержка и хладнокровие».

«Так точно, сэр, я это усвоил».

Стивен Колл сидел за столом на кухне Шейлы, пытаясь определить, насколько сильно он ненавидит Эсси, шелудивую кошку, или как там ее зовут, и прослушивая длинный разговор, записанный на магнитофон. Сначала Стивен хотел отыскать всех кошек и придушить их, но затем передумал. Время от времени четвероногие черви издавали жуткие завывания, и он решил, что соседи могут забеспокоиться, если в квартире Шейлы Горовиц вдруг станет тихо.

Терпение... Стивен смотрел, как крутится кассета, и слушал. Только через двадцать минут он, наконец, услышал то, что надеялся услышать. Отлично. Улыбнувшись, Стивен достал из чемодана «Модель 40», уютно устроившуюся там, словно младенец в колыбели, и подошел к холодильнику. Приложив ухо к дверце, он прислушался. Шум прекратился. Холодильник больше не трясся. Стивен испытал облегчение, представив себе огромного червя внутри, теперь уже остывшего и неподвижного. Взяв рюкзак, он вышел из полумрака квартиры, наполненного терпким кошачьим зловонием, запахом пыли и миллионами следов отвратительных червей.

* * *

Дорога за город.

Амелия Сакс неслась на полной скорости по аллеи распускающихся весенних деревьев. Вдоль одной обочины лежали валуны, вдоль другой возвышалась скала. Все словно задернуто зеленой дымкой, в которой сверкали звездами желтые цветки филлиреи.

Сакс, потомственная горожанка, родилась в Бруклине и прожила там всю свою жизнь. Для нее природа ограничивалась воскресными прогулками в Проспект-парке и вечерними поездками в Лонг-Айленд, где ей не раз приходилось укрывать в лесу свой черный спортивный «Додж-Чарджер», похожий на акулу, от полицейских, решивших оштрафовать ее за превышение скорости.

Нажав педаль акселератора. Сакс на повороте обошла микроавтобус с прилепленным на заднем стекле вверх ногами котом и направила свою машину, криминалистическую лабораторию на колесах, вглубь округа Уэстчестер.

Оторвав руку от руля, молодая женщина вонзила ногти в кожу черепа. Затем, снова стиснув руль, она утопила педаль в пол и не снимала с нее

ноги до тех пор, пока вокруг не появились первые признаки сельской цивилизации: рестораны быстрого обслуживания, заправочные, приземистые торговые центры.

Мысли Сакс были поглощены бомбами и Перси Клэй.

И Линкольном Раймом.

Сегодня он был каким-то другим. С ним произошла серьезная перемена. Сакс работала с криминалистом уже больше года, с тех пор, как он предложил ей помочь в поисках серийного убийцы, терроризировавшего Нью-Йорк. В то время Сакс было очень плохо — неудачно окончилась любовная связь, скандал о коррупции в отделении изменил ее отношение к полиции. Но Райм не дал ей уйти из правоохранительных органов. Просто не дал, и все. Хотя сам он был лишь вольнонаемным консультантом, он устроил так, что Сакс перевели в криминалистический отдел. Она пробовала было возражать, но быстро сдалась. Ей очень понравилась новая работа. И ей понравилось работать вместе с Раймом. Его блестящие способности она находила возбуждающими, устрашающими и, в этом она никому не признавалась, чертовски сексуальными.

Из чего вовсе не следовало, что Сакс научилась читать его душу. Линкольн Райм держал карты близко к груди и не собирался раскрывать их даже перед своей помощницей.

Стреляй не задумываясь...

Что все это значит? На месте преступления *ни в коем случае*нельзя стрелять, если есть хоть какой-то способ этого избежать. Даже одиночный выстрел может безнадежно загрязнить место преступления углеродом, серой, ртутью, сурьмой, свинцом, медью и мышьяком, уничтожив жизненно важные улики. Райм рассказывал, что, как-то раз, вынужденный стрелять в спрятавшегося на месте преступления преступника, он больше всего беспокоился о том, что уничтожит улики. А когда Сакс, решив, что в кои-то веки оказалась прозорливее его, заметила: «Райм, но какое это имело значение? Ведь преступник был бы в твоих руках, так?», Райм язвительно возразил: "А что если у него были *сообщники?*Что тогда?"

Чем же отличается этот Танцор у гроба от остальных преступников, если не считать его дурацкого прозвища? Только тем, что он, кажется, чуть умнее простого мафиози и наемного убийцы?

Райм предложил осмотреть ангар за *один час*.Сакс показалось, что он согласился на это исключительно ради Перси Клэй. Что было

совершенно на него не похоже. Если Райм считал нужным, он не задумываясь изолировал место преступления на несколько дней.

Эти вопросы не давали покоя Амелии Сакс, которая терпеть не могла вопросы без ответов.

Но время на размышления кончилось. Резко крутанув руль микроавтобуса. Сакс въехала в широкие ворота аэропорта «Мамаронек», спрятавшегося в лесах округа Уэстчестер на севере Манхэттена. Здесь обслуживались и самолеты крупных компаний — «Юнайтед Экспресс», «Америкен Игл», но в основном на аэродроме стояли реактивные лайнеры мелких фирм, не имевшие маркировки.

Въезд охранялся полицейскими. Они проверили и перепроверили документы у рыжеволосой красавицы, одетой в джинсы и ветровку, управлявшей передвижной лабораторией департамента полиции Нью-Йорка. Увидев указатель «Гудзон-Эйр», Сакс направилась в ту сторону и нашла в конце ряда коммерческих терминалов небольшое кирпичное здание.

Быстро выскочив из машины, она представилась двум полицейским, охранявшим ангар и небольшой серебристый самолет со стремительными обводами, стоящий там. Молодая женщина с удовлетворением отметила, что ангар полностью обнесен ограждением из желтой ленты. Но размеры ангара были удручающими.

Всего один час? Да для осмотра такой территории не хватит и целого дня!

Огромное тебе спасибо, Райм.

Сакс быстро поднялась в контору.

Там стояли кучками десятка два мужчин и женщин. В основном лет двадцати-тридцати, кто в костюмах, кто в рабочих комбинезонах. Наверное, до вчерашнего вечера это была группа энтузиастов-единомышленников. Теперь лица состарила тревога.

— Здесь есть человек по имени Рон Тэлбот? — спросила Сакс, демонстрируя свой серебряный значок.

К ней подошла женщина лет пятидесяти, самая старшая из присутствующих.

— Я Салли-Энн Маккей, — представилась она. — Управляющая офисом. Что с Перси?

— С ней все в порядке, — осторожно ответила Сакс. — Где мистер Тэлбот?

Вышедшая из кабинета брюнетка лет тридцати в мятом синем платье обняла Салли-Энн за плечи. Та участливо сжала ей руку.

— Лорен, как ты?

На опухшем лице Лорен застыло выражение ужаса.

— Вам уже удалось установить, что произошло? — спросила она Сакс.

— Мы только начали расследование... Итак, где мистер Тэлбот?

Салли-Энн, вытерев слезы, указала взглядом на дверь в углу. Войдя в кабинет. Сакс увидела грузного мужчину с двойным подбородком и спутанными седоватыми волосами. Тяжело дыша, мужчина изучал компьютерную распечатку. Когда он оторвал взгляд, Сакс поняла, что он тоже плакал.

— Я следователь Сакс из полиции Нью-Йорка, — представилась она.

Мужчина кивнул.

— Вы его уже нашли? — спросил он, выглядывая в окно, словно надеясь увидеть пролетающую мимо душу Эда Карни. — Убийцу, — пояснил Тэлбот, поворачиваясь к Сакс.

— В настоящий момент мы разрабатываем несколько версий.

Амелия Сакс, полицейский во втором поколении, прекрасно владела искусством давать уклончивые ответы.

В дверях кабинета появилась Лорен.

— Я не могу поверить, что его больше нет, — сквозь слезы выдавила она. — Кто мог такое сделать? *Кто?*

Сакс, несколько лет прослужившей в патрульной службе, не раз приходилось сообщать скорбное известие родным и близким, но она так и не смогла привыкнуть к наполненным болью голосам.

— Лорен, — взяла молодую женщину за руку Салли-Энн, — Лорен, отправляйся домой.

— Нет! Я никуда не уйду. Я хочу знать, кто, черт побери, это сделал! О Эд...

Сакс подошла к столу, за которым сидел Тэлбот.

— Мне нужна ваша помощь. Скорее всего, преступник прикрепил бомбу снаружи к обшивке самолета, под кабиной. Нам необходимо установить, где он мог это сделать.

— Снаружи? — нахмурился Тэлбот. — Но как?

— С помощью магнита и клея. Клей к моменту взрыва не успел полностью затвердеть, так что это произошло перед самым взлетом.

Тэлбот кивнул.

— Можете на нас рассчитывать. Сделаем все, что в наших силах.

Сакс похлопала по висящей на бедре радиостанции.

— Сейчас я свяжусь со своим начальником. Он в Манхэттене. Мы зададим вам несколько вопросов.

Надев наушники с микрофоном, она нажала кнопку вызова.

— Райм, я на месте. Ты меня слышишь?

Связь осуществлялась на стандартной полицейской частоте, и по правилам требовалось обращаться друг к другу исключительно по позывным и так далее. Но Сакс и Райм редко придерживались этого предписания. Голос Райма, отразившись от одному богу известно скольких спутников, заворчал в наушниках:

— Слышу. Долго же ты ехала!

— Райм, не перегибай палку. Где находился самолет перед вылетом? — обратилась Сакс к Тэлботу. — Скажем, за час — час с четвертью?

— В ангаре, — без колебаний ответил тот.

— Как по-вашему, преступник мог незаметно пробраться к самолету? После того, как вы называете, когда пилот обходит вокруг самолета?

— После наружного осмотра? Думаю, мог.

— Но в ангаре же постоянно находились люди, — сказала Лорен. Приступ слез прошел; молодая женщина вытерла лицо. Она несколько успокоилась, и теперь ее глаза вместо страха горели решимостью.

— Будьте добры, представьтесь.

— Меня зовут Лорен Симмонс.

— Лорен у нас помощник руководителя полетами, — пояснил Рон Тэлбот. — Мой заместитель.

— Мы работали вместе со Стю, — продолжала Лорен, — нашим главным механиком — нашим *бывшим*главным механиком, переоборудуя самолет. Работали целые сутки непрерывно. И мы не видели никого постороннего.

— Значит, — сказала Сакс, — преступник установил бомбу после того, как самолет покинул ангар.

— Определи точную хронологию! — затрещал в наушниках голос Райма.

— Где именно находился самолет с того момента, как покинул ангар, и до взлета?

Сакс передала его вопрос Тэлботу и Лорен, и те провели ее в зал совещаний, заполненный диаграммами, таблицами, кипами книг и тетрадей. Лорен развернула подробный план аэродрома. Он был испещрен непонятными для Сакс цифрами и буквами, но здания и рулежные полосы были хорошо видны.

— Ни один самолет не может двинуться ни на дюйм, — хриплым баритоном сообщил Тэлбот, — без разрешения диспетчерской службы. «Чарли Джульетт»...

— Прошу прощения? «Чарли» как?

— Номер самолета. Мы называем самолеты по двум последним буквам регистрационного номера. Си-Джей. «Чарли Джульетт». Он стоял в ангаре. Вот здесь... — он указал место на плане. — Мы закончили погрузку...

— Когда? — крикнул Райм так громко, что Тэлбот услышал и без помощи Сакс. — Нам нужно точное время!

Бортовой журнал «Чарли Джульетт» превратился в пепел, а регистрационная лента ФАГА еще не была расшифрована. Но Лорен сверилась с записями компании.

— Диспетчер дал разрешение выруливать на взлетно-посадочную полосу в семь шестнадцать. А в семь тридцать Эд сообщил о том, что убрал шасси.

Райм услышал ее слова.

— Четырнадцать минут. Спроси, не останавливался ли за это время самолет и находился ли он постоянно в поле зрения.

Сакс повторила его вопрос.

— Наверное, здесь, — сказала Лорен, указывая место на плане.

Участок узкой рулежной полосы длиной около двухсот футов. С обеих сторон загороженный рядами ангаров.

— О, и это зона НВ башни! — воскликнула Лорен.

— Точно, — присоединился к ней Тэлбот, словно ее слова имели какое-то значение.

— Перевод! — крикнул Райм.

— Что это значит? — спросила Сакс.

— С башни диспетчерского пункта эта зона не видна, — объяснила Лорен.

— Точно! — послышался в наушниках торжествующий крик. — Сакс, оцепляй это место и ищи. Об ангаре забудь.

— Ангар мы осматривать не будем, — обратилась Сакс к Тэлботу. — Можете продолжать свою работу. Но мне нужно оцепить эту рулежную полосу. Вы можете связаться с диспетчерской?

— Связаться-то я могу, — с сомнением произнес тот. — Но вот понравится ли это диспетчерам...

— Если заартачатся, пусть звонят Томасу Перкинсу. Это глава манхэттенского отделения ФБР. Он свяжется с главным управлением ФАГА.

— В Вашингтоне? — недоверчиво переспросила Лорен.

— Именно с ним.

Тэлбот слабо улыбнулся.

— Это меняет дело.

Направившись к выходу. Сакс задержалась в дверях, тревожно оглядывая оживленное летное поле.

— Знаете, я на машине, — обратилась она к Тэлботу. — Есть какие-нибудь особые правила езды по аэродрому?

— Да, — ответил тот. — Постарайтесь не наехать на самолет.

Часть вторая

Зона действия

Охотничий сокол, каким бы прирученным и миролюбивым ни казался, по сути своей остается животным диким — настолько диким, каким только может быть животное, живущее с человеком. И, кроме того, он охотится.

Стефан Бодио, «Страсть к соколам»

Глава десятая

Час 3-й из 45

— Райм, я здесь, — объявила Сакс.

Выйдя из передвижной лаборатории, она надела резиновые перчатки и обмотала обувь резиновыми полосами, как учил ее Райм, чтобы отпечатки ее ног нельзя было спутать с отпечатками преступника.

— Сакс, а где находится это *здесь?* -язвительно спросил криминалист.

— В том месте, где рулежная дорожка упирается во взлетно-посадочную полосу. Между рядами ангаров. Там, где остановился самолет Карни.

Сакс беспокойно взглянула на темнеющую вдали полоску деревьев. Воздух был перенасыщен влагой. Судя по всему, надвигалась еще одна гроза. Молодая женщина ощутила себя совершенно беззащитной. Возможно, Танцор здесь, быть может, он вернулся, чтобы уничтожить оставленные улики, быть может, он решил убить полицейского и замедлить расследование. Как случилось тогда, когда Танцор взорвал бомбу в конторе на Уолл-Стрит, убив двух экспертов из команды Райма.

Стреляй не задумываясь...

«Черт бы тебя побрал, Райм! Ты меня совсем запугал. Почему ты ведешь себя так, будто этот тип проходит сквозь стены и плюется смертельным ядом?»

Сакс достала из багажника источник поляризованного света и большой чемодан. Внутри чемодана находилась добрая сотня различных

инструментов, необходимых в профессии криминалиста: отвертки, пассатижи, молотки, кусачки, ножи, оборудование для снятия отпечатков пальцев, пинцеты, кисточки, щипцы, ножницы, набор для исследования сгоревшего пороха, карандаши, полиэтиленовые и бумажные пакеты, моток желтой ленты...

Перво-наперво обозначить периметр.

Молодая женщина окружила желтой лентой всю зону.

Во-вторых, определить места нахождения корреспондентов средств массовой информации и оценить радиус действия объективов фотоаппаратов и микрофонов.

Прессы нет. Пока нет. Господи, спасибо тебе за это.

— Сакс, что ты говоришь?

— Благодарю Бога за то, что здесь нет журналистов.

— Замечательно. Но все же скажи, что ты делаешь?

— Все еще обозначаю периметр.

— Найди...

— Вход и выход, — закончила за него Сакс.

Шаг третий: определить, откуда преступник пришел и куда ушел. Это будут вторичные места преступлений.

Но она понятия не имела, откуда появился Танцор. Он мог прийти откуда угодно. Незаметно выскочить из-за угла, приехать на тележке с багажом, на заправочной машине...

Надев специальные очки. Сакс стала водить по бетонной полосе источником поляризованного света. Конечно, на улице это было совсем не то, что в темном помещении, и все же направляя луч под острым утлом, она видела в волшебном зеленовато-желтом свете блестящие искорки. Но, увы, никаких следов.

— Ее же полили, — раздался голос у нее за спиной.

Резко развернувшись. Сакс положила руку на «Глок» и наполовину вытащила пистолет из кобуры.

"Райм, я *никогда*не была такой пугливой. Это все ты виноват".

За желтой лентой стояли двое в рабочей одежде. Осторожно приблизившись к ним. Сакс проверила удостоверения личности. Фотографии совпадали.

— Каждую ночь все дорожки поливают. Нам показалось, вы здесь что-то ищите, — пояснил тот, что заговорил первым.

— Водой под давлением, — добавил второй. Замечательно. Все мельчайшие следы, все отпечатки ног, все кусочки кожи, которые мог оставить здесь Танцор, безвозвратно исчезли.

— Вы видели здесь кого-нибудь постороннего вчера вечером?

— Это связано с бомбой?

— Приблизительно в четверть восьмого? — настаивала Сакс.

— Нет. Здесь безлюдно. Ангары заброшены. Наверное, их скоро будут сносить.

— А вы сейчас что здесь делаете?

— Увидели полицейского. Вы ведь из полиции, правда? Ну, и решили подойти, взглянуть. Это ведь *связано с*бомбой, да? Кто ее подложил? Арабы? Или экстремисты, мать их?

Сакс постаралась отогнать непрошенных зрителей.

— Райм, вчера ночью рулежную дорожку поливали водой, — сказала она в микрофон. — Похоже, под большим давлением.

— Только не это!

— Я...

— Привет!

Вздохнув, Сакс обернулась, ожидая увидеть вернувшихся рабочих. Но это был молодой самодовольный полицейский в фуражке и отутюженных брюках. Он поднырнул под ленту.

— Прошу прощения, — двинулась ему навстречу Сакс, — но доступ сюда закрыт.

Полицейского ее слова не остановили. Молодая женщина проверила удостоверение личности. На фотографии он был похож на модель с обложки журнала мужской моды.

— Вы из полиции Нью-Йорка, да? — полицейский рассмеялся. — Красивая у вас там форма!

Он окинул оценивающим взглядом обтягивающие джинсы.

— Доступ сюда закрыт.

— Я могу вам помочь. Я окончил курсы криминалистики. Правда, в основном приходится патрулировать дороги, но все же кое-какой опыт у меня есть. А волосы у вас — это *что-то!*Впрочем, наверное, это вы уже слышали.

— Я действительно вынуждена попросить вас…

— Меня зовут Джим Эвертс.

Только не надо переходить на имена. Это прилипает хуже клейкой ленты.

— Офицер Сакс.

— Скверная это штука — бомба.

— Видите ли, Джим, эта лента натянута здесь для того, чтобы никого *не пускать*на место преступления. Если хотите помочь, быстро отойдите за нее.

— Подождите, разве к полицейским это тоже относится?

— Да, относится.

— И даже ко мне?

— И к вам тоже.

Место преступления безнадежно портят пять самых страшных врагов криминалиста: погода, родственники жертвы, подозреваемые, охотники за сувенирами и, худшее из худшего, собратья-полицейские.

— Я и пальцем ничего не трону. Ей-богу. Мне просто будет приятно смотреть, как вы работаете, милочка.

— Сакс, — прошептал Райм, — скажи ему, чтобы живо Убирался с места преступления, мать его.

— Джим, живо убирайся с места преступления, мать твою!

— В противном случае ты доложишь его начальству.

— В противном случае я доложу твоему начальству.

— О-о-о-о, *вот*вы как?

Джим Эвертс поднял руки, признавая свое поражение. С его лица исчезли последние намеки на заигрывание.

— Сакс, *шевелись.*

Полицейский, пытаясь сохранить лицо, медленно направился к ограждению. Один раз он обернулся, но все же удержался от обидного замечания.

Амелия Сакс начала ходить по методу «решетки», то есть производить движения вперед и назад в одном направлении (север — юг), а затем проделывать те же движения в перпендикулярном направлении (восток — запад).

Существует несколько различных способов осмотра места преступления. На улице чаще всего используется слалом — движение по синусоиде, что позволяет быстро осмотреть большую территорию. Но Линкольн Райм не желал даже слышать об этом. Он использовал только «метод решетки». Когда Райм был главой следственного отдела, выражение «метод решетки» стало синонимом осмотра места преступления, и плохо приходилось тому эксперту, который, используя «решетку», срезал углы или витал мыслями в облаках.

Сакс потратила полчаса, расхаживая взад-вперед по полосе бетона и рядом с ней. Поливальная машина, уничтожив следы и мелкие улики, все равно должна была пощадить более крупные предметы, которые мог обронить Танцор. Не должна она была испортить и следы ног и отпечатки тела в мягкой земле рядом с рулежной дорожкой.

Но Сакс ничего не удалось найти.

— Проклятие, Райм, совершенно ничего.

— Ну же. Сакс, готов поспорить, что-нибудь да есть. И не что-нибудь, а много чего. Просто надо повозиться чуть больше обычного. Помни, что Танцор не похож на других преступников.

О, опять он за *это.*

—Сакс, — голос тихий и вкрадчивый. Она ощутила дрожь. — Вживись в него. Ты понимаешь, о чем я говорю.

Сакс прекрасно понимала, что он имеет в виду. Ей стало плохо от одной этой мысли. Да, она знала, что надо делать. Лучшие криминалисты способны сделать так, что граница у них в мозгу, отделяющая охотника от добычи, растворяется, перестает существовать. Они ходят по месту преступления не как полицейские, пытающиеся отыскать улики, а как преступник, разделяя его мысли, желания, страхи. Райм обладал этим талантом. И Сакс, хотя она и пыталась это отрицать, также обладала им. С месяц назад она проводила осмотр места преступления — мужчина убил жену и ребенка — и нашла орудие убийства там, где остальным даже не пришло в голову искать. После этого Сакс не могла работать целую неделю. Ее терзали навязчивые мысли, что это именно *она*зарезала жертвы. У нее перед глазами стояли их искаженные от ужаса лица, она слышала их предсмертные крики. Молчание.

— Говори со мной, — прошептал Райм. И уже решительно: — Ты — это он. Ты идешь там, где шел он, думаешь то, что он думал...

Разумеется, он и раньше говорил ей такие слова. Но сейчас, как и во всем, что имело отношение к Танцору, молодой женщине показалось, что Райм думает не только о том, чтобы обнаружить какие-то незаметные улики. Нет, она нутром своим почувствовала, что он отчаянно хочет узнать этого преступника. Понять, кто он, что заставляет его совершать убийства.

Ее снова охватила дрожь. Мысли упорядочились, формируя цельную картину. Ночь. Огни аэродрома. Звуки взлетающих самолетов, запах выхлопов.

— Ну же, Амелия... Ты — это он. Ты — Танцор у гроба. Тебе известно, что Эд Карни находится на борту самолета, теперь тебе нужно закрепить бомбу. Думай только об этом.

Она послушно выполнила его приказание, призывая откуда-то из потаенных глубин желание убивать.

Райм продолжал говорить своим чарующе мелодичным голосом:

— Ты великолепно знаешь свое дело. У тебя нет никаких моральных принципов. Ты убьешь *кого угодно,*сделаешь *что угодно*ради достижения своей цели. Ты отвлекаешь внимание, ты используешь окружающих... Твое самое смертоносное оружие — обман.

Я лежу в засаде.

Мое самое смертоносное оружие...

Сакс закрыла глаза.

...это обман.

Она ощутила, как ее наполняет мрачная надежда, возбуждение, охотничий азарт.

— Я...

— Можешь ли ты как-нибудь отвлечь от себя внимание? — продолжал Райм.

Сакс открыла глаза.

— Здесь местность голая как стол. Спрятаться невозможно.

— А ты где прячешься?

— Ангары заколочены. Трава скошена. Ни брошенных грузовиков, ни пустых бочек из-под горючего. Ангары стоят вплотную друг к другу, между ними не протиснуться. Укрыться негде!

Нутром своим Сакс ощутила отчаяние. "Что же делать? Я *должна*заложить бомбу. Времени нет. Огни... огни повсюду. Что? Что мне делать?"

— За ангарами не спрятаться. Там полно рабочих. Местность открытая. Они меня непременно увидят.

На мгновение Сакс снова стала сама собой, гадая, как это случалось с ней нередко, почему Линкольн Райм обладает силой заставить ее превратиться в кого-то другого. Иногда это ее злило. Иногда возбуждало.

Молодая женщина припала на колено, не обращая внимания на боль, периодически терзавшую ее последние десять из тридцати трех лет жизни.

— Место здесь слишком открытое. Все видно как на ладони.

— О чем ты думаешь?

Меня ищут. Я не могу допустить, чтобы меня нашли. Не могу!

Это очень рискованно. Спрячься. И не высовывайся.

Но спрятаться негде.

Если меня заметят, это конец. Бомбу найдут и поймут, что я охочусь за тремя свидетелями. Их поместят в охраняемый дом. *И я ни за что*не смогу до них добраться. Этого *нельзя*допустить.

Прочувствовав панику, охватившую убийцу. Сакс вернулась к единственному месту, где можно было укрыться. К ангару у рулежной дорожки. Единственное разбитое окно размером три на четыре фута было заколочено изнутри старой растрескавшейся фанерой, и первоначально молодая женщина не обратила на этот ангар внимания.

Теперь она осторожно приблизилась к нему. Земля у стен была усыпана щебнем, следы на нем не остаются.

— Райм, окно заколочено. Изнутри, фанерой. Стекло разбито.

— Оно грязное? То стекло, что осталось в раме?

— Грязнее не бывает.

— А края?

— Нет, края чистые, — она поняла, почему он задал этот вопрос. — Стекло разбито недавно!

— Верно. Надави на фанеру. Со всей силой. Фанера вылетела из рамы без малейшего сопротивления и с громким шумом упала на пол.

— Что это было? — всполошился Райм. — Сакс, с тобой все в порядке?

— Это фанера, — ответила она, снова пугаясь его беспокойства. Молодая женщина посветила галогенным фонариком в окно. Внутри ангара было пусто.

— Сакс, что ты видишь?

— Он пустой. Внутри несколько ящиков, покрытых слоем пыли. На полу щебень...

— Это он! — воскликнул Райм. — Он разбил стекло и бросил внутрь щебень, чтобы можно было стоять у окна, не оставляя следов. Это старый трюк. Перед окном на улице следов нет? Готов поспорить, там тоже щебень, — мрачно добавил он.

— Так точно.

— Ну хорошо. Осмотри окно. Затем залезай внутрь. Но первым делом ищи ловушки. Не забывай о мусорной корзине на Уолл-Стрит.

«Райм, прекрати. Прекрати!»

Сакс снова обвела лучом фонарика внутренность ангара.

— Райм, все чисто. Ловушек нет. Приступаю к осмотру рамы.

Источник поляризованного света показал лишь едва различимый отпечаток пальца в матерчатой перчатке.

— Без синтетики, чистый хлопок.

— В ангаре что-нибудь есть? Что-нибудь ценное, что можно было бы стащить?

— Нет, он пуст.

— Хорошо.

— Что тут хорошего? — спросила Сакс. — Я же сказала, отпечатков нет.

— Да, Сакс, но это означает, что *он*был здесь. Рассмотри с точки зрения логики: зачем человеку в перчатках залезать туда, где нечего украсть?

Молодая женщина тщательно осмотрела ангар. Ни следов, ни отпечатков пальцев, никаких улик. Достав пылесос, она собрала мелкие частицы.

— Стекло и щебень? — спросила Сакс. — В бумажный пакет?

— Да.

Влага способна уничтожить мельчайшие улики, и хотя это со стороны кажется непрофессиональным, некоторые предметы лучше переносить в пакетах из плотной бумаги.

— Все, Райм. Я буду у тебя минут через сорок.

Сакс окончила связь.

Она аккуратно уложила пакеты в машину, чувствуя какую-то неудовлетворенность. Как бывало всегда, когда при осмотре места преступления не удавалось найти очевидных улик: пистолетов, ножей или хотя бы бумажника преступника. Сейчас же собранные ей улики *могут*дать наводку на то, кто такой Танцор и где он скрывается. Но вполне вероятно, вся работа окажется проделанной впустую. Молодой женщине не терпелось как можно скорее вернуться в лабораторию и узнать, что удастся установить Райму.

Сев за руль, она помчалась назад к конторе компании «Гудзон-Эйр» и поднялась в кабинет к Рону Тэлботу. Тот разговаривал с высоким мужчиной, стоящим спиной к двери.

— Мистер Тэлбот, я нашла то, что искала, — начала Сакс. — Оцепление снято. Можете сообщить диспетчерам...

Мужчина обернулся. Это был Бритт Хейл. Он нахмурился, вспоминая, как ее зовут.

— Ах да, офицер Сакс, — наконец вспомнил он. — Как идут дела?

Молодая женщина машинально кивнула, но тут же опомнилась.

Услышав приглушенный плач, она заглянула в зал совещаний. Рядом с Лорен, миловидной брюнеткой, бывшей, как вспомнила Сакс, заместителем Рона Тэлбота, сидела Перси Клэй. Лорен плакала, а Перси, забыв про свое горе, пыталась ее успокоить. Подняв взгляд, она увидела Сакс и кивнула.

Нет, нет, нет...

И тотчас же Сакс испытала третье потрясение.

— Привет, Амелия, — весело заметил Джерри Бэнкс, попивая кофе. Молодой полицейский примостился у окна, восхищаясь зрелищем стоящего в ангаре «Лира».

— Что они здесь делают? — резко спросила Сакс, указывая на Хейла и Перси, забыв о том, что Бэнкс старше ее по званию.

— У них возникли какие-то проблемы с механиком, — ответил тот. — Перси решила завернуть сюда. Чтобы найти...

— Райм! — крикнула Сакс в микрофон — Она здесь!

— Кто? — язвительно спросил он. — И *где?*

—Перси. И Хейл тоже. Они в аэропорту.

— Нет! Они же должны находиться в охраняемом доме!

— Так вот, сейчас они оба находятся прямо передо мной!

— Нет, этого не может быть! — взорвался Райм. Он помолчал, стараясь взять себя в руки. — Спроси Бэнкса, пытались ли они по пути оторваться от возможной слежки?

Бэнкс смущенно ответил, что не пытались.

— Миссис Клэй настояла на том, чтобы сначала заехать сюда. Я пытался ее отговорить...

— Господи, Сакс, он где-то там. Танцор там. Я это чую.

— Пусть никуда не выходят и не приближаются к окнам! — воскликнул Райм. — Я попрошу Деллрея прислать бронированную машину из отделения Бюро в Уайт-Плейнс.

Перси услышала его слова.

— Через час я поеду в охраняемый дом. Но сначала нам нужно найти механика...

Сакс махнула рукой, останавливая ее.

— Джерри, следи за ними.

Подбежав к двери, она окинула взглядом огромное серое поле аэродрома. По взлетно-посадочной полосе с ревом разгонялся турбореактивный самолет. Молодая женщина подвела ко рту микрофон на гибком креплении.

— Райм, как? Как он может напасть на нас?

— Не представляю. От него можно ждать чего угодно. Сакс попыталась снова вжиться в мысли Танцора, но у нее ничего не получилось. В голове крутилось только одно: *обман*...

—Как охраняется аэропорт? — спросил Райм.

— Достаточно строго. Высокий забор с колючей проволокой. На въезде полицейский пост. Проверка документов...

— Но у полиции документы проверяются не очень внимательно, так? — оборвал ее Райм.

Сакс вспомнила, как небрежно проверяются документы у людей в форме.

— Проклятие, Райм, здесь не меньше десятка полицейских машин. И еще пара машин следственного отдела... Танцор мог попасть сюда в одной из них.

— Хорошо, Сакс. Слушай, узнай, не пропадал ли за последние два-три часа кто-либо из местных полицейских. Таким образом Танцор мог завладеть формой и удостоверением личности.

Сакс подозвала дежурившего у дверей полицейского и внимательно изучила фотографию на удостоверении. Убедившись, что перед ней тот, кто нужно, она сказала:

— Мы полагаем, убийца может находиться где-то неподалеку, возможно, выдавая себя за сотрудника полиции. Необходимо проверить всех, кто присутствует на аэродроме. Если вам встретится кто-либо незнакомый, дайте мне знать. И еще. Свяжитесь с местным управлением и узнайте, не пропадал ли кто-нибудь из полицейских в течение последних нескольких часов.

— Будет исполнено.

Сакс вернулась в контору. Занавесок на окнах не было, и Бэнкс увел Перси и Хейла во внутренний кабинет.

— Что здесь происходит? — спросила Перси.

— Через пять минут вас отсюда заберут, — сказала Сакс. Она выглянула из окна, пытаясь предположить, откуда нанесет свой удар Танцор. Но ей ничего не шло в голову.

— Почему? — нахмурилась летчица.

— Мы полагаем, человек, убивший вашего мужа, находится здесь. Или направляется сюда.

— Ну же, прекратите. На аэродроме полно полицейских. Здесь нам ничего не угрожает. Я должна...

— И без возражений, — отрезала Сакс. Но Перси не собиралась сдаваться.

— Мы не можем уехать. От нас только что ушел главный механик. Мне необходимо...

— Перс, — неуверенно начал Хейл, — быть может, все же стоит прислушаться к ее словам.

— Мы должны пойти к самолету и...

— Отойдите вот сюда. И не двигайтесь. Перси раскрыла рот от изумления.

— Вы не имеете права так со мной разговаривать! Я не арестованная!

— Офицер Сакс! Где вы? — в дверях появился полицейский, с которым только что разговаривала Сакс. — Я быстро осмотрел всех людей в форме и следователей тоже. Незнакомых среди них нет. И нет сообщений об исчезновении сотрудников полиции Уэстчестера. Но в управлении мне сообщили кое-что интересное. Я решил, вам следует это знать. Возможно, все объясняется совсем просто…

— Говорите.

— Офицер Сакс, мне нужно с вами поговорить, — вмешалась Перси Клэй.

Сакс, не обращая на нее внимания, кивнула полицейскому:

— Продолжайте.

— Дорожный патруль обнаружил в Уайт-Плейнз, это в паре миль отсюда, труп. В мусорном контейнере. Убийство произошло где-то около часа назад, даже меньше.

— Райм, ты слышишь?

— Да.

— Почему вы решили, что это так важно? — обратилась Сакс к полицейскому.

— С ним расправились очень жестоко.

— Спроси, целы ли руки и лицо, — требовательно произнес Райм.

— Что?

— Спрашивай!

Сакс передала полицейскому вопрос криминалиста, и все присутствующие, умолкнув, удивленно повернулись к ней. Полицейский изумленно заморгал.

— Да, мэм. Извините, офицер. Ну, по крайней мере, рук у трупа нет. О лице дежурный ничего не говорил. Как вы догадались?

— Где он сейчас? — выпалил Райм. — Труп?

Молодая женщина переспросила полицейского.

— В санитарной машине. Его везут в окружной морг.

— Так, пусть его привезут к тебе, — сказал Райм. — Я хочу, чтобы ты его осмотрела.

— Кого?

— Труп! Он даст нам ответ, как Танцор собирается нанести удар. Пусть Перси и Хейл не двигаются с места до тех пор, пока мы не узнаем, с чем имеем дело.

Сакс передала полицейскому просьбу Райма.

— Хорошо, — согласился тот. — Я займусь этим. Вы... то есть, труп нужно привезти *прямо сюда*.

—Да. И немедленно.

— Сакс, скажи им, чтобы поторопились, — сказал Райм. Он вздохнул. — Плохо дело. Плохо.

И у Сакс мелькнуло неприятное ощущение, что Райм переживает не по поводу того человека, который только что умер насильственной смертью, а по поводу тех, кому, возможно, это предстоит в самое ближайшее время.

* * *

Непосвященные считают, что самое главное для снайпера — винтовка, но это не так. Главное — это прицел.

«Солдат, как мы его называем? Телескопический прицел? Телескоп?»

«Никак нет, сэр. Мы называем его „оптический прицел“. Это „Редфилд“, три на девять, с перекрестием из четырех нитей. Лучше не бывает, сэр».

Прицел, который Стивен устанавливал на свою винтовку «Модель 40», имел в длину двенадцать дюймов и три четверти и весил чуть больше двенадцати унций. Он был подогнан именно под этот экземпляр винтовки и имел соответствующий серийный номер. Установка нормального боя была произведена особенно тщательно. Инженер-оптик с завода-изготовителя отрегулировал параллакс так, что перекрестие, замершее на сердце человека, стоящего в пятистах ярдах, практически не шевелилось при перемещении головы стрелка вправо или влево.

Наглазник был подогнан так аккуратно, что, отходя назад при отдаче, останавливался ровно в миллиметре от брови Стивена, ничего не задевая.

Стивен хранил длинный черный прицел завернутым в кусок бархата и уложенным в специальный пенопластовый футляр в гитарном чемодане.

И вот сейчас Стивен, притаившись в густой высокой траве ярдах в трехстах от конторы и ангара компании «Гудзон-Эйр», вставил тонкую трубку в крепление винтовки, перпендикулярно стволу (в этот момент он всегда вспоминал распятие, бывшее у отчима), а затем повернул ее на место так, чтобы раздался щелчок. Затем он затянул барашки, фиксируя прицел.

«Солдат, ты хороший снайпер?»

«Так точно, сэр, отличный».

«Что ты можешь о себе сказать?»

«Сэр, я в отличной физической форме. Я очень аккуратен, я правша. У меня стопроцентное зрение. Я не курю, не пью, не употребляю наркотики. Я могу по несколько часов лежать совершенно неподвижно, и я живу ради того, чтобы посылать пули точно в своих врагов».

Стивен зарылся глубже в кучу листвы и травы.

У него мелькнула мысль, что здесь могут быть черви. Но сейчас это его не беспокоило. Он должен был выполнить задание, и этим были полностью заняты его мысли.

Стивен ласково погладил винтовку, наслаждаясь запахом машинного масла, которым был смазан затвор. «Модель 40» была рассчитана под патрон калибра 7,62 мм стандарта НАТО и весила восемь фунтов и четыре унции. Сила нажатия на курок менялась в пределах от трех до пяти фунтов, но Стивен, обладавший очень сильными пальцами, даже чуть увеличил ее. Винтовка имела дальность прицельного выстрела в тысячу ярдов, но Стивену приходилось делать смертельные выстрелы по целям, находящимся дальше тысячи трехсот ярдов.

Стивен, можно сказать, был интимно близко знаком со своей винтовкой. Отчим не раз говорил ему, что снайпер не имеет права разбирать свое оружие; своего пасынка старик и близко не подпускал к винтовкам и ружьям. Но против этого закона, установленного отчимом, Стивен почему-то сразу же восстал. Тайком от старика он научился разбирать,

чистить и чинить винтовку и даже вытачивать на станке детали, требующие замены.

Закрепив оптический прицел, Стивен осмотрел в него здание компании «Гудзон-Эйр». Жену он не увидел, хотя точно знал, что она или уже здесь, или скоро приедет. Прослушивая кассету, на которой фиксировались все телефонные разговоры, ведущиеся из конторы, Стивен узнал, что Жена сообщила кому-то по имени Рон о перемене планов. Вместо того чтобы отправиться прямиком в охраняемый дом, она решила заехать в аэропорт и попытаться найти механиков, чтобы завершить переоборудование самолета.

Припав к земле, Стивен пополз вперед. Оставаясь скрытым в густых зарослях, он поднялся на небольшой бугор, откуда как на ладони просматривались ангар, здание и стоянка перед ним. От зоны действия его теперь отделяли лишь две рулежные дорожки и ровное стриженное поле.

Лучше место для убийства не придумаешь. Широкое, открытое. Все входы и выходы просматриваются с выбранной позиции.

У входа в здание стояли двое. Полицейский в форме и женщина с длинными огненно-рыжими волосами, спускающимися на плечи из-под бейсболки. Очень красивая. Тоже из полиции, но в штатском. Стивен различил у нее на бедре оттопыренную кобуру. Достав дальномер, он навел его так, чтобы в поле зрения появилась раздвоенная рыжая шевелюра, а затем вращением кольца добился совмещения изображений.

Триста шестнадцать ярдов.

Отложив дальномер, Стивен снова взял винтовку и навел перекрестие на красивое лицо, обрамленное рыжими волосами. Ему почему-то стало не по себе от вида этого лица. Оно не понравилось Стивену. И у него мелькнула мысль, чем вызвана эта неприязнь.

Где-то поблизости в траве послышался шорох. Стивен вздрогнул: черви.

Его охватила дрожь омерзения.

Лицо в окне…

Он навел перекрестие на грудь женщины.

Дрожь прошла.

«Солдат, какой девиз у снайпера?»

«Сэр, один шанс, один выстрел, одно попадание».

Условия для стрельбы были великолепные. Слабый ветерок, дующий справа налево, со скоростью около четырех миль в час. Воздух влажный, так что пуля будет словно плиссировать в нем. Местность ровная, однородная; можно не опасаться восходящих воздушных потоков над неравномерно нагретыми участками. Спустившись с бугорка, Стивен прочистил ствол «Модели 40» шомполом с намотанным на конец куском мягкой хлопчатобумажной ткани. Хороший снайпер всегда чистит оружие перед выстрелом. Капелька влаги или масла может отклонить траекторию на дюйм-два. Затем, сделав из ремня упор для левой руки, Стивен занял позицию.

В магазине находились пять патронов М-118, отборных, специально предназначенных для меткой стрельбы. Такие выпускал возобновивший свою работу оружейный завод в Солт-Лейк-Сити. Пуля весом 173 грана с вытянутым донышком вылетала из ствола со скоростью полмили в секунду. Однако Стивен несколько изменил казалось бы доведенную до совершенства конструкцию. Высверлив сердечник, он наполнил отверстие зарядом взрывного вещества, а вместо обычной стальной использовал оболочку с керамическим наконечником, способную пробить практически любой бронежилет.

Достав тонкое льняное полотенце, Стивен расстелил его справа от себя, чтобы улавливать стреляные гильзы. Наконец, дважды обмотав ремень вокруг бицепса левой руки, он твердо упер локоть в землю, словно прикрепил точечной сваркой щеку и большой палец правой руки к прикладу чуть сзади спускового крючка.

Затем Стивен принялся медленно изучать зону действия.

Внутренние помещения были ему плохо видны, и все же кажется в одном окне он разглядел Жену.

Да, это она!

Жена стояла за крупным мужчиной с вьющимися волосами в мятой белой рубашке. Мужчина держал в руке сигарету. Но тут молодой блондин в костюме с полицейской бляхой на ремне отвел их подальше от окна.

Терпение… Жена снова подставляет себя. Никто понятия не имеет, что он здесь. Ему можно ждать хоть весь день. Вот только черви…

Опять замигали огни.

К зданию подкатила машина скорой помощи. Рыжеволосая полицейская, увидев ее, просияла и побежала к стоянке.

Стивен сделал глубокий вдох.

Один шанс...

«Солдат, отрегулировать прицел!»

Угол возвышения ствола при выстреле на дистанцию 316 ярдов равен трем минутам. Стивен еще чуть подкрутил прицел, увеличивая угол, чтобы компенсировать силу тяжести.

Один выстрел...

«Солдат, рассчитать поправку на боковой ветер».

«Сэр, формула поправки следующая: дистанцию в сотнях ярдов умножить на скорость ветра и разделить на пятнадцать».

Стивен мгновенно произвел в уме вычисления: поправка чуть меньше одной минуты. Он отрегулировал прицел.

«Сэр, я готов».

Одно попадание...

Прорвавшийся сквозь тучи солнечный луч осветил фасад здания. Стивен начал дышать размеренно и ровно. Счастье было на его стороне: червей пока не было. И из окон за ним никто не следил.

Глава одиннадцатая

Час 4-й из 45

Толстый санитар выкатился из машины скорой помощи.

— Я — офицер Сакс, — кивнув, представилась молодая женщина.

Он повернул свое дородное брюшко в ее сторону.

— Значит, это вы заказывали пиццу?

Сакс вздохнула.

— Что случилось?

— Что случилось? С ним? Умер, вот что случилось, — оглядев ее с ног до головы, санитар наморщил лоб. — Что-то я вас здесь раньше не видел.

— Я из Нью-Йорка.

— А, из Нью-Йорка. Она из Нью-Йорка! И все же лучше спросить, — он мрачно кивнул. — Вам уже приходилось видеть трупы?

Порой приходится немного сгибаться. Привыкнуть к этому, а также научиться определять, насколько именно надо согнуться, очень трудно. Но урок это очень ценный. Иногда он оказывается просто незаменимым.

Сакс мило улыбнулась.

— Знаете, положение у нас критическое. Я буду очень признательна, если вы мне поможете. Не могли бы вы рассказать, где был обнаружен труп?

Санитар довольно долго разглядывал ее.

— Насчет трупов я спросил только потому, что вид этого жмурика вам не очень-то понравится. Я мог бы и сам обыскать его и все такое.

— Спасибо. К этому мы еще вернемся. А теперь все же расскажите, где вы его нашли.

— В мусорном контейнере на стоянке в двух кварталах от...

— Это в нескольких милях отсюда, — пояснил второй голос.

— Привет, Джим, — сказал санитар.

Сакс обернулась. Замечательно. Это был тот полицейский, что пытался заигрывать с ней на рулежной дорожке. Он уверенно подошел к машине.

— Привет, милочка. Это опять я. Ну как, всех преступников поймали? Эрл, что там у тебя?

— Труп, без рук.

Распахнув дверь, санитар протянул руку и расстегнул молнию пластикового мешка. На пол потекла кровь.

— Оп-ля! — подмигнул Сакс Эрл. — Слушай, Джим, после того, как здесь закончим, не сходить ли нам поесть спагетти?

— А может, лучше свиных котлет?

— Это мысль!

Но тут вмешался Райм.

— Сакс, что там происходит? Труп у тебя?

— Мне только что его доставили, — она повернулась к санитару. — Пора за дело. Есть какие-нибудь мысли, кто это такой?

— Никаких документов у него при себе не оказалось. Сведений о пропавших без вести пока не поступало. Никто ничего не видел.

— Он может быть из полиции?

— Нет. Я его не знаю, — сказал Джим. — А ты, Эрл?

— Первый раз вижу. А что? Сакс ничего не ответила.

— Отлично, мисс, — сказал Эрл. — Могу предложить вам руку помощи.

— Черт, — воскликнул полицейский, — по-моему, рука нужна этому бедолаге.

Он прыснул; санитар издал нечто похожее на хрюканье.

Забравшись в машину, Сакс расстегнула молнию до конца, открывая тело.

Поскольку она не собиралась стягивать джинсы и отдаваться Джиму с Эрлом или хотя бы отвечать на их заигрывания, у них не оставалось иного выбора, кроме как продолжать издеваться над ней дальше.

— Все дело в том, что вам, вероятно, еще не приходилось сталкиваться с подобным, — заметил Эрл. — Эй, Джим, как ты думаешь, этот жмурик хуже того, что мы нашли на прошлой неделе?

— От которого осталась одна голова? — полицейский задумался. — Пожалуй, лучше я буду находить каждый день по голове, чем мне придется иметь дело с одним лежалым трупом. Милочка, а вы видели лежалых? Таких, которым по месяцу и больше? Вот уж зрелище отвратительное. Если труп проведет в воде три или четыре месяца, так это еще ничего страшного, от него останутся одни кости. Но вот целый месяц жариться на солнце...

— Фу, — с отвращением сплюнул Эрл. — Мерзость!

— Милочка, так вы видели лежалых?

— Джим, я буду очень признательна, ели вы перестанете употреблять это слово, — рассеянно бросила Сакс.

— "Лежалый"?

— "Милочка".

— Прошу прощения. Больше не буду.

— Сакс, — послышался резкий голос Райма, — черт побери, что там происходит?

— Документов нет, Райм. Никто не имеет понятия, кто это такой. Кисти отпилены пилой с острыми мелкими зубьями.

— Перси в безопасности? А Хейл?

— Они в конторе. С ними Бэнкс. Не подпускает их к окнам. Что слышно о бронированной машине?

— Должна быть у вас через десять минут. Сакс, ты должна установить, чей это труп.

— Вы разговариваете сами с собой, мил...

Сакс осмотрела труп бедняги. Судя по всему, кисти были отпилены сразу же после того, как он умер, или даже пока еще был жив. Только этим можно было объяснить большое количество крови. Молодая женщина натянула резиновые перчатки.

— Райм, странно. Почему операция по препятствию идентификации не доведена до конца?

Если у убийцы нет времени, чтобы полностью избавиться от трупа, он максимально затрудняет опознание, удаляя самое главное: кисти рук и зубы.

— Не знаю, — ответил криминалист. — Подобная небрежность не в духе Танцора даже если он очень торопился. Во что одет этот несчастный?

— На нем одни трусы. Рядом с ним не было обнаружено никакой одежды.

— Почему Танцор выбрал именно его? — задумчиво произнес Райм.

— *Если*это действительно дело рук Танцора.

— И часто в Уэстчестере находят трупы в таком виде?

— Послушать местных жителей, — мрачно заметила Амелия, — так через день.

— Опиши мне труп. Причина смерти?

— Вы установили причину смерти? — обратилась Сакс к полному Эрлу.

— Задушен, — ответил тот.

Но Сакс сразу же обратила внимание на отсутствие следов сыпной лихорадки (кровоизлияний на внутренней стороне век). И язык не поврежден. Большинство задушенных в агонии прокусывает себе язык.

— Не думаю.

Эрл, переглянувшись с Джимом, фыркнул.

— Задушен, это точно. Взгляните на эту красную линию на шее. Она называется странгуляционной полосой, милочка. И вообще, знаете, мы не можем держать его здесь весь день. В такую погоду покойники созревают быстро. А когда он начнет вонять, мало не покажется.

Сакс нахмурилась.

— Он не был задушен.

Джим пришел на помощь своему приятелю.

— Мил... офицер, это странгуляционная полоса. Я их уже сотни видел.

— Нет-нет, — стояла на своем Сакс. — Преступник просто сорвал у него с шеи цепочку.

— Сакс, скорее всего, ты права, — вмешался Райм. — Чтобы обезличить труп, его надо первым делом избавить от украшений. — Драгоценности очень легко вычислить, к тому же на них еще может иметься дарственная надпись. Кто там с тобой?

— Пара кретинов.

— Понятно. Итак, причина смерти? Ей недолго пришлось искать.

— Удар чем-то острым и тонким в затылок.

В дверях машины появилась грузная фигура санитара.

— Мы бы обязательно нашли рану, — начал оправдываться он. — Просто благодаря вам пришлось спешно нестись сюда...

— Опиши его, — попросил свою помощницу Райм.

— Полный, с солидным брюшком. Мышцы дряблые.

— Кожа загорелая?

— Только руки и плечи. Ноги белые. Ногти на ногах грязные и обломанные. В ухе дешевая серьга — позолоченная медяшка. Трусы дырявые.

— Так, похоже, это пролетарий, — объявил Райм. — Рабочий, рассыльный. Мы потихоньку сжимаем кольцо. Проверь его горло.

— Что?

— Посмотри, нет ли там бумажника или документов. Если хочешь задержать на несколько часов опознание трупа, засунь документы ему в горло. В этом случае их обнаружат только при вскрытии.

Снаружи донесся ехидный смешок.

Сакс быстро положила ему конец, широко раскрыв покойнику рот и засунув туда руку.

— Господи Иисусе, — пробормотал Эрл, — что вы делаете?

— Райм, здесь ничего нет.

— Лучше разрежь. Я имею в виду горло. И ищи глубже.

Сакс уже не раз приходилось останавливать Райма, когда его просьбы становились чересчур зловещими. Но сейчас, оглянувшись на ухмыляющуюся парочку, она достала из кармана любимый нож с выкидным лезвием (ношение подобных ножей было запрещено) и со щелчком открыла его. Лица обоих пересмешников вытянулись.

— Послушайте, милочка, что вы собираетесь сделать?

— Провести небольшую хирургическую операцию. Заглянуть внутрь, — как будто ей приходилось заниматься этим каждый день.

— Знаете, я не могу привести корнеру труп, выпотрошенный каким-то полицейским из Нью-Йорка.

— Тогда займитесь этим *сами*.

Она протянула санитару нож.

— Джим, она над нами издевается.

Пожав плечами. Сакс вонзила нож в кадык трупу словно рыбак, потрошащий форель.

— Господи, Джим, смотри, что она делает. Останови ее!

— Эрл, меня здесь нет. Я ничего не видел.

Молодой полицейский поспешно ушел. Закончив аккуратный разрез. Сакс заглянула внутрь и вздохнула.

— Ничего.

— Проклятие, что замыслил Танцор? — пробормотал Райм. — Давай подумаем... А что если он вовсе не думал о том, чтобы сделать невозможной идентификацию трупа? Ведь зубы остались нетронуты. Что если Танцор пытался скрыть от нас что-то другое?

— Например, профессию этого бедняги.

— Возможно, — согласился Райм. — Руки у него были в чем-то таком, что Танцор не смог смыть. Но это что-то должно открыть нам его замысел.

— Машинное масло? Смазка?

— Быть может, этот человек заправлял самолеты горючим. А может быть, он работал в столовой, и его руки пахли чесноком.

Сакс беспомощно огляделась вокруг. Десятки заправочных машин, сотрудники наземных служб, авиационные механики, рабочие, пристраивающее новое крыло к одному из терминалов...

— Он ведь был полным, так? — вдруг спросил Райм.

— Точно.

— Тогда сегодня он наверняка потел. И вытирал голову. Или чесался. *"Я сама*целый день скребу свой скальп", — подумала Сакс, едва сдерживая желание вонзить ногти в кожу и дать выход внутреннему напряжению.

— Сакс, осмотри его голову. Там, где начинаются волосы.

Молодая женщина снова склонилась над трупом. И наконец нашла то, что искала.

— Пятна. Синие. И немного белых. На волосах и на коже. Черт подери, Райм, это краска! Он маляр! А сейчас на территории аэропорта ведется строительство.

— Эта линия на шее, — добавил Райм. — Танцор сорвал с него пропуск!

— Но ведь фотография будет другой?

— Проклятие, удостоверение заляпано краской, или он еще что-то придумал! Сакс, Танцор где-то рядом. Уложи Перси и Хейли на пол. Пусть с ними кто-то останется, а остальным искать Танцора. Бойцы спецподразделения уже в дороге.

* * *

Возникли проблемы.

Стивен следил за рыжеволосой полицейской, забравшейся в кузов машины скорой помощи. Даже в оптический прицел он не мог разобрать, чем она занимается. Но почему-то ему вдруг стало не по себе.

У него возникло ощущение, что эта женщина делает что-то, имеющее непосредственное отношение к *нему*.Пытается вычислить его, определить, где он находится.

Черви сжимают кольцо. За ним снова следит лицо из окна, лицо червя.

Стивен поежился.

Выпрыгнув из машины, рыжеволосая окинула взглядом аэродром.

«Солдат, что-то происходит!»

«Сэр, я и сам уже догадался»

Рыжеволосая начала выкрикивать распоряжения полицейским. Те, мрачно выслушав ее, стали озираться по сторонам. Сначала один, потом другой побежали к машинам.

В прицел Стивен видел ее красивое лицо, червеобразные глаза, внимательно осматривающие летное поле. Он навел перекрестие на ее безукоризненный подбородок. Что она нашла? Что ищет?

Вдруг рыжеволосая заговорила сама с собой.

Нет, не с собой. Она говорила в микрофон. По тому, как она выслушала ответ, кивая, Стивен заключил, что она получает приказ от начальства.

От кого?

От кого-то, кто догадался, что он находится здесь.

От кого-то, кто его ищет.

От кого-то, кто может следить за ним из окна, а затем бесследно исчезать. Кто может проходить сквозь стены и подсматривать за ним сквозь крохотные дырочки и трещинки.

Стивена прошиб холодный пот, он даже поежился, и на мгновение перекрестие, дернувшись, ушло с рыжеволосой полицейской. Он полностью потерял наводку на цель.

«Солдат, в чем дело, мать твою?»

«Сэр, не знаю!»

Снова наведя прицел на рыжеволосую, Стивен понял, что дела его плохи. Она указывала как раз на фургон строительной фирмы, который он только что угнал. Фургон стоял на специальной стоянке в двухстах футах от того места, где он находился.

Тот, с кем говорила рыжеволосая, кем бы он ни был, обнаружил труп маляра и понял, каким образом Стивен проник на территорию аэропорта.

Червь приближается. Он увидел его тень, ощутил его холодное скользкое прикосновение.

Его охватила дрожь. Черви ползут по его ногам… забираются на шею…

Что делать?

Один шанс… один выстрел…

Они ведь так близко. Жена и Друг. У него есть возможность прямо сейчас расправиться с обоими. На все уйдет не больше пяти секунд. Быть может, именно их силуэты он сейчас видит в окне. Вот эта тень. Или та… Но Стивен понимал, что если он выстрелит через стекло, все находящиеся в помещении упадут на пол. И если он не убьет Жену с первого выстрела, шанс будет упущен.

Необходимо вытащить ее на улицу. Необходимо вытащить обоих из укрытия в зону смерти. А уж там он не промахнется.

Но у него нет времени. Совсем нет времени!

Думай!

Если хочешь убить оленя, создай угрозу олененку...

Стивен начал дышать размеренно. Вдох, выдох, вдох, выдох. Наведя винтовку на цель, он плавно, едва заметно надавил на спусковой крючок. «Модель 40» выстрелила.

Гулкое эхо раскатилось по всему летному полю, и полицейские, упав на землю, выхватили пистолеты.

Второй выстрел, и второе облачко дыма над двигателем, установленным на хвосте серебристого самолета в ангаре.

Рыжеволосая, пригнувшись с пистолетом в руке, оглянулась вокруг, пытаясь определить, куда он стреляет. Увидев два дымящихся отверстия в обшивке самолета, она снова повернулась в сторону аэродрома, выставив перед собой курносый «Глок».

«Убрать ее? Да? Нет?»

«Ни в коем случае, солдат. Следи за своей целью».

Стивен сделал еще один выстрел. Разрывная пуля оторвала от обшивки клок.

Спокойствие. Еще выстрел. Удар в плечо, приятный запах сгоревшего пороха. Брызнуло дождем осколков стекло пилотской кабины.

Этим выстрелом он наконец добился желаемого.

В дверях здания показалась Жена, отбивающаяся от светловолосого полицейского, пытавшегося удержать ее.

Цель еще не открылась. Пусть выйдет на улицу.

Плавное нажатие. Еще одна пуля попала в двигатель.

Жена с искаженным от ужаса лицом бросилась вниз по лестнице к ангару, чтобы закрыть ворота, спасти свое дитя.

Перезарядить винтовку.

Как только Жена сбежала вниз, Стивен навел перекрестие на ее грудь.

Упреждение на четыре дюйма, автоматически рассчитал Стивен. Поведя винтовкой вперед, он нажал на курок. Но в самый момент выстрела светловолосый полицейский догнал Жену и свалил ее в небольшую рытвину, упав рядом. Промах. И укрытие вполне достаточное, чтобы нельзя было зацепить их спины.

«Солдат, противник движется. Обходит тебя с флангов».

«Так точно, сэр, вас понял».

Стивен окинул взглядом рулежные дорожки. Полицейских становилось все больше и больше. Они ползли к своим машинам. Одна, рванув с места, понеслась прямо на него. Когда до нее было ярдов пятьдесят, Стивен всадил пулю в двигатель. Машина застыла на месте, окутавшись облаком пара.

Спокойнее, приказал он себе.

Мы готовы начать отход. Но нам нужно сделать один точный выстрел.

Послышался быстрый треск пистолетных выстрелов. Стивен посмотрел на рыжеволосую. Та стояла пригнувшись, выставив курносый пистолет в его сторону, пытаясь засечь вспышку от выстрела. Разумеется, от звука ей не будет никакой пользы. Именно поэтому Стивен никогда даже не думал о глушителях: определить местонахождение источника громкого звука ничуть не легче, чем тихого.

Рыжеволосая выпрямилась, прищуриваясь.

Стивен закрыл затвор «Модели 40».

Амелия Сакс, заметив слабый блик, поняла, где находится Танцор у гроба.

В небольшой рощице ярдах в трехстах. Оптический прицел его винтовки блеснул в бледном свете, пробившемся сквозь тучи.

— Он там! — крикнула она, указывая на него двум полицейским, притаившимся за своей машиной.

Полицейские, вскочив в машину, завернули за стоящий рядом ангар, заходя сбоку.

— Сакс, — послышался в наушниках голос Райма, — Что…

— Господи, Райм, он здесь, на летном поле, и стреляет по самолету.

— Что?

— Перси пытается попасть в ангар. Он стреляет разрывными пулями. Он хочет выманить ее.

— Сакс, не высовывайся. Если Перси хочет попасть под пулю, это ее дело. Но ты не высовывайся!

Молодая женщина обливалась потом, у нее тряслись руки, сердце грозило вырваться из грудной клетки. Она ощутила спиной холодные мурашки паники.

— Перси!

Летчица, освободившись от Джерри Бэнкса, вскочила на ноги и побежала к ангару.

— Нет!

Проклятие...

Сакс не отрывала взгляда от того места, где она увидела блик от оптического прицела.

Далеко, слишком далеко. На таком расстоянии она не попадет.

Но если полностью собраться, она сможет попасть. В обойме осталось одиннадцать патронов. Ветра нет. Надо только прицелиться повыше, и все будет в порядке.

Над позицией Танцора поднялись листья. Он снова выстрелил.

Через мгновение в нескольких дюймах от ее лица пролетела пуля. Сакс ощутила ударную волну, услышала треск пули, летящей со скоростью, вдвое превышающей скорость звука.

Сдавленно вскрикнув, молодая женщина рухнула ничком на землю.

«Что ты сделала! У тебя была возможность сделать выстрел. Танцору нужно было перезарядить винтовку. Но теперь уж слишком поздно. Он успел дослать в патронник новый патрон».

Приподняв голову. Сакс вскинула пистолет, но у нее тотчас же снова сдали нервы. Уронив голову на землю, она просто навела «Глок» на рощицу и одну за другой быстро выпустила пять пуль.

С таким же успехом она могла бы стрелять холостыми.

"Ну же, девочка! Вставай *немедленно!*Целься и стреляй. У тебя осталось еще шесть патронов. И две запасные обоймы на поясе".

Но воспоминание о просвистевшей рядом пуле словно пригвоздили ее к земле.

«Стреляй!» — безмолвно крикнула на себя Сакс.

Но она так и не смогла встать.

У нее хватило духа лишь приподнять голову на несколько дюймов — и увидеть, как Перси Клэй, вскочив, побежала к двери ангара, а Джерри Бэнкс рванул следом за ней. Молодому полицейскому удалось догнать ее и повалить на землю за массивным генератором. Практически одновременно до Сакс донеслись грохот выстрела винтовки Танцора у гроба и отвратительный шлепок пули, попавший в живую плоть. Из плеча Бэнкса вырвалось розовое облачко. Молодой полицейский зашатался будто пьяный.

Выражение удивления у него на лице сменилось гримасой боли. Бэнкс рухнул на мокрый бетон.

Глава двенадцатая

Час 5-й из 45

— Ну? — спросил Линкольн Райм.

Лон Селитто сложил сотовый телефон.

Он уставился в окно, нервно барабаня пальцами по стеклу. Соколы, вернувшиеся на подоконник, смотрели в сторону Центрального парка, не обращая внимания на шум.

Райм еще никогда не видел детектива таким расстроенным. Рыхлое лицо Селитто, усеянное бисеринками пота, было бледным как полотно. Легенда отдела по расследованию убийств, он славился своей невозмутимостью. Успокаивая родных жертв или упорно пробивая бреши в алиби подозреваемых, Лон Селитто полностью сосредотачивался на том деле, которое ему следовало выполнять. Но в настоящий момент его мысли были за много миль отсюда, в больнице Уэстчестера вместе с Джерри Бэнксом. Время близилось к трем; молодой полицейский находился в операционной уже больше часа.

Селитто, Сакс, Райм и Купер собрались в лаборатории на первом этаже. Деллрей уехал лично проверить, что охраняемый дом готов к приему свидетелей. Управлению полиции Нью-Йорка пришлось выделить другого человека вместо раненого Бэнкса.

В аэропорту раненого уложили в машину скорой помощи, в ту самую, что привезла изуродованный труп маляра. Санитар Эрл, перестав строить из себя дурака, с огромным трудом остановил сильное кровотечение и на максимальной скорости помчал потерявшего сознание Бэнкса в ближайшую больницу.

Агенты ФБР из Уайт-Плейнз в спешке усадили Перси и Хейла в бронированную машину и поехали на юг в Манхэттен, по дороге отрываясь от возможного преследования. Сакс произвела осмотр новых мест преступления: позиции снайпера, грузовика маляра, машины, на которой покинул аэропорт Танцор. Эту машину обнаружили брошенной неподалеку от того места, где был убит маляр и где, судя по всему, Танцор оставлял ту машину, на которой приехал в Уэстчестер.

Затем молодая женщина поспешила назад в Манхэттен с уликами.

— Ну, что там у нас? — спросил Райм у Сакс и Купера. — Винтовочные пули?

Сакс посмотрела на свой обкусанный окровавленный ноготь.

— От них ничего не осталось. Они были разрывные.

Она была чем-то очень взволнована. Ее глаза непрерывно бегали, словно глаза птицы.

— Это в духе Танцора. Он не только убивает, но и уничтожает за собой все улики.

Сакс достала полиэтиленовый пакетик.

— Вот что осталось от одной пули. Я отскоблила ее от стены. Купер высыпал содержимое пакетика на фарфоровый поднос.

— Она еще и с керамическим наконечником. Бронежилеты бессильны.

— О да. Танцор знает свое дело, — сказал Райм. В прихожей послышался какой-то шум, и Том провел в лабораторию Перси Клэй и Бритта Хейла в сопровождении двух агентов ФБР в бронежилетах и касках.

— Ну как он? — спросила Перси у Селитто.

Она обвела взглядом лица собравшихся, встречая ледяные взгляды. Но это, похоже, ее нисколько не смутило. — Я имею в виду Джерри.

Селитто молчал.

— Операция еще продолжается, — ответил за него Райм. По сравнению с утром лицо Перси стало более встревоженным, волосы растрепались.

— Надеюсь, с ним все будет в порядке.

— Что-что? — холодно переспросила Амелия Сакс.

— Я сказала, что надеюсь, с ним все будет в порядке.

— Вот как? Вы *надеетесь?* -высокая Сакс надвинулась на низкорослую летчицу, но та спокойно стояла на месте. — Несколько поздновато, вы не находите?

— В чем дело?

— Это я у вас хочу спросить. Ведь именно вы подставили Джерри под пулю.

— Сакс, успокойся! — вмешался Селитто.

— Я не просила его бежать за мной, — невозмутимо ответила Перси.

— Если бы не он, вас бы сейчас не было в живых.

— Возможно. Но мы этого не знаем. Я очень сожалею о том, что Джерри был ранен. Я...

— И как сильно вы сожалеете?

— Амелия! — резко произнес Райм.

— Нет, я все же хочу знать, *как сильно*она сожалеет. Достаточно сильно, чтобы отдать ему свою кровь? Чтобы возить его в кресле-каталке, если он не сможет ходить? Или вас хватит только на то, чтобы пролить слезинку, если бедняга Джерри умрет?

— Сакс, успокойся! — оборвал ее Райм. — Она ни в чем не виновата.

Сакс хлопнула ладонями по бедрам.

— Неужели?

— Танцор оказался умнее нас.

Но Сакс не отрывала взгляда от серых глаз Перси Клэй.

— Джерри было поручено охранять вас. Как вы думаете, что он должен был делать, когда вы полезли под пули?

— Я ни о чем не думала, понятно? Действовала чисто инстинктивно.

— О боже!

— Послушайте, офицер, — вмешался Хейл, — возможно, вы бы в такой обстановке проявили больше хладнокровия. Но мы не привыкли к тому, что в нас стреляют.

— В таком случае ей как раз следовало никуда и не высовываться. Оставаться в конторе, где я и приказала ей находиться.

— Я увидела, что над моим самолетом нависла угроза, — заговорила Перси, медленно растягивая слова. — Я не могла спокойно на это смотреть. Наверное, это то же самое, когда у вас на глазах стреляют в вашего напарника.

— Она поступила так, как на ее месте поступил бы любой настоящий летчик, — добавил Хейл.

— Именно так, — объявил Райм. — Как раз это я и говорил, Сакс. Вот так работает Танцор.

Но Амелия Сакс не собиралась успокаиваться.

— Начнем с того что вы не должны были покидать охраняемый дом. Вы не должны были приезжать в аэропорт.

— В этом виноват Джерри, — возразил Райм, постепенно начиная заводиться. — Он не имел права менять маршрут следования.

Сакс посмотрела на Селитто, проработавшего два года в паре с Бэнксом. Но тот, судя по всему, не собирался защищать своего напарника.

— Мне было очень приятно с вами познакомиться, — сухо промолвила Перси Клэй, поворачиваясь к двери. — Но я должна возвращаться на аэродром.

— Что? — изумленно ахнула Сакс. — Вы сошли с ума?

— Это невозможно, — сказал Селитто, выходя из мрачного оцепенения.

— Мало того, что у нас было времени в обрез для подготовки самолета к завтрашнему вылету. Теперь нам еще нужно исправлять повреждения, полученные сегодня. А поскольку, похоже, все авиамеханики Уэстчестера являются трусами, черт бы их побрал, мне придется самой заняться «Фокстротом Браво».

— Миссис Клэй, — осторожно начал Селитто, это очень неразумное решение. В охраняемом доме с вами ничего не случится, но за его стенами мы никак не можем гарантировать вашу безопасность. Вы должны остаться там до понедельника...

— До понедельника? — оборвала его Перси. — Нет-нет. Вы ничего не поняли. Завтра вечером я сама поведу самолет. Нам нельзя терять такой выгодный контракт.

— Вы не можете...

— Один вопрос, — раздался ледяной голос Амелии Сакс. — Не могли бы вы сказать, кого еще намереваетесь убить?

Перси решительно шагнула вперед.

— Черт побери, вчера я потеряла мужа и одного из своих лучших пилотов! Я не собираюсь в довершение терять свою компанию. Вы не можете указывать мне, куда ходить, а куда нет. Я не арестована.

— Отлично! — воскликнула Сакс, и через мгновение на тонких запястьях летчицы захлопнулись браслеты наручников. — Вы арестованы!

— Сакс! — возмущенно произнес Райм, — Что ты делаешь? Сними с нее наручники. Быстро! Сакс развернулась к нему лицом.

— Ты не служишь в полиции и не можешь отдавать мне приказы!

— А я могу, — сказал Селитто.

— Ха! — снисходительно заявила Сакс, — я задержала преступника. Вы не вправе помешать мне. Теперь только прокурор может ее освободить.

— Что это за вздор? — возмутилась Перси. — За что вы меня арестовали? За то, что я свидетель?

— Преступная халатность, повлекшая тяжелые телесные повреждения. А если Джерри умрет — неумышленное убийство. А может быть, и умышленное.

Хейл, набравшись мужества, вмешался в разговор:

— Послушайте, мне не очень-то нравилось, как вы разговаривали с ней весь день. Если вы хотите арестовать Перси, вам придется арестовать и меня...

— Нет проблем. — Сакс повернулась к Селитто. — Лейтенант, мне нужны ваши наручники.

— Сакс, прекрати ломать комедию! — отрезал тот.

— Сакс, — присоединился к нему Райм, — у нас нет времени на эту ерунду! Танцор на свободе, и прямо сейчас он готовится нанести новый удар.

— Даже если вы меня арестуете, — решительно заявила Перси, — уже через два часа я все равно буду снова на свободе!

— А через два часа десять минут вы будете мертвы. Что, разумеется, было бы вашим личным делом...

— Офицер, — дернул ее Селитто, — вы ходите по очень тонкому льду!

— ... если бы у вас не было привычки подставлять вместо себя других.

— Амелия! — холодно промолвил Райм.

Она обернулась. В основном криминалист обращался к ней по фамилии; использование имени было равносильно пощечине.

Звякнули наручники на худых запястьях Перси. За окном захлопал крыльями сокол. Все молчали.

Наконец Райм спокойно произнес:

— Пожалуйста, снимите с Перси наручники и оставьте нас на несколько минут одних.

Сакс колебалась. Ее лицо оставалось непроницаемой маской.

— Амелия, пожалуйста, — повторил Райм, прилагая все силы, чтобы оставаться спокойным.

Не произнося ни слова. Сакс расстегнула наручники.

Все потянулись к дверям.

Потерев запястья. Перси достала из кармана фляжку и приложилась к ней.

— Будь добра, закрой дверь, — обратился к Сакс Райм.

Но та, окинув его уничижительным взглядом, молча вышла в коридор. Массивную дубовую дверь закрыл Бритт Хейл.

Выйдя в коридор, Лон Селитто снова позвонил в больницу. Дежурная смогла ответить лишь то, что Джерри Бэнкс по-прежнему в операционной.

Сакс откликнулась на это известие едва заметным кивком. Подойдя к окну, она посмотрела на свои искромсанные ногти. Два наиболее изуродованных пальца хорошо бы перебинтовать. Привычка. Дурная привычка... Почему она никак не может от нее избавиться?

Селитто, остановившись у нее за спиной, посмотрел на хмурое небо, обещавшее еще одну весеннюю грозу.

— Сакс, — тихо произнес он так, чтобы никто больше не слышал. — Да, эта дамочка наломала дров, мать ее. Но ты должна понять, что она не профессионал. Это мы виноваты в том, что *позволили*ей наломать дров. Бедняга Джерри не справился со своей задачей. Ты даже не можешь представить себе. В общем, он сам виноват больше всех.

— Нет, — произнесла сквозь стиснутые зубы Сакс. — Это ты ничего не понимаешь.

— То есть?

Сможет ли она высказаться? Признание далось Сакс с невыносимым трудом.

— Это я во всем виновата. Джерри тут не при чем, — она кивнула на закрытую дверь. — И Перси тоже не при чем. Во всем виновата я одна.

— Ты? Мать вашу, это ведь вы с Раймом вычислили, что Танцор находится на аэродроме. Если бы не вы, он бы укокошил обоих свидетелей.

Сакс печально покачала головой.

— Я засекла... засекла позицию Танцора еще до того, как он завалил Джерри.

— И?

— Я точно определила его местонахождение. Передо мной была четкая цель. Но я...

Проклятье, как же это трудно!

— Сакс, о чем ты?

— Он выстрелил в меня… О господи, и я струсила. Свалилась на землю.

Ее ногти, исчезнув в волосах, вонзились в кожу. Сакс ощутила под пальцами скользкую кровь. Черт, это надо прекращать.

— Ну и? — никак не мог взять в толк Селитто. — Все плюхнулись на пузо. А что еще вам оставалось?

Сакс прижала пылающее от стыда лицо к стеклу.

— После того, как Танцор выстрелил и промахнулся, у меня было по крайней мере три секунды на то, чтобы выстрелить в ответ. Я знала, что у него неавтоматическая винтовка. Я бы успела разрядить в него всю обойму. Но я вцепилась зубами в землю. А потом, когда Танцор перезарядил винтовку, у меня уже не хватило духу поднять голову.

— Что? — презрительно фыркнул Селитто. — Ты переживаешь по поводу того, что не встала, не имея никакого прикрытия, и не подставила снайперу хорошую жирную мишень? Ну же, Сакс… Да, кстати, у тебя был табельный пистолет?

— Да. Я…

— Триста ярдов из девятимиллиметрового «Глока»? Помечтай, помечтай.

— Пусть я не попала бы в Танцора, но под огнем он бы не рискнул поднять голову. И не сделал бы последний выстрел, попавший в Джерри. О черт!

Сжав руки. Сакс посмотрела на ноготь указательного пальца. Он был черным от крови. Она опять расцарапала свою кожу.

Блестящее красное пятно напомнило молодой женщине кровавое облако, вырвавшееся из плеча Джерри Бэнкса, и она снова вонзила ногти в голову.

— Офицер, я бы из-за такого пустяка сна не лишился.

Ну как ему объяснить? Селитто не сможет понять, *что*именно ее гложет. Это очень сложно. Райм является лучшим криминалистом в Нью-Йорке, возможно, во всей стране. Сакс изо всех сил старалась приблизиться к нему, но сравниться с ним она даже не надеялась. Однако стрельба, а

также вождение автомобиля были в числе *ее*дарований. Амелия Сакс с любой руки стреляла лучше большинства сотрудников полиции Нью-Йорка. Она раскладывала десятицентовые монетки, а затем стреляла по ним с расстояния пятьдесят ярдов. Потом дарила гнутые металлические кружочки своим знакомым. Она *могла*спасти Джерри. Проклятие, она могла даже попасть в этого сукиного сына.

Сакс злилась на себя, злилась на Перси за то, что из-за нее попала в такое положение.

И злилась на Райма.

Дверь лаборатории распахнулась, и на пороге появилась Перси Клэй. Одарив Сакс холодным взглядом, она попросила Хейла присоединиться к ним. Летчик зашел в лабораторию. Через несколько минут он открыл дверь и сказал:

— Мистер Райм приглашает всех вернуться. Войдя в комнату. Сакс застала следующую картину: Перси сидела рядом с Раймом в старом кресле с истертой обшивкой. Вдвоем они производили впечатление супружеской пары, за плечами которой долгая совместная жизнь.

— Мы пришли к компромиссу, — объявил Райм, когда все снова собрались в лаборатории. — Бритт и Перси отправляются вместе с Деллреем в охраняемый дом. Переоборудованием самолета займутся другие. Однако я согласился на то, что независимо от того, поймаем ли мы Танцора, завтра вечером она сядет за штурвал.

— А если я просто арестую ее? — с жаром воскликнула Сакс. — Посажу ее в камеру предварительного заключения?

Она ожидала, что Райм взорвется, она была готова к этому. Но он спокойно произнес:

— Я думал об этом. Сакс. И пришел к выводу, что это не лучшее решение. Миссис Клэй и мистеру Хейлу все равно придется появляться на людях: в суде, по дороге туда. У Танцора будет много возможностей с ними расправиться.

Амелия Сакс, поколебавшись, вынуждена была кивнуть, соглашаясь с ним. Райм прав; он всегда прав. Впрочем, прав Райм или не прав, он все равно поступает так, как ему заблагорассудится. А она лишь его помощница и больше ничего. Наемная сотрудница. И только.

— И вот что я придумал, — продолжал Райм. — Мы поставим ловушку. Лон, мне понадобится твоя помощь.

— Вываливай.

— Перси и Хейл отправятся в охраняемый дом. Но я хочу, чтобы всем казалось, будто они находятся в другом месте. Мы поднимем большой шум. Устроим показуху. Сделаем вид, будто свидетелей поместили в полицейский участок. Мы передадим по городу открытое сообщение о том, что из соображений безопасности перекрываем движение по соседним улицам. Всех задержанных временно переведем в другие участки. Будем надеяться, Танцор прослушивает полицейский канал. Если нет, дадим утечку в средства массовой информации.

— Как насчет двадцатого? — предложил Селитто. Двадцатый полицейский участок находился всего в нескольких кварталах от особняка Линкольна Райма. Криминалист был знаком со многими его сотрудниками.

— Хорошо, согласен.

Вдруг Сакс заметила в глазах Селитто неуверенность. Обливаясь потом, полицейский склонился к Райму. Его лоб пересекли глубокие морщины.

— Линкольн, ты уверен в том, что так надо? — его шепот услышали только Райм и Сакс. — Ты хорошо подумал?

Райм повернулся к Перси. Они переглянулись. Сакс не знала, что означает этот взгляд, но он ей совсем не понравился.

— Да, — наконец произнес Райм. — Уверен.

Хотя Сакс он казался отнюдь не уверенным.

Глава тринадцатая

Час 6-й из 45

— Я смотрю, микроскопических улик полно. Райм одобрительно посмотрел на пакеты, которые Сакс привезла с мест преступления в аэропорту.

Подобные улики он любил больше всего — пылинки и волоски, оставленные преступником на месте преступления или, наоборот, случайно подцепленные там. Именно такие улики не могли подкинуть умышленно или изменить самые умные преступники; именно от таких не могли полностью избавиться самые дотошные.

— Так, Сакс, первый пакет. Откуда он?

Молодая женщина сердито набросилась на свои записи. Что с ней? Райм видел, что-то не так. Возможно, поведение Сакс объясняется ее озлобленностью на Перси Клэй; возможно, тревогой за Джерри Бэнкса. А может быть, чем-либо иным. По ее холодному взгляду Райм видел, что она не намерена это обсуждать. Против чего он нисколько не возражал. Необходимо поймать Танцора. В настоящий момент это задача первостепенной важности.

— Это из ангара, где Танцор караулил самолет, — протянув два пакета. Сакс кивнула на три остальных. — Это с позиции, откуда он стрелял. Это из машины маляра. А это из той машины, на которой он покинул аэропорт.

— Том... Том! — крикнул Райм, напугав всех присутствующих.

В дверях появился помощник.

— Да? Линкольн, я хотел приготовить вам поесть.

— Поесть? — изумленно воскликнул Райм. — Обойдемся без еды. Составляй таблицы. Пиши: «МП-2. Ангар». Да-да:

«МП-2, Ангар». Отлично. Так, еще: «МП-3». Это то место, откуда он стрелял. Его гнездышко в траве.

— Мне так и писать: «Гнездышко в траве»?

— Разумеется, нет. Это была шутка. Видишь ли, у меня *есть*чувство юмора. Пиши: «МП-3, позиция снайпера». Так, давайте сначала посмотрим, что было в ангаре. Ну, что там у вас?

— Осколки стекла, — откликнулся Купер, раскладывая содержимое пакета на фарфоровом подносе словно ювелир алмазы.

— И кое-что из пылесоса, — добавила Сакс. — Волокна с подоконника. ЧОП нет.

То есть частичных отпечатков пальцев.

— Тут надеяться нечего, — мрачно заметил Селитто. — Танцор очень осторожен насчет своих пальчиков.

— Наоборот, это *обнадеживает,* -ответил Райм, раздраженный, как всегда, тем, что остальные не поспевали за ходом его мыслей.

— Почему? — спросил полицейский.

— Он так осторожен потому, что числится в картотеке! Так что когда мы все-таки *найдем*его отпечаток, думаю, мы сможем определить, с кем имеем дело. Так, так, отпечатки перчаток из хлопчатобумажной ткани, от них никакого толку… Следов ног нет, потому что он набросал на пол гравий. Хитер! Но если бы он был дураком, мы бы никому не были нужны, правда? Так, а о чем нам расскажет это стекло?

— О чем оно может рассказать кроме того, что Танцор разбил окно, чтобы проникнуть в ангар? — недовольно пробурчала Сакс.

— И все же давайте посмотрим на него, — не сдавался Райм.

Уложив несколько осколков на предметное стекло, Купер поместил их под микроскоп и включил видеокамеру, чтобы передавать изображение на компьютер. Райм подъехал к монитору.

— Командный режим, — приказал он.

Услышав его голос, компьютер прилежно вывел на экран таблицу меню. Конечно, Райм не мог управлять микроскопом, но изображение на экране монитора было ему полностью подвластно.

— Курсор вниз. Два нажатия на левую кнопку. Райм подался вперед, поглощенный радужными переливами.

— Похоже, обыкновенное незакаленное стекло.

— Согласен, — подтвердил Купер. — Сколов нет. Было разбито тупым предметом. Например, локтем.

— Да-да, да-да… Мел, взгляни-ка на раковины. Стекло, разбиваясь от удара, раскалывается по изогнутым линиям — раковинам. По тому, в какую сторону направлены раковины, можно определить, с какой стороны был нанесен удар.

— Вижу, — сказал эксперт. — Обыкновенные раковины.

— Взгляни на грязь, — резко заметил Райм. — Грязь на стекле.

— Ну, вижу. Следы дождевых капель, грязь, сажа от выхлопов.

— На *какой*стороне стекла грязь? — нетерпеливо спросил Райм. Когда он еще руководил отделом осмотра мест преступления, его подчиненные жаловались, что он говорит с ними как педантичный учитель. Райм считал это комплиментом.

— Она… о боже, — осекся Купер. — Этого не может быть!

— В чем дело? — спросила Сакс.

Ей ответил Райм. Конусоидальные сколы начинались на чистой стороне стекла и заканчивались на грязной.

— Разбивая стекло, Танцор находился *внутри*ангара.

— Но это же невозможно! — возразила Сакс. — Осколки были на полу ангара. Он... — остановившись, она кивнула. — Ты хочешь сказать. Танцор разбил стекло, потом подобрал осколки и вместе с щебнем кинул их в окно? Но зачем?

— Назначение щебня было не в том, чтобы скрыть следы ног. Танцор пытался убедить нас в том, что он проник *внутрь*ангара. Однако в действительности он уже находился *в*ангаре и выбрался *наружу,* -задумавшись на мгновение, криминалист вдруг крикнул: — Проверьте эти улики. Есть в них следы латуни? Латуни и *графита?*

—Ключ! — догадалась Сакс. — Ты полагаешь, кто-то дал ему ключ от ангара.

— Именно так! Давайте выясним, кто владеет им или снимает этот ангар.

— Уже звоню, — сказал Селитто, раскрывая сотовый телефон. Купер прильнул к окулярам микроскопа, исследуя частицы при большом увеличении.

— А вот и то, что мы искали, — воскликнул он. — Латунь, много графита. И машинное масло. Значит, замок был старым. Танцору пришлось с ним повозиться.

— Или? — не отставал от него Райм. — Ну же, думай!

— Или у него был новый дубликат ключа! — опередила Купера Сакс.

— Точно! Неприработанный. Отлично. Том, пожалуйста, быстрее к таблице. Пиши: «Ключ к ангару».

Помощник четким почерком вывел эти слова.

— Так, что у нас еще?

Вцепившись губами в мундштук управления, Райм покатил к компьютеру. Неверно оценив расстояние, он наехал на стол, едва не свалив монитор.

— Проклятие!

— Ты не ушибся? — всполошился Селитто.

— Со мной все в порядке, — отрезал Райм. — Что у нас *еще?*Я спрашиваю: что у нас еще?

Купер и Сакс вытряхнули остатки улик на развернутый газетный лист. Надев очки с увеличительными стеклами, они принялись перебирать мельчайшие частицы. Выбрав пинцетом несколько волосков, Купер уложил их на предметное стекло.

— Отлично, — сказал он, отрываясь от микроскопа. — У нас есть волокна.

Через мгновение на экране компьютера появились тоненькие ниточки.

— Мел, что ты думаешь? Это бумага, так?

— Ага.

В закрепленный на голове микрофон Райм приказал компьютеру увеличить изображение волосков.

— Похоже, они двух разных типов. Одни белые. Другие зеленоватые.

— Зеленоватые? Деньги? — предположил Селитто.

— Возможно.

— Мел, у тебя их достаточно, чтобы проверить пару на газовом хроматографе? — спросил Райм.

Для исследования волокна придется сжечь.

Ответив положительно, Купер поместил волоски в прибор.

Через некоторое время он считал с экрана показания.

— Нет ни соды, ни сульфитов, ни сульфатов. Эти химические вещества добавляются в пульпу в процессе изготовления высококачественной бумаги.

— Бумага дешевая. А краска смывается водой. В ней нет красителей на основе масел.

— Значит, — вынес вердикт Райм, — это не деньги.

— Скорее всего, это переработанная макулатура, — добавил Купер.

Райм снова обратился к экрану. Масштаб увеличения оказался чрезмерно большим, мелкие подробности исчезли. Криминалист в который раз пожалел о том, что не имеет возможности посмотреть в окуляр микроскопа. Ничто не сравнится с качественной оптикой.

И все же он кое-что разглядел.

— Мел, видишь эти желтые капли? Клей? Прильнув к микроскопу, эксперт подтвердил:

— Да. Похож на тот, каким заклеивают конверты. Значит, ключ, вероятно, был передан Танцору в конверте.

Но что может означать зеленая краска? У Райма пока не было никаких догадок.

Селитто сложил телефон.

— Я переговорил с Роном Тэлботом из «Гудзон-Вир». Он кое-кому позвонил. Догадайтесь, кто арендует ангар, в котором прятался Танцор?

— Филипп Хансен, — сказал Райм.

— Точно.

— Дело против него становится серьезным, — заметила Сакс. Верно. Но целью Райма была не передача Танцора в руки правосудия, ему нужна была голова убийцы на пике.

— Что-нибудь еще?

— Ничего.

— Хорошо, переходим к следующему месту. Позиция снайпера. Там Танцор был вынужден действовать в спешке. Возможно, он был менее аккуратным.

Однако преступник действовал как всегда безукоризненно.

Он не оставил стреляных гильз.

— И вот почему, — сказал Купер, отрываясь от микроскопа. — Льняные волокна. Танцор собрал гильзы на полотенце. Райм кивнул.

— Следы ног?

— Никаких.

Сакс объяснила, что Танцор избегал участков открытой земли, наступая только на траву, даже тогда, когда бежал к машине.

— Сколько ЧОП ты нашла?

— На позиции ни одного, — ответила Сакс. — В двух машинах около двухсот.

С помощью автоматизированной системы идентификации отпечатков пальцев, объединяющей все базы данных страны, возможно было проанализировать все двести отпечатков (хотя дело это было очень трудоемким). Однако Райм, одержимый стремлением найти Танцора, не стал терять времени на запрос. Сакс доложила, что в машинах были обнаружены также отпечатки матерчатых перчаток; значит, следов пальцев Танцора там нет.

Купер высыпал содержимое полиэтиленового пакета на фарфоровый поднос. Они с Сакс склонились над уликами.

— Почва, трава, камни... Так, а это уже кое-что. Линкольн, тебе видно?

Купер вставил в микроскоп предметное стекло.

— Волосы, — сам ответил он. — Три, четыре... шесть... девять... больше десятка. Похоже, мозговой слой непрерывный.

Мозговой слой — это канал, проходящий в середине волоска некоторых млекопитающих. В волосе человека мозговой слой или отсутствует, или является прерывистым. Непрерывный мозговой слой означал, что волосы принадлежат животному.

— Мел, что скажешь?

— Взгляну на них в ЭСМ.

Электронный сканирующий микроскоп. Установив полуторатысячекратное увеличение, Купер подкрутил ручки так, чтобы один волосок оказался в середине экрана. Стало хорошо видно, что у него белесый стебелек с острыми чешуйками, напоминающими кожуру ананаса.

— Кошка, — объявил Райм.

— Кошки. Множественное число, — поправил Купер, снова поворачиваясь к оптическому микроскопу. — Во-первых, черная и пегая, обе короткошерстные. Затем рыжая, длинношерстная. Что-то вроде персидской.

— Про Танцора никак не скажешь, что он любитель животных, — фыркнул Райм. — Он или выдавал себя за любителя кошек, или бывал там, где их содержат.

— Еще волосы, — объявил Купер, вставляя в микроскоп предметное стекло. — Человеческие. Так, подождите... два волоска длиной почти по шесть дюймов.

— Он что, линяет? — ухмыльнулся Селитто.

— Как знать? — скептически произнес Райм. Без волосяной луковицы определить пол невозможно. Возраст, если речь не идет о волосе новорожденного, также нельзя установить.

— Быть может, это волосы маляра? Сакс, у него были длинные волосы?

— Нет. Острижен под ежик. И он был светловолосым.

— Мел, а ты что думаешь?

Эксперт внимательно осмотрел волос от начала до конца.

— Он окрашен.

— Танцор славится своим умением изменять внешность, — сказал Райм.

— Не знаю. Линкольн, — не согласился Купер. — Краска по тону очень близка естественному цвету волос. Можно было ожидать, что для изменения внешности он бы выбрал что-нибудь совершенно другое. Подождите-ка, я вижу краску двух различных тонов. Естественный цвет волос черный. Затем они были выкрашены в каштановый цвет, после чего перекрашены в рыжевато-коричневый. Между этим прошло от двух до трех месяцев. И еще я вижу следы каких-то химических веществ. Линкольн, волосы надо прогнать через хроматограф.

— Давай.

Через мгновение Купер читал показания прибора.

— Отлично, мы имеем дело с косметическими средствами. Косметика очень помогает криминалисту; парфюмерные фирмы славятся тем, что постоянно меняют формулы своих продуктов, учитывая тенденции моды. Возможно довольно точно установить место и время производства различных химических составов.

— Что там у нас?

— Обожди. — Купер запросил базу данных. — Нечто под названием «Слимлайт». Выпускается швейцарской фирмой, импортируется компанией «Дженкон». Обычное мыло с добавлением ароматизирующих масел и аминокислот. Его постоянно крутят в рекламе, утверждается, что оно помогает избавиться от жира и лечит целлюлит.

— Итак, подводим итоги, — предложил Райм. — Сакс, что скажешь?

— О нем?

— О *ней*.Той, кто помогает Танцору. Или той, кого он убил, чтобы спрятаться у нее в квартире. И, возможно, украсть ее машину.

— Ты уверен, что это женщина? — спросил Лон Селитто.

— Нет. Но у нас нет времени, чтобы быть робкими в догадках. О целлюлите в основном беспокоятся женщины, а не мужчины. Волосы в основном красят женщины, а не мужчины. Наше предположение имеет весомые основания. Дальше!

— Страдает избыточным весом, — предположила Сакс. — Беспокоится о своей внешности.

— А может быть, она примкнула к панкам, рейверам или каким-нибудь другим извращенцам, мать их? — сказал Селитто. — Моя дочь недавно выкрасила волосы в багровый цвет. И наделала дыр в ушах, даже говорить противно. Как вам мое предположение?

— Не думаю, что эта особа подходит под образ бунтаря, — возразила Сакс. — Краски не те. В них нет ничего вызывающего. Она пытается следовать моде, но у нее ничего не получается. Мое заключение таково: полная, достаточно короткие волосы, возраст хорошо за тридцать. После работы возвращается домой, где живет одна с кошками.

Райм кивнул, глядя на таблицу.

— Одна. Именно такую легко подцепит прохвост с хорошо подвешенным языком. Надо срочно опросить ветеринаров. Нам известно, что у нее три кошки — разных мастей.

— Но где она живет? — спросил Селитто. — В Уэстчестере? В Манхэттене?

— Перво-наперво надо задаться вопросом, — упрямо произнес Райм. — Почему Танцор с ней связался?

Сакс щелкнула пальцами.

— Потому что он *вынужден*был это сделать! Потому что мы обложили его со всех сторон.

Ее лицо просияло. Прежняя Амелия частично вернулась назад.

— Да! — подхватил Райм. — Сегодня утром, у особняка Перси, когда район окружил отряд спецназа.

— Танцор бросил свой черный микроавтобус, — продолжала Сакс, — и спрятался в квартире этой женщины, чтобы переждать облаву.

Райм повернулся к Селитто.

— Пошли людей опрашивать ветеринаров. В радиусе десяти кварталов от особняка Перси. Нет, пусть проверят весь Верхний Ист-Сайд. Звони, Лон, звони!

Детектив стал тыкать в кнопки телефона.

— Ты думаешь, с ней все в порядке? — мрачно спросила Сакс. — С этой женщиной?

Ответ Райма исходил от сердца, хотя он сам и не верил в правду своих слов.

— Будем надеяться. Сакс. Будем надеяться.

Глава четырнадцатая

Час 7-й из 45

Перси Клэй охраняемый дом, где они с Бриттом Хейлом должны были находиться в полной безопасности, внешне показался совсем не безопасным.

Трехэтажное здание из бурого кирпича ничем не выделялось среди таких же, которыми был застроен целый квартал рядом с библиотекой Моргана.

— Вот мы и приехали, — сказал агент ФБР, кивая на дом из окна бронированной машины.

Автомобиль подъехал к самому крыльцу, и Перси с Бриттом быстро провели внутрь. Массивная стальная дверь захлопнулась с глухим стуком. Вошедших встретил обаятельный мужчина лет сорока, стройный, с редеющими темными волосами.

— Добро пожаловать, — улыбнулся он, показывая удостоверение сотрудника полиции Нью-Йорка и золотой значок. — Меня зовут Роланд Белл. Впредь прошу всех, кого вы увидите впервые, даже таких любезных людей, как я, просить предъявить документы и внимательно сверять фотографию с оригиналом.

Вслушавшись в его протяжный певучий говор. Перси спросила:

— А вы случайно… не из Дегтярного штата[4]?

— Попали в самую точку, — рассмеялся Роланд Белл. — Прожил всю жизнь в Хоггстоне, отлучался на четыре года в Чепел-Хилл[5]. А вы, насколько я понял, родом из Ричмонда.

— Да, но я давно покинула родные края.

— А вы, мистер Хейл? — спросил Белл. — Вы тоже с Юга?

— Нет, из Мичигана, — ответил тот, крепко пожимая руку полицейскому. — Пожил в Огайо.

— Не беспокойтесь, я прощаю вам ошибку 1860-х годов[6].

— Лично я не стал бы воевать с такими замечательными людьми, — подхватил шутку Хейл, — но моего мнения президент Линкольн не спрашивал.

— Ха! Перейдем к делу. Я детектив из отдела расследования убийств, но меня постоянно привлекают к охране свидетелей, потому как у меня прямо-таки дар сохранять людям жизнь. Именно поэтому мой дорогой друг Лон Селитто и попросил меня оказать ему помощь. Так что ради разнообразия я немного понянчусь с вами.

— А как тот полицейский, что был ранен? — спросила Перси.

— Джерри? Насколько мне известно, он все еще в операционной. Больше никаких сведений не поступало.

Речь Роланда Белла была неторопливой, но его живые глаза постоянно находились в движении, внимательно изучая гостей. Перси стало любопытно, что он пытается определить. Есть ли у них оружие? Снабдили ли их скрытыми микрофонами? Вот он оглядел коридор. Затем повернулся к окну.

— А теперь вот что, — сказал Белл. — Я человек очень милый, но становлюсь упрямым, когда речь заходит о безопасности тех, кого мне поручено охранять, — он улыбнулся, глядя на Перси. — По-моему, вам

тоже упрямства не занимать. Но только помните: все, что я делаю, я делаю для вашего же блага. Понятно? Понятно. Итак, кажется, мы поладим друг с другом. А теперь позвольте показать вам ваши апартаменты класса люкс.

Поднимаясь по лестнице, Белл обернулся.

— Наверное, вам до смерти хочется узнать, насколько безопасно это место...

— "До смерти"? — неуверенно переспросил Хейл.

— Ну, то есть очень хочется. Возможно, мой говор по-прежнему немного отдает Югом. Ребята из управления постоянно надо мной подшучивают. Что-нибудь вроде: «Мы поймали загорелого парня, но без твоего перевода не можем взять в толк, что он говорит». Так или иначе, здесь очень уютно и безопасно. Наши друзья из министерства юстиции знают свое дело. Внутри домик больше, чем кажется снаружи, верно?

— Просторнее кабины самолета, теснее чистого поля, — сказал Хейл.

Белл усмехнулся.

— А окна фасада? Думаю, подъезжая к дому, вы решили, что они слишком большие и незащищенные?

— В общем-то да... — начала Перси.

— Вот комната с окнами на улицу. — Белл распахнул дверь. — Загляните.

Окон *не*было. К рамам были прикручены болтами стальные листы.

— За ними занавески, — объяснил Белл. — Снаружи кажется, что это обычная комната, в которой просто не зажгли свет. Все же держитесь от них подальше. И не раздвигайте шторы. Пожарная лестница и крыша оборудованы датчиками. Кроме того, здесь уйма всякой видеоаппаратуры. Каждого приближающегося к подъезду мы успеем тысячу раз проверить и перепроверить. Для того чтобы проникнуть сюда незамеченным, надо быть призраком с отсутствием аппетита, — он двинулся дальше по широкому коридору. — Следуйте за мной по этому шоссе... Так, вот и ваша комната, миссис Клэй.

— Поскольку нам предстоит жить под одной крышей, зовите меня Перси.

— Считайте дело сделанным. А вы?..

— Бритт.

Комнаты оказались маленькими, темными и очень тихими, совершенно не похожими на кабинет Перси в углу ангара. Она вспомнила Эда, который предпочел устроить свой кабинет в административном здании. Аккуратно разложенные на столе документы, придавленные пресс-папье, фотографии истребителей и бомбардировщиков времен Второй мировой войны на стенах. Но Перси больше нравились запах авиационного керосина и жужжание пневматических домкратов. Представив себе Эда, сидящего с чашечкой кофе на столе у нее в кабинете, она поспешила прогнать эту картину, прежде чем навернутся слезы.

Белл достал рацию.

— Занять места.

Через мгновение в коридоре появились два полицейских в форме. Они поздоровались, и один из них добавил:

— Мы будем находиться здесь. Круглосуточно.

Странно, их гнусавый нью-йоркский акцент чем-то напомнил протяжный говор Роланда Белла.

— Отлично сработано, — заметил Белл, обращаясь к Перси.

Та недоуменно подняла бровь.

— Вы проверили его удостоверение. Вас врасплох не застигнешь.

Она слабо улыбнулась.

— Так, двое наших людей находятся с вашей свекровью в Нью-Джерси, — продолжал Белл. — Больше ни за кем не надо присматривать?

Перси ответила, что больше в этих краях у нее родственников нет.

Белл повторил свой вопрос Хейлу.

— Нет, если не считать родственником бывшую жену, — печально усмехнулся тот. — Точнее, бывших жен.

— Отлично. Собак-кошек кормить не нужно?

— Нет, — ответила Перси.

Хейл молча покачал головой.

— В таком случае мы можем наконец расслабиться. Никаких звонков по сотовым, если они у вас есть. Пользуйтесь только этими аппаратами. Не забывайте про окна и занавески. Вон там кнопка тревоги. Если дело дойдет до худшего, а оно не дойдет, жмите на нее и падайте на пол. — Ну а теперь, если есть какие-нибудь пожелания, только свистните.

— Раз уж об этом зашла речь, пожелание есть, — сказала Перси, протягивая серебряную фляжку.

— Если вы хотите, чтобы я помог вам ее опорожнить, — протянул Белл, — то я, боюсь, еще на службе. Но за предложение спасибо. Ну а если вы хотите ее *наполнить,*считайте дело сделанным.

* * *

В пятичасовых выпусках новостей об этом не упоминалось.

Однако на полицейской частоте прошли три незашифрованных сообщения, предупреждающих о временном перекрытии движения на улицах, примыкающих к двадцатому участку. Всех подозрительных в районе Верхнего Вест-сайда требовалось задерживать до выяснения личности. Допуск в здание Двадцатого участка должен осуществляться только с согласия ФБР. Или ФАГА — этот тонкий штрих добавил Деллрей.

После того, как эти сообщения вышли в эфир, ребята Боу Хауманна из отряда 32-Е заняли позиции вокруг участка.

Руководство этой частью операции перешло к Хауманну. Деллрей держал наготове команду из федерального управления по освобождению заложников на тот случай, если будет установлена личность толстой любительницы кошек и ее адрес. Райм вместе с Сакс и Купером продолжал анализ улик добытых на местах преступлений.

Новых улик не было, но Райм попросил Сакс и Купера заново исследовать имеющиеся. В этом и состояла криминалистика: смотреть, смотреть и снова смотреть. Ну а если натыкаешься на новую каменную стену, приходится начинать смотреть заново.

Подкатив кресло прямо к монитору, Райм приказал компьютеру увеличить масштаб изображения таймера, обнаруженного среди обломков самолета Эда Карни. От самого часового механизма толку было мало, поскольку конструкция у них практически одинаковая, но криминалист хотел узнать, нет ли на нем каких-либо микроскопических частиц или даже ЧОП. Террористы, как правило, уверены, что взрыв уничтожит все, и пренебрегают перчатками, работая с мелкими

деталями своих адских устройств. Однако бомба уничтожает себя далеко не полностью. Поэтому Райм попросил Купера обработать часовой механизм сначала специальными парами, а затем магнитным порошком, выявляющим скрытые отпечатки пальцев. Однако на этот раз эксперту ничего не удалось найти.

Напоследок Райм предложил исследовать таймер в луче темно-красного лазера. Эта новейшая технология использовалась для выявления отпечатков пальцев, невидимых никаким другим способом. Купер прильнул к микроскопу, а Райм стал изучать изображение на экране компьютера.

Издав смешок, криминалист прищурился, снова всматриваясь в экран, гадая, не играет ли зрение с ним шутки.

— Неужели?.. Смотрите! В нижнем правом углу.

Но Купер и Сакс ничего не увидели.

Однако улучшенное изображение компьютера действительно позволило криминалисту увидеть нечто такое, что упустил оптический микроскоп. На ребре металлического выступа, спасшего часовой механизм от разлета на тысячи мельчайших кусочков, виднелась едва различимая сеточка полукруглых линий. След имел не больше одной шестнадцатой дюйма в ширину и около полудюйма в длину.

— Это отпечаток пальца, — уверенно заявил Райм.

— Для сравнения недостаточно, — возразил Купер, глядя на экран.

Один отпечаток имеет приблизительно сто пятьдесят характерных точек, но опытный специалист может установить совпадение всего по восьми — шестнадцати точкам. К несчастью, в данном случае не нашлось и этого. И все же Райм был в восторге. Криминалист, не способный вращать ручку микроскопа, обнаружил то, что пропустили другие. То, что он, вероятно, тоже пропустил бы, если бы был «таким как все».

Вызвав программу копирования экрана, Райм сохранил отпечаток в виде побитного файла, не рискнув сжимать его, так как при этом могла пропасть часть информации. По его просьбе Том вывел увеличенный отпечаток на лазерный принтер и прикрепил этот лист к доске с перечнем улик, обнаруженных на месте катастрофы самолета.

Раздался телефонный звонок. Воспользовавшись своей новой системой, Райм без труда ответил на вызов и включил громкоговорящую систему.

Это были Близнецы.

Известные также под нежным прозвищем «Жесткие ребята», эти два следователя из убойного отдела работали в «Большом доме» — центральном управлении. Их специализацией были допросы и опросы: они беседовали с местными жителями, случайными прохожими, свидетелями. Эти двое, внешне отдаленно напоминавшие друг друга, считались лучшими в Нью-Йорке. Даже Линкольн Райм, не доверявший человеческой наблюдательности и памяти, уважал их.

— Привет, детектив. Привет, Линкольн, — поздоровался один из них. Фамилии следователей были Беддинг и Саул. Райм с трудом различал их при личной встрече. По голосу, да еще искаженному телефоном, он даже не попытался это сделать.

— Что там у вас? — спросил криминалист. — Нашли любительницу кошек?

— Это было нетрудно. Семь ветеринаров, две ветлечебницы...

— Мы решили на всякий случай справиться и там. Затем...

— Даже обратились в компании по выгулу. Хотя...

— Это те, кто выгуливает домашних животных, да? Они еще их кормят, поливают растения и выносят дерьмо, когда хозяева в отъезде. Мы решили, это тоже не помешает.

— Трое из ветеринаров высказали кое-какие предположения, но твердой уверенности ни у кого не было. Практика очень обширная.

— В Верхнем Ист-сайде домашних животных хоть пруд пруди. Вы удивитесь. А может быть, и нет.

— Тогда пришлось опросить тех, кто выезжает на дом. Врачей, помощников по хозяйству, мойщиков...

— Вот работенка! Мыть домашних животных. Так или иначе, секретарша в ветлечебнице на Восемьдесят седьмой предположила, что это их клиентка. Некая Шейла Горовиц. Ей за тридцать, у нее короткие темные волосы, довольно полная. У нее три кошки. Одна черная, другая белая. Масть третьей точно никто не вспомнил. Эта Горовиц живет на Лексингтон-авеню между Семьдесят восьмой и Семьдесят девятой улицами.

Значит, в пяти кварталах от особняка Перси. Поблагодарив их и попросив быть готовыми помогать и дальше, Райм рявкнул:

— Пусть ребята Деллрея срочно выезжают туда! Сакс, и ты тоже. Независимо оттого, там Танцор или нет, надо будет осмотреть место преступления. Похоже, мы постепенно сужаем круг. Вы это не чувствуете? Мы сужаем круг!

* * *

Перси Клэй рассказывала Роланду Беллу о своем первом вылете без инструктора.

Он прошел совсем не так, как она надеялась. Взлетала она с небольшой грунтовой полосы в четырех милях от Ричмонда. Услышав знакомое «тук-тук» по заросшим травой неровностям, Перси убедилась, что «Сесна» развила достаточную скорость, и потянула штурвал на себя. Маленький самолетик легко взмыл в воздух. Дело происходило сырым весенним утром, похожим на то, что было сейчас за окном.

— Представляю, какой восторг вы ощутили, — каким-то странным тоном заметил Белл.

— Дальше восторгу было еще больше, — сказала Перси, прикладываясь к фляжке.

Через двадцать минут над безлюдным районом в восточной части Вирджинии, над непроходимой чащей высоких сосен, отказал мотор. Перси удалось посадить крохотный самолет на грунтовую дорогу, самостоятельно прочистить топливопровод и снова взлететь, вернувшись домой без происшествий.

Маленькая «Сесна» не получила никаких повреждений, поэтому владелец самолета так и не узнал о приключениях, выпавших на долю Перси. В действительности единственным неприятным последствием этого полета стала взбучка, полученная от матери. Директор школы донес, что Перси снова дралась и разбила в кровь нос Сюзен-Бет Хэлуорт.

— Мне пришлось уйти, — объяснила Перси. — Издевательствам не было конца. Иначе как троллем меня не называли. Вообще каких только прозвищ у меня не было!

— Дети могут быть очень жестокими, — согласился Белл. — Если бы я узнал, что мои мальчишки делают что-либо подобное, я бы надрал им уши. Подождите, сколько вам тогда было?

— Тринадцать.

— А разве самостоятельно летать можно не с восемнадцати?

— С шестнадцати.

— И все равно… как же вам разрешили?

— Просто меня не поймали, — улыбнулась Перси. — Вот и все.

— А.

Они с Роландом Беллом сидели в ее комнате охраняемого дома. Полицейский наполнил фляжку замечательным самогоном — подарком от осведомителя, прожившего здесь пять недель. Они уселись на зеленый диван. Перси откинулась назад, а Белл, милостиво убрав громкость постоянно хлюпающей рации, уселся склонившись вперед. Такая поза была вызвана не неудобной мебелью, а его поразительной осторожностью. Белл улавливал краем глаза пронесшуюся у двери муху, малейшее шевеление занавесок, и его рука тотчас же непроизвольно опускалась к одному из двух больших пистолетов.

По просьбе полицейского Перси продолжила рассказ о своей летной карьере. Сертификат пилота-ученика она получила в шестнадцать, через год у нее уже был диплом летчика без права работы по найму, а в восемнадцать она стала полноправным летчиком, допущенным к работе в коммерческих авиакомпаниях.

К ужасу родителей. Перси бежала из табачного бизнеса (отец говорил, что работает на «плантации», хотя для всех остальных это была корпорация с годовым оборотом в шесть миллиардов долларов) и получила диплом инженера. («Уход из университета был первым разумным поступком в ее жизни», — сказала как-то раз мать Перси ее отцу. На памяти девушки мать впервые встала на ее сторону. Правда, потом мать добавила: «В технологическом институте ей будет гораздо проще найти жениха». Этим пожилая женщина хотела сказать, что у мужчин, связанных с техникой, требования гораздо ниже.)

Но Перси интересовали не парни и вечеринки. Ее волновало только одно: самолеты. Каждый день, когда ей предоставлялась возможность и позволяли финансы, она поднималась в воздух. Получив сертификат летного инструктора. Перси начала обучать других. Эта работа ей совсем не нравилась, но она согласилась на нее по одной очень простой причине: часы, проведенные в воздухе в кабине инструктора, регистрировались в летном журнале как налетанные в качестве первого пилота. Что должно было прийтись кстати, когда она начала бы обивать пороги авиакомпаний.

Закончив институт, Перси начала жизнь безработного летчика. Уроки, выступления на праздниках, воздушные прогулки, случайные полеты за

левым штурвалом самолета какой-нибудь маленькой чартерной компании. Воздушное такси, гидросамолеты, обработка полей, трюки на киносъемках, полеты на древних бипланах в погожие воскресные дни на провинциальных карнавалах.

— Мне пришлось тяжело, очень тяжело, — призналась Перси. — Наверное, все равно что начинать службу в полиции.

— Думаю, общего много, — согласился Роланд Белл. — Став шерифом Хоггстона, я в основном ловил нарушителей скоростного режима на дорогах. Три года подряд у нас не было ни одного убийства, даже по неосторожности. Потом я начал продвигаться вверх, получил должность заместителя шерифа округа, работал в дорожном патруле. Но опять же по большей части приходилось вытаскивать пьяных из искореженных машин и ловить самогонщиков. Поэтому я вернулся в Нью-Йорк и учился на криминалиста-социолога. Потом я перебрался в Уинстон-Салем и получил золотой значок.

— Что?

— Закончил курсы следователей. Еще до первого самостоятельного дела меня дважды избили, трижды в меня стреляли... Да, когда чего-то просишь, надо быть осторожным: вдруг получишь то, что просил. Вы слышали эту поговорку?

— Но вы ведь занимались тем, чем хотели.

— Ну да. Знаете, моя тетя, воспитавшая меня, частенько говаривала: «Человек идет туда, куда его направляет Господь». По-моему, в этом что-то есть. Но мне очень хочется узнать, как вы основали собственную компанию?

— Мы основали ее втроем: Эд — мой муж, Рон Тэлбот и я. Лет семь-восемь назад. Но сначала я сделала остановку в пути.

— То есть?

— Завербовалась в армию.

— Вы не шутите?

— Нет. Я тосковала по небу, но никто не принимал меня на работу. Понимаете, для того чтобы устроиться в крупную компанию, необходимо иметь допуск к полетам на соответствующих типах самолетов. А для этого надо оплатить обучение в воздухе и в тренажерном зале на земле. Естественно, из собственного кармана. Аттестат, позволяющий летать на большом реактивном лайнере, может стоить до десяти тысяч долларов. Я

не могла себе это позволить, поэтому двери на регулярные линии мне были закрыты. И тут меня осенило: я могу завербоваться в армию, и тогда мне будут платить за то, что я летаю на самых сексуальных самолетах на земле. Так я попала на флот.

— А почему именно туда?

— Из-за авианосцев. Мне очень захотелось взлетать с движущейся взлетно-посадочной полосы.

Белл поморщился. Увидев ее вопросительно поднятую бровь, он объяснил:

— Если вы еще не догадались, я не очень большой поклонник вашего ремесла.

— Вы не любите летчиков?

— Нет-нет, что вы. Я не люблю летать.

— Вы предпочитаете, чтобы в вас стреляли?

Белл не задумываясь кивнул.

— Вам доводилось участвовать в бою? — спросил он.

— Разумеется. В Лас-Вегасе.

Белл нахмурился.

— В тысяча девятьсот девяносто первом году. В отеле «Хилтон». На третьем этаже.

— Не понимаю.

— Вам приходилось слышать о деле Тейлхука?

— Да, что-то помню. Кажется, несколько пьяных летчиков пристали к женщинам... Так вы *там*были?

— Да, меня тоже пытались потискать и облапать. Одного лейтенанта я уложила на пол, другому сломала палец. Хотя, к сожалению, он был настолько пьян, что почувствовал боль лишь на следующий день.

Перси снова приложилась к фляжке.

— Дело действительно было так плохо, как о нем писали? Она ответила не сразу.

— Ты готовишься к тому, что на тебя со стороны солнца может внезапно свалиться северо-корейский или иранский МиГ. Но когда на тебя нападают люди, которые на той же стороне, что и ты, это очень сильный удар. Чувствуешь себя измазанной грязью, преданной.

— И чем это закончилось?

— О, шуму было много, — пробормотала Перси. — Я отказалась молчать. Назвала вещи своими именами, и кое-кто слетел со своих мест. Не только простые летчики, но и высокие шишки. Как вы можете догадаться, начальству моя откровенность пришлась не по душе.

Есть у тебя обезьянья хватка или ее нет, пилот не летает с напарником, которому не доверяет.

— И я уволилась. Если по правде, я не очень-то и переживала. Мне нравилось летать на «Томкэтах», но просто пришла пора уходить. Я познакомилась с Эдом, моим мужем, и мы с ним решили основать чартерную компанию. Мне пришлось помириться с отцом, и он дал взаймы денег, чтобы мы начали дело. — Перси пожала плечами. — Я вернула ему все до цента, плюс три процента, срок в срок. Сукин сын...

Опять нахлынули воспоминания об Эде. Как он помогал ей обговаривать условия кредита. Как они выбирали самолет в скептически настроенных лизинговых компаниях. Как арендовали ангар. Как спорили до хрипоты, пытаясь в три часа ночи наладить гирокомпас, чтобы подготовить самолет к вылету в шесть утра. Боль от этих воспоминаний не уступала по силе самым страшным мигреням.

Чтобы отмахнуться от невеселых мыслей. Перси спросила:

— А что привело вас к нам на север?

— Здесь живут родные жены. В Лонг-Айленде.

— Значит, вы променяли Северную Каролину ради тестя с тещей?

Она была готова сделать язвительное замечание насчет того, что жена ловко накинула на него лассо, но не успела и очень этому обрадовалась.

Карие глаза Белла затуманились печалью.

— Бет была очень тяжело больна. Она умерла полтора года назад.

— Ой, простите.

— Ничего. Ее родственники и сестра живут в Слон-Кеттеринг. А мне одному было очень трудно управиться с ребятами. Я могу поиграть с ними в футбол и приготовить спагетти с кетчупом, но им нужно не только это. Понимаете, например, когда я первый раз сам выстирал ребятам футболки, ткань ужасно села. Ну и все такое. К тому же, я был не против переезда. Я хотел показать ребятам, что жизнь состоит не только из уборки кукурузы и заготовки силоса.

— У вас с собой есть фотографии? — спросила Перси, поднося фляжку ко рту.

Самогон на одно блаженное мгновение приятно обжег глотку. Перси решила, что ей пора завязывать с выпивкой. И тотчас же подумала, что не стоит этого делать.

— Конечно, есть.

Молниеносным движением Белл извлек из кармана просторных брюк бумажник и показал фотографии двух светловолосых мальчишек лет пяти и семи.

— Бенджамин и Кевин.

Перси успела также заметить еще один снимок симпатичной молодой женщины с короткими светлыми волосами.

— Прелестные мальчишки.

— А у вас дети есть?

— Нет.

У нее всегда находились какие-то причины. Этот вопрос постоянно откладывался на следующий год, затем еще на год. Вот когда компания встанет на ноги… Вот когда они возьмут в лизинг «Боинг-737»… Вот когда ДС-9 получит сертификат…

Перси стоически улыбнулась.

— А ваши сыновья, они хотят стать полицейскими?

— Вовсе нет. Они мечтают о европейском футболе. В Нью-Йорке на этот спорт особого спроса нет. Вот если только наша «Стар» будет играть получше…

Наступило неловкое молчание.

— Не возражаете, если я позвоню в компанию? — наконец нарушила его Перси. — Я хочу узнать, как продвигаются работы по переоборудованию самолета.

— Ради бога. Не буду вам мешать. Только проследите за тем, чтобы не упомянуть случайно наш телефонный номер или адрес. Вот тут я рассержусь.

Глава пятнадцатая

Час 8-й из 45

— Рон, это Перси. Как у вас дела?

— Неважно. Все в шоке. Я отправил Салли домой.

— Что с ней?

Она просто сломалась. И Кэрол тоже. А с Лорен случилась истерика. Такого я еще никогда не видел. А вы-то с Бриттом как?

— Бритт в бешенстве. Я в бешенстве. Все ужасно. О, Рон...

— А тот полицейский, которого ранили? — По-моему, о нем еще нет никаких известий. Что с «фокстротом Браво»?

— Все не так плохо, как могло бы быть. Я уже заменил стекло в кабине. Пробоин в фюзеляже нет. Вот второй двигатель... с ним кое-какие проблемы. Надо менять кожух. И мы никак не можем найти свежий патрон к огнетушителю. Впрочем, с этим, думаю, мы как-нибудь справимся...

— Ты что-то не договариваешь.

— Надо менять кольцо.

— Сопла? Менять? О господи!

— Я уже связался с одной компанией в Коннектикуте. Они согласились доставить нам новое кольцо завтра утром, хотя это воскресенье. На его установку мне потребуется два-три часа.

— Проклятие, — пробормотала Перси. — Я должна быть там... Я согласилась отправиться сюда, но я должна быть рядом с вами.

— Перси, где ты находишься?

И Стивен Колл, прослушивающий разговор в квартире Шейлы Горовиц, прижал трубку к уху, приготовившись записывать.

Но Жена ограничилась только общей фразой:

— В Манхэттене. Нас охраняет не меньше тысячи фараонов. Я чувствую себя президентом или Папой Римским.

Прослушивая переговоры на полицейской частоте, Стивен узнал о странной активности в районе двадцатого участка, находящегося в Верхнем Вест-сайде. Участок закрыли, всех задержанных срочно перевели в другие места. У Стивена мелькнула мысль, не туда ли поместили Жену.

— Неужели полиция не может остановить этого типа? — спросил Рон. — Есть ли у нее какие-нибудь зацепки?

«Да-да, есть ли?» — в свою очередь прислушался Колл.

— Не знаю, — ответила Жена.

— Господи, как же я перепугался, — сказал Рон. — Эти выстрелы, они напомнили мне армию.

Стивен снова задумался насчет этого типа Рона. Может ли он быть полезным?

Проникнуть, оценить... *допросить*.

Стивен подумал, не стоит ли выследить этого Рона, под пыткой заставить его связаться с Перси и спросить у нее, где она находится...

Но нет, хотя ему, возможно, и удастся вторично проникнуть на охраняемую территорию аэропорта, риск будет слишком велик. К тому же, это займет очень много времени.

Слушая разговор, Стивен не отрывал взгляда от экрана переносного компьютера, на котором мигала надпись: «Пожалуйста, подождите». Подслушивающее устройство было подсоединено к телефонному разъему аэропорта. Уже целую неделю все разговоры записывались на магнитофон. Стивен был удивлен, что полиция до сих пор не обнаружила жучок.

Одна из кошек — Эсмеральда, *Эсси,*забравшись на стол, выгнула спинку. Послышалось отвратительное урчание.

Стивену стало мерзко.

Грубо столкнув локтем кошку со стола, он злорадно улыбнулся, услышав ее жалобное мяуканье.

— Я никак не могу найти летчиков, — неуверенно начал Рон. — Я...

— Нам достаточно только одного, — остановила его Перед. — В правое кресло. Пауза.

— Что? — наконец спросил Рон.

— Я сама полечу завтра. Мне нужен только второй пилот.

— Ты? Мне кажется, это не лучшее решение. Перс.

— У тебя есть кто-нибудь на примете?

— Ну, все дело в том...

— Есть *или*нет?

— Брэд Торгесон. Он согласился нам помочь. Я ничего не стал от него скрывать.

— Хорошо. Этот человек не сдрейфит. Он много налетал на «Лире»?

— Больше чем достаточно... Перси, я полагал, ты будешь прятаться до самого заседания суда.

— Линкольн согласился отпустить меня в рейс. Если до тех пор я буду оставаться здесь.

— Кто такой Линкольн?

"Да, — подумал Стивен, — кто *такой*этот Линкольн?"

— Ну, это такой странный человек... — Жена замялась, словно ей очень хотелось поговорить о нем, но она не знала, что именно сказать. Стивен разочарованно услышал, что она ограничилась только фразой: — Линкольн помогает полиции найти убийцу. Я обещала ему оставаться здесь до завтрашнего вечера, но предупредила, что обязательно полечу. Он согласился.

— Перси, мы можем перенести полет. Я поговорю с «Ю. Эс. Хелскэр». Там поймут, что у нас временные...

— Нет, — твердо произнесла Перси. — Им не нужны наши оправдания. Их интересует только то, чтобы груз был доставлен вовремя. А если мы не сможем это обеспечить, компания найдет кого-нибудь другого. Когда груз будет в аэропорту?

— В шесть-семь вечера.

— К этому времени я буду там. Я помогу тебе сменить кольцо сопла.

— Перси, — засопел Рои, — все будет хорошо.

— Если мы успеем отремонтировать двигатель в срок, все будет просто *замечательно*.

—Представляю, через какой ад тебе довелось пройти.

— Никакой это не ад, — успокоила его Перси.

*"Пока*не ад", — мысленно поправил ее Стивен.

* * *

Сакс швырнула в крутой поворот машину передвижной лаборатории на скорости сорок миль в час. Она сразу же заметила на улице с десяток агентов.

Ребята Фреда Деллрея окружили дом, где жила Шейла Горовиц. Обычное здание из серого кирпича, стоящее рядом с корейским рестораном. У дверей ресторана повар, усевшись на ящик из-под бутылок, нарезал кружками морковь, без особого интереса наблюдая за тем, как соседнее здание оцепляют вооруженные автоматами люди.

Сакс нашла Деллрея в парадном, с пистолетом в руке, изучающим список жильцов.

«Ш. Горовиц. 204»

Деллрей похлопал по своей рации.

— Мы на частоте четыреста восемьдесят три и четыре. Защищенный канал, используемый Бюро при проведении специальных операций. Сакс настроила свою рацию, а Деллрей тем временем посветил маленьким фонариком в почтовый ящик Горовиц.

— Сегодня почту никто не вынимал. У меня такое предчувствие, что дама дома. Наши ребята заняли пожарную лестницу и устроились с микрофонами и камерами на соседних этажах. В квартире они никого не

видели. Однако засекли какое-то ворчание и царапанье. Звуки нечеловеческие. Тут я вспомнил, что у нее живут кошки. Ну он и голова, что подумал о ветеринарах. Я имею в виду Райма.

«Мог бы и не уточнять», — подумала Сакс.

На улице завывал ветер, затягивающий небо над городом черными тучами, похожими на огромные синяки.

— Всем доложить о готовности, — прорычал в рацию Деллрей.

— Красная группа. Заняли пожарную лестницу.

— Синяя группа. Мы на первом этаже.

— Принято. Группа наблюдения, что там у вас?

— Пока ничего определенного. Принимаем слабые инфракрасные сигналы, но это что-то или кто-то остается неподвижным. Может быть, это спящая кошка, а может быть, раненый человек. А может быть, включенная лампа. Впрочем, не исключено, что это наш объект. Он находится в глубине квартиры.

— А вы что *думаете?* -вмешалась Сакс.

— Кто это? — послышалось из рации.

— Управление полиции Нью-Йорка, номер пять-восемь-восемь-пять, — ответила Сакс, называя номер своего значка. — Я хочу знать, как, по вашему, подозреваемый находится в квартире?

— Зачем тебе это? — спросил у нее Деллрей.

— Мне нужно чистое место. Если ребята из наблюдения считают, что Танцора в квартире нет, я зайду туда одна.

Стремительно ворвавшиеся в помещение бойцы отряда специального назначения — вероятно, наиболее эффективный способ уничтожить на месте преступления все улики.

Задумчиво посмотрев на нее, Деллрей нагнулся к стебельку-микрофону.

— Наблюдение, ваше мнение?

— Наверняка мы сказать не можем, сэр, — ответил невидимый сотрудник.

— Знаю, что не можете. Но что вам подсказывает ваше чутье?

Пауза.

— Я *думаю,*он смылся. В квартире чисто.

— Отлично. — Деллрей повернулся к Сакс. — Но с тобой пойдет один боец. Это приказ.

— Хорошо, только я буду первой. Пусть прикрывает меня от двери. Пойми, этот тип нигде не оставляет *никаких*улик. Нам нужно найти хоть что-то!

— Отлично. — Деллрей кивнул своим бойцам. — Даю добро на вход в квартиру.

Один из агентов меньше чем за тридцать секунд разобрал замок входной двери.

— Подождите! — поднял руку Деллрей. — Вызов от Центральной, — выслушав сообщение, он сказал в микрофон: — Выделите им частоту, — затем агент повернулся к Сакс. — С тобой хочет поговорить Линкольн.

Через мгновение молодая женщина услышала в наушниках голос криминалиста:

— Сакс, что ты сейчас делаешь?

— Ну, я как раз...

— Послушай, — его голос был полон беспокойства, — не заходи в квартиру одна. Пусть сначала ребята из спецназа убедятся в том, что там все чисто. Ты же знаешь порядок.

— Меня будут прикрывать...

— Нет, пусть сначала в квартиру войдет спецназ.

— Наружное наблюдение уверено, что Танцора там нет, — солгала Сакс.

— Этого недостаточно, — не отставал от нее Райм. — Помни, с кем мы имеем дело. От Танцора всего можно ждать. Опять *это.*Райм, прекрати.

— Он не мог предвидеть, что мы так быстро найдем его убежище, — теряя терпение, произнесла она. — Есть надежда, он не замел за собой следы. Мало ли что мы сможем здесь обнаружить — отпечаток пальца, стреляную гильзу. Черт побери, даже его кредитную карточку!

Молчание. Линкольн Райм редко бывал таким неразговорчивым.

— Райм, прекрати меня пугать, хорошо? Он ничего не ответил, и у Сакс вдруг мелькнула мысль, что ему как раз хочется ее запугать.

— Сакс...

— Ну что?

— Будь осторожна, — неуверенно произнес Райм. Неожиданно на лестнице появилось пять бойцов в бронежилетах и касках с черными автоматами в руках.

— Я захожу в квартиру. Остаюсь на связи.

Сакс пошла следом за бойцами, думая не столько о пистолете в правой руке, сколько о чемоданчике с оборудованием и инструментами в левой.

Раньше, в те дни, которые Линкольн Райм сейчас мысленно называл «До того», он очень любил ходить.

Прогулки пешком действовали на него успокаивающе. Неторопливые гуляния по Центральному парку или парку Вашингтона, быстрый марш по Фэшн-дистрикт. О да, Райм постоянно делал остановки, в основном чтобы пополнить свою коллекцию. Но аккуратно упаковав образцы почв, растений или строительных материалов и записав источник их происхождения, криминалист снова трогался в путь. И так он нахаживал многие мили.

Одним из самых раздражающих последствий травмы стало то, что Райм лишился возможности давать выход внутреннему напряжению. Вот и сейчас он был вынужден ограничиться тем, что закрыл глаза и, стиснув зубы, почесался затылком о подголовник инвалидного кресла.

Не выдержав, Райм попросил Тома налить виски.

— Разве Вам не нужно сохранить трезвую голову?

— Нет.

— А по-моему, нужно.

«Пошел к черту!» — мысленно ответил ему Райм, крепче стискивая зубы. Тому придется чистить окровавленные десны, вызывать стоматолога. Райм и на него выплеснет свою желчь.

Где-то вдалеке прогремел гром. Свет на мгновение мигнул.

Райм представил себе: Сакс во главе отряда специального назначения. Разумеется, она права; ворвавшись в квартиру, бойцы безнадежно испортят все улики. Но все-таки криминалист до смерти за нее боялся. Сакс слишком безрассудна. Ему не раз доводилось видеть, как она в кровь царапает кожу, выдирает волосы, грызет ногти. Скептически относившийся к психологии (он считал ее чем-то сродни черной магии), Райм тем не менее видел, что Сакс работает на износ. Как-то раз она прокатила его в своем спортивном автомобиле. Они неслись со скоростью сто пятьдесят миль в час, а Сакс переживала, что плохие дороги Лонг-Айленда не позволяют ехать вдвое быстрее.

Криминалист вздрогнул, услышав ее шепот.

— Райм, ты здесь?

— Удачи тебе, Амелия.

Молчание. Затем:

— Не надо имен, Райм. Это дурной знак.

Он попытался было рассмеяться. Жалея о том, что назвал ее по имени, недоумевая, почему он так поступил.

— Иди.

— Я у входной двери. Ее вышибут тараном. Все заняли исходные позиции. Ребята из наблюдения действительно считают, что Танцора здесь нет.

— Ты надела бронежилет?

— Одолжила у одного фэбээровца. У меня такой вид, будто вместо лифчика я надела коробку из-под кукурузных хлопьев.

— На счет три, — услышал Райм голос Деллрея, — все группы выбивают двери и берут квартиру под прицел, но внутрь не заходят. Раз...

Райм разрывался на части. Ему так сильно хотелось взять Танцора, он физически ощущал это желание. Но в то же время ему было очень страшно за Сакс.

— Два...

«Сакс, будь ты проклята! Я не хочу за тебя беспокоиться...»

— Три...

Услышав приглушенный удар, Райм непроизвольно подался вперед. Тотчас же пронзительной болью откликнулись мышцы шеи, и он откинулся назад. Подоспевший Том начал массаж спины.

— Все в порядке, — пробормотал Райм. — Спасибо. Ты бы не мог просто вытереть пот? Пожалуйста!

Услышав слово «Пожалуйста», Том подозрительно посмотрел на него. Но все же вытер пот со лба и шеи.

«Сакс, что ты делаешь?»

Райму нестерпимо хотелось задать этот вопрос, но он боялся отвлечь ее.

Вдруг послышалось испуганное восклицание. Райм почувствовал, как у него волосы на затылке встали дыбом.

— О господи, Райм...

— В чем дело? Говори!

— Эта женщина... Шейла Горовиц... Дверь холодильника приоткрыта. Она внутри. Мертва, но такое впечатление, будто... О боже. Глаза...

— Сакс...

— Судя по всему. Танцор запихнул ее в холодильник еще живой. Какого черта ему это...

— Сакс, не забивай этим голову. Думай только о существенном. Ну же!

— Господи Иисусе!

Райму было известно, что Сакс страдает клаустрофобией. Он мог себе представить, какой ужас она испытывает, столкнувшись с такой жуткой смертью.

— Он связал ее веревкой или скотчем?

— Скотчем. Широким прозрачным скотчем. Райм, ее глаза...

— Сакс, держи себя в руках. Скотч — отличная поверхность для сохранения отпечатков пальцев. Какой в квартире пол?

— В гостиной ковер. На кухне линолеум. А... — испуганный крик. — О боже!

— *Что там у тебя?*

—Одна из кошек. Прыгнула мне чуть ли не на голову. Маленькая чертовка... Райм!

— Да?

— Я чувствую какой-то запах. Очень странный.

— Отлично. — Райм научил ее обнюхивать воздух на месте преступления. Это самое первое, что должен сделать эксперт-криминалист. — Но что значит «странный»?

— Едкий. Какой-то химический реактив. Никак не могу сообразить, какой именно.

Только тут до него дошло, что они пропустили одну неувязку.

— Сакс, — быстро спросил Райм, это *ты*открыла дверцу холодильника?

Только тут до него дошло, что они пропустили одну улику.

— Сакс, — быстро спросил Райм, — это *ты*открыла дверцу холодильника?

— Нет. Она уже была открыта. И подперта стулом.

Зачем? *Зачем*Танцор так сделал? Мысли Райма лихорадочно работали.

— Запах усиливается. Что-то похожее на дым. «Женщина в холодильнике — отвлекающий ход!» — вдруг дошло до Райма. — Танцор нарочно оставил дверцу открытой, чтобы сразу же приковать внимание тех, кто вошел в квартиру. О нет, только не это!

— Сакс, это горит бикфордов шнур! В квартире бомба. Срочно уходи! Танцор оставил дверцу холодильника открытой, чтобы заманить вас внутрь.

— Что?

— Бикфордов шнур! Он заложил бомбу. У тебя остались считанные секунды. Уходи из квартиры! Беги!

— Я успею снять скотч у нее со рта...

— Живо убирайся, мать твою!

— Я успею…

Послышался шорох, затем приглушенное восклицание, а через несколько секунд звенящий грохот взрыва, похожий на удар молотом по котлу.

Райму показалось, у него лопнули барабанные перепонки.

— Нет! — воскликнул он. — Господи, нет!

Селитто, вздрогнув, уставился на его перекошенное от ужаса лицо.

— Что случилось, что случилось? — испуганно повторил он.

Еще через мгновение Райм услышал в наушниках мужской голос:

— У нас пожар! На втором этаже. Стен нет. Исчезли… Есть раненые… О боже, что с ней? Смотрите, кровь. Столько крови! Нам нужна помощь. Срочно! Второй этаж…

* * *

Стивен Колл обошел вокруг двадцатого участка.

Здание располагалось недалеко от Центрального парка; отсюда были видны деревья.

Перекресток, на который выходил участок, охранялся, но не слишком надежно. Трое полицейских у входа в приземистое строение тревожно озирались по сторонам. Но у восточного фасада, с окнами, забранными толстой стальной решеткой, никого не было. Стивен предположил, что именно здесь находятся камеры предварительного содержания.

Дойдя до угла, он повернул на юг к следующему перекрестку. Движение по улице не было перекрыто, но двое полицейских осматривали всех прохожих и проезжающие мимо машины. Мельком взглянув на здание, Стивен прошел еще один квартал на юг и завернул за западный фасад. Проскользнув в безлюдный переулок, он достал из рюкзака бинокль.

«Солдат, умеешь ли ты пользоваться этим прибором?»

«Так точно, сэр, умею».

На стоянке у здания участка стояла заправочная колонка. Полицейский заполнял бак патрульной машины. Стивен никогда не задумывался о том, что полицейские автомобили заправляются не в «Шелл» и «Амоко».

Он долго рассматривал заправочную в небольшой тяжелый «Цейсс», затем, убрав бинокль в рюкзак, торопливо направился на запад, как всегда не забывая следить, не наблюдает ли кто-то за ним.

Глава шестнадцатая

Час 12-й из 45

— Сакс! — снова крикнул Райм.

Черт побери, о чем она *думала!*Как она могла быть настолько беспечной?

— Что случилось? — как заводной твердил Селитто. — Что там происходит?

Что с ней случилось?

—В квартире Горовиц сработало взрывное устройство, — упавшим голосом произнес Райм. — Сакс в момент взрыва находилась внутри. Свяжись с Деллреем. Выясни, что там произошло. Воспользуйся громкой связью.

Столько крови...

В течение трех бесконечных минут Селитто пытался установить связь с Деллреем.

— Фред! — буквально крикнул Райм, — как она? Специальный агент ответил не сразу.

— Ничего хорошего. Линкольн. Мы пытаемся потушить пожар. Осколков было очень много. Черт! Нам надо было заходить первыми, мать твою!

Для достижения максимального поражающего эффекта террористы окружают заряд пластида или тротила шариками от подшипников и гайками с болтами.

— Взрывом снесло пару стен, — продолжал Деллрей. — Практически вся квартира выгорела, — пауза. — Линкольн, вынужден тебе сказать, мы... нашли...

Его голос, всегда такой ровный и уверенный, вдруг дрогнул.

— Что? — затаил дыхание Райм.

— Части тела... Кисть... руку до локтя...

Райм закрыл глаза. Его охватил ужас, ничего подобного которому он не испытывал уже много лет. Бесчувственное онемевшее тело словно пронзил ледяной кол. Задержанный вдох вырвался со зловещим свистом.

— Линкольн… — начал было Селитто.

— Мы продолжаем поиски, — постарался успокоить криминалиста Деллрей. — Возможно, Сакс осталась жива. Мы ее обязательно найдем. Срочно доставим в больницу. Сделаем все возможное и невозможное. Можешь не сомневаться.

«Сакс, какого черта ты так поступила? И почему я тебя не остановил?»

Вдруг у него в наушниках раздался оглушительный треск, похожий на грохот разорвавшегося фейерверка.

— Кто-нибудь, пожалуйста… Господи, снимите с меня это…

— Сакс! — крикнул в микрофон Райм. Он не сомневался, что голос принадлежал именно ей. Затем послышался удушливый кашель.

— Ооох! — с трудом выдавила Сакс. — Боже милосердный. — Ну и туша!

— Что с тобой? — заорал в микрофон Райм. — Фред, где она?

— Райм, это ты? — спросила она. — Я ничего не слышу. Эй, кто-нибудь, скажите хоть слово!

— Линкольн, — радостно воскликнул Деллрей, — мы ее нашли! С ней все в па-арядке! В полном па-арядке!

— Амелия?

Деллрей закричал, подзывая санитаров. Райм, чье тело несколько лет назад полностью потеряло способность дрожать, вдруг поймал себя на том, что безымянный палец на левой руке отчаянно трясется.

В наушниках снова зазвучал голос Деллрея.

— Линкольн, она оглушена. Похоже, произошло вот что… кажется, мы нашли части тела той женщины… Горовиц.

Перед самым взрывом Сакс успела вытащить ее из холодильника. Труп принял на себя весь удар.

— Линкольн, — воскликнул Селитто, — по твоему лицу вижу, ты собираешься устроить ей взбучку. Не надо! Но Райм и не подумал его слушать.

— Сакс, черт побери, о чем ты думала? — прорычал он. — Я же тебе сказал, что это бомба. Ты сама *должна*была понять, что это бомба, и быстро смыться оттуда.

— Райм, это ты?

Она притворяется, что ничего не слышит. Райм это сразу же понял.

— Сакс...

— Райм, я должна была спасти скотч. Ты меня слышишь? У меня в ушах все звенит. Это прозрачный упаковочный скотч. Нам необходимо достать пальчики Танцора. Ты сам это говорил.

— Знаешь, — оборвал ее криминалист, — ты просто невыносима.

— Алло! Алло-о? Не могу разобрать ни слова.

— Сакс, прекрати кривляться.

— Райм, я сейчас кое-что проверю.

Последовала короткая пауза.

— Сакс!.. Сакс, где ты? Какого черта...

— Райм, слушай, я осветила скотч поляризованным светом. И знаешь что? На нем сохранился частичный отпечаток! Я достала пальчики Танцора!

Райм умолк было на минуту, но тотчас же снова продолжил гневную тираду. Прошло довольно много времени, прежде чем он понял, что говорит впустую. Сакс давно отключила рацию.

* * *

Она была перепачкана сажей. В глазах застыло потрясение.

— Райм, не надо читать нотаций. Я вела себя глупо, но у меня не было времени подумать. Я просто двигалась.

— Что произошло? — спросил он.

Увидев Сакс живой и невредимой, Райм забыл все, что собирался ей высказать.

— Я уже зашла в квартиру. Увидев бомбу за дверью, я поняла, что не успею убежать. Схватив труп той женщины из холодильника, я потащила его на кухню. Я хотела выбросить его из окна, но взрыв застал меня на полпути.

Мел Купер высыпал из пакета добытые Сакс улики. Он внимательно осмотрел сажу и фрагменты бомбы.

— "М-сорок пять". Тротил с качающимся переключателем и взрывателем с задержкой на сорок пять секунд. Переключатель сработал, когда выбивали дверь; от него воспламенился взрыватель. Я вижу остатки графита, значит, это тротил, изготовленный по новейшей технологии. Очень мощный, очень плохой.

— Ублюдок, мать его! — сплюнул Селитто. — Задержка... Подонок хотел, чтобы в квартиру успело набиться как можно больше народу...

— Можно установить происхождение тротила? — спросил Райм.

— Обыкновенный тротил, какого в армии полно. Этот след не приведет нас никуда кроме как...

— Кроме как к тому мерзавцу, что снабдил Танцора этой дрянью, — пробормотал Селитто. — К Филиппу Хансену.

Зазвонил его сотовый телефон, и детектив ответил на вызов. Выслушав, он молча кивнул и уронил голову.

— Спасибо, — наконец произнес он, закрывая телефон.

— Что там? — насторожилась Сакс.

Селитто закрыл глаза.

Райм понял, ему сообщили о состоянии Джерри Бэнкса.

— Лон?

— Звонили насчет Джерри, — открыв глаза, вздохнул Селитто. — Он будет жить. Но ему ампутировали руку. Слишком тяжелые повреждения.

— Только не это, — прошептал Райм. — Можно с ним поговорить?

— Нет, — ответил детектив. — Он спит.

Перед глазами криминалиста мелькнуло лицо молодого полицейского, сказавшего, как это нередко с ним случалось, что-то невпопад и смущенно приглаживающего свой непокорный вихор и потирающего порез от бритвы на гладком розовом подбородке.

— Лон, мне очень жаль...

Детектив покачал головой. Так и сам Райм отмахивался от непрошеного сострадания.

— Сейчас нам надо думать о другом.

— Это верно.

Райм посмотрел на прозрачную клейкую ленту — кляп, которым воспользовался Танцор. На одной стороне виднелись следы губной помады.

Сакс стояла уставившись на улики, но это был не взгляд ученого. Молодая женщина была чем-то обеспокоена.

— Сакс! — окликнул ее Райм.

— Почему он так сделал?

— Заложил бомбу?

Она покачала головой.

— Почему он запихнул эту несчастную в холодильник? Сакс принялась озадаченно грызть ногти. Только на одном пальце, на мизинце левой руки, ноготь оставался длинным и ухоженным. Остальные были обкусаны. На некоторых темнела запекшаяся кровь.

— Полагаю, — ответил криминалист, — он хотел отвлечь наше внимание — тогда мы бы не заметили бомбу. Труп в холодильнике — это должно было приковать наши взгляды.

— Я имею в виду другое, — сказала Сакс. — Причина смерти Шейлы Горовиц — удушье. Он запихнул ее в холодильник *живую*.Почему? Он садист?

— Нет, Танцор не садист, — задумчиво произнес Райм. — Он не может себе это позволить. Им движет только одна сила — стремление выполнить работу. У него достаточно воли, чтобы сдерживать остальные желания. Почему он обрек эту женщину на медленную мучительную смерть, когда мог без труда расправиться с ней ножом или веревкой?..

Точно не могу сказать, но, по-моему, для нас в этом может быть что-то хорошее.

— То есть?

— Быть может, Шейла Горовиц была чем-то ему ненавистна, и Танцор решил обречь ее на самую страшную смерть.

— Да, но нам-то что от этого? — спросил Селитто.

— А то, — ответила Сакс, — что Танцор, возможно, начинает терять хладнокровие.

— Совершенно верно, — подтвердил Райм, радуясь тому, что она тоже увидела эту связь.

Но молодая женщина не заметила его одобрительной улыбки. Закрыв глаза, она тряхнула головой, по-видимому, прогоняя жуткую картину, увиденную в квартире. Многие считают криминалистов бесчувственными (сколько раз бывшая жена Райма бросала ему это обвинение?), но в действительности у лучших специалистов при осмотре места преступления сердце обливается кровью от жалости к жертвам. Сакс принадлежала именно к этой категории.

— Сакс, — тихо произнес Райм, — где отпечаток?

Она непонимающе взглянула на него.

— Ты сказала, что нашла отпечаток пальца. Нам необходимо действовать как можно быстрее.

Молодая женщина кивнула.

— Он частичный, — сказала она, протягивая полиэтиленовый пакет.

— А может быть, это отпечаток той несчастной?

— Нет, я уже сняла ее пальчики. Пришлось долго искать кисти ее рук... Но этот отпечаток определенно не ее.

— Мел! — окликнул эксперта Райм.

Купер обработал обрывок скотча специальным составом. После нагревания на нем сразу же выступил крошечный участок отпечатка пальца.

Эксперт покачал головой.

— Не могу поверить, — пробормотал он.

— В чем дело?

— Он вытер скотч. Танцор. Судя по всему, он понял, что прикоснулся к скотчу без перчатки. Уцелел лишь кусочек.

Как и Райм, Купер состоял членом Международной ассоциации идентификации. Эксперты определяли личность по отпечаткам пальцев, ДНК, зубам. Но этот частичный отпечаток как и тот, что сохранился на металлическом выступе бомбы, выходил за рамки их возможностей. Если кто-то и мог классифицировать его, то только самые лучшие специалисты. Но в данном случае и они были бессильны.

— Отсканируй его, распечатай и повесь вон туда, — пробормотал Райм. — На стену.

Том занялся рутинной процедурой. Сделать это было необходимо, но Райм был очень расстроен. Сакс едва не погибла и, как выяснилось, впустую.

Эдмонд Локар, знаменитый французский криминалист, разработал принцип, названный его именем. Он сказал, что при каждом контакте преступника и жертвы происходит обмен уликами. Возможно, микроскопическими, но этот обмен неизбежен. Однако сейчас Райму казалось, что если кто-либо и может опровергнуть принцип Локара, то именно этот призрак, прозванный Танцором у гроба.

Селитто, увидев на лице криминалиста отчаяние, поспешил его успокоить:

— Мы подготовили ловушку в полицейском участке. Если повезет, мы его возьмем.

— Будем надеяться. Везение, черт побери, нам сейчас совсем не помешает.

Закрыв глаза, Райм уронил голову на подголовник. Через некоторое время послышался голос Тома:

— Уже одиннадцать часов. Вам пора в постель. Порой бывает очень просто на время прекращать обращать внимание на собственное тело, забывать, что оно *имеется,*особенно в такие моменты, как сейчас, когда на карту поставлена человеческая жизнь, и мы, выходя за границы наших возможностей, продолжаем работать, работать, работать. Но тело Линкольна Райма не могло вынести пренебрежительного обращения. Длительное неподвижное пребывание в одном положении могло

привести к сепсису и отравлению крови. Образованию жидкости в легких и пневмонии. Не очищен с помощью катетера мочевой пузырь? Не проведен массаж кишечника, призванный стимулировать его работу? Слишком тугие ботинки? Последствием всего этого была дисрефлексия, а это могло привести к сердечному приступу. Достаточно и просто физического истощения.

Слишком много способов умереть...

—Вы ложитесь спать, — решительно произнес Том.

— Я должен...

— Спать. Вы должны спать.

Райм сдался; он очень, очень устал.

— Ну хорошо, Том. Ну хорошо, — он подкатил к лифту. — Один только вопрос, — он оглянулся. — Сакс, ты не могла бы подняться ко мне на несколько минут?

Кивнув, молодая женщина проводила взглядом закрывающиеся двери лифта.

Она застала Райма в специальной кровати «Клинитрон».

Ей пришлось подождать десять минут, необходимых на обязательный вечерний ритуал: Том поставил своему боссу катетер и почистил ему зубы. Сакс знала, что несмотря на кажущуюся грубость и обычное для инвалидов отсутствие стыдливости, Райм не хотел, чтобы она присутствовала при определенных процедурах.

Спустившись вниз, молодая женщина приняла душ, переоделась в свежее белье — свое собственное, случайно обнаруженное Томом в прачечной на первом этаже.

Свет в спальне был приглушен. Райм терся затылком о подушку словно медведь спиной о дерево. «Клинитрон» была самой удобной кроватью на свете. Весом полтонны, она представляла собой желеобразную массу, наполненную стеклянными шариками, по которой циркулировал подогретый воздух.

— А, Сакс! Сегодня ты была молодцом. Ты его перехитрила.

«Но только благодаря мне Джерри Бэнкс потерял руку. И я упустила Танцора».

Подойдя к бару, она наполнила себе стакан и вопросительно подняла бровь.

— Разумеется, — ответил Райм. — Материнское молоко, утренняя роса, напиток забвения...

Скинув туфли. Сакс стащила блузку и взглянула на синяк.

— Ох ты! — почтительно произнес Райм. Синяк имел форму штата Миссури, а цветом напоминал баклажан.

— Терпеть не могу бомбы, — буркнула Сакс. — Мне еще не приходилось так близко с ними сталкиваться. И я их терпеть не могу.

Раскрыв свою косметичку, она нашла там упаковку аспирина и одну за одной проглотила три таблетки (фокус, которому быстро обучаются страдающие от артрита). Подойдя к окну, молодая женщина посмотрела на соколов. Красивые птицы. Не слишком большие. Дюймов четырнадцать-шестнадцать. По сравнению с собакой — крошечные. Но для птицы... они были очень впечатляющими. Их клювы напоминали когти тварей из фантастического сериала «Чужой».

— Сакс, как ты себя чувствуешь? Только говори начистоту.

— Со мной все в порядке.

Усевшись в кресло, она пригубила пахнущий дымом напиток.

— Хочешь остаться на ночь? — спросил Райм. Время от времени Сакс проводила ночь у него дома. Иногда на кушетке, иногда в кровати рядом с ним. Возможно, дело было в переливающейся жидкости «Клинитрона»; быть может, все объяснялось просто тем, что рядом находилось другое человеческое существо. Истинную причину Сакс не знала, но она никогда не спала так хорошо, как вместе с Раймом. С тех пор, как Сакс рассталась со своим последним другом, Ником, она больше не наслаждалась близостью с мужчиной. И теперь они с Раймом частенько лежали в кровати и говорили. Она рассказывала ему о машинах, о соревнованиях по стрельбе, о своей матери и крестной. О жизни и мучительном угасании ее отца. Сакс раскрывала о себе много личного, сокровенного, но она ничего не имела против. Ей же очень нравилось слушать то, о чем говорил Райм. Он был поразительным рассказчиком. В основном он говорил о Нью-Йорке: об ударах мафии, о которых в мире ничего не знают; о местах преступления, настолько чистых, что у криминалистов опускались руки, но тут обнаруживалась какая-то пылинка, обломок ногтя, капелька слюны, волосок, частица ткани, позволявшая установить личность преступника, его

местожительство, по крайней мере, это устанавливал Райм. Его мозг ни на минуту не прекращал работать. Сакс узнала, Что до травмы криминалист постоянно бродил по улицам Нью-Йорка, собирая образцы почвы, растений, стекла, камней — все то, что могло помочь ему в раскрытии преступлений. Казалось, сейчас эта непоседливость перебралась из его ставших бесполезными ног в мозг, ночами бродивший по городу — в мыслях.

Но сегодня ночью Раям был как никогда рассеянным. Сакс ничего не имела против его вспыльчивости, что было очень хорошо, поскольку он нередко пребывал в таком расположении духа. Но она терпеть не могла, когда его мысли витали где-то далеко.

Молодая женщина присела на край кровати. Наконец Райм заговорил о том, ради чего и пригласил ее.

— Сакс... Лон рассказал мне о том, что произошло в аэропорту...

Она пожала плечами.

— Не кори себя, ты ничего не могла сделать. Только подставила бы себя под пули... Ты поступила совершенно правильно — воспользовалась укрытием. Танцор сделал пристрелочный выстрел; вторым он уложил бы тебя наверняка.

— У меня было две-три секунды. Я могла бы в него попасть. Я в этом уверена.

— Сакс, не становись безрассудной. Эта бомба... Он умолк, увидев ее сверкнувшие яростью глаза.

— Я хотела взять Танцора, во что бы то ни стало. И мне показалось, что ты не меньше меня хочешь расправиться с ним. По-моему, ты тоже собираешься рискнуть, — с загадочной многозначительностью добавила она. — Ты *уже*рискуешь.

Молодая женщина не ожидала от Райма такой реакции. Заморгав, он отвернулся. Однако, ничего не сказав, он тотчас же потянул из соломинки виски.

— Могу я задать один вопрос? — поддавшись внезапному порыву, спросила Сакс. — Если не захочешь отвечать, можешь послать меня ко всем чертям.

— Ну же. Сакс, разве между нами есть какие-нибудь секреты? Я так не думаю.

— Помню, однажды я рассказала тебе о том, что было у нас с Ником, — уставившись в пол, начала она. — О своих чувствах и так далее. О том, как мне было трудно.

Он кивнул.

— И я спросила, доводилось ли тебе испытывать что-либо подобное, возможно, к своей жене. Ты ответил, что приходилось, но только не к Блэйн.

Она вопросительно посмотрела на него.

Райм оправился быстро, хотя и недостаточно быстро. Сакс поняла, что прикоснулась к незажившей ране.

— Помню, — наконец тихо промолвил он.

— Кто она? Если не хочешь, можешь...

— Ничего страшного. Ее звали Клэр. Клэр Триллинг. Как тебе нравится ее фамилия?

— Представляю, как ее, должно быть, донимали в школе. Мне самой изрядно досталось. Амелия Секс — это лишь самое мягкое... Как вы с ней познакомились?

— Ну... — он рассмеялся над собственным смущением. — На работе.

— Она служила в полиции? — удивилась Сакс.

— Да.

— И что было дальше?

— Ну... наши отношения были очень сложными. — Райм печально покачал головой. — Я был женат, она была замужем. Так что...

— Дети были?

— У нее была дочь.

— И вы расстались?

— У нас бы все равно ничего не получилось, Сакс. О, нам с Блэйн было предначертано расстаться или убить друг друга. Это было лишь вопросом времени. Но Клэр... Она беспокоилась о своей дочери, боялась, что в

случае развода муж оставит девочку у себя. Хоть она его не любила, но он был неплохим человеком. А дочку Клэр очень любила.

— Ты ее видел?

— Дочь? Да.

— Ас Клэр вы больше не встречаетесь?

— Нет. Это осталось в прошлом. Она больше не служит в полиции.

— Вы расстались после того, как с тобой это случилось?

— Нет-нет, до того.

— Но ей известно о том, что с тобой случилось, да?

— Нет, — после некоторого колебания ответил Райм.

— Почему ты ей ничего не сказал? Пауза.

— На то были свои причины... Странно, что ты заговорила о Клэр. Я уже несколько дет не вспоминал о ней.

Он небрежно усмехнулся, и Сакс вздрогнула от пронзительной боли — настоящей физической боли, как от удара, оставившего огромный синяк, по форме напоминавший штат Миссури. Это произошло потому, что Райм солгал. Он постоянно вспоминал об этой женщине. Сакс ни в грош не ставила женскую интуицию, но она верила в чутье полицейского; она слишком долго патрулировала улицы Нью-Йорка и не могла отмахнуться от такого предчувствия. Молодая женщина была *убеждена,*что Линкольн Райм вспоминал миссис Триллинг.

Разумеется, ее реакция была просто смешной. Сакс не обладала терпением, чтобы быть ревнивой. Она не ревновала Ника к его работе, он был тайным агентом и пропадал на целые недели. Не ревновала его к длинноногим блондинкам, с которыми ему приходилось по долгу службы ходить по ресторанам.

А кроме ревности, на что еще она может надеяться? Сакс неоднократно разговаривала о Райме со своей матерью. И рассудительная пожилая женщина обычно ограничивалась каким-нибудь уклончивым замечанием вроде: «Такого несчастного калеку нельзя не жалеть».

И эти слова матери подводили черту под тем, чем должны быть их взаимоотношения. Чем они *могут*быть.

Это было настолько нелепо, что не лезло ни в какие ворота.

И все же Сакс ревновала Райма. Но не к Клэр.

Она ревновала его к Перси Клэй.

У молодой женщины не выходил из головы тот взгляд, которым обменялись Райм и Перси, когда она застала их сегодня сидящими бок о бок у него в комнате.

Так, еще один стакан виски. С мыслями о ночах, проведенных с Раймом у него в спальне, рассказах о делах, которые он вел.

Так, замечательно. Она становится сентиментальной. Это говорит о том, что она взрослеет. Надо срочно вырвать это чувство из груди.

Но Сакс лишь сдобрила его замечательным выдержанным виски.

Перси Клэй нельзя назвать красивой, но это совершенно ничего не значило. Сакс потребовалось провести лишь одну неделю в агентстве фотомоделей на Мэдисон-авеню, где она проработала несколько лет, чтобы понять главный изъян красоты. Мужчинам приятно смотреть издалека на роскошных женщин, но ничто не смущает их так, как близкое знакомство с ними.

— Хочешь еще виски? — предложила Сакс.

— Нет.

Она бессознательно положила голову на его подушку. Забавно, как люди приспосабливаются к обстоятельствам. Разумеется, Райм не мог обвить ее рукой, прижать к своей груди. Но для него равносильным по выражению чувств движением стало то, что он склонил к ней голову. Им уже не раз приходилось так застывать.

Однако сегодня молодая женщина ощутила какую-то напряженность.

Ей казалось, она теряет Райма. И бороться с этим она могла лишь тем, что старалась находиться рядом с ним. Как можно ближе.

Однажды Сакс посвятила свою подругу Эми, мать ее крестницы, в то, какие чувства она испытывает к Райму. Та, пытаясь объяснить эту странную привязанность, высказала свою догадку:

— Знаешь, возможно, все дело в том, что он лишен возможности двигаться. Он мужчина, но не может тобой повелевать. Наверное, это действует на тебя возбуждающе.

Но Сакс знала, что в действительности дело обстоит как раз наоборот. Ее возбуждало то, что этот мужчина полностью повелевает ею *несмотря*на то, что лишен возможности двигаться.

Райм что-то сказал о Клэр, потом заговорил о Танцоре. Сакс, рассеянно слушая его, закинула голову назад, глядя на его тонкие губы.

Ее руки пришли в движение.

Конечно, Райм ничего не чувствовал, но ему было видно, как длинные изящные пальцы с искромсанными ногтями скользнули вниз по его груди, дальше по упругому животу. Том ежедневно проводил комплекс пассивных двигательных упражнений, и хотя Райм и не мог похвастаться мышцами культуриста, его тело оставалось молодым. Казалось, процесс старения остановился в тот день, когда с Раймом произошел несчастный случай.

— Сакс!

Ее рука опустилась ниже.

Дыхание ее стало учащенным. Она стащила с себя одеяло. Том одел Райма в футболку. Сакс, сдвинув вверх футболку, провела ладонью по обнаженной груди. Затем, стянув с себя рубашку, она расстегнула лифчик и прижалась своей пылающей кожей к его бледному телу. Молодая женщина ожидала ощутить прикосновение к чему-то холодному. На самом деле тело Райма оказалось гораздо горячее ее собственного.

Она вжалась в него еще крепче.

Сначала Сакс осторожно прикоснулась губами к его щеке, затем поцеловала в уголок рта, наконец с жаром обрушилась на него.

— Сакс, не надо... Послушай... Нет!

Но она не собиралась слушать.

Молодая женщина не сказала Райму о том, что несколько месяцев назад она приобрела книгу под названием «Инвалид в качестве полового партнера». Она с удивлением узнала, что инвалиды с травмой позвоночника способны совершать половые акты и даже оплодотворять женщин. Главный мужской орган в буквальном смысле сам себе голова, и повреждение спинного мозга лишает его только одного типа раздражении. Инвалид способен на полноценную эрекцию. Правда, он не испытывает никаких ощущений, но для Сакс физическое наслаждение представляло лишь часть полового акта, причем далеко не

самую значительную. Главным была близость; к этой вершине не мог приблизиться и миллион фальшивых оргазмов, и молодой женщине казалось, что Райм должен относиться к этому так же.

Она снова поцеловала его. Еще крепче.

Поколебавшись, Райм ответил на ее поцелуй. Сакс нисколько не удивилась тому, что он знает толк в этом деле. После черных глаз его губы безукоризненной формы были первыми, на что она обратила внимание.

Вдруг Райм оторвался от нее.

— Нет, Сакс, не надо...

— Шш, молчи...

Засунув руку под одеяло, она начала трогать, гладить, тереть.

— Просто...

Что *просто?*Что у них может ничего не получиться?

Но все шло великолепно. Сакс ощутила, как естество Райма растет, откликаясь на прикосновение ее руки так, как это не снилось большинству самоуверенных кобелей, с которыми она имела связь.

Забравшись на Райма верхом, молодая женщина сбросила ногой простыню и одеяло и, нагнувшись, снова начала его целовать. О, как она мечтала о том, чтобы дать ему понять, что она видит в нем своего идеального мужчину. Лишенного каких-либо изъянов.

Сакс сняла заколку, роняя распущенные волосы ему на грудь. Наклонившись, она снова поцеловала его.

Райм ответил. Их губы слились вместе. Сладостный момент длился, казалось, бесконечно долго. Вдруг Райм тряхнул головой так резко, что Сакс испугалась неожиданного приступа дисрефлексии.

— Нет! — прошептал он.

Молодая женщина ожидала услышать игривость, страсть, в худшем случае, заигрывающее: «Пожалуй, это не слишком хорошая мысль...» Но в его голосе прозвучала слабость. Гулкая пустота резанула Сакс по сердцу. Скатившись на кровать, она прижала к груди подушку.

— Нет, Амелия. Извини. Нет.

Ее лицо горело от стыда. Сакс вдруг с ужасом вспомнила, сколько раз, оставшись наедине с мужчиной, неважно, другом или случайным знакомым, она сталкивалась с тем, что тот набрасывался на нее словно изголодавшийся подросток. И вот в таких случаях ее голос был полон тем же разочарованием, что прозвучало сейчас в голосе Райма.

Значит, вот кто она для него, наконец поняла Сакс. Помощник. Коллега по работе. Друг с большой буквы "Д".

— Извини, Сакс... Не могу. Возникнут осложнения...

Осложнения? Сакс не видела никаких осложнений, разумеется, за исключением того обстоятельства, что Райм ее не любит.

— Нет, это *ты*меня извини, — быстро пробормотала она. — Я вела себя глупо. Должно быть, перебрала виски. Ты же знаешь, меня от него быстро развозит.

— Сакс!

Натянув на лицо улыбку, она стала одеваться.

— Сакс, дай мне высказаться!

— Не надо.

Она не хотела больше слышать ни слова.

— Сакс...

— Мне пора домой. Постараюсь завтра утром вернуться пораньше.

— Я должен высказаться!

Но Райму так и не суждено было что-либо сказать, объясниться, принести извинения, сделать признание. Или прочесть нотацию.

Их прервал громкий настойчивый стук в дверь. Прежде чем Райм успел спросить, кто там, в спальню ворвался Лон Селитто.

Равнодушно взглянув на Сакс, он снова повернулся к Райму и объявил:

— Только что пришло сообщение от ребят Боу, дежуривших у двадцатого участка. Танцор был там, изучал место. Сукин сын клюнул на приманку! Мы возьмем его. Линкольн. На этот раз мы его непременно возьмем!

— Пару часов назад, — продолжал детектив, — парни из группы наружного наблюдения заметили белого мужчину, слоняющегося вокруг здания двадцатого участка. Судя по всему, изучающего подходы. Потом они засекли, как он Разглядывает в бинокль расположенную во дворе бензоколонку.

— Где заправляются патрульные машины?

— Точно.

— За ним пробовали следить?

— Он исчез, прежде чем к нему успели приблизиться.

Райм отметил, как Сакс старается не привлекая внимания застегнуть верхнюю пуговицу блузки... Надо будет обязательно переговорить с ней о том, что произошло. Ему *необходимо*все ей объяснить. Но в свете сообщения Селитто этот разговор придется отложить.

— Дальше лучше. Полчаса назад поступило сообщение об угоне бензовоза компании «Роллинз Дистрибьютинг». Она занимается поставкой горючего мелким заправкам. Кто-то прорезал дыру в проволочном заборе. Охранник, услышав шум, пошел проверить, в чем дело. Его оглушили. Вдарили по башке так, что вышибли всю память. А потом этот тип смылся на одном из бензовозов.

— Заправку в полицейском участке снабжает компания «Роллинз»?

— Нет, но кто обратит на это внимание? Танцор подъезжает к участку на цистерне, охрана, не заподозрив ничего неладного, пропускает его внутрь, а дальше...

— А дальше бензовоз взрывается, — договорила за него Сакс.

Опешивший Селитто раскрыл рот.

— Я думал, он воспользуется машиной только для того, чтобы проникнуть на охраняемую территорию. Вы полагаете, он заложит в бензовоз бомбу?

Разозлившись на себя, Райм мрачно кивнул. Сакс права.

— Здесь Танцор нас перехитрил. Мне и в голову не приходило, что он такое придумает. Господи, если в том квартале рванет бензовоз... Обогащенная бомба?

— Не думаю, — ответил Райм. — Вряд ли у Танцора хватит времени на то, чтобы ее приготовить. Но ему достаточно будет лишь закрепить на стене цистерны небольшой фугасный заряд, и великолепная зажигательная бомба готова. Участок выгорит дотла. Необходимо срочно всех эвакуировать оттуда. Только тихо.

— Тихо, — пробормотал Селитто. — Легко сказать!

— В каком состоянии охранник с той стоянки? Говорить сможет?

— Может, но его ударили сзади. Он ничего не видел.

— Ладно, по крайней мере, мне нужна его одежда. Сакс! — молодая женщина встрепенулась. — Ты не могла бы съездить в больницу и привезти ее? Ты знаешь, как обращаться с вещами, чтобы не уничтожить улики. А потом поработай на автостоянке, откуда Танцор угнал бензовоз.

Ему было любопытно увидеть реакцию Сакс. Он бы не удивился, если бы она ушла, холодно улыбнувшись. Но по ее красивому лицу Райм прочел, что молодая женщина испытывает то же самое, что чувствует он сам: как ни странно, облегчение по доводу того, что вмешавшийся Танцор нарушил ход событий этого вечера, ведущих к катастрофе.

Наконец-то, наконец-то улыбка удачи, о чем так страстно мечтал Райм.

Амелия Сакс вернулась через час с полиэтиленовым пакетом, в котором лежали кусачки.

— Нашла их у дыры в заборе. Похоже, охранник застал Танцора врасплох, и тот их обронил.

— Да! — воскликнул Райм. — Насколько мне известно, он никогда не допускал таких ошибок. Возможно, он начинает становиться беспечным… Интересно, чем это вызвано?

Райм посмотрел на кусачки, мысленно моля бога о том, чтобы на них сохранились отпечатки пальцев.

Но недовольный Мел Купер, он спал в маленькой комнате для гостей наверху, осмотрев каждый квадратный миллиметр поверхности инструмента, так и не смог ничего найти.

— А сами кусачки нам могут *что-нибудь*сказать? — спросил Райм.

— Хороший качественный инструмент, такие можно купить в любом магазине. А на распродаже имущества ремонтных мастерских их вообще за пару зеленых отдадут.

Райм с отвращением поморщился. Еще раз внимательно посмотрев на кусачки, он спросил:

— Следы инструмента есть?

Купер бросил на него недоуменный взгляд. Следы от инструмента — это характерные отметины, которые преступник оставляет на месте преступления, действуя своим инструментом: отвертками, плоскогубцами, отмычками, фомками и тому подобным. Однажды Райму удалось привязать взломщика к месту преступления исключительно на основании небольшой щербинки на латунной пластине замка. Эта щербинка в точности соответствовала заусенцу на зубиле, обнаруженном у подозреваемого. Однако в данном случае налицо был сам *инструмент,*а не следы, которые он мог оставить. Купер не понял, что имел в виду Райм.

— Я говорил о следах *на*лезвиях, — нетерпеливо бросил криминалист. — Быть может. Танцор перед нападением на стоянку перерезал что-то такое, что позволит нам установить, где он прячется.

— А, вот ты о чем. — Купер пригляделся к кусачкам внимательнее. Лезвия никелированные… впрочем, взгляните. Видишь?

— Поскобли лезвия и рукоятки. Возможно, на них есть остаточные следы.

Купер пропустил пыль через хроматограф.

— Ого! — пробормотал он, ознакомившись с результатом анализа. Следы циклонита, асфальта и целлюлозного химического волокна.

— Детонационный шнур, — сказал Райм.

— Танцор резал его кусачками? — удивилась Сакс. — Разве это не опасно?

— О, не опаснее, чем резать простую ткань, — рассеянно произнес Райм, мысленно представляя, во что превратит окрестности двадцатого участка тысяча галлонов горящего бензина.

«Я должен был настоять на том, чтобы Перси и Бритт уехали отсюда, — подумал он. — Пусть бы их до самого суда держали в охраняемом доме где-нибудь в горах Монтаны. А я возомнил себя гением, вздумал ставить на Танцора ловушку!»

— Линкольн, — нарушил молчание Селитто, — нам нужно найти этот бензовоз.

— Время у нас есть, — заметил Райм. — Танцор не станет действовать раньше утра. Он должен сделать вид, будто происходит обычная доставка горючего. Мел, еще есть какие-нибудь следы?

Купер исследовал частицы, задержанные фильтром пылесоса.

— Почва, кирпич. Подожди-ка... какие-то волокна. Пропустить их через хроматограф?

— Да, — в ожидании результатов эксперт склонился к экрану. — Так-так, волокна растительного происхождения. Такие есть в бумаге. Читаю химическую формулу — NH_4OH.

— Гидроксид аммония, — сказал Райм.

— Аммиак? — встрепенулся Селитто. — Быть может, мы поторопились, отмахнувшись от обогащенной бомбы?

— Следы машинного масла? — спросил Райм.

— Никаких.

— Эти волокна, вымоченные в аммиаке, они с рукояток кусачек?

— Нет. С одежды оглушенного охранника. Аммиак?

Райм был в недоумении. Он попросил Купера поместить одно из волокон под электрический микроскоп.

— Максимальное увеличение. Как за него зацепился этот аммиак?

На экране появилось изображение. Одинокое волокно имело вид бревна.

— По-моему, сплавилось под действием температуры.

Еще одна загадка. Бумага и аммиак... Райм взглянул на часы. Без двадцати три ночи. Вдруг до него дошло, что Селитто его о чем-то спросил.

— Я говорю, — повторил тот, — быть может, нам начать эвакуацию людей из участка. Я хочу сказать, лучше сделать это сейчас, а не дожидаться утра.

Райм долго не отрывал взгляда от голубоватого бревна на экране микроскопа. Наконец он словно очнулся.

— Да. Надо эвакуировать всех. Освободите также здания рядом с участком. Так, подумаем — по четыре дома с каждой стороны.

— Так много? — недоверчиво усмехнулся Селитто. — Полагаешь, необходимы такие решительные меры?

Посмотрев на детектива, Райм вдруг сказал:

— Нет, я передумал. Весь квартал. Нужно эвакуировать весь квартал. Немедленно. И достаньте сюда Хауманна и Деллрея. Мне наплевать, где они. Я хочу, чтобы они срочно прибыли сюда.

Глава семнадцатая

Час 22-й из 45

Кто-то из них спал.

Селитто, устроившийся в кресле, проснулся еще более взъерошенным. Купер спал внизу.

Сакс, судя по всему, провела ночь на кушетке на первом этаже или во второй комнате для гостей. «Клинитрон» ее больше не интересовал.

Том, сам бледный как полотно, измерил Райму давление. Особняк наполнился ароматом кофе.

Только что рассвело. Линкольн Райм в который раз просматривал списки улик. Импровизированный штаб заседал до четырех утра, вырабатывая стратегию действий по поимке Танцора и отвечая на бесчисленные жалобы по поводу эвакуации.

Увенчается ли успехом их затея? Попадется ли Танцор в расставленную ловушку? Райм верил в это. Но оставался еще один вопрос, о котором он старался не думать, хотя у него плохо получалось. Трудно ли будет захлопнуть капкан? Танцор был смертельно опасен в обычной обстановке. Как поведет он себя, будучи зажатым в угол?

Том разнес кофе, и все обступили подробный план квартала, принесенный Деллреем. Райм, вернувшись в «Штормовую стрелу», также подкатил к столу.

— Все на месте? — обратился он к Селитто и Деллрею. Ребята из отряда 32-Е Боу Хауманна и группа Деллрея, составленная из подразделений специального назначения Южного и Восточного округов ФБР, были в полной готовности. Бойцы выдвигались на намеченные позиции под

покровом ночи, по канализационным трубам и крышам домов. Райм был убежден, что Танцор продолжает наблюдение за целью.

— Сегодня ночью он глаз не сомкнет, — решительно заявил он.

— Линк, ты уверен, что он клюнет на нашу приманку? — осторожно спросил Селитто.

Уверен? Как можно быть в чем-то уверенным, имея дело с Танцором у гроба?

Его самым страшным оружием является обман...

—Уверен на девяносто два процента, — криво усмехнулся криминалист.

Селитто недовольно фыркнул.

В этот момент позвонили в дверь. Через минуту на пороге гостиной появился коренастый мужчина средних лет, не знакомый Райму.

Вздох со стороны Деллрея не оставил сомнений по поводу того, что от незваного гостя ничего хорошего ждать не приходилось. Селитто, похоже, также знакомый с вновь прибывшим, приветствовал его осторожным кивком.

Вошедший представился Реджинальдом Элиополосом, помощником прокурора Соединенных Штатов по Южному округу. Райм вспомнил, что именно он выступает обвинителем по делу Филиппа Хансена.

— Вы Линкольн Райм? Наслышан о вас. Так-так. Так-так. Да-да.

Элиополос шагнул вперед, машинально протягивая руку. Но, осознав, что Райм не сможет ответить на рукопожатие, он просто переадресовал свою руку Деллрею, с неохотой принявшему ее. Радостное восклицание Элиополоса: «Фред, рад тебя видеть» означало как раз обратное, и Райму стало любопытно, в чем причина этой холодной неприязни.

На Селитто и Мела Купера прокурор даже не посмотрел. Том, интуитивно прочувствовав, что к чему, не предложил гостю кофе.

— Так-так. Слышал, вы замыслили масштабную операцию. Начальство в известность не поставили, но я, черт побери, знаю, что такое импровизация. Порой просто не находится времени, чтобы собирать все необходимые подписи.

Пройдя к микроскопу, Элиополос заглянул в окуляр.

— Так-так, — с пониманием дела произнес прокурор, хотя для Райма осталось загадкой, что он мог увидеть, поскольку лампа освещения предметоводителя была выключена.

— Ну... — начал Райм.

— Охоту на наемного убийцу необходимо прекратить. — Элиополос обвел взглядом присутствующих. — Вот и все. Бронированный фургон уже ждет у здания администрации в центре города. Я хочу, чтобы максимум через час в нем находились свидетели по делу Хансена, Перси Клэй и Бритт Хейл. Их доставят в федеральный охраняемый дом Шорхэм в Лонг-Айленде. И там они будут находиться до заседания суда, которое состоится в пятницу вечером, где им предстоит давать показания. Точка. Никакой охоты. Как вам это нравится?

— Вы полагаете, так будет лучше?

— Да-да, именно так мы и полагаем. Нам кажется, что разумнее обеспечить свидетелям надежную охрану, а не использовать их в качестве приманки в вендетте, которую затеяло управление нью-йоркской полиции.

Селитто вздохнул.

— Реджи, раскрой глаза пошире, — начал Деллрей. — Тебя и не думали оставлять за бортом. Предлагаю объединить наши силы. Это будет *совместная*операция.

— Это было бы совсем неплохо, — рассеянно произнес Элиополос. Все его внимание было обращено на Райма. — Скажите, неужели вы наивно полагали, что никто в руководстве не помнит о том, что именно этот преступник убил пять лет тому назад ваших экспертов?

*Так-так,*Райм *действительно*на это надеялся. И вот сейчас, когда кто-то вспомнил о том трагическом событии, ему с его бригадой придется плавать в кастрюле супа с фрикадельками.

— Ну-ну, успокойтесь, — с деланным весельем произнес прокурор. — Нам не нужна междоусобная война. Разве я этого хочу? Зачем мне это нужно? Мне нужен только Филипп Хансен. *Всем*нужен только Хансен. Запомнили? Именно он является крупной рыбой.

Сказать по правде, Райм успел почти совсем забыть о Хансене. Только теперь, когда ему об этом напомнили, он понял, что именно замыслил Элиополос. И это открытие его очень обеспокоило.

Криминалист набросился на Элиополоса словно койот на добычу.

— У вас есть способные агенты, — невинным тоном спросил он, — которые смогут защитить свидетелей?

— В Шорхэме? — неуверенно ответил прокурор. — А то как же. Есть-есть.

— И вы предупреждали их о мерах безопасности? О том, насколько опасен Танцор? Пауза. Наконец:

— Да, я провел беседу.

— И какие именно приказания получили ваши люди?

— Какие приказания? — понуро переспросил Элиополос. Он был человеком неглупым и понял, что попался. Рассмеявшись, Райм переглянулся с Селитто и Деллреем.

— Видите ли, наш друг из прокуратуры хочет пригвоздить Хансена с помощью *трех*свидетелей.

— Трех?

— Перси, Хейла... и самого Танцора, — насмешливо заявил Райм. — Он надеется поймать его и заставить давать показания, — он пристально посмотрел на Элиополоса. — Значит, вы *тоже*собираетесь использовать миссис Клэй в качестве приманки.

— Но только он намеревается поймать Танцора *сам,* -фыркнул Деллрей. — Понятно-понятно.

— Вы считаете, — продолжал Райм, — что дело против Хансена недостаточно хорошее, даже если Перси и Хейл расскажут о том, что видели.

Мистер Так-так решил быть откровенным.

— Они видели только, как он загружал эти чертовы улики в самолет. На самом деле, они и *это-то*толком не видели. Вот если нам удастся обнаружить сумки и с их помощью привязать Хансена к убийству двух солдат прошлой весной — замечательно. Но, во-первых, мы можем не найти сумки; во-вторых, улики, находившиеся в них, могут оказаться безнадежно испорченными.

"В таком случае, в-третьих, зовите *меня,* -мысленно докончил Райм. — Я смогу обнаружить обличающие улики даже в дуновении ночного ветра".

— Но если вы поймаете убийцу, нанятого Хансеном, — сказал Селитто, — тот, возможно, согласится заложить своего хозяина.

— Вот именно.

Элиополос торжествующе скрестил руки на груди, как, видимо, делал в суде, заканчивая обвинительное заключение.

Сакс, слушавшая стоя в дверях, задала вопрос, который был готов задать сам Райм.

— И что вы пообещаете Танцору взамен?

— А вы кто такая? — встрепенулся Элиополос.

— Офицер Сакс, отдел осмотра мест преступления.

— На самом деле эксперт-криминалист не имеет права задавать такие вопросы...

— В таком случае, его задаю я, мать твою, — рявкнул Селитто. — И если я не получу ответ, этот же вопрос задаст мэр.

Как предположил Райм, Элиополоса ждала политическая карьера. Скорее всего, очень успешная.

— Главное, чтобы мы смогли успешно построить обвинение против Хансена, — сказал прокурор. — Он большее из зол. Я считаю, что он более опасен.

— Замечательный ответ, — сморщился Деллрей. — Однако он не имеет никакого отношения к нашему вопросу. Так что же вы готовы пожаловать Танцору, если он настучит на Хансена?

— Этот вопрос еще не обсуждался.

— Десять лет умеренного режима? — предположила Сакс.

— Повторяю, это еще не *обсуждалось*.

Мысли Райма снова вернулись к ловушке, которую они так тщательно готовили до четырех утра. Если Перси и Хейла сейчас перевести в другое место. Танцор об этом узнает. И пересмотрит план своих действий. Выяснив, что свидетели содержатся в Шорхэме, а охрана получила приказ взять его живым, он преспокойно войдет в охраняемый дом, убьет Перси и Хейла, а также десяток федеральных маршалов и уйдет живым и невредимым.

— У нас мало времени... — начал прокурор.

— У вас есть постановление? — оборвал его Райм.

— Я надеялся, вы отнесетесь к моей просьбе с пониманием...

— Вы ошиблись.

— Но ведь вы — частное лицо.

— А я — нет, — вставил Селитто.

— Так-так, понятно, — посмотрев на Деллрея, Элиополос даже не стал спрашивать, на чьей тот стороне. — Через три-четыре часа у меня будет ордер на принудительное помещение свидетелей под охрану.

«В воскресенье утром? — подумал Райм. — Ну-ну!»

Мы их не отпускаем, — произнес он вслух. — Делайте то, что считаете нужным.

Круглое бюрократическое лицо Элиополоса скривилось в улыбке.

— Должен вас предупредить, что в том случае, если преступник будет убит при задержании, я лично проверю отчет о правомерности применения оружия, и весьма вероятно, что я сочту чрезмерными действия полиции, — он повернулся к Райму. — Я также заведу дело по обвинению частных лиц, мешающих работе федеральных правоохранительных органов. Это может привести к серьезным неприятностям. Я просто хочу вас предостеречь.

— Благодарю вас, — небрежно бросил Райм. — Я очень рад. Как только прокурор ушел, Селитто осенил себя крестным знамением.

— Господи Иисусе, Линк, ты слышал? Он пугает тебя *серьезными*неприятностями.

— Та-та-та... Лично мне кажется, этого петушка напугали бы и *мелкие*неприятности, — язвительно заметил Деллрей. Все дружно рассмеялись. Потянувшись, Деллрей продолжал:

— Линкольн, ты слышал, на город обрушилась какая-то зараза?

— Какая еще зараза?

— Ее уже успели подхватить масса народу. Мы с моими ребятами из спецназа все чаще возвращаемся с операции, испытывая неприятный зуд в указательном пальце правой руки.

— И вы тоже? — спросил Селитто, по части актерского мастерства сильно уступающий агенту ФБР. — А я-то думал, этим страдаем только мы в полиции.

— Но дело в том, — заявил Фред Деллрей, — что я знаю верное средство. Достаточно просто пришить какого-нибудь подонка, вроде этого Танцора, стоит ему только косо на тебя посмотреть. Работает безотказно, — он раскрыл сотовый телефон. — Полагаю, неплохо будет напоминать об этом лекарстве моим ребятам. И я прямо сейчас им и позвоню.

Глава восемнадцатая

Час 22-й из 45

Проснувшись на рассвете в мрачной спальне охраняемого дома. Перси Клэй встала с кровати и подошла к окну. Раздвинув шторы, она посмотрела на унылые серые тучи. В воздухе висела прозрачная дымка.

Полетные условия крайне близки к допустимому минимуму. Ветер 090, скорость пять узлов. Видимость четверть мили. Надо надеяться, что к вечеру распогодится. О, она полетит в любую погоду. Любой пилот, обученный вождению по приборам, сможет взлететь, долететь до нужной точки и сесть при полном отсутствии видимости. (Более того, современные авиалайнеры, оснащенные компьютерами, радиолокационными установками и системами уклонения от столкновений, могут вообще летать без помощи человека и даже осуществлять мягкую посадку.) Но все же Перси предпочитала летать в ясную погоду. Ей нравилось смотреть на проплывающую внизу землю. Ночные огни. Облака. А над головой звезды.

Все звезды ночного неба...

Перси снова вспомнила об Эде, о том, как вчера ночью звонила в Нью-Джерси его матери. Они говорили о том, как лучше справить поминки. Перси хотела еще раз все обдумать, составить список приглашенных.

Но у нее ничего не получилось. Все ее мысли были заняты Линкольном Раймом.

Она снова и снова мысленно прокручивала разговор, состоявшийся вчера за закрытыми дверьми в спальне криминалиста после стычки с той полицейской, Амелией Сакс.

Перси села рядом с Раймом в старое кресло. Какое-то время он изучал ее, разглядывая с ног до головы. Ее захлестнуло странное чувство. Оно не имело ничего общего с тем, что испытывают женщины, которых мужчины бесцеремонно разглядывают на улице или в баре (разумеется, к ней это не относится). Скорее, так осматривал ее старший пилот перед первым совместным вылетом. Проверял ее компетентность, смекалку, манеру вести себя. Ее мужество.

Перси достала было из кармана фляжку, но Райм, покачав головой, предложил виски восемнадцатилетней выдержки.

— Том считает, я пью слишком много, — сказал он. — Что соответствует действительности. Но что значит жизнь без пороков, верно?

Перси грустно улыбнулась.

— Мой отец как раз один из поставщиков.

— Алкоголя? Или пороков в общем?

— Сигарет. Он управляющий крупной табачной компании в Ричмонде. Прошу прощения, сейчас она называется как-то вроде «Компания по выпуску товаров массового потребления».

За окном послышался стук крыльев.

— О, — рассмеялась Перси, — это всего-навсего сокол-сапсан. Самец. Странно, почему он поселился здесь? Обычно они предпочитают окраины.

— Не знаю. Однажды я проснулся, а соколы уже были здесь. Вы разбираетесь в них?

— Ну да.

— Охотились с ними?

— Было дело. У меня был сокол, которого я получила еще птенцом. Такие легче поддаются дрессировке, — она улыбнулась, осмотрев гнездо за окном. — Но лучшей была взрослая самка. Они крупнее самцов, и лучше охотятся. Работать с ними трудно. Но моя брала всех — кроликов, зайцев, фазанов.

— Она до сих пор живет у вас?

— Нет-нет. Однажды она караулила — летала, высматривая добычу. И вдруг почему-то передумала. Упустила большого жирного фазана.

Поймала восходящий поток и поднялась на сотни футов вверх. Скрылась на фоне солнца. Я после этого целый месяц оставляла прикормку, но она так и не вернулась.

— Так просто исчезла?

— Такое нередко случается, — небрежно пожала плечами Перси. — Это ведь все-таки дикие животные. Но мы провели вместе замечательные полгода, — именно эта соколица вдохновила на создание эмблемы «Гудзон-Эйр». — Вам повезло с соседями, — она кивнула в сторону окна. — Вы их как-нибудь назвали?

Райм мрачно рассмеялся.

— Я такими вещами не занимаюсь. Том как-то попытался. Я хохотал так, что он пулей выскочил из комнаты.

— Та полицейская. Сакс, она действительно собирается меня арестовать?

— О, полагаю, мне удастся отговорить ее от этого. Знаете, я должен вам кое-что сказать.

— Продолжайте.

— Вам с Хейлом придется сделать выбор. Именно об этом я и хотел с вами поговорить.

— Какой выбор?

— Мы можем вывезти вас из города. Вами займется специальная служба защиты свидетелей. Предприняв необходимые отвлекающие действия, мы наверняка собьем Танцора со следа, вы сможете дать показания на предварительном слушании.

— Но?

— Но Танцор не отстанет от вас. Даже после предварительного слушания вы все равно будете представлять собой угрозу для Филиппа Хансена, поскольку вам надо будет давать показания в суде. А этого, возможно, придется ждать несколько месяцев.

— Вполне вероятно, уже во время предварительного слушания дело развалится, даже несмотря на наши показания, — возразила Перси. — В таком случае Хансену будет незачем нас убивать.

— Это не имеет значения. Получив заказ кого-то убить, Танцор не остановится до тех пор, пока этот человек не будет мертв. К тому же,

прокуратура собирается также обвинить Хансена в убийстве вашего мужа, и вы будете проходить свидетелем и по этому делу. Хансену нужно, чтобы вы исчезли.

— Кажется, я начинаю понимать, куда вы клоните.

Райм поднял бровь.

— Червяк на крючке.

Вокруг его выразительных глаз появилась сеточка морщин. Он рассмеялся.

— Ну, я не собираюсь водить вас по людным местам. Вы будете помещены в охраняемый дом здесь, в Нью-Йорке. Охраняемый в прямом смысле слова. Безопасность на высшем уровне. Однако мы дадим утечку информации о том, где вы находитесь. Танцор вынырнет на поверхность, и тут мы его остановим раз и навсегда. Затея безумная, но мне кажется, особого выбора у нас нет.

Еще один глоток виски. Неплохо для напитка, разлитого не в штате Кентукки.

— Безумная? — переспросила Перси. — Позвольте задать вам один вопрос. У вас есть детективы-идеалы? Которыми вы восхищаетесь?

— Естественно. Из криминалистов это Огюст Вольмер и Эдмонд Локар.

— Вам знакомо имя Берил Маркхэм?

— Нет.

— Женщина-летчица тридцатых-сороковых годов. Именно она, а не Амелия Ирхарт, является моим кумиром. Берил Маркхэм вела роскошную жизнь. Она принадлежала к высшей английской аристократии. Маркхэм была первой — не первой *женщиной,*а первым человеком, кто совершил в одиночку перелет через Атлантику по сложному маршруту, с восток на запад. Линдберг ведь использовал попутные ветры. — Перси рассмеялась. — Все считали Берил Маркхэм *безумной.*

Газеты посвящали ей передовицы, умоляя отказаться от полета. Разумеется, она никого не стала слушать.

— И перелет завершился удачно!

— Она совершила вынужденную посадку, немного не дотянув до аэродрома. И все-таки можно считать, что перелет закончился удачно. Знаете, я не могу решить, храбрость это или безумие. Иногда мне кажется, что между этими понятиями нет никакой разницы.

— Вы будете в безопасности, — продолжал Райм, — но полной ее назвать нельзя.

— Позвольте вам кое-что рассказать. Как вы зовете этого негодяя? Наемного убийцу?

— Танцором.

— Танцором *у гроба*.Так вот, у пилотов реактивных самолетов есть выражение «угол гроба».

— И что оно означает?

— Диапазон между скоростью срыва в штопор и скоростью, при которой самолет начинает разваливаться на части от турбулентности Маха при приближении к скорости звука. На уровне моря у летчика есть в запасе пара сотен миль в час, но на высоте пятьдесят-шестьдесят тысяч футов скорость срыва в штопор составляет где-то пятьсот узлов, а порог Маха — пятьсот сорок узлов. Если летчик не удержится в этом интервале в сорок узлов, он «завернет за угол гроба» и все. Все самолеты, летающие на таких высотах, обязаны быть оснащены автопилотами, позволяющими удерживать скорость в безопасном диапазоне. Так вот, я постоянно летаю на таких высотах и не помню, когда в последний раз пользовалась автопилотом. Я не знакома с концепцией «полной безопасности».

— Значит, вы согласны.

Но Перси ответила не сразу. Она окинула Райма долгим изучающим взглядом.

— Тут есть что-то еще, ведь так?

— Не понял? — переспросил Райм, но его невинный тон был явно деланным.

— Полиция охотится с таким рвением далеко не за каждым убийцей. Что такого натворил этот Хансен? Убил двух солдат и моего мужа в придачу. А вы жаждете его крови так, словно это сам Аль Капоне.

— Мне наплевать на Хансена, — тихо произнес Линкольн Райм, восседающий на механическом троне, с неподвижным телом и глазами, мечущими черные искры, похожими на глаза ястреба.

Перси не призналась ему, что она, как и он, ни за что не стала бы давать клички охотничьим птицам. Для нее ее любимица всегда оставалась просто «соколом».

— Меня интересует только Танцор, — продолжал Райм. — На его руках кровь полицейских, в том числе двух моих сотрудников. И я его *обязательно*возьму.

И все же Перси показалось, что он недоговаривает. Но она решила дальше не напирать.

— Вы должны переговорить также и с Бриттом.

— Разумеется. Перси помолчала.

— Ну хорошо, я согласна.

— Благодарю вас. Я...

— Но, — прервала его Перси.

— Что?

— При одном условии.

— Каком еще условии? — поднял бровь Райм. Перси вдруг словно молнией ударило: если не обращать внимания на его парализованное тело, замечаешь, какое у него красивое лицо. Перси тотчас же начал терзать ее давнишний враг — знакомый зуд, донимавший ее в присутствии красивого мужчины. «Эй, Троллиха, Жаба, Уродина, ты свободна в субботу вечером? Наверное, нет...»

— Завтра вечером я совершу чартерный рейс по заказу «Ю. Эс. Хелскэр», — решительно заявила Перси.

— О, не думаю, что это будет разумно.

— Так или никак, — сказала она, повторяя фразу, которую произносили при заключении контрактов Рон и Эд.

— Почему именно *вы*должны лететь?

— Нашей компании необходим этот контракт. Катастрофически необходим. Маршрут очень сложный, все впритык, и чтобы его выполнить, требуется самый лучший летчик «Гудзон-Эйр». То есть я.

— Что значит «все впритык»?

— Все рассчитано с точностью до десятого знака после запятой. Запас горючего минимальный. Я не могу допустить, чтобы пилот делал дополнительные круги перед заходом на посадку, потому что с первого раза он промахнулся, или чтобы он уходил на запасной аэродром из-за сложных метеоусловий, — помолчав, она добавила: — Я *не допущу,*чтобы моя компания вылетела в трубу.

Перси приготовилась услышать новые возражения, но к ее удивлению Райм кивнул:

— Хорошо. Я согласен.

— Значит, договорились.

Встав, Перси машинально протянула руку, но вовремя одернулась.

Он рассмеялся.

— Последнее время мне приходится довольствоваться устной договоренностью.

Они выпили виски, скрепляя сделку.

И вот теперь рано утром в воскресенье Перси прижалась лбом к оконному стеклу охраняемого дома. Предстоит еще так много сделать! Необходимо подготовить «Фокстрот Браво». Составить план полета, только на это уйдет несколько часов. И все же несмотря на беспокойство, несмотря на скорбь из-за кончины Эда, Перси испытывала неописуемое наслаждение: сегодня вечером она полетит.

— Привет! — дружелюбно протянул мужской голос. Обернувшись, Перси увидела в дверях Роланда Белла.

— Доброе утро!

Он быстро подошел к окну.

— Если хочется раздвинуть шторы, будьте добры ползать на четвереньках как грудной ребенок. Белл быстро зашторил окна.

— Ой. Я слышала, детектив Райм готовит ловушку. Он гарантировал, что поймает убийцу.

— Что ж, говорят. Линкольн Райм всегда прав. И все же в данном конкретном случае осторожность не повредит. Спали нормально?

— Нет. А вы?

— Удалось урвать пару часиков, — чуть раздвинув шторы, Белл внимательно оглядел улицу. — Но мне много и не нужно. Я всегда просыпаюсь бодрым и жизнерадостным. Что значит иметь дома молодежь! А теперь давайте договоримся: вы окна больше не расшторивайте. Помните, мы в Нью-Йорке. Только подумайте, что будет с моей карьерой, если вас зацепит шальной пулей какой-нибудь гангстер, смеха ради палящий в воздух. Да со мной целую неделю никто здороваться не будет! Так, *это*мы обсудили. Ну а как насчет кофе?

* * *

В это воскресное утро в окнах старого особняка отражались налитые свинцом тучи.

Все обещало дождь.

Вот Жена в халате стоит у окна; светлый овал ее лица окружен темным ореолом волос, взъерошенных после сна.

А вот Стивен Колл, затаившийся в тени водонапорной башни на крыше старинного многоквартирного дома, стоящего в квартале от охраняемого дома министерства юстиции на Тридцать пятой улице, разглядывает в бинокль ее худое тело, до которому плывут отражения туч.

Он знал, что стекло в окне пуленепробиваемое и обязательно выдержит первый выстрел. Он мог через четыре секунды всадить в то же место вторую пулю, однако услышав звук разбитого стекла. Жена непроизвольно отпрянет назад, даже если и не поймет, что в нее стреляют. Высока вероятность, что он не сможет нанести смертельную рану.

"Сэр, я буду действовать в соответствии с первоначальным планом ".

За спиной Жены появился мужчина, и шторы тотчас же задернулись. Потом его лицо показалось в щелочке, цепкие глаза осмотрели крыши окрестных домов, где, логичнее всего, должен был бы засесть снайпер. Мужчина показался Стивену знающим свое дело и потому опасным. Стивен постарался запомнить его лицо.

И тут же нырнул за парапет, чтобы его не заметили.

Уловка полицейских, Стивен предположил, что ее замыслил Линкольн-червь, насчет якобы перевода Жены и Друга в полицейский участок в Вест-сайде одурачила его не больше чем на десять минут. Прослушав записанный на магнитофон разговор Жены с неким Роном, Стивен запустил нелицензированную компьютерную программу,

скаченную из «Интернета». Программа установила номер телефона, с которого звонила Жена. Он начинался на 212 — Манхэттен.

Следующий выстрел был сделан с очень дальним прицелом.

«Но как одержать победу в сражении, солдат?»

«Оценив все возможности, какими бы невероятными они ни казались, сэр».

Подключившись к Сети, Стивен ввел номер в телефонный справочник, определявший адрес и фамилию абонента. С незарегистрированными номерами такой фокус не проходил, и Стивен был уверен, что люди в федеральном правительстве не настолько глупы, чтобы регистрировать номер телефона охраняемого дома.

Он ошибался.

На экране компьютера появилась надпись: «Джеймс Л. Джонсон, дом 258, Восточная 35-я улица».

Невозможно...

После этого Стивен позвонил в федеральную администрацию Манхэттена и попросил соединить его с мистером Джонсоном.

— С мистером Джеймсом Джонсоном, — уточнил он.

— Минуточку, соединяю.

— Извините, — вмешался Стивен, — а в каком он отделении работает?

— В отделении министерства юстиции. Управление хозяйственного обеспечения.

Пока секретарша переадресовывала вызов, Стивен положил трубку. Установив, что Жена и Друг находятся в охраняемом доме на Тридцать пятой улице, он украл подробный план района и стал разрабатывать план действий. Затем Стивен отправился к зданию двадцатого полицейского участка в Вест-сайде и умышленно показался с биноклем в руках перед бензоколонкой. И, наконец, он угнал бензовоз, оставив полно улик, чтобы убедить полицию в том, что он собирается использовать бензовоз в качестве гигантской зажигательной бомбы.

И вот теперь Стивен Колл находился здесь, в радиусе выстрела из стрелкового оружия от Жены и Друга.

Он размышлял о работе, пытаясь не проводить очевидную параллель: лицо в окне, следящее за ним.

Ему было несколько не по себе, но терпимо. Червей также было не слишком много.

Шторы задвинулись. Стивен снова принялся изучать охраняемый дом. Трехэтажное здание, не примыкающее к соседним постройкам, подобно черному пятну окруженное переулками. Стены из песчаника — самого прочного после гранита и мрамора строительного материала, так что нечего думать о том, чтобы пробить или проделать в них брешь взрывом. Окна забраны решетками, с виду старинными чугунными, но Стивен не сомневался, что в действительности они из особо прочной стали, и к тому же оснащены датчиками, реагирующими на удар или смещение.

Пожарная лестница была настоящей, но при ближайшем рассмотрении становилось видно, что за зашторенными окнами чернеет темнота. Скорее всего, к внутренней раме на болтах прикреплены стальные листы. Стивен отыскал настоящую дверь пожарного выхода под большой театральной афишей, прикрепленной к кирпичной стене. (Зачем клеить афишу в узком переулке, кроме как для того, чтобы замаскировать дверь?) Переулок вроде бы ничем не отличался от сотни других таких же, булыжник и асфальт, но в нишах стен Стивен разглядел стеклянные глаза видиокамер наблюдения. И все же в переулке стоят мусорные баки, которые обеспечат отличное прикрытие. Можно вылезти в переулок из окна соседнего нежилого здания и, прячась за мусорными баками, подобраться к двери пожарного выхода. Более того, окно одного из офисов на первом этаже было открыто, и ветерок шевелил занавески. Охранник, следящий за мониторами системы наблюдения, уже должен был привыкнуть к этому движению. Стивен собрался спрыгнуть из этого окна на землю, до нее было футов шесть, а затем, укрываясь за мусорными баками, проползти к двери пожарного выхода.

Он был уверен, что его никто не ждет, ему удалось перехватить переговоры на полицейских частотах, в которых шла речь об эвакуации всех жителей из домов, расположенных рядом с двадцатым участком. Значит, полиция действительно поверила, что он собирается штурмовать здание, используя бомбы.

«Солдат, оценить обстановку».

«Сэр, полагаю, что противник рассчитывает на физические средства защиты дома, а также на то, что не известно его местонахождение. Обращаю внимание на отсутствие значительного количества сотрудников спецслужб. Сэр, я делаю вывод, что нападение в одиночку

на данный объект с высокой вероятностью позволит устранить одну или обе цели».

Однако несмотря на подобные рассуждения Стивену было не по себе.

Он не мог отвязаться от мысли, что за ним охотится Линкольн. Линкольн-Червь. Огромная скользкая тварь, мерзкая жирная личинка, пробирающаяся через трещины.

Смотрящая в окна...

Ползущая по его ноге.

Гложущая его плоть.

Смыть. Смыть их!

«Что смыть. Солдат? Тебе по-прежнему повсюду мерещатся черви, мать твою?»

«Сэр, я... Никак нет, сэр!»

«Солдат, ты решил распустить нюни? Ты начинаешь вести себя как школьница?»

«Никак нет, сэр! Я подобен лезвию ножа. Я несу смерть. Я настроен на убийство, сэр!»

Дышать глубоко и неторопливо. Успокоиться.

Стивен спрятал чемодан с «Моделью 40» на крыше, под деревянной водонапорной башней. Остальное снаряжение он уложил в большую сумку, а сам надел ветровку Колумбийского университета и бейсболку.

Спустившись по пожарной лестнице, Стивен скрылся в переулке. Он стеснялся, даже боялся, но не вражеских пуль, а всепроникающего взгляда Линкольна-Червя, медленно, но неумолимо ползущего по городу, ищущего свою жертву.

Стивен был готов встретить сопротивление, но ему не пришлось никого убивать. В административном здании, расположенном рядом с охраняемым домом, не было ни души.

Вестибюль был пустынен; камеры наблюдения отсутствовали. Входная дверь приоткрыта. Очень соблазнительно, но все же Стивен, поборов искушение, снова вышел на улицу и завернул за угол, удаляясь от охраняемого дома. Проскользнув за сосну в горшке, спрятавшую его от

взглядов случайных прохожих, он выбил локтем окно в один из офисов — как выяснилось, в кабинет психиатра. Забравшись внутрь, Стивен минут пять простоял совершенно неподвижно, сжимая в руке пистолет. Никого. Осторожно открыв дверь, он вышел в коридор первого этажа.

Остановившись перед дверью офиса, в котором, по его расчетам, было открыто окно с колышущимися занавесками, Стивен взялся за ручку.

Но какое-то шестое чувство заставило его отказаться от намеченного плана. Стивен решил воспользоваться полуподвальными помещениями. Отыскав лестницу, он спустился в сырой лабиринт.

Бесшумно пробравшись к стене, обращенной к охраняемому дому, Стивен толкнул стальную дверь. За ней оказалось просторное квадратное помещение, заставленное ящиками и старым оборудованием. Войдя туда, Стивен обнаружил под потолком окно, выходящее в переулок.

Работа будет непростой. Придется вынуть стекло и снять раму. Но зато потом он сможет выбраться прямо за гору мусора, а затем проползти по-пластунски к двери пожарного выхода охраняемого дома. Так будет гораздо безопаснее, чем через окно первого этажа.

Ну вот, кажется, это победа.

Он всех обманул.

Обманул Линкольна-Червя! Эта мысль обрадовала Стивена так, будто он уже уничтожил обе цели.

Достав из портфеля отвертку, Стивен принялся разбирать раму. Винты откручивались с трудом, и он был настолько поглощен работой, что когда отбросил отвертку и схватился за рукоятку «Беретты», незнакомец уже стоял у него за спиной, упирая ему в затылок дуло пистолета.

Стивен услышал зловещий шепот:

— Если шелохнешься, считай себя трупом.

Часть третья

Мастерство

Сокол взлетел. Страшная жаба с крыльями, бесшумная сова, летающий горбун Ричард III, он устремился вниз. Его крылья делали размеренные взмахи, горящие глаза с жуткой сосредоточенностью не отрывались от меня.

Т.Г. Уайт, «Сокол»

Глава девятнадцатая

Час 23-й из 45

Короткоствольный револьвер, скорее всего, «Кольт» или «Смит-Вессон». Из него давно не стреляли. И не смазывали.

«Я чую запах ржавчины».

«Солдат, а о чем говорит заржавленное оружие?»

«О многом, сэр».

Стивен Колл поднял руки. Высокий дрожащий голос произнес.

— Брось пистолет вот сюда. И рацию тоже. «Рацию?»

— Ну же, шевелись, А то я вышибу тебе мозги!

В голосе сквозило отчаяние. Неизвестный шмыгнул носом.

«Солдат, профессионалы угрожают?»

«Не угрожают, сэр. Это любитель. Обезоружить его?»

«Подожди. Он все еще представляет собой угрозу».

«Слушаюсь, сэр!»

Стивен положил пистолет на картонную коробку.

— А где… а где рация?

— У меня нет рации, — сказал Стивен.

— Повернись. Только без шуток!

Медленно развернувшись, Стивен оказался лицом к лицу с тощим мужчиной с бегающими глазами. Грязный и оборванный, он имел какой-то нездоровый вид. У него текло из носа, глаза были болезненно красными. И от него воняло. Скорее всего, бездомный бродяга. Приемный отец Стивена таких терпеть не мог. Старый видавший виды «Кольт», зажатый в вытянутой руке, упирался Стивену в живот. Курок был взведен. Для того чтобы он соскочил с боевого взвода, не нужно больших усилий, особенно если оружие старое. Застыв на месте. Стивен изобразил миролюбивую улыбку.

— Послушай, — сказал он, — я не собирался тебе делать ничего плохого.

— Где твоя рация? — выпалил неизвестный.

— У меня *нет*рации.

Бродяга осторожно похлопал своего пленника по груди.

Стивен без труда смог бы с ним расправиться, тот совершенно не следил за движениями своего противника. Он вздрогнул, ощутив прикосновение потных пальцев. Наконец бродяга отступил назад.

— Где твой напарник?

— Кто?

— Кончай придуриваться. Сам знаешь.

Внезапно Стивену снова стало мерзко. Перед глазами заползали черви... Что-то здесь не так.

— Честное слово, я не понимаю, о чем ты.

— Я имею в виду копа, который только что был тут.

— Коп? — прошептал Стивен. — В *этом*здании?

В воспаленных глазах бродяги появилась неуверенность.

Подойдя к окну, Стивен выглянул на улицу.

— Стой на месте, а то я буду стрелять!

— Убери свою пушку! — произнес Стивен через плечо. Его уже не беспокоил курок, готовый сорваться с боевого взвода. Он начинал осознавать в полной мере глубину своей ошибки, и от этого у него похолодело внутри.

— Ни с места! — голос бродяги дрогнул. — Ей богу, я не шучу, мать твою!

— Они и в переулке тоже? — спокойно спросил Стивен. Минута недоуменного молчания.

— Ты правда не коп?

— Они и в переулке тоже? — твердо повторил Стивен.

Бродяга беспокойно огляделся вокруг.

— Совсем недавно были там. Расставили мешки с мусором. Где они сейчас, не знаю.

Стивен снова выглянул в переулок. Мешки с мусором… Они разложили специально, чтобы заманить его. Ложное укрытие.

— Если ты кому-нибудь дашь знак, клянусь, я…

— Да замолчи же!

Стивен медленно обвел взглядом переулок, терпеливый как удав. Наконец, он увидел на булыжниках мостовой за одним из мешков тень. Шевельнувшуюся на пару дюймов.

А на крыше здания за охраняемым домом, на башне лифта, мелькнула рябью другая тень. Ребята прекрасно знают свое дело и не показывают дула своих пистолетов, но все же они не учли отблески, отражающиеся от скопившейся на плоской крыши воды.

Господи Иисусе… Каким-то образом Линкольн-Червь мать его, догадался, что Стивен не купился на спектакль в круг двадцатого участка. Полиция ждала его именно здесь. Линкольн даже предугадал стратегию действий своего противника, определил, что Стивен попытается выбраться в переулок из *этого самого*здания.

Лицо в окне…

У Стивена вдруг мелькнула абсурдная мысль, что тогда, в Александрии, это был Линкольн-Червь, стоявший в окне и освещенный розоватым светом, следивший за ним. Разумеется, этого не могло быть. И все же Стивен ощутил прилив тошнотворного страха.

Заклеенная афишей дверь, открытое окно, колышущиеся занавески… добро пожаловать в западню, мать твою. А переулок — идеальная зона действия.

Его спасло лишь шестое чувство.

Линкольн-Червь все рассчитал точно.

Черт побери, *кто*он?

Все в Стивене закипело от злости. По телу разлилась горячая волна. Если полиция ждет его здесь, она установила за зданием наблюдение. А это значит, что коп, которого видел этот жалкий отброс, с минуты на минуту вернется, чтобы проверить это помещение. Стивен резко обернулся к бродяге.

— Когда он последний раз заглядывал сюда? Во взгляде маленького человечка расцвел страх.

— Отвечай! — приказал Стивен, не обращая внимания на направленный на него «Кольт».

— Минут десять назад.

— Какое у него оружие?

— Не знаю. Какое-то хитрое. Вроде пулемета.

— А *ты*кто такой?

— Я не собираюсь отвечать тебе, мать твою, — с вызовом произнес бродяга, вытирая рукавом сопливый нос.

При этом он допустил ошибку, воспользовавшись рукой, в которой держал револьвер. В мгновение ока Стивен вырвал у бродяги оружие и повалил его на пол.

— Не надо! Не убивай меня!

— Заткнись! — рявкнул Стивен.

Он машинально открыл барабан «Кольта», проверяя, сколько там патронов. Барабан был пуст.

— Он не заряжен? — изумленно спросил Стивен.

Человек пожал плечами.

— Я...

— И ты угрожал мне незаряженным оружием?

— Ну... понимаешь, если тебя ловят с незаряженным оружием, срок дают небольшой.

Этого Стивен понять не мог. Ему хотелось прибить бродягу уже за то, что он имел глупость носить незаряженный револьвер.

— Что ты здесь делаешь?

— Иди своей дорогой и оставь меня в покое! — заскулил человечек, пытаясь подняться на ноги.

Опустив «Кольт» в карман, Стивен подобрал свою «Беретту» и навел ее на бродягу.

— Что ты здесь делаешь?

Тот снова шмыгнул носом.

— Наверху кабинеты врачей. По воскресеньям здесь никого не бывает, ну я и забрался... за образцами.

— За какими еще образцами?

— Понимаешь, врачам присылают бесплатно образцы разных таблеток и прочего дерьма. Учет всего этого не ведется так что можно натырить сколько угодно, никто не заметит «Перкордан», «Флоринол», диетические таблетки и прочую дрянь.

Но Стивен его не слушал. Его снова охватила холодная дрожь. Линкольн-Червь где-то рядом.

— Эй, что с тобой? — спросил бродяга, увидев исказившееся лицо Стивена.

Странно, но черви тотчас же исчезли.

— Как тебя зовут? — спросил Стивен.

— Джоди. На самом деле Джо д'Офорио. Но все зовут меня Джоди. А тебя как?

Стивен не ответил. Выглянув в окно, он увидел на крыше здания за охраняемым домом еще одну тень.

— Отлично, Джоди. Слушай внимательно. Хочешь подзаработать?

* * *

— Ну? — нетерпеливо спросил Райм. — Что там?

— Он до сих пор находится в здании с восточной стороны от охраняемого дома, — доложил Селитто. — В переулок он еще не входил.

— Почему? Он обязан это сделать. Ничто не должно его остановить. В чем дело?

— Сейчас проверяют этаж за этажом. В том кабинете, где мы рассчитывали, он не появился.

В кабинете с открытым окном. Проклятие! Райм долго колебался, оставить ли окно открытым с манящей колышущейся занавеской. Судя по всему, это оказалось слишком грубо. Танцор что-то заподозрил.

— Все предупреждены о том, что действовать необходимо с максимальной осторожностью? — спросил Райм.

— Конечно. Успокойся.

Но Райм не мог успокоиться. Он не знал, как именно Танцор собирается осуществить нападение на охраняемый дом. Однако криминалист был уверен, что оно произойдет со стороны переулка. Райм надеялся, что мешки с мусором создадут у Танцора иллюзию укрытия, и он попытается им воспользоваться. Ребята Деллрея и отряд 32-Е Хауманна оцепили переулок, расположились в административном здании и на крышах зданий вокруг охраняемого дома. Сакс вместе с Хауманном, Селитто и Деллреем ждала в ничем не примечательном с виду фургоне, припаркованном на соседней улице.

На какое-то время Райм поддался на уловку с бензовозом. То, что Танцор случайно оставил на месте преступления свой инструмент, было маловероятно, но все же допустимо. Первые подозрения появились у криминалиста тогда, когда выяснилось, в каком количестве обнаружены на кусачках остатки бикфордова шнура. Казалось, Танцор специально вымазал лезвия взрывчатым веществом, чтобы полиция обязательно обнаружила его следы. И Райм пришел к выводу, что Танцор вовсе не становится все более неаккуратным, как первоначально предположили они с Сакс. Показаться вблизи предполагаемого места нападения, оставить в живых охранника с автостоянки, чтобы тот смог сразу же обратиться в полицию — все это было сделано умышленно.

Однако последним штрихом, перевесившим чашу весов, стали вещественные доказательства. Аммиак, связанный с волокнами бумаги. Существуют лишь два источника подобного сочетания: старые снимки архитектурных чертежей и подробные планы местности, копируемые с помощью больших аммиачных принтеров. Райм попросил Селитто связаться с центральным управлением полиции и выяснить, не было ли в последнее время проникновения в конторы архитектурных фирм или муниципалитеты. Вскоре пришел ответ, что только что неизвестные ограбили офис мирового судьи. Райм попросил проверить, целы ли листы, относящиеся к району Восточной Тридцать пятой улицы, и изумленные охранники ответили, что похищены именно они.

Но как именно Танцор узнал о том, что Перси и Бритт находятся в охраняемом доме, оставалось загадкой.

Пять минут назад два бойца спецназа обнаружили на первом этаже административного здания разбитое окно. Танцор проигнорировал оставленную открытой входную дверь, но все же решил осуществить нападение на охраняемый дом именно со стороны переулка, как и предсказывал Райм. Однако что-то его спугнуло. Сейчас он затаился внутри здания, и никто не имеет понятия, где именно. Ядовитая змея в темной комнате. Где он, что замыслил?

Слишком много способов умереть...

—Ждать он не станет, — пробормотал Райм. — Это слишком рискованно.

Он уже начинает терять терпение. На связь вышел один из агентов Деллрея.

— На первом этаже никого нет. Продолжаем обход. Прошло еще пять минут. Один за другим агенты доклады вали об отрицательных результатах поисков, но Райм слышал лишь треск статических разрядов в наушниках.

* * *

— Кому не нужны деньги? — ответил Джоди. — Но я не знаю, что мне нужно делать.

— Помоги мне выбраться отсюда.

— А ты что здесь делаешь? Это *тебя*ищут?

Стивен оглядел маленького человечка с ног до головы. Он решил, что в тактическом плане лучше быть откровенным. К тому же, через несколько часов этот человек все равно будет мертв.

— Я здесь для того, чтобы кое-кого убить.

— Ого! Ты что, мафиози, да? И кого ты собираешься убить?

— Джоди, помолчи. Мы с тобой здорово влипли.

— *Мы? Я*ничего такого не делал.

— Да, но только ты оказался не в том месте не в то время, — поправил его Стивен. — Ты в таком же положении, что и я, потому что ищут меня, и никто не поверит, что ты не заодно со мной. Итак, ты поможешь мне? Времени у меня в обрез. Да или нет?

Джоди постарался не выказывать свой страх, но глаза выдали его.

— Да или нет?

— Я не хочу, чтобы мне делали больно.

— Если ты на моей стороне, с тобой ничего не случится. Я всегда слежу за тем, кому делать больно, а кому не делать.

— И ты мне заплатишь? Наличными, не чеком?

Стивен не сдержал улыбки.

— Наличными. Никаких чеков.

В глазах Джоди отразилась напряженная работа мысли.

— И сколько?

Эта мелюзга еще торгуется.

— Пять тысяч.

Страх остался в глазах, но его потеснило изумление.

— Правда? Ты меня не дуришь?

— Нет.

— А что если я помогу тебе смыться, а ты меня прибьешь, чтобы не платить?

Стивен снова рассмеялся.

— Мне самому платят гораздо больше. Пять тысяч для меня ничто. К тому же, если мы отсюда выберемся, мне и дальше пригодится твоя помощь.

— Я...

За дверью послышался шум. Приближающиеся шаги. Коп ищет его. Один, определил Стивен, вслушиваясь в шаги. Это естественно. Все ждут, что он появится в офисе на первом этаже, где Линкольн-Червь оставил открытое окно. Там и ждет в засаде большинство спецназовцев.

Убрав пистолет в портфель, Стивен достал нож.

— Так ты мне поможешь?

Конечно, тут думать нечего. Если Джоди откажется, меньше чем через шестьдесят секунд он будет трупом. И бедняга это прекрасно сознавал.

— Ну хорошо, — протянул он руку.

Не обращая на нее внимания, Стивен спросил:

— И как мы отсюда выберемся?

— Видишь эти шлакоблоки? Их можно вынуть. Смотри. Там начинается старый тоннель. Такие проходят под всем городом. Сейчас о них уже полностью забыли.

— Да? — спросил Стивен, жалея о том, что не знал этого раньше.

— Мы пройдем в метро. Там я и живу. На заброшенной станции.

Прошло уже два года с тех пор, как Стивен в последний раз работал с напарником. Иногда он даже жалел о том, что убил его.

Джоди шагнул к бетонным блокам.

— Подожди, — прошептал Стивен. — Сперва ты должен кое-что сделать. Встань к этой стенке. Вот сюда, — он указал на стену напротив двери.

— Но он же меня увидит! Посветит фонариком и сразу же обнаружит меня!

— Просто стой там с поднятыми руками.

— Он в меня выстрелит! — захныкал Джоди.

— Не выстрелит. Доверься мне.

— Но...

Испуганно взглянув на дверь, Джоди вытер нос.

«Солдат, а если этот слизняк струсит?»

«Определенный риск есть, сэр, однако, взвесив все, я пришел к выводу, что этого не произойдет. Джоди очень нужны деньги».

— Доверься мне.

— Ну хорошо, хорошо, — вздохнул Джоди.

— Не забудь высоко поднять руки, а то он действительно выстрелит.

— Вот так? — вытянул руки вверх Джоди.

— Отступи назад, чтобы твое лицо оставалось в тени. Да, вот так. Я не хочу, чтобы он тебя разглядел… Отлично. То, что надо.

Шаги зазвучали совсем близко. Приглушенные, неуверенные.

Прижав палец к губам, Стивен распластался на полу.

Шаги затихли. Вдруг в дверях появился человек. Он был в бронежилете, поверх которого была надета куртка ФБР.

Войдя в помещение, агент осветил его фонариком, закрепленным на стволе пистолета-пулемета. Как только луч высветил торс Джоди, агент сделал нечто такое, что изумило Стивена.

Он начал нажимать на спусковой крючок.

Движение это было едва заметным. Но Стивен, подстреливший великое множество животных и еще больше людей, узнал то вздутие мышц, ту напряженную позу, что предшествует выстрелу. Стивен действовал молниеносно. Вскочив, он отбил ствол пистолета-пулемета в сторону, ломая закрепленный на стебельке микрофон. После этого он вонзил лезвие из высокопрочной стали под трехглавую мышцу, парализуя правую руку агента. Тот вскрикнул от боли.

Они получили приказ его убить! Никаких трюков со сдачей в плен. Как только его обнаружат, будет открыт огонь на поражение, независимо от того, вооружен он или нет.

— О боже! — воскликнул Джоди, неуверенно шагая вперед с высоко поднятыми руками. — Зрелище комичное.

Ударом ноги Стивен повалил агента на колени, надвигая на глаза каску, а затем заткнул ему рот куском тряпки.

— Господи, ты его зарезал, — пробормотал Джоди, опуская руки и приближаясь к раненому.

— Заткнись, — бросил Стивен. — Займись тем, о чем мы говорили. Уходим.

— Но…

— Живо!

Джоди таращился на окровавленного агента.

— Ну! — рявкнул Стивен.

Джоди бросился к отверстию в стене, а он, подняв агента на ноги, повел его в коридор.

Они получили приказ его убить...

Линкольн-Червь принял решение, что он должен умереть. Стивен был взбешен.

— Жди здесь, — приказал он Джоди.

Вставив наушники в рацию агента, Стивен стал ждать. На канале звучали голоса десятка полицейских, осматривающих здание и перекликавшиеся друг с другом.

Времени у него мало, и все же он должен их как-то задержать.

Стивен провел оглушенного агента по коридору.

И снова достал нож.

Глава двадцатая

Час 23-й из 45

— Проклятие! *Проклятие!* -выкрикнул Райм, забрызгав себе подбородок слюной.

Том поспешил вытереть его, но криминалист раздраженно тряхнул головой.

— Боу! — крикнул он в микрофон.

— Валяй, — ответил из штабного фургона Хауманн.

— Я считаю, что Танцор каким-то образом раскусил нас и теперь собирается прорываться с боем. Передай своим агентам, чтобы они объединились в группы и были готовы к любым неожиданностям. Никто не должен действовать в одиночку. Пусть все заходят в здание. Полагаю...

— Подожди... Подожди. Нет, только не это...

— Боу! Сакс! Ответьте хоть кто-нибудь!

Но ему никто не отвечал.

Райм услышал какие-то крики, потом связь прервалась. Вдруг в тишину ворвались обрывочные фразы: "... помощь. Мы обнаружили следы крови... В здании. Да, да... нет... внизу... В подвале. Иннельман не выходит на связь. Он был... в подвале. Всем быстро туда. Ребята, *живее!"*

Райм нагнулся к микрофону.

— Белл, ты меня слышишь? Удвойте охрану свидетелей. Ни в коем случае, повторяю, ни в коем случае не оставлять их одних. Танцор ускользнул, и мы понятия не имеем, где он сейчас.

В его наушниках послышался спокойный голос Роланда Белла:

— Они у нас под крылышком. Никто посторонний сюда не попадет.

Тревожное ожидание. Невыносимое. Райму хотелось кричать от бессилия.

Где он?

Змея в темной комнате...

Один за другим агенты и бойцы спецназа стали докладывать Деллрею и Хауманну о том, что обследован очередной этаж.

Наконец, Райм услышал:

— Подвал чист. Но боже милосердный, здесь целое море крови. И Иннельмана нигде нет. Мы не можем его найти. Господи, сколько же здесь крови!

— Райм, ты меня слышишь?

— Говори.

— Я в подвале, — произнесла в микрофон, закрепленный на стебельке, Амелия Сакс, оглядываясь вокруг.

Стены были из грязно-желтого бетона, а полы были выкрашены серой шаровой краской. Однако молодой женщине было не до интерьера полутемного подвала: повсюду алели пятна крови, словно на одном из жутких полотен Джексона Поллока.

Бедный Иннельман! Необходимо срочно его найти. С таким сильным кровотечением человек не протянет и пятнадцати минут.

— Набор с тобой? — спросил Райм.

— У нас нет времени! Он потерял столько крови, мы должны его найти!

— Спокойно, Сакс. Открой набор.

Набор оперативного анализа следов крови на месте преступления содержит линейку, протрактор — инструмент для удаления из раны инородного тела с присоединенной леской, сантиметр, прибор Кастала-Майера. А также люминал, позволяющий обнаружить окислы веществ, входящих в состав крови, даже в том случае, если преступник соскоблил все видимые следы.

— Райм, здесь все так перепутано, я не смогу ничего определить.

— О, место преступления расскажет нам гораздо больше, чем ты думаешь, Сакс. Оно нам многое расскажет.

Что ж, если кто-нибудь и сможет разобраться в этой жуткой картине, то только Линкольн Райм. Сакс было хорошо известно, что они с Мелом Купером являются членами международной ассоциации исследователей следов крови. (Она не смогла бы ответить, что же беспокоит ее больше — страшные следы крови на месте преступления или то обстоятельство, что существует большая группа людей, посвятивших себя их изучению.) Однако в данном случае дело было безнадежным.

— Мы должны его *найти*...

—Сакс, успокойся... Ты меня слушаешь? Поколебавшись, она ответила:

— Говори.

— В настоящий момент тебе понадобится только линейка, — сказал Райм. — Но сначала скажи, что ты видишь.

— Здесь повсюду капли крови.

— Капли крови могут рассказать многое. Но только в том случае, если они на ровной однородной поверхности. Что представляет собой пол?

— Гладкий бетон.

— Хорошо. Какого размера капли? Измерь.

— Райм, он *умирает!*

—Какого размера капли? — резко повторил он.

— Они все разные. Сотни размером с три четверти дюйма. Некоторые побольше. Где-то дюйм с четвертью. Тысячи крошечных. Словно из пульверизатора.

— Не обращай внимания на маленькие. Это вторичные капли, спутники больших. Опиши большие. Их форма?

— В основном, они круглые.

— Края зубчатые?

— Да, — пробормотала Сакс. — Но некоторые ровные. Вот прямо передо мной. Правда, они поменьше.

Где он? Иннельман, совершенно незнакомый ей человек. Истекающий кровью словно фонтан.

— Сакс!

— Ну что?

— А маленькие капли? Опиши их.

— У нас нет времени, чтобы этим заниматься.

— У нас нет времени, чтобы этим *не*заниматься, — спокойно поправил ее Райм.

«Черт бы тебя побрал, Райм», — мысленно выругалась Сакс, сказав вслух:

— Ну хорошо.

Она приложила к каплям линейку.

— Размером с полдюйма. Совершенно круглые. С ровными краями...

— Где они? — оборвал ее Райм. — В конце коридора?

— В основном в середине. В конце коридора склад. Там и рядом с ним капли большие, с неровными зазубренными краями. В противоположном конце коридора они меньше.

— Так, хорошо, — рассеянно произнес Райм. После непродолжительного молчания он объявил: — Произошло вот что... Как зовут этого агента?

— Иннельман. Джон Иннельман. Он друг Деллрея.

— Танцор напал на Иннельмана на складе и ударил его ножом один раз, в верхнюю часть тела. Вероятно, в руку или шею. Это большие неровные капли. Затем Танцор вытащил Иннельмана в коридор и пырнул его второй раз, ниже. Это более маленькие и ровные капли. Чем меньше расстояние успевает пролететь капля, тем ровнее края.

— Зачем Танцор это сделал? — выдохнула Сакс.

— Чтобы задержать нас. Он знает, что мы сначала будем искать раненого, и лишь затем двинемся в погоню за ним. «Он прав, но мы ищем недостаточно быстро!»

— Коридор длинный?

Вздохнув, Сакс огляделась по сторонам.

— Футов пятнадцать, и весь в крови.

— На каплях есть отпечатки ног?

— Десятки. Ведут во все стороны. Подожди… Тут грузовой лифт. Я его сперва не заметила. Вот куда ведут следы! Наверное, Иннельман внутри! Нужно срочно…

— Нет, Сакс, не торопись. Это было бы слишком очевидно.

— Нужно срочно открыть дверь лифта! Я свяжусь с пожарными, чтобы они привезли гидродомкрат или ключи от лифта. Мы…

— Послушай меня, — спокойно произнес Райм. — Следы крови, ведущие к лифту, имеют каплевидную форму? И направлены в разные стороны?

— Несчастный в лифте! На дверях кровавый отпечаток. Райм, он умирает. Ты меня слышишь?

— Сакс, они каплевидные? — тихо повторил Райм. — Похожи на головастиков?

Молодая женщина посмотрела на бетонный пол. Ну да. Идеальные головастики с хвостами, направленными в разные стороны.

— Да, Райм, именно так.

— Вернись к тому месту, где это начинается.

Это же безумство! Иннельман истекает кровью в кабине лифта. Взглянув на стальную дверь, Сакс решилась было послать Райма ко всем чертям, но затем все же послушно пошла назад по коридору.

До того места, где головастики исчезли.

— Райм, здесь их больше нет.

— Там есть какая-то дверь или дверца?

— Да, а как ты узнал?

— Запертая на засов снаружи?

— Верно.

Черт побери, как ему это *удается?*

—Это чтобы мы увидели засов и прошли мимо... ведь Танцор не смог бы запереть себя внутри? Что ж, Иннельман там. Сакс, открой дверь. Возьмись плоскогубцами за язычок, ручку не трогай. Вдруг там остались пальчики Танцора. Да, Сакс, и еще одно.

— Что?

— Не думаю, чтобы он оставил бомбу. У него не было времени. И все же в каком бы состоянии ни находился Иннельман, а он в ужасном состоянии, первым делом все же убедись, что Танцор не оставил ловушек.

— Хорошо.

— Обещаешь?

— Да.

Достать плоскогубцы... отодвинуть засов... повернуть ручку...

Пистолет наготове. Нажать на дверцу. Пошла!

Дверь распахнулась наружу.

Но за ней не было ни бомбы, ни ловушки. Только бледное обескровленное тело Джона Иннельмана, упавшее к ногам Сакс.

Она вскрикнула.

— Он здесь! Бедняга! Рана серьезная.

Молодая женщина склонилась над раненым. Из глубины коридора бежали два санитара и агенты ФБР, и с ними мрачный Деллрей.

— Джон, что он с тобой сделал? О боже!

Деллрей отошел в сторону, и врачи принялись за работу. Срезав с Иннельмана одежду, они осмотрели раны. Полуприкрытые глаза раненого казались остекленевшими.

— Он уже?.. — не смог выговорить Деллрей.

Уложив раненого на каталку, врачи подсоединили капельницу.

— Его надо срочно в машину. Пошли!

Они бегом покатили каталку к выходу. Деллрей последовал за ними, уронив голову, бормоча что-то себе под нос и ломая в руке погасшую сигарету.

— Он может говорить? — послышался в наушниках голос Райма. — Есть какие-нибудь намеки, куда делся Танцор?

— Нет. Раненый без сознания. Неизвестно, удастся ли его спасти. О господи!

— Сакс, держи себя в руках! Перед нами место преступления, которое необходимо осмотреть. Мы *обязаны*определить, где спрятался Танцор, если, конечно, он еще здесь. Возвращайся на склад. Там есть окно и дверь, выходящие на улицу?

Сакс пошла по коридору назад.

— Как ты узнал про эту дверцу?

— По направлению капель крови. Танцор спрятал Иннельмана в шкафчик, а сам вымочил в его крови какую-то тряпку. Потом дошел до лифта, размахивая окровавленной тряпкой. Капли разлетались во все стороны. Именно поэтому они имели форму головастиков. А поскольку Танцор направил нас к лифту, мы должны были искать в противоположной стороне. Итак, ты вернулась на склад?

— Да.

— Опиши помещение.

— Одно окно под потолком выходит в переулок. Похоже, Танцор начал его открывать, но не успел. Большинство винтов на месте. Дверей нет. —

Сакс выглянула в окно. — Я не вижу позиции наших ребят. Не знаю, что могло спугнуть Танцора.

— *Ты*не видишь, — цинично произнес Райм. — А *он*увидел. Ладно, начинай ходить по методу «решетки». Посмотрим, что ты сможешь найти.

Тщательно исследовав помещение. Сакс собрала с помощью пылесоса пыль и аккуратно упаковала фильтры.

— Говори о том, что видишь. Описывай все! Осветив фонариком стены, молодая женщина обнаружила два выделяющихся своим видом блока. Довольно узко, но поджарый человек вполне сможет протиснуться.

— Райм, я определила, как Танцор ушел отсюда. Через стенку. Два бетонных блока вынимаются.

— Ничего не трогай. Вызывай спецназ.

Сакс позвала в подвал спецназовцев, и они, осторожно вытащив указанные блоки, посветили в образовавшееся отверстие фонариками, закрепленными на стволах пистолетов-пулеметов.

— Чисто, — сказал один из них.

Достав пистолет. Сакс проникла в сырой холодный проход. Узкий, уходящий вниз коридор, заваленный строительным мусором, вел через отверстие в фундаменте. Со стен капала вода. Молодая женщина следила за тем, чтобы наступать только на большие куски бетона, обходя участки мокрой земли.

— Сакс, что ты видишь? Говори!

Она направила источник поляризованного света на те места, к которым Танцор, сохраняя равновесие, мог прикасаться руками.

— Ото!

— Что такое?

— Отпечатки пальцев. Свежие латентные... Подожди. Но есть и следы перчаток. Окровавленных. Ничего не понимаю!.. Неужели Танцор, решив, что здесь он в безопасности, снял перчатки?

Она направила неестественный желтовато-зеленый луч себе под ноги.

— О!

— Ну что еще?

— Это не его отпечатки. Танцор здесь был не один.

— Не один? Почему ты так решила?

— Тут два разных следа ног. Оба свежие. Одни большие, другие меньше. Оба ведут в одну сторону. Эти люди бежали. Господи, Райм!

— В чем дело?

— Это значит, у Танцора есть напарник.

— Спокойно, Сакс. Стакан наполовину полон, — весело заметил Райм. — Это значит, что теперь у нас будет вдвое больше улик, чтобы выследить Танцора.

— А по-моему, — мрачно возразила Сакс, — это значит, что он стал вдвое опаснее.

* * *

— Что ты принесла? — спросил Линкольн Райм. Сакс вернулась в его особняк, и теперь они с Мелом Купером разбирали улики, собранные на месте преступления. Но сначала Амелия Сакс вместе с бойцами спецназа прошла по следам Танцора и его напарника до того места, где проход выходил в канализационный тоннель. Там следы обрывались. Вероятно, преступники выбрались через канализационный люк на улицу.

Сакс передала Куперу отпечатки пальцев, обнаруженные в проходе. Эксперт, отсканировав их, через компьютер связался с федеральной базой данных.

Затем Сакс протянула Райму два снимка следов ног, сделанных электростатическим методом.

— Вот то, что я сняла в проходе. Это след Танцора, — она указала на один из снимков. — Он соответствует следу, оставленному в офисе на первом этаже, через который Танцор проник в здание.

— Обычные рабочие ботинки фабричного производства, — заметил Райм.

— А ты хотел бы, чтобы он носил армейские сапоги, — буркнул Селитто.

— Нет, это слишком привлекало бы внимание. У рабочих ботинок резиновые подошвы, которые не скользят, и стальные вставки в носках.

И щиколотку они держат ничуть не хуже армейских. Сакс, покажи-ка мне другой поближе.

Ботинки меньшего размера были со стоптанными каблуками и протертыми подошвами. В дыре правого ботинка была видна паутина складок кожи на ступне.

— Носков нет. Похоже, дружок Танцора бездомный.

— Зачем ему понадобился напарник? — спросил Купер.

— Понятия не имею, — сказал Селитто. — Говорят, что он всегда работал в одиночку. Он использует людей, но не доверяет им.

«В том же самом обвиняли и меня», — подумал Райм.

— Отпечатки пальцев на месте преступления? — сказал он. — Этот тип не профессионал. Судя по всему, он просто понадобился Танцору.

— Например, чтобы вывести его из здания, — предположила Сакс.

— Вполне возможно.

— Вероятно, сейчас бедняга уже мертв, — добавила она. «Вероятно», — молча согласился Райм.

— Следы очень маленькие, — сказал Купер. — Где-то восьмой размер.

Размер подошвы не всегда соответствует размеру обуви, а уж о сложении человека на основании оставленного им следа вообще судить очень сложно. И все же разумно было предположить, что напарник Танцора щуплый и низкорослый.

Дальше наступил черед микроскопических улик. Купер поместил образцы на предметное стекло и вставил его в сравнительный микроскоп. Изображение тотчас же появилось на экране компьютера Райма.

— Командный режим, курсор влево, — приказал Райм, нагибаясь к микрофону. — Стоп. Двойное нажатие левой клавиши, — он получил изображение. — Цемент, бетон. Почва, пыль… Сакс, где ты это взяла?

— Соскоблила с краев бетонных блоков и собрала пылесосом с пола в подвале и в проходе. Кроме того; я обнаружила за ящиками что-то вроде логова, где кто-то караулил, притаившись.

— Хорошо. Мел, давай газуй. Тут масса всякой всячины, которую я не узнаю.

Газовый хроматограф нагрел исследуемые образцы, а получившиеся пары были подвергнуты спектральному анализу. Купер склонился к экрану.

— Удивляюсь, как это дружок Танцора еще способен передвигать ноги, — присвистнул он.

— Мел, поконкретнее.

— Линкольн, это просто ходячая аптека. Секобарбитал, фенобарбитал, «Декседрин», амобарбитал, мепробамат, хлордиазэпоксид, диазепам.

— О боже, — пробормотал Селитто. — Ну и ну!

— Также лактоза и сахароза, — продолжал Купер. — Кальций, витамины, молочные ферменты.

— Детское питание, — определил Райм. — Торговцы наркотиками таким образом прячут свой продукт.

— Итак, Танцор взял себе в напарники конченого наркомана. Ну и дела!

— А в том здании столько врачебных кабинетов, — заметила Сакс. — Видимо, этот парень забрался туда за таблетками.

— Связывайтесь с архивом, — сказал Райм. — Пусть дают список всех любителей аптечного зелья.

— Да он будет размером с телефонный справочник! — рассмеялся Селитто.

— Лон, никто не говорит, что это просто. Но прежде чем Селитто успел подойти к телефону, Купер получил сообщение по электронной почте.

— Лон, можешь не беспокоиться.

— А?

— Пришел ответ на запрос о пальчиках, — эксперт постучал пальцем по экрану монитора. — Кем бы ни был этот тип, он не попадался в поле зрения правоохранительных органов нашего штата.

— Черт! — в сердцах бросил Райм.

Он словно чувствовал над собой какое-то проклятие. Ну почему не может быть хоть чуточку проще?

— Тут есть еще кое-что, — сказал Купер. — Осколок синей кафельной плитки, сзади осадок, а к нему прилип вроде цементный раствор.

— Дай-ка посмотреть.

Эксперт вставил предметное стекло в микроскоп. Изогнув шею так, что стало больно, Райм нагнулся к монитору.

— Так. Старая мозаичная плитка. Полированная глазурь на свинцовой основе. Такие перестали делать лет шестьдесят-семьдесят назад.

Но никаких выводов о происхождении этой плитки.

— Есть еще что-нибудь?

— Волосы.

Поместив образец под микроскоп, Купер прильнул к окулярам.

Райм тоже увидел тонкие палочки.

— Шерсть животного, — объявил он.

— Опять кошки? — спросила Амелия.

— Давай-ка посмотрим, — откликнулся Купер, не поднимая головы.

Но эта шерсть не принадлежит животному семейства кошачьих.

— Грызун. Крыса, — сказал Райм. — *Rattus norvegicus*.Сакс, что в этом пакете? Нет-нет, не в этом. Вон в том!

— Я обнаружила его на том бетонном блоке, который вынимали. По-моему, это след руки. Отпечатков пальцев не было, но такой след могла оставить ладонь.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что я сама вымазалась в какой-то грязи, и когда надавила на блок, получился похожий след.

«Молодец моя Амелия!»

На мгновение мысли Райма вернулись к прошедшей ночи: они лежали в кровати, рядом… Криминалист решительно прогнал их.

— Мел, что это?

— Похоже, какая-то смазка. Загрязненная пылью, почвой, волокнами древесины, органическими частицами. Кажется, мясо животного. Все очень старое. Но посмотри в верхний угол.

Райм увидел на экране компьютера серебристые ниточки.

— Металл. Стружка. Прогазуй. Выясним наверняка. Купер запустил хроматограф.

— Нефтепродукты, — сказал он. — И железо со следами марганца, кремния и углерода.

— Подожди, — остановил его Райм. — А следы других элементов есть — хрома, кобальта, меди, никеля или вольфрама?

— Нет.

Райм уставился в потолок.

— Металл? Старинная сталь, выплавленная в бессемеровской печи. Если бы она была современной, в ней обязательно присутствовали бы другие элементы.

— Тут есть еще кое-что. Каменноугольная смола.

— Креозот! — воскликнул Райм. — Я все понял. Танцор совершил первую крупную ошибку. Его приятель — ходячая карта.

— И куда ведет эта карта? — спросила Сакс.

— В метро. Смазка старая, стальная стружка со стрелок, креозотом пропитаны шпалы. Да, а осколок мозаичной плитки — на многих станциях были мозаичные панно, посвященные окрестным достопримечательностям.

— Точно! — подхватила Амелия. — На станции «Площадь Астор» — панно с изображением животных, которыми торговал Джон Джекоб Астор.

— Осколок кафельной плитки. Вот зачем понадобился этот человек Танцору. Ему необходимо где-нибудь спрятаться. А его новый приятель, судя по всему, какой-нибудь бездомный наркоман, живущий на заброшенной станции или в тоннеле.

Вдруг Райм заметил, что все смотрят на появившегося в дверях человека. Он умолк.

— Деллрей! — окликнул Селитто.

Угрюмый взгляд Фреда Деллрей был устремлен в никуда.

— В чем дело? — встревоженно спросил Райм.

— Иннельман. Ему наложили швы. Триста стежков. Но было уже слишком поздно. Он потерял слишком много крови. Умер, не приходя в сознание.

— Какой ужас! — ахнула Амелия.

Всем присутствующим было известно, что лучший друг Деллрея погиб во время взрыва административного здания в Оклахома-Сити. Райм вспомнил о Тони Панелли, несколько дней назад похищенном прямо в центре города. Скорее всего, сейчас его уже нет в живых, а единственными уликами являются крупицы странного песка.

И вот теперь Деллрей потерял еще одного друга.

Специальный агент принялся возбужденно расхаживать по комнате.

— Вам, конечно, известно, зачем Танцор зарезал его?

Все молчали.

— Только за тем, чтобы сбить нас со следа. Отвлечь наше внимание. Можно ли в это поверить? Чтобы сбить со следа, мать его! — резко остановившись Деллрей, с надеждой посмотрел на Райма. — Линкольн, есть хоть какая-нибудь ниточка?

— Кое-что есть, но немного.

Он рассказал про бездомного приятеля Танцора, про наркотики, про логово где-то в метро. Неизвестно где.

— И это все?

— Боюсь, да. Но мы проанализировали еще не все улики.

— Улики! — с презрением прошептал Деллрей. Направившись к выходу, он задержался в дверях. — Чтобы сбить нас со следа. И ради этого убить человека!

— Фред, подожди… Ты нам нужен.

Но Деллрей не услышал Райма, а если услышал, то решил не обращать внимания. Он стремительно вышел из комнаты. Через некоторое время громко хлопнула входная дверь.

Глава двадцать первая

Час 24-й из 45

— Дом, милый сердцу дом, — пропел Джоди.

Матрац и две коробки со старой одеждой и консервами, журналы — «Плейбой» и «Пентхауз», а также дешевая порнуха, на которую Стивен взглянул с отвращением. Две-три растрепанные книги. Зловонная станция метро в центре города, где жил Джоди, была закрыта несколько десятилетий назад, после того как на смену ей была сооружена наземная станция.

Прекрасное место для червей, мрачно подумал Стивен, поспешно прогоняя непрошеные образы.

На станцию они с Джоди поднялись с платформы, расположенной ниже. Путь от охраняемого дома — три-четыре мили — они проделали под землей, пробираясь через подвалы зданий, тоннели, большие и маленькие канализационные трубы, оставив по дороге ложный след — открытый люк. Наконец они вышли в тоннель метро и двинулись быстрым шагом. Джоди задыхался, стараясь поспеть за Стивеном.

Дверь, выходящая на улицу, была заколочена изнутри. Через щели между досками пробивались косые лучи света, в которых кружилась желтая пыль. Стивен выглянул на улицу. Небо было затянуто хмурыми тучами. Станция находилась в бедном квартале. На бордюрных камнях сидели оборванные личности, повсюду валялись бутылки из-под дешевого пива, тротуар был усеян белыми точками пустых упаковок от крэка. Огромная жирная крыса что-то вдохновенно жевала.

Услышав за спиной прерывистый стук, Стивен стремительно обернулся. Он успел увидеть, как Джоди высыпает горсти украденных таблеток в банки из-под кофе. Порывшись в сумке, Стивен достал сотовый телефон и набрал номер квартиры Шейлы. Он ожидал услышать сообщение автоответчика, но вместо этого механический голос сказал, что линия неисправна.

Не может быть…

Стивен был ошеломлен.

Это означало, что в квартире сработало взрывное устройство. А *это в*свою очередь, означало, что полиция вычислила, что он там был. Проклятие, как им это удалось?

— Что с тобой? — встревоженно спросил Джоди.

*Как?*Это дело рук Линкольна, Главного червя!

Линкольна, чье белое червеобразное лицо следило за ним из окна...

Стивен почувствовал, что у него начинают потеть ладони.

— Эй!

Вздрогнув, он поднял взгляд.

— По-моему, ты...

— Со мной все в порядке, — резко ответил Стивен. «Успокойся, — сказал он себе. — Взрыв был достаточной силы, чтобы уничтожить все следы твоего пребывания в квартире. Ничего страшного не случилось. Ты в полной безопасности. Тебя ни за что не найдут, никак не смогут привязать к убийству. Червям тебя не достать...»

Стивен посмотрел на застенчиво улыбающегося Джоди. Мерзкое ощущение исчезло.

— Все хорошо, — сказал он, убирая телефон. Просто небольшое изменение планов.

Раскрыв сумку, Стивен отсчитал пять тысяч долларов.

— Вот твои деньги.

Джоди был зачарован зрелищем купюр. Его взгляд метался от лица Стивена к деньгам и обратно. Тощая трясущаяся рука осторожно взяла банкноты, словно от малейшего неловкого движения они могли рассыпаться в прах. Беря деньги, Джоди случайно прикоснулся к руке Стивена. Даже сквозь перчатку убийца ощутил как бы электрический разряд, как тогда, когда его пырнули в живот острым как бритва ножом. Оглушительный, но безболезненный. Выпустив деньги, Стивен отвел взгляд в сторону.

— Если ты поможешь мне еще раз, я заплачу тебе десять тысяч.

Красное опухшее лицо скривилось в неуверенной улыбке. Сделав глубокий вдох, Джоди полез в банку из-под кофе.

— Я… ну… что-то нервничаю, — достав таблетку, он быстро проглотил ее. — Это «голубой дьявол». От нее сразу становится хорошо. Уютно. Хочешь?

— Ну…

«Солдат, мужчины время от времени пьют спиртное?»

«Не могу знать, сэр!»

«Так вот, пьют. Соглашайся».

— Не знаю, наверное… «Солдат, соглашайся. Это приказ». «Сэр, но…»

«Солдат, ты же ведь не сопливая девчонка, да? Или у тебя уже выросли сиськи?»

«Я… никак нет, сэр, не выросли». «В таком случае соглашайся, солдат». «Слушаюсь, сэр!»

— Ну, хочешь? — повторил Джоди.

— Нет, — прошептал Стивен.

Закрыв глаза, Джоди откинулся на спину.

— Десять … тысяч… — он помолчал. — Ты ведь его убил, да?

— Кого?

— Ну, того копа. Не хочешь апельсинового сока?

— Того спецназовца? *Может быть,*и убил. Не знаю. Это не главное.

— А это трудно? Ну, я ничего не хочу сказать. Просто мне любопытно. Так как насчет сока? Я много пью. От колес всегда хочется пить. Во рту пересыхает.

— Не надо.

Банка была грязной. Возможно, по ней ползали черви. Быть может, даже забирались *внутрь*.Можно проглотить червя с соком и не заметить этого…

Стивена передернуло от отвращения.

— Здесь есть водопровод?

— Нет. Но у меня есть бутылки с питьевой водой. «Польский источник». Украл целую коробку.

* * *

Мерзко.

— Мне надо вымыть руки.

— Зачем?

— Чтобы смыть кровь. Перчатки промокли насквозь.

— А. Вода вон там. Почему ты всегда носишь перчатки? Чтобы не оставить отпечатков пальцев?

— Угадал.

— Ты служил в армии, да? Я сразу понял. Стивен хотел солгать, но в последний момент почему-то передумал.

— Нет. Я хотел поступить в морскую пехоту. Подал документы. Мой отчим служил в морской пехоте, и я хотел стать таким, как он.

Он умолк. Джоди, вопросительно посмотрев на него, наконец, не выдержал.

— И что было дальше?

— Меня не взяли.

— Глупость какая! *Тебя*не взяли? Из тебя вышел бы отличный солдат, — оглядев Стивена с ног до головы, Джоди одобрительно кивнул. — Такая мускулатура. А вот у меня, — рассмеялся он, — зарядка состоит из того, что я бегаю от черномазых и мальчишек. Но все равно меня всегда догоняют. А ты к тому же и красивый. Такими и должны быть солдаты. Как в кино.

Чувство омерзения бесследно исчезло и, о боже, Стивен поймал себя на том, что заливается краской. Он застенчиво потупился.

— Ну, этого я не знаю...

— Перестань! Готов поспорить, твоя девочка говорила, что ты красивый.

Мерзкие черви снова зашевелились.

— Да я…

— У тебя нет девочки?

— Где вода? — переменил тему Стивен.

Джоди указал на коробку «Польского источника». Открыв две бутылки, Стивен начал мыть руки. Как правило, он терпеть не мог, чтобы кто-либо со стороны наблюдал за этим занятием. В этом случае чувство омерзения не проходило, черви не смывались. Но почему-то сейчас он ничего не имел против того, что Джоди наблюдает за ним.

— Значит, девочки у тебя нет?

— В настоящий момент нет, — объяснил Стивен. — Не то, чтобы я гомик или еще кто-то.

— Да я ничего такого и не думал.

— Не верю я в этот культ. Впрочем, и отчим мой вряд ли был прав, когда утверждал, что Бог наслал СПИД, чтобы избавиться от гомосексуалистов. Потому что в этом случае Бог придумал бы что-нибудь поумнее и просто расправился бы с педиками. Не подвергая нормальных людей риску подхватить эту заразу.

— Разумно, — согласился Джоди, взирая на него затуманенными глазами. — У меня тоже никого нет, то есть девочки, — он горько усмехнулся. — Разве я могу себе это позволить? Верно? Что я мог бы ей предложить? В отличие от тебя, я некрасивый, денег у меня нет… Я опустившийся бродяга, мать твою.

Лицо Стивена горело. Он принялся тереть еще усерднее.

Оттирать, оттирать до чистоты, да, да, да…

Черви, черви, прочь…

— Дело в том, — начал Стивен, не отрывая взгляда от своих рук, — что в последнее время я находился в таком положении, что… ну, что не мог интересоваться женщинами, как большинство мужчин. Но это явление временное.

— Временное, — повторил Джоди. Взгляд устремлен на кусок мыла, словно это заключенный, готовый вот-вот бежать.

— Временное. Я обязан вести себя очень осторожно. Этого требует моя работа.

— Ну да. Твоя работа требует осторожности. Тереть, тереть.

— А тебе приходилось убивать гомиков? — с любопытством спросил Джоди.

— Не знаю. Могу твердо сказать: я никого не убивал только *потому,*что этот человек гомосексуалист. Это было бы глупо.

Кожа на руках чесалась и горела. Стивен тер и тер, стараясь не смотреть на Джоди. Внезапно его захлестнуло странное чувство, ему показалось, что он говорит с человеком, который способен его понять.

— Понимаешь, я не убиваю людей просто ради того, чтобы убить.

— Ну хорошо, — сказал Джоди, — а если на улице подойдет какой-нибудь алкаш, толкнет тебя и обзовет, не знаю, скажем, педиком, трахнувшим свою мать? Ты ведь его убьешь? Да?

— Ну... ведь педик не станет вступать в половые сношения со своей матерью, верно?

Поморгав, Джоди вдруг расхохотался.

— Здорово сказано!

«Неужели я только что сострил?» — поразился Стивен. Он улыбнулся, радуясь тому, что Джоди понравилась его шутка.

— Ладно, — не унимался тот, — пусть он просто скажет, что ты трахнул свою мать.

— Разумеется, я не стану его убивать. И я тебе вот что скажу. Раз ты заговорил о гомиках, вспомним еще негров и евреев. Я убью негра только в том случае, если меня наймут убить человека, который окажется негром. Вероятно, есть причины, по которым негры не имеют права жить, по крайней мере в нашей стране. Так считал мой отчим, и у него на то было много оснований. Я тут во многом с ним согласен. Он так же относился и к евреям, но здесь я готов с ним поспорить. Из евреев получаются великолепные солдаты. Я очень уважаю этот народ.

Помолчав, Стивен продолжал:

— Понимаешь, убийство — это тоже ремесло, только и всего. Вспомни, например, осаду Кентского университета[7]. Я тогда был еще маленьким, но мне рассказывал отчим. Ты знаешь, что там было? Национальная гвардия стреляла по студентам.

— Конечно, знаю.

— Ну вот, ведь всем было наплевать на то, что студенты умерли, верно? Но по мне стрелять по ним было глупо. Потому что какой от этого толк? Никакого. Если хочешь остановить какое-то массовое движение или что там еще, надо выявить вожаков и расправиться с ними. Это было бы так просто. Проникнуть, оценить, отвлечь, изолировать, уничтожить.

— Ты убиваешь так?

— Сначала необходимо незаметно проникнуть в нужное место. Оценить все возможные препятствия. Отвлечь внимание от жертвы, сделать вид, что ты нападешь с одной стороны, но на самом деле вместо тебя придет рассыльный, мальчишка-чистильщик обуви или кто-то другой. После этого цель изолируется и уничтожается.

Джоди отпил апельсиновый сок. В углу валялось несколько десятков пустых упаковок. Похоже, только этим он и питался.

— Знаешь, — сказал он, вытирая рот рукавом, — все считают профессиональных убийц сумасшедшими. Но ты, по-моему, совершенно нормальный.

— Я не считаю себя сумасшедшим, — небрежно подтвердил Стивен.

— А те, кого ты убиваешь, они плохие люди? Мафиози, преступники, да?

— Скажем так, их считают плохими те люди, кто платит мне, чтобы я их убил.

— То есть, они плохие?

— Разумеется.

Издав пьяный смешок, Джоди полуприкрыл веки.

— Далеко не все согласятся с тем, как ты определяешь, кто хороший, а кто плохой.

— Ну ладно, а *что*хорошо и *что*плохо? — возразил Стивен. — Мои действия ничуть не отличаются от поступков Господа Бога. Ведь в авиакатастрофах гибнут как хорошие, так и плохие люди, но никто не винит в этом Бога. Многие профессиональные убийцы называют свои жертвы «целями» или «мишенями». Я слышал об одном, называвшем их «трупами». Еще до того, как он их убивал. Что-нибудь вроде: «Труп выходит из машины. Беру его на мушку». Наверное, ему так проще думать о своих жертвах. Но лично мне все равно. Я называю их тем, кем

они являются на самом деле. Вот сейчас я охочусь за Женой и Другом. Мужа я уже убил. Вот так я о них думаю. Это люди, которых я убиваю, только и всего.

Обдумав его слова, Джоди сказал:

— Знаешь что? По-моему, нельзя сказать, что ты несешь зло. И знаешь почему?

— Почему?

— Потому что зло — это что-то невинное с виду, но на поверку плохое. А ты же такой, каким кажешься. По-моему, это хорошо.

Щелкнув оттертыми ногтями, Стивен почувствовал, что снова заливается краской. Ничего подобного с ним не бывало уже много лет.

— А тебе со мной страшно? — наконец спросил он.

— Нет, — ответил Джоди. — Я бы не хотел оказаться у тебя на пути. Да, не хотел бы. Но ведь мы стали друзьями. Не думаю, что ты сделаешь по отношению ко мне что-нибудь плохое.

— Конечно, — согласился Стивен. — Мы партнеры.

— Ты говорил о своем отчиме. Он жив?

— Нет, умер.

— Прости. Просто, когда ты о нем рассказывал, я вспомнил своего отца, его тоже уже нет в живых. Он говорил, что больше всего на свете ценит мастерство. Ему нравилось наблюдать за тем, как талантливый человек занимается своим любимым ремеслом. Наверное, это же можно сказать и про тебя.

— Мастерство, — повторил Стивен, захлестнутый вдруг незнакомыми чувствами. Он проследил, как Джоди спрятал деньги в дыру в грязном матраце. — И что ты с ними сделаешь?

Джоди выпрямился. В его осоловевших глазах сверкнула решимость.

— Можно тебе кое-что показать?

От таблеток его язык стал заплетаться.

— Конечно.

Джоди достал из кармана брошюру. Стивен прочел название: «Покончим с зависимостью».

— Я спер ее в книжном магазине на площади Святого Марка. Она предназначена для тех, кто хочет избавиться от тяги к спиртному или наркотикам. Тут написано про клиники, куда можно обратиться. Я нашел одну в Нью-Джерси. Приходишь туда, и тебя кладут на месяц — на целый месяц. Но зато выходишь оттуда совершенно здоровым. Говорят, действует безотказно.

— Это ты правильно решил, — сказал Стивен. — Одобряю.

— Да, но… — Джоди виновато улыбнулся. — Лечение стоит четырнадцать тысяч.

— Недурно.

— Всего за *один*месяц. Ты можешь в это поверить?

— Кто-то гребет огромные деньжищи.

Сам Стивен брал сто пятьдесят тысяч долларов за одну цель, но он не стал делиться этим с Джоди, своим новоприобретенным другом и напарником.

Вздохнув, Джоди протер глаза. Судя по всему, наркотики нагоняли на него слезливое настроение. Как и алкоголь на отчима Стивена.

— Вся моя жизнь пошла наперекосяк, — захныкал он. — Я учился в колледже. Да-да. И неплохо учился. Потом некоторое время преподавал. Работал на одну компанию. И вдруг лишился работы. Все разом пошло кувырком. Меня выгнали из квартиры… А с таблетками проблемы были всегда. Я начал воровать…О черт!

Стивен подсел к нему.

— Ты получишь деньги и сможешь лечь в ту клинику. И все будет в порядке.

Джоди печально улыбнулся.

— Знаешь, у моего отца было одно правило. Он говорил, что стоящие на пути трудности надо воспринимать не как проблемы, а просто как фактор, который необходимо учитывать, и все. Он смотрел мне в глаза и говорил: «Это не проблема, а всего лишь фактор». И я всегда стараюсь это помнить.

— Не проблема, а всего лишь фактор, — повторил Стивен. — Мне это по душе.

Подтверждая свои слова, он положил руку на ногу Джоди.

«Солдат, мать твою, что ты делаешь?»

«Сэр, я занят. Доложу позже».

«Солдат...»

«Сэр, я же сказал — позже!»

— За тебя! — сказал Джоди.

— Нет, за тебя! — поправил Стивен.

И они выпили, один — апельсиновый сок, другой — минеральную воду — за свой странный союз.

Глава двадцать вторая

Час 24-й из 45

Лабиринт.

Нью-йоркский метрополитен простирается под землей больше чем на 260 миль и состоит из десятков обособленных тоннелей, пересекающих четыре из пяти районов города (за исключением Стейнтен-Айленда, хотя жители острова справедливо гордятся своей паромной переправой).

Проще обнаружить со спутника шлюпку, затерявшуюся на просторах Северной Атлантики. Но перед Линкольном Раймом и его командой стояла задача отыскать двух человек, прячущихся в нью-йоркской подземке.

Криминалист, Селитто, Сакс и Купер скрупулезно изучали план коммуникаций метрополитена, бесцеремонно приклеенный скотчем к стене. Взгляд Райма скользил по разноцветным полосам, изображающим различные линии: синим для Восьмой авеню, зеленым для Лексингтон-авеню, красным для Бродвея. С запутанной подземной системой у криминалиста были особые отношения. Именно в строящейся шахте подземки расколовшийся дубовый брус упал ему на спину в тот самый момент, когда он, сказав: «Ага!», склонился над трупом, чтобы поднять с него ниточку, похожую на золотистый ангельский волосок.

Но и до несчастного случая криминалистический отдел полиции Нью-Йорка уделял много внимания метрополитену. В свое время Райм прилежно изучал систему подземных тоннелей: поскольку они проходили через самые различные типы грунтов, поскольку за долгие годы менялись типы строительных материалов, на основании одних только микроскопических частиц, обнаруженных на одежде и обуви подозреваемого, можно было привязать его к какой-то конкретной линии метро, а то и к району или даже к станции. Райм собирал образцы почв и других материалов из метро в течение многих лет: самые древние из них относились к прошлому веку. (Именно в конце 60-х годов XIX века Альфред Бич, издатель «Нью-Йорк Сан» и «Сайнтифик Американ», решил применить принцип пересылки почты через тонкие трубы к транспортировке людей через трубы большого диаметра.)

Приказав компьютеру набрать номер телефона, Райм через минуту уже говорил с Сэмом Ходдлстоном, начальником транспортной полиции Нью-Йорка. Ходдлстон знал Райма еще по прежним временам. По непродолжительному молчанию, последовавшему за тем, как криминалист представился, он определил работу мысли: Ходдлстон, как и большинство его бывших коллег, еще не знал, что Райм буквально воскрес из мертвых.

— Быть может, стоит обесточить какие-то линии? — предложил Ходдлстон, когда Райм вкратце рассказал ему про Танцора и его спутника. — Отправить поисковые отряды?

Услышав его вопрос, Селитто покачал головой.

Райм согласился.

— Нет, нам нельзя выдавать себя. В любом случае, на наш взгляд, они находятся в заброшенной части.

— Недействующих станций не так уж и много, — сказал Ходдлстон. — Но под землей сотни пустынных тупиков, служебных тоннелей, шахт. Слушай, Линкольн, как твои дела? До меня...

— Замечательно, Сэм, просто замечательно, — как всегда быстро уклонился от вопроса о здоровье Райм. — Мы тут поговорили, и на наш взгляд, эти ребята будут предпочитать ходить пешком. Постараются держаться подальше от поездов. Так что мы считаем, они в Манхэттене. У нас перед глазами план, но мы хотим, чтобы ты помог нам сузить круг поисков.

— Помогу чем смогу, — ответил начальник транспортной полиции. Райм никак не мог вспомнить, как он выглядит. Судя по голосу, Ходдлстон

был атлетически сложенным крепышом, но с другой стороны, и самого Райма человек, не видящий его искалеченного тела, мог бы принять за олимпийского чемпиона.

Криминалист осмотрел перечень улик, обнаруженных Амелией в подвале административного здания, оставленных спутником Танцора.

— В почве высокое содержание влаги, — сказал он Ходдлстону. — В ней присутствуют полевой шпат и кварцевый песок.

— Помнится, Линкольн, ты всегда обожал копаться в грязи.

— Это очень полезное занятие, — согласился Райм. — Каменистых пород очень мало; известняк и слюдяной сланец Манхэттена полностью отсутствует. Так что мы смотрим на южную оконечность острова. А судя по количеству частиц старого дерева, на район канала.

К северу от двадцать седьмой улицы каменистые породы выходят к самой поверхности. На юге же Манхэттена почвы песчаные и глинистые, и очень сырые. При прокладке тоннелей через песчаные линзы, распространенные в районе канала их постоянно заливало грунтовыми водами. Дважды в день работы приходилось прекращать, чтобы откачать воду. Стены укрепляли деревянными сваями, с годами сгнившими и смешавшимися с землей.

Ответ Ходдлстона был не слишком оптимистичным. Хотя сведения, предоставленные Раймом, и сужали район поисков, в нем оставались десятки служебных тоннелей, переходных платформ и самих станций, закрытых уже многие десятилетия. Некоторые из них, законсервированные и забытые, были известны не больше подземных гробниц египетских фараонов. Через много лет после смерти Альфреда Бича строители, прокладывавшие новую линию, проломили стену и обнаружили часть старого тоннеля, давно заброшенного, и зал ожидания с настенными панно, роялем и аквариумом.

— Существует ли вероятность, что этот бродяга просто спит на действующих станциях или в ответвлении от тоннеля? — спросил Ходдлстон.

Селитто покачал головой.

— Вряд ли. Мы имеем дело с наркоманом. Он наверняка трясется за свой притон.

Райм сообщил о мозаичных плитках.

— Линкольн, невозможно определить, откуда они. Осыпавшиеся плитки постоянно меняют, так что пыль и осадок можно найти повсюду. Ваш парень мог подцепить их где угодно.

— И все-таки назови цифру, — настаивал Райм. — Сколько таких мест, где надо искать?

— Ну, двадцать, — послышался решительный голос Ходдлстона. — Может быть, чуть поменьше.

— Ого, — пробормотал Райм. — Что ж, высылай нам по факсу список наиболее вероятных.

— Хорошо. Когда он тебе будет нужен? — но прежде чем Райм успел что-то сказать, Ходдлстон поправился: — Извини, Линкольн. Я помню тебя по старым делам. Список был нужен тебе еще вчера.

— На прошлой неделе, — буркнул Райм, недовольный тем, что Ходдлстон шутит вместо того, чтобы писать.

Через пять минут зажужжал факс. Том показал Райму вылезший из аппарата лист бумаги. На нем были перечислены пятнадцать наиболее вероятных мест.

— Ну, Сакс, за работу.

Молодая женщина кивнула. Селитто связался с отрядами Хауманна и Деллрея.

— Амелия, ты будешь держаться сзади, хорошо? — выразительно добавил Райм. — Ты должна только осматривать место преступления, помнишь? Только осматриваешь место преступления.

* * *

На бордюрном камне в центральной части Манхэттена сидел Леон-Зазывала. Рядом с ним примостился Медвежонок, прозванный так потому, что всегда катал перед собой тележку с плюшевыми игрушками, предположительно, предназначенными на продажу, хотя только шизофреник купил бы своему ребенку одного из этих истрепанных жалких зверьков.

Леон и Медвежонок жили вместе, то есть делили между собой улицу на окраине Китайского квартала, перебиваясь сдачей пустых бутылок, попрошайничеством и мелким безобидным воровством.

— Точно говорю, он умирает, — сказал Леон.

— Не-е, ему приснился кошмар, — ответил Медвежонок, покачивая тележку так, словно хотел убаюкать сидящие в ней игрушки.

— Надо бы не пожалеть гривенник и вызвать скорую помощь.

Леон и Медвежонок смотрели на противоположный тротуар. Там лежал еще один бездомный, черный болезненного вида, с озлобленным дергающимся лицом без сознания. Одет он был в лохмотья.

— Надо бы кого-нибудь позвать.

— Давай взглянем поближе.

Пугливые словно мыши, приятели перешли улицу.

Негр был страшно исхудавшим, скорее всего, болен СПИДом, из чего следовало, что он, по всей видимости, наркоман, и ужасно грязным. Даже Леон и Медвежонок время от времени мылись в фонтане в сквере Вашингтона или в пруду в Центральном парке, распугивая черепах. На черном были драные джинсы, заскорузлые носки и рваная грязная куртка с надписью «Мюзикл „Кошки“». Обуви у него не было.

Приятели долго и внимательно разглядывали лежащего на тротуаре. Наконец Леон осторожно прикоснулся к его ноге, и тот, вздрогнув, очнулся и сел, осоловело оглядываясь вокруг.

— Ты кто, мать твою?

— Эй, парень, ты как?

Приятели боязливо отступили назад. Незнакомец, поежившись, схватился за живот, разражаясь приступом кашля.

— Знаешь, какой-то он злой, мать его, — шепнул Леон. — Вовсе и не больной.

— Да ну его. Пошли отсюда.

Медвежонку захотелось вернуться к своей тележке с игрушками.

— Помогите, — пробормотал оборванец. — Мне плохо.

— Там за углом больница.

— Какая к черту *больницей*. -«Кошки» рявкнул так, словно его оскорбили.

Значит, у него нелады с законом. Раз человек, которому стало плохо на улице, отказывается обращаться в больницу, У него серьезные проблемы с законом. Вполне возможно, «Кошек» разыскивает полиция. Да от этого типа надо ждать одних неприятностей.

— Мне нужно лекарство. У вас есть? Я заплачу. У меня есть деньги.

Приятели ни за что бы не поверили в это, если бы «Кошки» не был собирателем пустых банок. Причем чертовски везучим, как они смогли заметить. Рядом с ним валялась огромная сумка, набитая жестянками из-под пива и воды. Леон с завистью посмотрел на нее. Нужно не меньше двух дней, чтобы столько насобирать. Это добро стоит долларов тридцать-сорок.

— У нас ничего нет. Мы этим не занимаемся.

— Хочешь бутылку пива? У меня есть отличное пиво, да-да. Поменяю бутылку на твои банки...

«Кошки» приподнялся на локте.

— Мне не нужно пиво, мать вашу! Меня избили какие-то подростки. У меня внутри что-то разорвалось. Мне плохо. Я должен достать лекарство. Не крэк и не пиво, мать твою. Мне жутко больно. Дайте колеса!

С трудом поднявшись на ноги, черный шатаясь направился к Медвежонку.

— Парень, у нас ничего нет. Ничего!

— Последний раз спрашиваю, дашь?

Застонав, «Кошки» схватился за бок. Приятели почувствовали, что он очень силен, какими бывают некоторые наркоманы. И он просто *огромен,*ему ничего не стоит согнуть пополам обоих.

— Помнишь того типа? — шепнул Медвежонку Леон. Тот кивнул. Это было чистым рефлексом на страх, ибо Медвежонок понятия не имел, о ком говорит его приятель.

— Ну, того типа, что пытался впарить нам вчера какое-то дерьмо? — продолжал Леон. — Колеса.

— Да-да, колеса, — поспешил подхватить Медвежонок, словно подтверждение рассказа Леона могло каким-то образом успокоить бродягу.

— Ему было наплевать, видит ли его кто-то. Он просто торговал колесами. Не крэком, не смэком, не «Джейн». Настоящим продуктом.

— Да-да, настоящим продуктом.

— У меня есть деньги, — порывшись в кармане, «Кошки» вытащил пару мятых грязных двадцаток. — Видите? Где найти этого ублюдка, мать его?

— У городской ратуши. На заброшенной станции метро.

— Мне плохо... Меня избили. За что меня избили? Что я такого сделал? Я собираю пустые банки, и все. И смотрите, что со мной сделали! Мать твою... Как его зовут?

— Не знаю, — поспешно ответил Медвежонок, морща лоб, словно стараясь вспомнить. — Нет-нет, подожди. Он что-то говорил.

— Не помню.

— Вспомни. Он посмотрел на моих медведей и...

— Точно, и что-то сказал. Да-да. Сказал, что его зовут Джо или что-то в этом роде. Вспомнил! Джоди.

— Ага, Джоди. Уверен в этом.

— Джоди, — повторил «Кошки», вытирая мокрый от пота лоб. — Пойду к нему. Боже, мне нужно лекарство. Как же мне плохо! Мать твою, мне плохо. И твою мать тоже.

Стеная и бормоча себе под нос, «Кошки» побрел прочь, волоча за собой сумку с банками. Леон и Медвежонок вернулись на свое место. Леон открыл бутылку пива, и приятели сделали по глотку.

— Напрасно мы его заложили, — сказал Леон.

— Кого?

— Этого Джоди или как там его.

— Ты бы хотел, чтобы этот ублюдок торчал здесь? — спросил Медвежонок. — Он опасен. Я его боюсь. Ты бы хотел, чтобы он остался здесь?

— Конечно, не хочу. И все же...

— Вот видишь.

— Вижу. Дай бутылку.

Глава двадцать третья

Час 25-й из 45

Сидя на матраце рядом с Джоди, Стивен прослушивал телефоны компании «Гудзон-Вир».

Он прослушивал телефон Рона, Рона Тэлбота, как ему удалось установить. Стивен не знал точно, какую должность занимает Рон, но то, что одну из руководящих, в этом он совершенно не сомневался. Стивен надеялся получить максимум информации о Жене и Друге, прослушивая именно телефон Рона.

Сейчас этот Рон спорил с каким-то поставщиком запасных частей к реактивным двигателям. Поскольку сегодня было воскресенье, возникли сложности с доставкой деталей, необходимых для ремонта двигателя, противопожарного патрона и какой-то штуковины под названием «кольцо сопла».

— Вы обещали нам доставить все к трем часам, — рычал в трубку Тэлбот. — И они нужны мне к трем часам, и не секундой позже.

После долгих пререканий и ругани поставщик согласился переправить необходимые детали самолетом в Коннектикут. Затем их повезут на машине. «Гудзон-Эйр» получит их не позже трех часов дня. Разговор окончился.

Стивен покрутил кассету дальше, но других звонков больше не было.

Недовольный, он выключил магнитофон.

Ему ничего не известно о том, где в настоящий момент находятся Жена и Друг. Остались в охраняемом доме? Или их перевезли в другое место?

О чем сейчас думает червь Линкольн? Насколько он хитер?

И *кто,*черт побери, он такой? Стивен попытался представить его таким, каким бы он увидел его в оптический прицел своей винтовки. Но не смог. Перед глазами копошилось месиво червей и белело лицо, следящее за ним из-за грязного стекла.

Вдруг до него дошло, что Джоди его о чем-то спрашивает.

— Что?

— Чем он занимался? Твой отчим?

— Так, чем попало. В основном охотился и ловил рыбу. Он был героем войны во Вьетнаме. Ходил за вражеские позиции и убил пятьдесят четыре человека. Не только простых солдат, но и политиков и им подобных.

— Это он научил тебя, да? Всему этому? Действие наркотиков окончилось, и зеленые глаза Джоди снова стали прозрачными.

— Практику я приобрел в Африке и Южной Америке, но основы заложил отчим. Я называл его ВСМ. «Величайший солдат в мире». А он смеялся.

В восемь, девять, десять лет Стивен ходил вместе с Лу в долгие походы по горам Западной Вирджинии. Горячий пот стекал струйками по их лицам и скапливался в изгибах указательных пальцев правой руки, застывших в напряжении на спусковых крючках «Винчестеров» и «Рюгеров». Взрослый и мальчик часами совершенно неподвижно лежали в траве. Бритый череп Лу блестел от пота. Оба выслеживали добычу.

«Солдат, не щурь левый глаз».

«Есть, сэр».

Они охотились на белок, диких индеек, оленей, независимо от того, был ли открыт сезон, медведей, если удавалось их найти, собак, когда других зверей не было.

«Солдат, убивай их. Следи за мной».

Бабах! Толчок в плечо, искаженный от боли взгляд умирающего животного.

А в августовскую жару они заряжали ружья для пейнтбола, раздевались до трусов и охотились друг на друга. Кожа на груди, бедрах покрывалась ссадинами от шариков размером с вишню, рассекавших воздух со скоростью триста футов в секунду. Маленький Стивен кусал до крови губы, чтобы не расплакаться от острой боли. Шарики бывали с краской всевозможных цветов, но Лу настаивал на том, чтобы использовать только красные. Цвета крови.

А ночами они сидели у костра во дворе, глядя на струящийся к небу дым, а мать стояла у открытого окна, оттирая посуду зубной щеткой. Низкорослый крепыш, в пятнадцать лет Стивен уже догнал ростом Лу, который потягивал из бутылки «Джек Дэниэлс» и говорил, говорил, не обращая внимания, слушает ли его мальчик.

Оранжевыми светлячками взлетали вверх искры.

— Я хочу, чтобы завтра ты убил оленя одним ножом.

— Но...

— Солдат, ты сможешь?

— Так точно, сэр, смогу.

— Так, слушай внимательно. — Лу приложился к бутылке. — Где, по-твоему, находится шейная вена?

— Я...

— Не бойся сказать, что не знаешь. Хороший солдат признаётся в своем незнании. Но затем он обязательно исправляет этот недостаток.

— Сэр, я не знаю, где находится шейная вена.

— Сейчас я покажу, на тебе. Вот она. Чувствуешь? Прямо вот здесь. Нашел?

— Так точно, сэр. Нашел.

— Итак, слушай, что ты сделаешь, когда найдешь семейство — олениху и ее малышей. Ты осторожно приблизишься к ним. Это самое сложное — подойти близко. Для того чтобы убить олениху, необходимо создать угрозу для ее детей. Нападай на олененка, и тогда его мать никуда не убежит. Она пойдет прямо на тебя. А тогда — вжик! — перерезай ей шею. Не поперек, а углом. Солдат, ты понял? Галочкой. Уяснил? Ну хорошо, хорошо. Что ж, малыш, мы отлично порезвились!

После этого Лу заходил на кухню и проверял, как расставлены тарелки и миски (они должны были стоять шеренгой на клетчатой скатерти, ровно на четыре клетки от края). И иногда, когда какая-то тарелка оказывалась всего в трех с половиной клетках от края, или если Лу обнаруживал на ребре миски пятнышко жира, Стивен, лежа на спине у костра и глядя на поднимающиеся к новой луне искры, слушал доносившиеся с кухни звуки пощечин и жалобные всхлипывания.

— Человек обязательно должен быть в чем-нибудь специалистом, — назидательно говорил Лу позже, когда его жена уже спала, а он снова сидел на улице с бутылкой виски. — В противном случае ему незачем коптить небо.

Мастерство. Он говорил о *мастерстве*.

—Так все же почему ты не попал в морскую пехоту? — оторвал Стивена от воспоминаний голос Джоди. — Ты так и не рассказал.

— Ну, из-за глупости, — помолчав, Стивен добавил: — Еще подростком я вляпался в одну историю. С тобой такое случалось?

— Вляпываться в историю? Редко. Я всегда был трусом. Я боялся воровать и тому подобное, потому что это могло рассердить мою мать. И что ты натворил?

— В общем, я сделал большую глупость. У нас в городке жил один тип... любитель побуянить. Так вот, как-то я увидел, что он выкручивает руку женщине. Она была больна, и вообще какое он имел право ее мучить? Ей ведь больно. Я подошел к нему и сказал, что если он не оставит женщину в покое, я его убью.

— Так прямо и сказал?

— Да. А еще отчим научил меня одному правилу. Никогда не нужно угрожать. Или ты убиваешь человека, или оставляешь его в покое. Но угрожать бессмысленно. Так вот, этот тип никак не хотел угомониться, и я решил преподать ему урок. Я начал его бить, и потерял над собой контроль. Схватив камень, я ударил его. Я не понимал, что делаю. Мне дали два года за убийство. Я тогда был еще несовершеннолетним. Пятнадцать лет. И все-таки это была судимость. Ее хватило, чтобы меня не взяли в морскую пехоту.

— Кажется, я где-то читал, что даже с судимостью могут взять в армию. Просто таких направляют в специальные лагеря подготовки.

— Наверное, все дело в том, что на мне висело убийство. Джоди стиснул Стивену плечо.

— Это несправедливо. *Страшно*несправедливо.

— Я так не думаю.

— Я тебе сочувствую, — сказал Джоди.

Стивен, никогда не стеснявшийся смотреть другому человеку в глаза, взглянув мельком на своего собеседника, тотчас же смущенно потупился. Откуда-то появилась причудливая картинка: они с Джоди живут в маленьком доме в глуши, вместе охотятся и ловят рыбу. Готовят на костре.

— Что сталось с твоим отчимом?

— Погиб. Несчастный случай. Сорвался со скалы во время охоты.

— Наверное, именно такой смерти он желал для себя, — заметил Джоди.

— Возможно, — после некоторого молчания согласился Стивен.

Вдруг он ощутил скользящее прикосновение ноги Джоди. Новый электрический разряд. Поспешно встав, Стивен подошел к окну. Мимо медленно проехала полицейская машина, но сидящие в ней копы болтали друг с другом, потягивая содовую.

Улица была пустынной, если не считать горстки бездомных — пятерых белых и одного негра.

Стивен прищурился. Негр, волочивший большой мешок из-под мусора, набитый пустыми жестяными банками, предлагал свой мешок одному из белых. Тот отказывался, решительно тряся головой. Глаза негра горели безумным огнем; белые, похоже, были насмерть перепуганы. Стивен, посмотрев какое-то время на них, вернулся и сел рядом с Джоди.

Он положил руку ему на плечо.

— Я хочу поговорить с тобой о том, что нам предстоит сделать.

— Хорошо, давай. Я слушаю тебя внимательно, партнер.

— Меня ищут.

Джоди громко рассмеялся.

— По-моему, после того, что произошло в том подвале, за тобой должна охотиться целая толпа полицейских. Стивен даже не улыбнулся.

— Но один человек особенно опасен. Его зовут Линкольн. Джоди кивнул.

— Это имя или фамилия?

— Не знаю, — пожал плечами Джоди. — Я еще никогда не встречал таких людей.

— Кто он?

Червь...

— Наверное, коп. Или из ФБР. Что-то вроде консультанта. Точно не знаю.

Стивен вспомнил, как Жена описывала этого Линкольна Рону: так рассказывают о гуру, наставнике или о призраке. Ему опять стало мерзко. Его рука, скользнув вниз по спине Джоди, остановилась на пояснице. Неприятное ощущение исчезло.

— Он уже второй раз помешал мне. Чуть было меня не поймал. Я пытаюсь предугадать, каким будет его следующее действие, но у меня ничего не получается.

— Зачем тебе это нужно?

— Я должен быть на шаг впереди него.

Снова прикосновение к спине Джоди. Тот, похоже, ничего не имел против. Он перестал робеть, не отводил взгляд в сторону. И как-то странно смотрел на Стивена. Неужели этот взгляд говорит о?.. Стивен не мог точно выразиться. Возможно, это просто восхищение?

Вдруг он подумал о том, что именно так смотрела на него в кафе Шейла, когда он говорил то, что она хотела услышать. Но только тогда он был не Стивеном, а кем-то еще. Человеком, которого на самом деле не существует. Джоди сейчас смотрел на него такими же глазами, хотя ему было известно, кто такой Стивен: наемный убийца.

Не убирая руку с его спины, Стивен сказал:

— Я не могу понять, собирается ли Линкольн перевозить их из охраняемого дома. Того, что стоит напротив здания, где мы с тобой встретились.

— Кого их? Тех, кого ты должен убить?

— Да. Линкольн должен попытаться меня перехитрить. Он полагает…

Стивен умолк.

Размышляя…

"А о чем *думает*Линкольн-Червь? Постарается ли он увезти Жену и Друга из охраняемого дома, решив, что я нанесу второй удар? Или же оставит их там, уверенный, что я как раз буду дожидаться переезда, чтобы выследить их на новом месте? Но даже если он считает, что я снова нападу на охраняемый дом, оставит ли он там Жену и Друга в качестве приманки, чтобы заманить меня? А может быть, он решит привезти в новый охраняемый дом двойников? И попытается взять меня, когда я стану за ними следить?"

— Ты какой-то... не в себе, что ли, — едва слышно прошептал Джоди.

— Я его не *вижу*...Не вижу, что он собирается делать. Всех остальных, кто охотился за мной, я видел. Мог предугадать их действия. А его не вижу.

— Что я должен сделать? — спросил Джоди, подаваясь к нему. Их плечи соприкоснулись.

Стивен Колл, непревзойденный мастер, пасынок человека, не колебавшегося ни в чем — убивал ли он оленя или проверял тарелки, оттертые зубной щеткой, смущенно потупился, а затем посмотрел Джоди в глаза, держа руку у него на спине. Касаясь плечом его плеча.

Стивен принял решение.

Склонившись над рюкзаком, он, порывшись, достал оттуда черный сотовый телефон и, посмотрев на него, протянул Джоди.

— Что это? — спросил тот.

— Телефон. Ты им воспользуешься.

— Мобила! Класс!

Джоди принялся крутить телефон так, будто никогда не имел с ним дела. Открыв крышку, он изучил все кнопки.

— Ты знаешь, кто такой наблюдатель? — спросил Стивен.

— Нет.

— Хороший снайпер никогда не работает один. Ему помогает наблюдатель. Наблюдатель обнаруживает цель, определяет расстояние до нее, следит за действиями противника и все такое.

— И ты хочешь, чтобы я стал твоим наблюдателем?

— Точно. Понимаешь, я считаю, что Линкольн перевезет их в другое место.

— Почему ты так думаешь?

— Не могу объяснить. Просто у меня такое предчувствие. — Стивен сверился с часами. — Итак, слушай. Я хочу, чтобы ты в половине первого шел по той улице словно...

— Словно бродяга. Можешь не стесняться в выражениях.

— И наблюдал за охраняемым домом. Будет неплохо, если ты станешь рыться в мусорных баках и…

— Собирать бутылки. Я постоянно этим занимаюсь.

— Ты выяснишь, в какую машину их посадят, а потом позвонишь и скажешь мне. Я буду ждать в машине за углом. Но ты должен следить, не двойники ли это.

Перед глазами у Стивена появилось лицо рыжеволосой полицейской. Вряд ли ее можно будет выдать за Жену. Слишком высокая, слишком красивая. Странно, почему он ее так невзлюбил… Стивен пожалел о том, что не прицелился в нее получше.

— Хорошо. Сделаю. Ты убьешь их прямо на улице?

— Не знаю. Буду судить по обстоятельствам. Возможно, выслежу по дороге до нового охраняемого дома и расправлюсь там. Я готов импровизировать.

Джоди разглядывал телефон, словно ребенок рождественский подарок.

— Я не знаю, как им пользоваться. Стивен объяснил.

— Позвонишь мне, когда займешь позицию…

— Прямо как в армии, — оторвавшись от телефона, Джоди посмотрел ему в глаза. — Знаешь, когда все это будет позади и я пройду курс лечения, почему бы нам с тобой не встретиться? Посидим, выпьем соку или кофе. А, может, что-нибудь покрепче? Не хочешь?

— Разумеется, — согласился Стивен. — Мы могли бы…

Внезапно дверь содрогнулась от сильных ударов. Крутанувшись на месте словно дервиш, Стивен выхватил пистолет и, удерживая его в обеих руках, присел на колено, готовый стрелять.

— Открывай, мать твою! — донесся из-за двери грозный оклик. — Живо!

— Молчи, — шепнул Стивен Джоди. Его сердце бешено колотилось.

— Ты там, козявка? — не унимался громогласный голос. Джоди! Где ты, мать твою?

Подойдя к заколоченному окну, Стивен осторожно выглянул на улицу. Перед дверью стоял бродяга, который недавно спорил с другими

бездомными. Он был в рваной куртке с надписью «Мюзикл „Кошки“». Оборванец Стивена не видел.

— Малыш, ты где? — снова начал негр. — Ты мне нужен. Ты должен дать мне таблетки, Джо Ди, где ты?

— Ты его знаешь? — спросил Стивен. Выглянув в щель, Джоди пожал плечами.

— Первый раз вижу, — прошептал он. — Кажется. Впрочем, народу на улицах много.

Стивен задумчиво посмотрел на черного, постукивая большим пальцем по пластмассовой рукоятке пистолета.

— Я знаю, что ты там, — крикнул негр. Его голос перешел в раздирающий кашель. — Джо-ди. Джо-ди! Мне плохо. Бо-же, как мне плохо! Я целую неделю собирал эти банки, мать твою. Мне *сказали,*что ты здесь. Все говорят, что ты здесь. Джоди, Джоди!

— Он постоит и уйдет, — сказал Джоди.

— Подожди, — остановил его Стивен. — Быть может, он нам пригодится.

— Как?

— Помнишь, что я тебе говорил? *Отвлечь внимание.*Это будет очень кстати... — Стивен кивнул, соглашаясь с самим собой. — Он очень заметен. Все внимание будет сосредоточено на нем, а не на тебе.

— Ты хочешь, чтобы я взял его с собой? К охраняемому дому?

— Да, — подтвердил Стивен.

— Парень, мне нужны *колеса,* -стонал негр. — Выходи. Мне страшно плохо. Пожалуйста, помоги. У меня начинается ломка. Открывай, мать твою! — он что есть силы пнул ногой дверь. — Ну пожалуйста. Джоди, ты там? Мать твою, где ты? Помоги мне!

Казалось, он плачет.

— Выйди на улицу, — приказал Стивен. — Скажи, что ты дашь ему таблетки, если он пойдет с тобой. Пусть он будет рыться в мусорных баках рядом с охраняемым домом, а ты тем временем наблюдай за входом. И все будет великолепно.

Джоди с удивлением посмотрел на него.

— Ты хочешь, чтобы я вышел к нему?

— Да. Выходи прямо сейчас.

— Может быть, пригласить его сюда?

— Нет, я не хочу, чтобы он меня увидел. Выйди к нему.

— Ну... хорошо. — Джоди приоткрыл дверь. — А что если он меня пырнет ножом?

— Ты только взгляни на него. Он же едва держится на ногах. Ты его завалишь одной левой.

— Похоже, у него СПИД.

— Успокойся.

— А если он меня задушит...

— Иди!

Собравшись духом, Джоди вышел на улицу.

— Эй, уймись, — обратился он к бродяге. — Что тебе нужно, черт побери?

Стивен следил за тем, как черный окинул Джоди безумным взглядом.

— Парень, говорят, ты торгуешь дерьмом. У меня есть бабки. Шестьдесят зеленых. Вот, посмотри. Мне плохо.

— Что тебе нужно?

— А что у тебя есть?

— Красные, бенни, декси, желтые полосатики, демми.

— Вот-вот, демми, как раз то, что надо. Я заплачу. У меня внутри все болит, мать твою. Меня избили. Куда я подевал деньги?

«Кошки» долго шарил по карманам, прежде чем до него дошло, что драгоценные двадцатки зажаты у него в левом кулаке.

— Но сначала ты должен кое-чем мне помочь, — предупредил его Джоди.

— Да, и что я должен делать? Кого-нибудь пришить?

— Нет! — в ужасе заверил его Джоди. — Ты поможешь мне пройтись по мусорным бакам.

— Это еще за каким хреном?

— Будем собирать пустые банки.

— Банки? — взревел «Кошки», ковыряясь в носу. — Твою мать, зачем тебе нужна эта мелочевка? Я только что отдал сто банок за то, чтобы узнать, где твоя задница! К черту банки. Парень, я плачу тебе деньги.

— Помоги мне собрать банки, и я дам тебе демми бесплатно.

— Бесплатно? — казалось, доходяга не понял. — Ты хочешь сказать, мне не нужно будет отдавать тебе деньги?

— Точно.

Черный ошеломленно оглянулся вокруг, словно ища, кто сможет ему что-либо объяснить.

— Жди здесь, — сказал Джоди.

— Где мне надо будет искать банки?

— Подожди здесь...

— Где? — не унимался тот.

Шагнув за дверь, Джоди бросил Стивену:

— Я его уговорил.

— Отлично сработано, — усмехнулся Колл.

Улыбнувшись в ответ, Джоди повернулся было к двери, но Стивен остановил его:

— Постой!

Маленький человечек застыл на месте.

— Я рад, что познакомился с тобой, — вдруг выпалил Стивен.

— И я тоже рад, — поколебавшись, Джоди протянул руку. — Партнер.

— Партнер, — эхом откликнулся Стивен.

Он ощутил непреодолимое желание снять перчатку, ощутить прикосновение к руке Джоди. И все же сдержался. Мастерство должно быть на первом месте.

Глава двадцать четвертая

Час 25-й из 45

Споры были жаркими.

— По-моему, ты не прав, Линкольн, — говорил Лон Селитто. — Нам необходимо срочно перевезти свидетелей в другое место. Если мы оставим их в том охраняемом доме. Танцор совершит новое нападение.

К обсуждению присоединились новые люди. Прокурор Редж Элиополос не показывался до поры до времени, но Томас Перкинс, специальный агент ФБР из манхэттенского отделения, ведущий это дело, присутствовал лично, представляя федеральную службу. Райм жалел о том, что куда-то пропал Деллрей. Сакс тоже отсутствовала, но она в составе объединенного отряда местной и федеральной полиции осматривала заброшенные станции метро. Пока что не удалось обнаружить никаких следов Танцора и его спутника.

— Я решительно выступаю за активные действия, — заявил Перкинс. — Мы не исчерпали своих возможностей. — Специальный агент пришел в ужас, узнав, что Танцору потребовалось лишь восемь часов на то, чтобы узнать, где содержатся свидетели, и подобраться на расстояние вытянутой руки к замаскированной двери пожарного выхода. — Полагаю, необходимо перевезти свидетелей в другое место. Я получил нагоняй от очень больших начальников. В том числе из самого Вашингтона. Все требуют обеспечить полную безопасность свидетелей.

— Нет, — твердо произнес Райм. — Их надо оставить там, где они есть.

— Давайте правильно обозначим приоритеты, — не сдавался Перкинс. — Думаю, в этом случае ответ будет очевиден. Свидетелей необходимо перевезти в другое место.

— Танцор все равно придет, чтобы с ними расправиться, — твердо стоял на своем Райм. — Неважно, в этот охраняемый дом или куда-то в другое место. Но здесь мы уже освоились, кроме того. Танцор частично раскрыл нам свои карты. К тому же, вокруг здания скрытые посты.

— Это, безусловно, важное обстоятельство, — согласился Селитто.

— Танцор сейчас в растерянности.

— Это еще почему? — удивился Перкинс.

— Понимаете, в настоящий момент он тоже ломает голову, спорит с самим собой.

— Вы уверены?

— Готов поспорить, — сказал Райм, — он пытается предугадать *наши*действия. Если мы решим оставить наших подопечных там, где они есть, его действия должны быть одними. Если мы будем перевозить их на новое место, я думаю, Танцор считает, что мы поступим именно так, скорее всего, он попытается нанести удар по дороге. А какой бы сильной ни была охрана при транспортировке, она все равно не так надежна, как охрана здания. Нет, нам необходимо не трогать свидетелей и готовиться к следующему шагу Танцора. Мы должны предвосхитить его и принять соответствующие меры. В прошлый раз...

— В прошлый раз был убит один из наших сотрудников.

— Если бы Иннельман был не один, он остался бы жив! — отрезал Райм.

Перкинс, в первую очередь заботящийся о чистоте мундира своего ведомства, тем не менее был человеком рассудительным. В конце концов он кивнул, соглашаясь с Раймом.

"Но *прав*ли я? — терзался криминалист. — О *чем*думает Танцор? Известно ли мне это?

О, я могу, бросив один взгляд на молчаливую спальню или грязный переулок, прочесть историю того, как они были превращены в место преступления. По капле крови на ковре или каменной плите я могу определить, какой смертью погибла жертва. Взглянув на пылинку, оставленную убийцей, я пойму, откуда он пришел.

Я могу ответить, кто; я могу ответить, почему.

Но что *собирается*предпринять Танцор?

Я могу только предполагать; твердой уверенности нет".

В дверях появился один из полицейских, дежуривших у входа. Передав конверт, он вернулся на пост.

— Это еще что такое? — насторожился Райм.

Никаких сообщений из лабораторий криминалист не ждал; в то же время ему было хорошо известно умение Танцора подбрасывать бомбы.

Однако в этом тонком конверте мог поместиться лишь листок бумаги, к тому же, он пришел из ФБР. Том вскрыл конверт.

— Это из технического отдела. Там установили происхождения песка.

— К настоящему делу это не имеет отношения, — объяснил Перкинсу Райм. — Речь идет об агенте, исчезнувшем несколько дней назад.

— О Тони? — оживился тот. — У нас до сих пор нет никаких наводок.

Райм прочел ответ.

«Представленный на анализ образец не является песком в строгом смысле. Это частицы кораллов с примесью остатков скелетной иглы морских червей, раковин брюхоногих моллюсков и фораминифер. Наиболее вероятное место происхождения — коралловые рифы северной части Карибского моря: Куба, Багамские острова».

Острова Карибского моря... Любопытно. Что ж, придется на время положить эту информацию на полку. А после того, как Танцор будет схвачен, они с Амелией смогут вернуться к...

В наушниках раздался громкий щелчок.

— Райм, ты здесь? — послышался резкий голос Сакс.

— Да! Сакс, где ты? Что у тебя?

— Мы на улице у заброшенной станции метро, расположенной рядом с ратушей. Станция заколочена. Техническое наблюдение утверждает, что внутри кто-то есть. Один человек, возможно, двое.

— Отлично, Сакс, — при мысли о том, что они, вероятно, подошли к Танцору вплотную, у Райма бешено забилось сердце. Криминалист повернулся к Селитто и Перкинсу. — Похоже, нам не придется решать, перевозить или не перевозить свидетелей.

— Нашли? — спросил детектив.

Но Райм, в первую очередь ученый, не решился высказать вслух свои надежды. Опасаясь сглазить успех операции — точнее, сглазить Сакс.

— Скрестим пальцы, — пробормотал он.

* * *

Бойцы спецназа бесшумно окружили покинутую станцию. Амелия Сакс пришла к заключению, что, скорее всего, именно здесь живет новый знакомый Танцора. Служба наблюдения, опросив местных бродяг, установила, что на станции поселился наркоман, торгующий таблетками. Этот человек был щуплого телосложения, что соответствовало обуви восьмого размера.

Станция практически в буквальном смысле представляла собой дыру в стене. Много лет назад на смену ей пришла новая красивая станция, расположенная в нескольких кварталах отсюда, у здания городской ратуши.

Отряд 32-Е занял исходные позиции. Служба наружного наблюдения развернула чувствительные микрофоны и тепловизионные камеры. Полиция очистила улицу от машин и бродяг, сидящих на тротуарах и в подъездах зданий.

Командующий операцией отослал Сакс подальше от главного входа, вывел ее из-под огня. Молодой женщине поручили задачу третьестепенной важности: следить за вторым выходом со станции, забранным решеткой, запертой на замок, которую не открывали уже несколько лет. У Сакс мелькнула мысль, что Райм попросил Боу Хауманна проследить за ее безопасностью. Злость на себя, вызванная событиями вчерашнего вечера, несколько поутихшая за насущными делами по поискам Танцора, вспыхнула с новой силой.

— Гм, — заметила Сакс, кивая на ржавый замок, — отсюда он вряд ли появится.

— Необходимо охранять все выходы, — ответил спецназовец в маске, не обращая внимания на прозвучавший в ее голосе сарказм.

Развернувшись, он заспешил к своим товарищам.

Грязно-серое небо разразилось холодным дождем. Крупные капли громко забарабанили по асфальту.

Неужели Танцор там? Если да, не миновать перестрелки. Амелия не могла себе представить, что он сдастся без отчаянного сопротивления.

И она приходила в бешенство от того, что ей не придется в этом участвовать.

«Ты привык смотреть на свои жертвы в оптический прицел винтовки, находясь от них на расстоянии в полмили, — мысленно обращалась Сакс

к убийце. — Но как ты себя поведешь, ублюдок, в близком бою, под пулями? Эх, посмотреть бы тебе в глаза!»

У нее дома на каминной полке стояли десятки призов, завоеванных в соревнованиях по стрельбе: золоченные фигурки, целящиеся из пистолета. (Случайно или нет, все фигурки изображали мужчин, что безумно радовало Амелию Сакс.)

Спустившись по лестнице к самой решетке, молодая жен-Щина прижалась к стене.

Будучи в первую очередь криминалистом, она тщательно обследовала грязную дыру, втягивая носом зловоние мочи и гниющего мусора и солоноватый запах подземки. Осмотрев решетку, цепь и замок, она всмотрелась в темноту, но ничего не смогла разглядеть.

Где он?

И чем занята группа захвата? Почему возникла заминка?

Не успела Сакс мысленно задать этот вопрос, как в наушниках послышался ответ: сначала должно подойти подкрепление. Хауманн решил дополнительно вызвать еще двадцать бойцов спецназа и второй отряд 32-Е.

Нет, нет, нет! Так нельзя! Танцору достаточно будет только один раз выглянуть на улицу, не увидев ни машин, ни пешеходов, он сразу же все поймет.

И последует кровавая бойня... Неужели никто этого не понимает? Оставив оборудование для осмотра места преступления внизу, Сакс поднялась на улицу. Неподалеку находился хозяйственный магазин. Зайдя в него, Амелия купила две большие канистры бутана и одолжила у продавца шест для тента — стальной стержень длиной пять футов.

Спустившись к решетке. Сакс вставила шест в надпиленное звено и повернула его, натягивая цепь. Надев перчатки, она вылила жидкий бутан на металл, тотчас же покрывшийся слоем инея. (Амелия Сакс не зря несколько лет патрулировала Сорок вторую улицу. О кражах со взломом она узнала столько, что при необходимости смогла бы зарабатывать этим на жизнь.)

Когда вторая канистра опустела. Сакс схватила шест обеими руками и налегла на него всем своим весом. Охлажденный сжиженным газом металл стал очень хрупким. С тихим хрустом звено лопнуло. Подхватив

цепь прежде, чем она упала на ступени, Амелия осторожно положила ее на кучу прошлогодней листвы.

Петли были мокрыми от дождя, и все же Сакс хорошенько поплевала на них, обеспечивая смазку. Толкнув решетку внутрь, она выхватила из кобуры «Глок», думая: «С трехсот ярдов я в тебя промахнулась, но с тридцати обязательно попаду».

Разумеется, Райм бы этого не одобрил, но он ни о чем не узнает. Сакс на мгновение вспомнила прошлую ночь, то, как они лежали рядом. Но эта картина быстро исчезла. Как при движении со скоростью сто пятьдесят миль в час, сейчас у нее не было времени, чтобы сожалеть о пошедшей под откос личной жизни.

Пробежав по темному коридору, Амелия перепрыгнула через древний деревянный турникет и выбежала на платформу.

Не пробежав и двадцати футов, она услышала голоса.

— Я должен идти… ты понимаешь… что я говорю? Убирайся.

Белый, мужчина.

Неужели это Танцор?

Учащенное сердцебиение.

«Успокойся, — приказала Сакс. — Дыши ровно. Стрельба — это прежде всего дыхание».

(Но на аэродроме она задыхалась от страха.)

— Ты чё говоришь?

Другой голос, принадлежащий чернокожему мужчине. Какой-то жуткий. Амелии стало страшно.

— Да я достану бабки, достану. Целую кучу. Шестьдесят у меня уже есть, я тебе говорил? И я еще достану. Достану сколько нужно. У меня клевая работа, мать твою. Козлы меня выгнали оттуда. Я слишком много знал.

Оружие — это лишь продолжение твоей руки. Целься собой, а не оружием.

(Но вчера, на аэродроме, она совсем не целилась. Распластавшись на брюхе, будто перепуганный заяц, она палила в белый свет — самое бесполезное и опасное занятие для человека с огнестрельным оружием.)

— Ты понял? Я передумал, ясно? Оставь меня в покое… иди своей дорогой. Дам я тебе… эти демми.

— Ты не сказал, куда мы идем. Где будем искать банки? Сначала скажи. Где? Говори!

— Ты никуда не пойдешь. Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

Сакс начала медленно подниматься по лестнице.

«Определить цель, оценить обстановку, трижды нажать на курок. Вернуться в укрытие. Определить цель, при необходимости снова трижды нажать на курок. И опять в укрытие. Только не дрейфить», — думала она.

(Но на аэродроме она сдрейфила. Жуткая пуля просвистела у самого лица…)

«Забудь об этом. Сосредоточься».

Подняться еще на несколько ступеней…

— А теперь ты говоришь, что задарма я их не получу, так? Теперь ты говоришь, я должен платить, мать твою!

Самое тяжелое — это ступени. Колени, ее слабое место. Артрит, мать его…

— Вот. Здесь десяток демми. Забирай и проваливай.

— Десять таблеток. И мне не нужно ничего тебе платить?

Приближающиеся шаги.

Теперь Сакс почти могла выглянуть на станцию. Она приготовилась стрелять. Девочка, если он делает движение в любую сторону больше чем на шесть дюймов — стреляй. Забудь о правилах. Три выстрела в голову. Бах, бах, бах. Забудь о груди. Забудь…

Внезапно лестница исчезла.

— Аах…

Из глубины груди Сакс вырвался приглушенный крик. Она полетела вниз. Ступенька, на которую она поставила ногу, оказалась ловушкой. Опора была удалена, и бетонная плита едва держалась на двух картонных коробках из-под обуви. Под весом Сакс коробки смялись, и

она, потеряв равновесие, опрокинулась назад и покатилась вниз по лестнице. «Глок» вывалился из ее руки. Молодая женщина начала было кричать: «Десять-тринадцать, ответьте...», но тут заметила, что провод микрофона выдернут из рации.

Сакс больно ударилась спиной о бетон, налетев головой на опору перил. Оглушенная, она перекатилась на живот.

— О, чудненько, — послышался сверху голос белого.

— Кто там, мать его? — спросил черный.

Оторвав голову от пола. Сакс разглядела на лестнице два силуэта. Мужчины с любопытством смотрели на нее.

— Дерьмо! — выругался негр. — Мать твою! Что здесь происходит, мать твою?

Белый, подхватив бейсбольную биту, не спеша направился вниз.

«Со мной все кончено, — подумала Сакс. — Все кончено!»

Нож с выкидным лезвием остался у нее в кармане. Ей потребовались все до последней унции силы, чтобы вытащить из-под себя правую руку. Перекатившись на спину, молодая женщина потянулась в карман. Но было уже слишком поздно. Ухмыляясь, бродяга наступил ей на руку, пригвождая ее к полу.

«О господи, Райм, я все испортила. Жаль, что вчера не удалось как следует проститься... Прости... Извини...»

Сакс инстинктивно подняла руку, защищаясь от удара, пытаясь найти взглядом пистолет. Он отлетел слишком далеко.

Жилистая рука, жесткая, словно лапа хищной птицы, вытащила нож у нее из кармана. Отбросив его в сторону, коротышка выпрямился, беря биту поудобнее.

«Папа, — обратилась Сакс к своему покойному отцу, — здорово я здесь напортачила? Сколько правил нарушила?»

И тут же вспомнила: отец предостерегал ее, что на улице можно погибнуть, потеряв бдительность лишь на одну секунду.

— Ну а теперь расскажи мне, что ты здесь делала, — пробормотал белый, рассеянно помахивая битой, словно выбирая, что ломать в первую очередь. — Черт побери, кто ты такая?

— Ее зовут мисс Амелия Сакс, — сказал бездомный негр, и голос его почему-то прозвучал совсем не бездомным. Спустившись с лестницы, он быстро подошел к белому, ловко отбирая у него биту. — И если я не ошибаюсь, она пришла за тобой, дружок. Как и я.

Прищурившись, Сакс разглядела, что негр выпрямился, превращаясь в Фреда Деллрея. Огромный «Зиг-Зауэр», зажатый в его руке, был направлен на изумленного бродягу.

— Ты коп?

— ФБР.

— Проклятие! — сплюнул коротышка, с отвращением закрывая глаза. — Не везет так не везет, мать твою!

— Не-ет, — протянул Деллрей. — Везение не имеет к тебе никакого отношения. А сейчас я надену на тебя наручники, а ты не будешь сопротивляться. Если только пикнешь, тебе будет больно, очень больно, и много месяцев. Договорились?

* * *

— Фред, как тебе это удалось?

— Запросто, — пробормотал долговязый агент ФБР. Они с Сакс стояли перед входом на заброшенную станцию метро. Деллрей по-прежнему был в рванье; от грязи, которой он вымазался с ног до головы, изображая недели, проведенные на улицы, несло нестерпимым зловонием.

— Райм поведал мне о том, что приятель Танцора глотает таблетки и живет в метро, ну и я сразу понял, куда мне идти. Купил сумку пустых банок и переговорил с кем нужно. Получил точные указания, как найти особняк нашего друга.

Он кивнул в сторону входа в метро. Рядом стояла полицейская машина, на заднем сиденье которой сидел скованный Джоди. У него был жалкий растерянный вид.

— Почему ты не поставил нас в известность?

Ответом ей был смех. Сакс знала, что вопрос ее бесполезный. Тайные агенты редко посвящают в свои замыслы кого бы то ни было, в том числе коллег-полицейских и особенно начальство. Ник, ее бывший возлюбленный, также был тайным агентом, и в его жизни было чертовски много такого, о чем она понятия не имела.

Сакс потерла ушибленный бок. Боль была невыносимой, и врачи потребовали, чтобы она сделала рентгеновский снимок. Подойдя к Деллрею, молодая женщина сжала его бицепс. Она всегда чувствовала себя неловко, *принимая*благодарность, в этом они с Раймом были одинаковы, но сейчас слова признательности слетели с уст сами собой:

— Ты спас мне жизнь. Если бы не ты, моей заднице пришлось бы плохо. Что я могу еще сказать?

Деллрей пожал плечами, отмахиваясь от благодарности, и пошел стрелять сигарету у полицейских в форме, стоящих перед закрытым входом на станцию. Понюхав «Мальборо», он засунул сигарету себе за ухо.

— Пожалуйста, — вздохнув, сказал он, глядя на заколоченное окно, ни к кому не обращаясь, — нам не помешает немного везения.

Джо Д'Офорио, бесцеремонно усаженный в полицейскую машину, рассказал, что Танцор ушел всего десять минут назад, поднялся по лестнице и скрылся в боковом тоннеле. Джоди, таким было прозвище коротышки, не имел понятия, куда направился его приятель. Танцор ушел внезапно, прихватив пистолет и рюкзак. Хауманн и Деллрей направили своих людей осматривать заброшенную станцию, тоннели и ближайшие действующие станции метро и сейчас ожидали результатов поисков.

— Пошли...

Через десять минут в дверях станции появился боец спецназа. Сакс и Деллрей с надеждой повернулись к нему, но он покачал головой.

— Потеряли его след через сто футов. Никаких улик, указывающих на то, куда он скрылся.

Вздохнув, Сакс с неохотой передала эту информацию Райму и спросила, следует ли ей осматривать тоннели и соседние станции.

Как она и ожидала, криминалист воспринял это известие с раздражением.

— Проклятие, — пробормотал он. — Нет, займись только той станцией, на которой они были. В остальных местах ходить по методу «решетки» бесполезно. Черт побери, как ему это *удается?*У него словно есть шестое чувство, мать его.

— Что ж, — сказала Сакс, — по крайней мере, у нас есть свидетель.

И тотчас же пожалела об этом.

— Свидетель? — желчно бросил Райм. — Свидетель! Мне *не нужны*свидетели. Мне нужны улики! Ладно, все равно тащи его сюда. Послушаем, что он нам скажет. Но, Сакс, я хочу, чтобы ты прошлась по этой станции так, как еще никогда не осматривала место преступления. Ты меня слышишь? Сакс, где ты? Ты меня слышишь?

Глава двадцать пятая

Час 25-й из 45

— Ну, что там у нас? — спросил Райм, нежно прикасаясь губами к мундштуку управления и продвигая «Штормовую стрелу» вперед.

— Куча мусора, — презрительно бросил Фред Деллрей, вымытый и в форме, если можно было назвать формой ярко-зеленый костюм. — Ха-ха-ха. Молчи. Ни слова до тех пор, пока мы тебя не попросим.

Он устремил на Джоди устрашающий взгляд.

— Вы меня обманули!

— Молчи, тощий скелет.

Райм был недоволен тем, что Деллрей предпринял самостоятельные действия, но такова работа тайного агента. И хотя криминалист не вдавался в ее тонкости, он вынужден был признать, и нынешний случай был тому подтверждением, что иногда она приносит плоды.

К тому же, Деллрей спас Амелию Сакс.

Она будет здесь с минуты на минуту. Врачи отвезли ее в больницу на рентген. Как выяснилось, все кости остались целы, Сакс отделалась одними синяками. Райм был расстроен тем, что вчерашний разговор не произвел на нее никакого впечатления; она пошла на Танцора в одиночку.

Проклятие, она такая же упрямая, как он сам.

— Я вовсе не собирался никого бить, — жалобно заскулил Джоди.

— У тебя плохо со слухом? Я сказал, ни слова.

— Я понятия не имел, кто она такая!

— Ага, — подхватил Деллрей, — а серебряный полицейский значок у нее оказался совершено случайно.

Но тут он вспомнил, что не желает слушать бродягу. К Джоди подошел Селитто.

— Расскажи нам про своего друга.

— Он мне не друг. Он меня похитил. Я попал в то здание на Тридцать пятой...

— Чтобы натырить таблеток. Знаем, знаем.

— Как вы... — изумленно заморгал Джоди.

— Нам на это наплевать. По крайней мере, пока. Продолжай.

— Я принял его за копа, но он сказал, что собирается кого-то убить. Я решил, что он и меня тоже убьет. Ему нужно было смыться оттуда, и он велел мне стоять спокойно. Потом в дверь вошел тот полицейский, или кто это был, и тогда он ударил его ножом...

— И убил, — бросил Деллрей.

Джоди подавлено вздохнул.

— Я не знал, что он собирается его убить. Я думал, он просто хочет его оглушить или что там еще.

— Знай, осел, — все больше и больше заводился Деллрей, — он его *убил*.Убил, мать твою!

Селитто взглянул на улики, добытые на заброшенной станции: замусоленные порножурналы, пачки таблеток, грязная одежда. Новый сотовый телефон. Пачка денег. Он снова повернулся к Джоди.

— Продолжай.

— Он сказал, что заплатит мне, если я помогу ему выбраться оттуда, и я провел его по тоннелю в метро. А как *вы*меня нашли? — с любопытством посмотрел на Деллрея маленький бродяга.

— А ты поменьше шатайся по улице, предлагая свои таблетки кому попало. Я даже узнал, как тебя *зовут*.Го-осподи, ну ты и остолоп! Надо бы зажать тебе горло и не отпускать до тех пор, пока ты не посинеешь.

— Вы не имеете права меня бить, — нахохлился Джоди. — Я знаю свои права.

— Кто нанял того человека? — обрушился на него Селитто. — Он упоминал фамилию Хансен?

— Он ничего не говорил, — голос Джоди дрогнул. — Послушайте, я согласился помочь ему только потому, что в противном случае он бы меня прикончил. Я этого боялся, — Он повернулся к Деллрею. — Еще этот человек хотел, чтобы я взял в помощники вас. Но как только он ушел, я сразу же сказал вам, чтобы вы уходили. Я собирался пойти в полицию и все рассказать. *Честное слово*.Этот тип меня напугал. Мне было страшно!

— Фред? — спросил агента Райм.

— Ну да, — неохотно подтвердил тот, — он действительно переменил песню. Стал гнать меня. Правда, о том, чтобы идти в полицию, не было ни слова.

— Куда он ушел? Что он от тебя хотел?

— Я должен был рыться в мусорных баках перед тем особняком и следить за машинами. Он сказал мне, что из дома выйдут мужчина и женщина. Они сядут в машину и уедут, а я должен был запомнить, в какой машине, и позвонить ему вот по этому телефону. Тогда он поехал бы за ними следом.

— Ты был прав, Линкольн, — сказал Селитто. — Насчет того, что их лучите оставить в охраняемом доме. Танцор замыслил совершить нападение во время переезда.

— Я собирался прийти к вам... — продолжал Джоди.

— Слушай, когда ты врешь, от тебя нет никакого толку. Есть у тебя хоть капля собственного достоинства?

— Послушайте, я *правда*собирался прийти, — сказал бродяга уже спокойнее. Он улыбнулся. — Я надеялся, что мне дадут награду.

Заглянув в его алчные глаза, Райм решил, что готов поверить Джоди. Он посмотрел на Селитто, ответившего кивком.

— Если ты будешь нам помогать, — проворчал полицейский, — мы, возможно, не станем упекать тебя в каталажку. А вот насчет денег ничего не могу обещать. Может, будут и деньги.

— Я никогда никого не обижал. Я…

— Придержи язык, — оборвал его Деллрей. — Кажется, мы об этом договорились, так?

Джоди закатил глаза.

— Договорились? — зловещим голосом прошептал агент.

— Да-да-да.

— Нам нужно действовать быстро, — заметил Селитто. — Когда ты должен быть возле особняка?

— В половине первого. Осталось пятьдесят минут.

— Какая у него машина?

— Не знаю.

— Как он выглядит?

— Лет тридцать — тридцать с небольшим. Невысокий. Но очень сильный. Боже, ну у него и мышцы! Коротко остриженные темные волосы. Круглое лицо. Послушайте, я готов составить его портрет. Ну, как там его… фоторобот.

— Он называл тебе свое имя? Говорил что-нибудь о себе? Откуда он родом?

— Ничего не говорил. Акцент у него южный. Да, вот еще что, он сказал, что постоянно носит перчатки, потому что уже отметился у вас.

— Где и за что он арестовывался? — оживился Райм.

— Где не знаю. За убийство. Он сказал, что убил какого-то типа в своем родном городе. Еще когда был подростком.

— Что еще? — рявкнул Деллрей.

— Послушайте, — заявил Джоди, скрещивая руки на груди и глядя тому прямо в глаза. — Согласен, за мной водятся грешки, но я в жизни своей никого не обидел. Этот тип похитил меня, угрожал своими пистолетами, и я испугался. Мало ли что у него на уме… Думаю, на моем месте вы поступили бы также. Но я все вам рассказал. Хотите арестовать меня, пожалуйста, дело ваше. Но только я больше не скажу ни слова. Понятно?

Зловещее лицо Деллрея внезапно расплылось в улыбке.

— Что ж, и камни раскалываются.

Вошедшая в комнату Амелия Сакс мельком взглянула на Джоди.

— Скажите им! — воскликнул тот. — Я не сделал вам ничего плохого. Скажите им.

Молодая женщина посмотрела на него так, как смотрят на комок изжеванной жевательной резинки.

— Он собирался размозжить мне голову бейсбольной битой.

— Нет-нет, вовсе нет!

— Сакс, как ты?

— Еще один синяк, только и всего. На спине. Точнее, чуть пониже.

Селитто, Сакс и Деллрей окружили Райма. Криминалист вкратце пересказал молодой женщине то, что сообщил Джоди.

Детектив шепотом спросил Райма:

— Мы ему верим?

— Похоже, он не врет, — пробормотал Деллрей. — По-моему, наш малыш говорит свя-ятую правду.

Сакс кивнула.

— Согласна. Но, думаю, нам в любом случае нужно держать его на коротком поводке. Селитто был того же мнения.

— О, далеко мы его не отпустим.

Райм тоже неохотно согласился. Он не видел возможности как-то попытаться опередить Танцора, не воспользовавшись помощью маленького наркомана. Несмотря на то, что криминалист настойчиво требовал оставить Перси и Хейла в охраняемом доме, на самом деле он не знал *наверняка,*что Танцор попытается нанести удар во время переезда на новое место. Райм только склонялся к такому предположению. Но он мог принять решение о транспортировке Перси и Хейла на новое место, и Танцор убил бы их по дороге.

От напряжения у него свело челюсть.

— Линкольн, что, по-твоему, нам следует предпринять? — спросил Селитто.

Но в данном случае предстоял не анализ загадочных улик, а операция по задержанию. Райм посмотрел на Деллрея, вытащившего из-за уха незажженную сигарету и задумчиво нюхавшего ее. Наконец агент сказал:

— Пусть наш остолоп позвонит Танцору и попытается выудить у него столько информации, сколько сможет. Мы пустим подставную машину, и Танцор пойдет по следу. Машину мы набьем нашими ребятами. Резкая остановка, зажимаем его с двух сторон и берем тепленьким.

Райм неохотно кивнул. Ему было хорошо известно, сколько опасностей таит операция по задержанию вооруженного преступника на людной улице.

— Мы сможем выманить его из центра?

— Если поехать в сторону Ист-Ривер, — предположил Селитто, — там много пустырей. Заброшенные автостоянки и все прочее. Можно будет сделать вид, что мы пересаживаем наших свидетелей в другую машину.

Все согласились, что это будет наименее опасный сценарий.

Селитто кивнул в сторону Джоди.

— Если он поможет нам взять Танцора у гроба... надо будет его как-нибудь отблагодарить, а? — шепнул он.

— Преступный сговор, подготовка к преступлению, соучастие, — напомнил Райм. — Ладно, дадим ему денег.

— Черта с два! — буркнул Деллрей, хотя обычно он был наоборот известен своей щедростью к осведомителям, работавшим на него. — Ну хорошо, хорошо. Выпишем счет на двоих в зависимости от того, насколько жадным окажется наш крысеныш.

Селитто подозвал Джоди.

— Итак, предлагаем договор. Ты помогаешь нам, звонишь ему, *и*мы его берем, тогда мы снимаем с тебя все обвинения, и ты получаешь премиальные.

— Сколько? — оживился Джоди.

— Эй, остолоп, ты не в том виде и не в той форме, чтобы ставить свои условия.

— Мне нужны деньги, чтобы пройти курс лечения от наркотиков. Не хватает еще десять тысяч. Вы сможете помочь?

Селитто переглянулся с Деллреем.

— По-моему, у вас есть фонд оплаты осведомителей, так?

— Можно будет его навестить, — подтвердил агент, — если ваша контора пойдет с нами в пополаме.

— Вы правда дадите мне деньги? — едва сдержал улыбку Джоди. — В таком случае я сделаю для вас все, что скажете.

Райм, Селитто и Деллрей принялись вполголоса обсуждать план действий. Командный пункт решили установить на верхнем этаже охраняемого дома; там же будет Джоди с телефоном. Перси и Хейл останутся на главном этаже под охраной спецназовцев. Джоди позвонит Танцору и скажет, что два человека только что вышли из дома, сели в фургон и уезжают. Фургон медленно направится по запруженным транспортом улицам к заброшенной автостоянке в Ист-сайде. Танцор поедет следом. Брать его будут на стоянке.

— Ну хорошо, теперь за дело, — сказал Селитто.

— Подождите, — воскликнул Райм. Все остановились и повернулись к нему. — Мы забыли самое важное.

— Что?

— Амелия произвела осмотр места преступления в метро. Я хочу ознакомиться с тем, что она нашла. Возможно, это расскажет нам, как именно намеревается нанести удар Танцор.

— Линкольн, нам *известно,*как он собирается нанести удар, — сказал Селитто, кивая в сторону Джоди.

— Уважьте старого калеку, хорошо? Итак, Сакс, показывай, что у нас есть.

* * *

Червь.

Стивен передвигался пустынными переулками, ездил на автобусах, обманывая полицейских, которых он видел, и невидимого Червя.

Червя, следящего за ним из каждого окна каждого дома на каждой улице. Червя, подбирающегося к нему все ближе и ближе.

Стивен размышлял о Жене и Друге, размышлял о задании, о том, сколько у него осталось патронов, будут ли его цели в бронежилетах, с какого расстояния стрелять, использовать ли ему глушитель или нет.

Но делал он это автоматически. Стивен задумывался над этим не больше, чем над своим дыханием, сердцебиением, скоростью крови, циркулирующей по телу.

Сознательные его мысли были связаны с Джоди.

Чем этот человечек так его очаровал?

Твердо ответить на этот вопрос Стивен не мог. Возможно, тем, что он жил сам по себе и при этом, похоже, не страдал от одиночества. Возможно, тем, что носил с собой эту брошюру и искренне надеялся выбраться из пропасти, в которую опустился. А может быть, тем, что не струсил, когда Стивен приказал ему встать напротив двери, рискуя получить пулю.

Стивену было как-то не по себе. Он…

«Солдат, что ты чувствуешь?»

«Сэр, я…»

«Тебе не по себе, солдат? Что, мать твою, значит „не по себе“? Ты что, распустил нюни?» «Никак нет, сэр, не распустил».

Еще не поздно изменить план. Есть и другие возможности. Полно других возможностей.

И снова Стивен думал о Джоди. О том, что он ему сказал. Черт побери, быть может, они действительно *смогут*выпить кофе после того, как все останется позади.

Они пойдут в кафе. Все будет как тогда, когда Стивен разговаривал с Шейлой, но только на этот раз это будет по-настоящему. И он будет пить не похожий на мочу чай, а кофе, черный кофе без молока, такой, какой варила по утрам для отчима Стивена его мать: вода кипит ключом ровно шестьдесят секунд, строго две и три четверти чайных ложек на чашку, ни *одной*просыпанной пылинки черного порошка.

А почему они не смогут отправиться на охоту, на рыбалку?

Посидеть вечером у костра…

Можно позвонить Джоди и отменить задание. Он расправится с Женой и Другом сам, без посторонней помощи.

"Солдат, отменить задание? О чем ты *говоришь?"*

«Сэр, я только рассматриваю все особенности предстоящего нападения, как меня учили».

Выйдя из автобуса, Стивен прошмыгнул в переулок за пожарной частью на Лексингтон-авеню. Засунув сумку за мусорный бак, он достал из-за пазухи из ножен нож.

Джоди, Джо Ди…

Стивен снова мысленно представил тонкие руки, взгляд…

И я тоже рад, что встретил тебя, партнер…

Вдруг Стивен поежился. Как тот раз в Боснии, когда ему пришлось прыгать в ручей, чтобы не быть схваченным повстанцами. Дело было в марте, и вода оказалась ледяной.

Закрыв глаза, он прижался щекой к кирпичной стене, вдыхая запах влажного камня.

Джоди…

«Солдат, мать твою, что здесь происходит?»

«Сэр, я…»

«Что?»

«Сэр… э…»

«Ну, вываливай! Живо, солдат!»

«Сэр, я пришел к заключению, что противник предпринял попытку психологической войны. Попытка оказалась неудачной, сэр. Я готов действовать согласно намеченному плану».

«Отлично, солдат. Но смотри, чтобы больше никаких „не по себе!“»

Открыв заднюю дверь пожарной части и проскользнув внутрь, Стивен понял, что изменения планов не будет. Замысел великолепен, и нельзя

отказываться от него, особенно поскольку существует возможность расправиться не только с Женой и Другом, но заодно и с Линкольном-Червем и рыжеволосой полицейской.

Стивен сверился с часами. Джоди займет позицию через пятнадцать минут. Он позвонит Стивену. Стивен ответит и в последний раз услышит его высокий голос.

А затем нажмет клавишу передачи, и произойдет взрыв двенадцати унций циклонита, запрятанных в телефон Джоди.

Отвлечь внимание… изолировать… уничтожить…

У него действительно нет выбора.

К тому же, подумал Стивен, о чем им говорить? Что делать после того, как они допьют кофе?

Часть четвертая

Обезьянья хватка

Со способностью соколов заниматься воздушной акробатикой и совершать обманные движения сравнится только клоунада воронов; но те, создается впечатление, летают просто для того, чтобы получать от этого дьявольское наслаждение.

Стефан Бодио, «Страсть к соколам»

Глава двадцать шестая

Час 26-й из 45

Ожидание.

Райм остался один. Лежа в своей кровати, он слушал переговоры на полицейской частоте. Криминалист смертельно устал. Миновал уже воскресный полдень, а он еще практически не спал. Но больше всего его вымотал непрерывный поединок умов с Танцором. Этот поединок истощил не только эмоциональные, но и физические силы Райма.

Купер остался внизу в лаборатории. Он проводил эксперименты, призванные подтвердить предположения Райма относительно последних планов Танцора. Все остальные, в том числе и Амелия Сакс, уехали в охраняемый дом. Как только криминалист, Селитто и Деллрей решили, как противодействовать следующему шагу Танцора, Том измерил Райму давление и с родительской беспрекословностью настоял

на том, чтобы шеф лег в кровать, не принимая никаких возражений. В лифте Райм непривычно для себя молчал, с тревогой гадая, верны ли его предположения.

— Что-нибудь случилось? — спросил Том.

— Ничего. А что?

— Вы ни на что не жалуетесь. Не ворчите и не ругаетесь, а это значит, что-то не в порядке.

— Ха! Очень забавно, — буркнул Райм.

Том перенес его в кровать, выполнил гигиенические процедуры, а затем удалился, оставив криминалиста одного. Перед уходом Том надел ему на голову наушники с микрофоном, и несмотря на усталость Райм проделал сложную процедуру, голосом заставив компьютер настроиться на полицейскую частоту.

Эта система — *действительно*поразительное изобретение. Да, он не стал хвалиться ей перед Селитто и Бэнксом. Да, он постоянно на нее ворчит. Но именно это устройство, в большей степени, чем кто-либо из его помощников, позволило Райму по-новому взглянуть на свое состояние. За несколько лет он уже успел смириться с мыслью, что его жизнь никогда не станет даже похожей на жизнь нормального человека. А теперь с этим компьютером и программным обеспечением Райм *чувствовал*себя таким же, как все.

Повернув головой, он снова опустил ее на подушку.

Ожидание.

Райм старался не думать о том, что было вчера вечером у них с Сакс.

Его внимание привлекло какое-то движение. К окну подлетел сокол-сапсан. Райм увидел мелькнувшую белую грудь, и тут же птица, повернувшись к нему спиной, уставилась в сторону Центрального парка. Это был самец. Как сказала Перси Клэй, меньшего размера и менее беспощадный, чем самка. Криминалист вспомнил кое-что еще. Соколы буквально воскресли из мертвых. Не так давно, вследствие применения пестицидов, популяция в восточной части Северной Америки стала бесплодной и начала вымирать. Лишь искусственное разведение и контроль за пестицидами позволил спасти птиц от полного исчезновения.

Воскресли из мертвых...

Радио ожило. Это была Амелия Сакс. Она рассказала Райму о том, что происходит в охраняемом доме.

— Мы на верхнем этаже. С нами Джоди. Подожди... Вот и машина.

В качестве приманки использовался бронированный полноприводной фургон с тонированными стеклами, в котором затаились четыре спецназовца. За ним должен был следовать другой, с двумя, с виду рабочими по ремонту водопровода. В действительности это были переодетые бойцы отряда 32-Е. Еще четверо прятались в кузове.

— Подставные спустились вниз. Хорошо... поняла. Роли свидетелей должны были исполнять двое сотрудников отдела Хауманна.

— Они спускаются, — сказала Сакс.

Райм очень надеялся на то, что Танцор, приняв решение нанести удар во время транспортировки, сейчас не сидит на крыше одного из соседних домов со снайперской винтовкой. И все-таки он поймал себя на том, что затаил дыхание.

— Побежали... Щелкнув, рация умолкла.

Новый щелчок. Треск электрических разрядов. Голос Селитто.

— Они в машине. Пока все в порядке. Тронулись. Машины сопровождения готовы.

— Хорошо, — сказал Райм. — Где Джоди?

— Здесь. В охраняемом доме, рядом с нами.

— Пусть звонит.

— Хорошо, Линк. Иду к нему.

Рация снова умолкла. Ожидание.

Допустил ли ошибку Танцор на этот раз? Удалось ли Райму одержать победу над его блестящим безжалостным умом? Ожидание.

* * *

Телефон Стивена запищал. Он раскрыл аппарат.

— Да.

— Привет, это я. Это…

— Понял, — ответил Стивен. — Не надо имен.

— Ну да, конечно, — маленький бродяга нервничал, словно загнанный в угол енот. Он помолчал. — Ну, я на месте.

— Хорошо. Тот негр с тобой?

— Ну… да, он тоже здесь.

— А ты где находишься? Где именно?

— Напротив того особняка. Господи, тут полно копов. Но на меня никто не обращает внимания. Только что подъехал фургон. Такой, полноприводной, как джип. Большой. «Юкон». Синего цвета, следить за таким будет легко, — от волнения Джоди начал заикаться. — В-все прекрасно. У него т-тонированные стекла.

— Это означает, они пуленепробиваемые.

— А! Понятно. Здорово, что ты во всем этом разбираешься. «А ты сейчас умрешь», — мысленно сказал ему Стивен.

— Из переулка выбежали мужчина и женщина в сопровождении копов, не меньше десятка. Я уверен, это они.

— Не подсадные?

— Нет, они совсем не похожи на копов. Испуганно озираются по сторонам. Ты на Лексингтон?

— Точно.

— В машине? — спросил Джоди.

— Конечно, в машине, — ответил Стивен. — Пришлось угнать какую-то япошку, настоящее дерьмо. Я поеду за ними, дождусь, когда они окажутся где-нибудь в безлюдном месте, и тогда буду действовать.

— Как?

— Что как?

— Как будешь действовать? Ну, взорвешь гранату, или будешь стрелять из пулемета?

Стивен задумался. «Зачем тебе это нужно?»

— Не знаю. Посмотрю по обстоятельствам, — произнес он вслух.

— Ты их видишь? — беспокойно произнес Джоди.

— Вижу, — подтвердил Стивен. — Трогаюсь следом. Вливаюсь в транспортный поток.

— Значит, япошка? — переспросил Джоди. — Что-то вроде «Тойоты», да?

«Ах ты мелкий предатель!» — с горечью подумал Стивен, глубоко раненный изменой, несмотря на то что он знал наперед, как все произойдет.

Стивен действительно видел, как мимо пронеслись «Юкон» и машины сопровождения. Однако он находился не в дерьмовой японской машине или какой еще. Он вообще находился не в машине. Облаченный в только что украденную форму пожарного, Стивен стоял на углу улицы ровно в ста футах от охраняемого дома, наблюдая за действительным ходом событий и слушая фантазии Джоди. Он знал, что в фургоне уехали подставные люди. Значит, Жена и Друг остаются в охраняемом доме.

Стивен взял в руку дистанционный пульт, похожий на рацию, но не имеющий ни микрофона, ни наушников. Настроившись на частоту бомбы в сотовом телефоне Джоди, он взвел взрыватель.

— Жди меня, — сказал Стивен.

— Есть! — рассмеялся Джоди. — Слушаюсь, сэр!

* * *

Линкольн Райм превратился в зрителя, в стороннего наблюдателя. Слушая переговоры на полицейской частоте, он молил Бога о том, чтобы его предположения оказались верными.

— Где фургон? — услышал он вопрос Селитто.

— Проехал два квартала, — ответил Хауманн. — Мы не выпускаем его из виду. Он медленно выезжает на Лексингтон-авеню. Вливается в поток... Подожди...

Последовала долгая пауза.

— В чем дело?

— У нас две японки. «Ниссан» и «Субару». Еще «Тойота», но в ней трое. «Ниссан» сел фургону на хвост. Возможно, это Танцор. Заглянуть в салон не удается.

Линкольн Райм закрыл глаза. Безымянный палец левой руки, единственный, подвластный его мозгу, нервно застучал по матрацу.

* * *

— Алло? — сказал Стивен.

— Да, я слушаю, — ответил Джоди.

— Ты по-прежнему напротив дома?

— Верно.

Стивену хорошо была видна вся улица. Ни Джоди, ни негра там не было.

— Я хочу кое-что тебе сказать.

— Ты о чем? — спросил маленький бродяга.

Стивен словно снова ощутил электрический разряд, пронзивший его тело, когда его колено прикоснулось к колену Джоди.

«Я не могу».

«Солдат!»

Стивен стиснул в левой руке пульт дистанционного управления детонатором.

— Слушай внимательно.

— Слушаю. Я...

Стивен нажал кнопку.

Взрыв оказался на удивление громким. Даже громче, чем ожидал Стивен. Задребезжали стекла, в воздух поднялись миллионы голубей. Из окна на верхнем этаже охраняемого дома на улицу брызнули осколки и обломки рамы.

Все оказалось даже лучше, чем он надеялся. Стивен ожидал, что Джоди будет *рядом*с охраняемым домом. Возможно, в полицейской машине у подъезда. Или в переулке. Невиданная удача! Джоди оказался *внутри!*

Интересно, кто еще погиб при взрыве?

Стивен молил Бога о том, чтобы смерть забрала с собой Линкольна-Червя.

Быть может, еще и рыжеволосую полицейскую?

Взглянув на охраняемый дом, Стивен увидел, как из разбитого окна повалили клубы дыма.

Итак, еще несколько минут, и к нему присоединятся остальные бойцы его команды.

Зазвонил телефон, и Райм приказал компьютеру отключить рацию и ответить на звонок.

— Да.

— Линкольн, — это был Лон Селитто. — Я звоню по сотовому. Мы решили освободить специальную частоту.

— Хорошо. Продолжай.

— Он взорвал бомбу.

— Знаю.

Райм слышал взрыв. От его особняка до охраняемого дома было мили две, но стекла задрожали, а соколы, сорвавшись с подоконника, медленно сделали большой круг, недовольные шумом.

— Все целы?

— Остолоп едва не наложил от страха в штаны. Я говорю о Джоди. А так все в порядке. Вот только федералы изрядно попортили свой дом. Уже начинают жаловаться по этому поводу.

— Передай им, в этом году мы заплатим налоги пораньше.

На мысль о бомбе в сотовом телефоне Райма навели крохотные стружки полистерона, обнаруженные Сакс на заброшенной станции метро. Стружки, а также микроскопические частицы пластической взрывчатки, несколько отличающейся по составу от той, что взорвалась в квартире Шейлы Горовиц. Райм просто сопоставил стружки с телефоном, который дал Джоди Стивен, и понял, что кто-то откручивал винты и открывал корпус.

Но зачем? Райм смог найти только одно логическое объяснение, и были вызваны специалисты по взрывным устройствам. Два взрывника, обезвредив бомбу, извлекли из телефона большую колбаску пластида и детонатор, а затем установили тот же детонатор с гораздо меньшим зарядом в пустую бочку из-под машинного масла возле окна на верхнем этаже охраняемого дома, направив ее в сторону улицы наподобие миномета. Укрыв стены помещения специальными подушками, поглощающими энергию взрыва, они вышли в коридор и передали теперь уже безобидный телефон Джоди. Бедняга попросил дать ему честное слово, что вся взрывчатка извлечена, и только после этого взял аппарат трясущимися руками.

Райм решил, что Танцор собирается с помощью бомбы отвлечь внимание от фургона, чтобы ему было проще совершить нападение. Судя по всему, убийца предполагал, что Джоди выдаст его, и рассчитывал, что во время телефонного разговора рядом с маленьким бродягой будут находиться полицейские, участвующие в операции. Если бы Танцору удалось уничтожить руководителей, его шансы на успех стали бы еще выше.

Обман...

На свете не существовало преступника, которого Линкольн Райм ненавидел бы сильнее, чем Танцора у гроба, никого он не желал так страстно повергнуть на землю, пронзив порочное сердце. Однако в первую очередь он был криминалистом и не мог втайне не восторгаться талантом наемного убийцы.

— Мы посадили на хвост «Ниссану» две машины, — начал объяснять Селитто. — Он от нас никуда...

Последовала долгая пауза.

— Чушь какая-то, — наконец пробормотал детектив.

— В чем дело?

— Да так, пустяки. Кто-то позвонил в пожарную охрану. К нам уже едут машины. Никому не пришло в голову предупредить пожарных, чтобы они не беспокоились по поводу взрыва.

Райм тоже об этом не подумал.

— Только что поступило сообщение, Линк, — продолжал Селитто. — Фургон с живцами повернул на восток. «Ниссан» следует за ним. Держится футах в сорока. До стоянки на шоссе Рузвельта осталось четыре квартала.

— Хорошо, Лон. Амелия там? Я хочу поговорить с ней.

— Господи Иисусе! — послышался чей-то голос, как показалось Райму, принадлежащий Боу Хауманну. — Сколько же их понаехало!

— Неужели никто?.. — начал было кто-то, но тут же умолк.

«Да, никто этого не предусмотрел, — подумал Райм. — Всего предугадать невозможно».

— Линкольн, я тебе перезвоню, — сказал Селитто. — Нам нужно срочно что-то делать. Все подъезды к дому заставлены чертовыми пожарными машинами.

— Я сам позвоню Амелии, — ответил Райм.

Селитто окончил разговор.

* * *

Комната затемнена, шторы опущены.

Перси Клэй было страшно.

У нее перед глазами был сокол, попавший в силки, бьющий могучими крыльями. Когти острыми ножами вспарывают воздух, из горла вырывается пронзительный крик... Но самое страшное впечатление произвели на Перси глаза птицы. Отрешенная от неба, она была объята ужасом. Чувствовала себя беззащитной.

Сейчас Перси была в таком же точно состоянии. Она успела проникнуться ненавистью к охраняемому дому. Сидеть взаперти. Разглядывать глупые картины, украшающие стены. Книги — пустая макулатура, от Вулворта до Дж. Пенни. Мягкий ковер. Дешевый умывальник. Обтрепанное покрывало на кровати тошнотворно-розового цвета, в одном углу большими петлями торчат вытянутые нити. Вполне возможно, здесь сидел какой-нибудь осведомитель, от нечего делать издеваясь над материей.

Еще один глоток из фляжки. Райм рассказал о западне. Танцор должен последовать за фургоном, в котором, как он будет думать, находятся она и Хейл. В безлюдном месте машину убийцы остановят, и его арестуют или убьют. Скоро ее мучения будут вознаграждены. Через десять минут возьмут человека, убившего Эда. Бесповоротно изменившего ее жизнь.

Перси полагалась на Линкольна Райм, верила ему. Но верила она ему так, как верила Авиационной метеорологической службе, когда та

обещала хорошую погоду, а самолет вдруг начинал проваливаться в воздушную яму со скоростью три тысячи футов в минуту, находясь на высоте всего две тысячи футов.

Бросив фляжку на кровать, Перси встала и начала расхаживать по комнате. Ей хотелось подняться в воздух, где она будет в безопасности, где все будет зависеть только от нее. Роланд Белл приказал ей выключить в комнате свет и никуда из нее не выходить. Все поднялись на верхний этаж. Перси слышала громкий звук взрыва. К нему она была готова. Но она оказалась не готова к чувству страха, порожденному этим взрывом. Ожидание в неизвестности стало невыносимым. Перси отдала бы все, чтобы выглянуть в окно.

Подойдя к двери, она отперла замок и вышла в коридор.

Там царил полный мрак. Как ночью… *Все звезды ночного неба*…

Перси ощутила едкий запах. Наверное, это пахло то, что произвело такой громкий шум. В коридоре никого не было. В глубине на лестнице мелькнула чья-то тень. Перси присмотрелась внимательнее. Наверное, ей показалось.

Комната Бритта Хейла находилась всего в десяти футах. Перси очень хотелось поговорить с ним, но она не могла допустить, чтобы он увидел ее такой бледной, с трясущимися руками. С глазами, затуманенными страхом… О господи, да она бы чувствовала себя спокойнее, вытягивая сорвавшийся в штопор от обледенения крыльев «семьсот тридцать седьмой», чем сейчас, глядя в этот темный коридор.

Перси шагнула назад к двери своей комнаты.

Услышала ли она чьи-то шаги, или это ей только показалось?

Закрыв дверь. Перси вернулась на кровать.

В коридоре снова зазвучали шаги.

* * *

— Командный режим, — приказал Линкольн Райм. На экране послушно появилась таблица меню. Вдалеке послышалось слабое завывание сирен. И тут до Райма дошло, что он совершил страшную ошибку. Пожарные машины…

Да, об этом он не подумал.

Но Танцор подумал. Ну разумеется! Он раздобыл где-то форму пожарного или санитара скорой помощи и в этот момент спокойно входит в охраняемый дом.

— Нет, только не это! — пробормотал криминалист. — Нет! Как я мог настолько отключиться?

А компьютер, услышав его последнее слово, прилежно завершил работу программы.

— Нет! — крикнул Райм. — Подожди!

Но система не понимала его громкий полный отчаяния голос. На экране появилась мигающая надпись: «Вы действительно хотите отключить компьютер?»

— Нет, — прошептал Райм.

Некоторое время ничего не происходило. Надпись продолжала мигать, но компьютер не отключался. Наконец появилось новое сообщение: «Какое действие вы хотите предпринять?»

— Том! — закричал Райм. — Кто-нибудь... на помощь! Мел!

Но дверь была закрыта; внизу его крики не были слышны. Безымянный палец левой руки судорожно задергался. Раньше у Райма был механический пульт управления, и своим единственным работающим пальцем он мог набирать номер телефона. На смену пришел компьютер, и теперь Райм был вынужден использовать программу распознавания речи, чтобы позвонить в охраняемый дом и предупредить о том, что с минуты на минуту надо ждать Танцора, переодетого пожарным или сотрудником службы спасения.

— Командный режим, — постарался как можно спокойнее произнести в микрофон Райм.

«Я вас не понимаю. Пожалуйста, повторите еще раз».

Где сейчас находится Танцор? Он уже вошел в дом? Готовится выстрелить в Перси Клэй или Бритта Хейла?

Или в Амелию Сакс?

— Том! Мел!

«Я вас не понимаю...»

Почему он об этом не подумал?

— Командный режим, — задыхаясь, вымолвил Райм, пытаясь совладать с паникой.

На экране появилась таблица меню. Стрелка курсора стояла вверху, а далеко внизу, на противоположном конце экрана, находился символ вызова программы установления связи.

— Курсор вниз, — выдохнул Райм. Никакого эффекта.

— Курсор вниз, — повторил он громче. Снова появилась надпись: «Я вас не понимаю. Пожалуйста, повторите еще раз».

— Проклятие!..

«Я вас не понимаю...»

Тише, стараясь говорить обычным голосом, Райм повторил:

— Курсор вниз.

Светящаяся белая стрелка начала ленивое движение вниз по экрану. Время еще есть, постарался заверить себя Райм. Да и люди в охраняемом доме вооружены и знают свое дело.

— Курсор влево, — выдавил он. «Я вас не понимаю...»

— О, ну же!

«Я вас не понимаю...»

— Курсор вверх... курсор влево.

Курсор прополз улиткой по экрану и остановился на нужном символе. Спокойнее, спокойнее...

— Курсор стоп. Дважды щелкнуть клавишей.

На экране послушно появилась картинка рации.

А перед глазами криминалиста возникла другая картина:

Танцор подкрадывается сзади к Перси Клэй с ножом или удавкой.

Как можно спокойнее он направил курсор в окно настройки частоты. Белая стрелка застыла там, где нужно.

— Четыре, — старательно выговорил Райм.

В окне появилась цифра "4".

Обрадованный успехом, он поторопился произнести:

— Два.

Рядом появилась буква "А".

Боже милосердный!

— Стереть влево.

«Я вас не понимаю...»

Нет, нет!

Ему показалось, за дверью послышались шаги.

— Эй! — крикнул он, — Кто там? Том! Мел! Но ответил ему только его приятель компьютер, невозмутимо предложивший повторить непонятные слова.

— Два, — медленно проговорил Райм.

В окне появилась нужная цифра. Следующая попытка «Три» удалась с первого раза.

— Запятая.

Компьютер прилежно вывел слово «запятая».

Проклятие!

— Стереть влево. Десятичная запятая. За тремя цифрами замигала запятая.

— Четыре.

Осталось ввести последний символ. Не надо забывать, это «ноль», а не «нуль». Обливаясь потом, Райм наконец ввел последнюю цифру специальной полицейской частоты.

Щелкнув, радио ожило.

Есть!

Но прежде чем криминалист успел что-либо сказать, раздался резкий треск, а затем к своему ужасу он услышал отчаянный мужской голос:

— Три-тринадцать, нужна помощь, федеральное место охраны свидетелей номер шесть. Охраняемый дом. Райм узнал голос Роланда Белла.

— Двое внизу и... О боже, он все еще здесь. Он нанес удар! Нам нужна...

Прозвучали два выстрела. Затем еще, не меньше десяти. Настоящая перестрелка. В наушниках она была похожа на треск фейерверков в День Независимости.

— Нам нужна... Связь оборвалась.

— Перси! — крикнул Райм. — Перси... На экране появилась неумолимая надпись: «Я вас не понимаю. Пожалуйста, повторите еще раз».

* * *

Кошмар.

Стивен Колл, в горнолыжных очках и мешковатой пожарной робе, лежал на полу коридора охраняемого дома за трупом одного из двух охранников, которых он только что убил.

Еще одна пуля, пролетевшая совсем рядом, выбила кусок из пола рядом с его головой. Ее выпустил полицейский с редеющими темными волосами. Тот самый, которого Стивен видел сегодня утром в окне охраняемого дома. Присевший в дверном проеме, он представлял собой приличную мишень, но Стивену никак не удавалось хорошенько прицелиться.

Полицейский держал по пистолету в обеих руках, и он знал, как ими пользоваться.

Стивен прополз вперед еще один ярд, направляясь к одной из открытых дверей.

Охваченный паникой, захлестнутый омерзением, покрытый слоем червей...

Стивен выстрелил, и темноволосый полицейский скрылся в комнате, но, крикнув что-то в рацию, тотчас же вернулся, продолжая прицельный огонь.

Одетый в длинную черную пожарную робу, такую же, какая была еще на тридцати или сорока других людях, Стивен с помощью направленного заряда взорвал дверь, выходящую в переулок, и ворвался в здание. Он ожидал увидеть внутри, помимо, горящих обломков, половину тех, кто находился в доме, разнесенными взрывом на куски или серьезно раненными, а также Жену и Друга. Но Линкольн-Червь снова его обманул. Он догадался, что телефон заминирован. Единственное он не смог предвидеть то, что Стивен снова нанесет удар по охраняемому дому; все были уверены, что он попытается устранить жертвы во время переезда. И все же, ворвавшись в здание, Стивен был встречен ураганным огнем двух федеральных маршалов. Однако они были оглушены взрывом направленного заряда, и ему удалось с ними расправиться.

Появившийся из-за угла темноволосый полицейский открыл огонь с обеих рук, пробив в двух местах куртку Стивена. Тот, в свою очередь, тоже едва не зацепил полицейского. Оба одновременно отпрянули назад. Последовали новые выстрелы, также не достигшие цели. Полицейский стрелял почти так же хорошо, как и Стивен.

Максимум одна минута. Больше времени у него нет.

Облепленный червями, Стивен едва не закричал от отвращения... Ведь план был просто великолепным. Ничего лучше придумать было нельзя, и все же Линкольн-Червь *оказался*хитрее. Не он ли это? Тот лысеющий полицейский с двумя пистолетами?

Стивен сделал несколько выстрелов один за другим. И... черт побери... темноволосый полицейский бросился вперед, прямо под пули. Любой другой на его месте нырнул бы в укрытие. Но только не он. Ему удалось продвинуться вперед на два фута, натри... Стивен, перезарядив «Беретту», выстрелил снова, проползая такое же расстояние к двери своей жертвы.

«Мальчик, ты исчезаешь, зарываясь в землю. Если захочешь, ты можешь стать невидимым».

«Хочу, сэр. Я хочу стать невидимым...»

— Это опять Роланд Белл! — крикнул в микрофон полицейский. — Нам срочно нужно подкрепление!

«Белл, — отметил Стивен. — Значит, это не Линкольн-Червь».

Полицейский перезаряжал пистолеты и продолжал стрелять. Десять выстрелов, двадцать выстрелов... Стивен не мог не восхищаться его

техникой. Этот Белл отслеживал, сколько выстрелов сделано из каждого пистолета, и поочередно перезаряжал их, ни на секунду не оставаясь с разряженным оружием.

Ему удалось всадить пулю в стену в дюйме от лица Стивена. Тот ответил, также едва не попав в цель.

Затем прополз еще два фута вперед.

Приподняв голову, Белл увидел, что Стивену удалось добраться до двери в комнату. Их взгляды встретились, и каким бы фальшивым солдатом ни был Стивен Колл, он достаточно побывал в боевой обстановке, чтобы понять: последняя рациональная нить в рассудке темноволосого полицейского лопнула, и он превратился в самого опасного врага, опытного бойца, не обращающего больше внимания на собственную безопасность. Вскочив на ноги, Белл побежал вперед, стреляя из обоих пистолетов.

«Вот почему на Тихом океане использовали оружие калибра 45, мой мальчик. Только такой большой пулей можно было остановить сумасшедших маленьких япошек. Бросаясь в атаку, они не думали о смерти; они просто не хотели останавливаться».

Нагнув голову, Стивен бросил шоковую гранату, взрыватель которой был поставлен на односекундную задержку, и закрыл глаза. Граната разорвалась с оглушительным грохотом. Полицейский, вскрикнув, упал на колени, закрывая руками лицо.

По ожесточенному сопротивлению охранников и этого Белла Стивен рассудил, что в комнате находится или Жена, или Друг. Он также предположил, что этот человек постарается спрятаться под кроватью или в шкафу.

Он ошибся.

Заглянув в дверь, Стивен увидел несущегося на него человека, замахнувшегося настольной лампой и издавшего крик ярости и ужаса.

Пять выстрелов в упор. Попадания в грудь и голову. Тело, развернувшись в воздухе, отлетело назад.

«Отличная работа, солдат».

На лестнице послышался топот ног. Женский голос. Другие голоса. Времени на то, чтобы добить Белла, найти другую цель, нет.

«Солдат, отступать!»

Подбежав к двери, Стивен высунул голову, призывая на помощь других пожарных.

Человек пять осторожно подбежали к нему.

Стивен указал внутрь дома.

— Взорвалась труба газопровода. Надо срочно эвакуировать всех из здания!

И выбежал в переулок, скользнув между пожарными машинами, каретами скорой помощи и полицейскими патрулями.

Задыхающийся, на грани срыва.

Но удовлетворенный. Теперь его работа выполнена уже на две трети.

* * *

Амелия Сакс первой откликнулась на взрыв направленного заряда и крики.

Затем со второго этажа донесся голос Роланда Белла:

— На помощь! На помощь! Все вниз!

И звуки перестрелки. Десять отрывистых выстрелов, еще десять. Сакс не имела понятия, как Танцору удалось проникнуть в дом, и это не имело для нее значения. Она хотела только отчетливо увидеть цель в течение двух секунд, чтобы всадить в нее половину обоймы девятимиллиметровых пуль с полым наконечником.

Сжимая в руке «Глок», Сакс побежала по коридору третьего этажа. От нее не отставали Селитто, Деллрей и молодой полицейский в форме, с чьими способностями молодая женщина, к сожалению, еще не успела познакомиться. Джоди трусливо забился в угол, с ужасом сознавая, что он предал очень опасного человека, который в этот момент с оружием в руках находится всего в тридцати футах.

Выскочив на лестницу. Сакс поморщилась от боли в коленях. Опять артрит! Она едва добежала до второго этажа.

В наушниках не переставая звучал настойчивый призыв Белла о помощи.

Войдя в темный коридор. Сакс прижала пистолет к телу, чтобы его нельзя было выбить у нее из руки (только в кино полицейские и

гангстеры, заходя за угол, держат пистолет в вытянутой руке). Она быстро заглядывала в каждую комнату, мимо которой проходила, пригибаясь низко, ниже уровня груди, где могло бы ее ждать дуло пистолета.

— Я иду первым, — крикнул Деллрей, скрываясь в коридоре с огромным «Зиг-Зауэром» в руке.

— Прикройте нас сзади, — не обращая внимания на звания, приказала Сакс Селитто и молодому полицейскому.

— Слушаюсь, мэм, — ответил тот. — Прикрываю. Сзади.

Селитто учащенно дышал, качая головой.

В наушниках слышался треск электрических разрядов, но никаких голосов. Сакс выдернула шнур из рации, чтобы ее ничто не отвлекало, и осторожно пошла дальше.

Она едва не наткнулась на трупы двух федеральных офицеров, лежащие на полу.

Воздух был насыщен запахом взрывчатки, и Сакс посмотрела на заднюю дверь. Направленный заряд, заложенный Танцором, прорезал толстую сталь словно бумагу.

— О господи, — пробормотал Селитто.

Профессионал, он не мог позволить себе склониться над убитыми, но как человек он не смог удержаться от взгляда на их изуродованные тела.

Подойдя к следующей комнате. Сакс застыла у двери. Во взорванном проеме появились два бойца Хауманна.

— Прикройте! — бросила молодая женщина, и прежде чем кто-либо успел ее остановить, быстро прыгнула через порог.

Вскинув «Глок», она осмотрела комнату.

Ничего.

В том числе и запаха бездымного пороха. В этом помещении не стреляли.

Назад в коридор и к следующей двери.

Сакс указала на себя, а затем на дверь. Ребята из 32-Е кивнули. Молодая женщина стремительно ворвалась в комнату, готовая стрелять. Спецназовцы не отставали от нее. Она застыла, увидев направленный в грудь пистолет.

— О боже, — пробормотал Роланд Белл, опуская оружие. Его лицо было покрыто копотью, волосы взъерошены. Пули в двух местах пробили его куртку и завязли в бронежилете.

Только потом Сакс увидела страшную картину на полу.

— Нет, только не это...

— В здании чисто, — крикнул кто-то из коридора. — Видели, как он ушел отсюда. На нем была форма пожарного. Он исчез, затерялся в толпе.

Амелия Сакс, уже криминалист, а не боец спецназа, ощущала едкий запах пороховой гари, видела пятна крови, упавший стул, указывающий на вероятное место борьбы и, следовательно, бывший наиболее вероятным местом для сбора микроскопических улик. Гильзы, как она сразу же отметила, были от пистолета калибра 7,62 мм.

По положению трупа она определила, что жертва пыталась ударить убийцу, скорее всего, настольной лампой. Место преступления могло рассказать многое другое, и по этой причине Сакс должна была помочь Перси Клэй встать и увести ее от тела убитого друга. Но она не могла. Она стояла, застыв на месте, глядя на невысокую женщину с плоским некрасивым лицом, обнимающую окровавленную голову Бритта Хейла и тихо причитающую:

— Нет-нет, нет-нет...

Лицо Перси превратилось в безжизненную маску. Ее глаза оставались сухими.

Наконец Сакс кивнула Роланду Беллу. Тот, взяв Перси под руку, вывел ее в коридор, по-прежнему настороженный, по-прежнему держащий оружие наготове.

* * *

До охраняемого дома двести тридцать ярдов. Он целился в оптический прицел «Редфилд», не замечая ничего кроме волосков перекрестия, не обращая внимания на слепящие красные и синие огни машин чрезвычайных служб.

Сбросив пожарную робу, Стивен снова превратился в великовозрастного студента. Он достал «Модель 40» из-под бака с водой, куда спрятал ее утром. Патрон был дослан в ствол, курок взведен.

Но сейчас Стивен охотился не на Жену.

Ему не был нужен и Джоди, жалкий предатель Джоди.

Он ждал Линкольна-Червя. Человека, снова оказавшегося умнее его.

Кто он? Который из них?

Мерзость. Линкольн… царь червей.

«Кто ты? Ты сейчас стоишь передо мной? В толпе, окружившей дымящееся здание?»

Быть может, это тот жирный полицейский, потеющий словно боров?

Высокий тощий негр в зеленом костюме? Его лицо показалось Стивену знакомым. Где он его уже видел?

Из подъехавшей на огромной скорости машины без специальных знаков вышли люди в штатском.

Возможно, Линкольн один из *них*.

Из дома вышла рыжеволосая женщина-полицейский. Она была в резиновых перчатках. «Красавица, значит, ты из экспертно-криминалистического отдела? Что ж, я позаботился о своих гильзах и пулях, дорогая, — мысленно произнес Стивен, наводя перекрестие прицела на ее шею. — А для того, чтобы проследить мое оружие, тебе придется слетать в Сингапур».

По его оценкам, у него будет время только на один выстрел, после чего откроется пальба, и ему придется срочно уходить.

Кто ты?

Линкольн, Линкольн?

Но Стивен не мог найти ответ на свой вопрос.

Вдруг распахнулась входная дверь, и на пороге неуверенно застыл Джоди. Прищурившись, он оглянулся по сторонам и шагнул вперед, но тотчас же отпрянул назад, прижимаясь спиной к стене.

Ты…

Опять эти электрические разряды. Даже на таком расстоянии.

Стивен навел перекрестие маленькому бродяге на грудь.

Солдат, чего ты ждешь, стреляй! Эту цель необходимо уничтожить; Джоди может тебя опознать".

«Сэр, я оцениваю удаление до цели и поправку на боковой ветер».

Стивен усилил давление на спусковой курок.

Джоди…

«Солдат, он тебя предал. Убей его».

«Слушаюсь, сэр. Он труп. Холодный кусок мяса. Сэр, стервятники уже слетаются».

«Солдат, наставление снайпера корпуса морской пехоты требует постепенного увеличения давления на спусковой курок, чтобы стрелок точно не знал, когда произойдет выстрел. Это так, солдат?»

«Так точно, сэр».

«В таком случае почему, мать твою, ты так не делаешь?»

Стивен надавил сильнее.

Медленно, очень медленно…

Но винтовка не стреляла. Стивен перевел прицел на голову Джоди, и как раз в этот момент тот, озиравшийся по сторонам, увидел его на крыше.

Он слишком долго ждал.

«Стреляй, солдат, стреляй же!»

Едва уловимая пауза…

И тут Стивен дернул за спусковой курок, словно школьник, стреляющий в тире из пневматической винтовки.

В тот же момент Джоди отпрянул в сторону, расталкивая полицейских. «Солдат, мать твою, как ты мог промахнуться с такого расстояния? Продолжать огонь!»

«Слушаюсь, сэр!»

Стивен сделал еще два выстрела, но Джоди и все остальные уже успели укрыться.

И тут началась ответная стрельба. Десять, двадцать, тридцать стволов. В основном, пистолеты, но также несколько пистолетов-пулеметов, выплевывающих пули с такой частотой, что выстрелы сливались в тарахтение двигателя без глушителя.

Ударяясь в башню лифта у Стивена над головой, пули осыпали его дождем осколков кирпича и бетона, а также острыми кусками своих латунных оболочек, впиваясь ему в руки.

Стивен упал на спину, защищая лицо руками. Почувствовав порезы, он увидел на рубероиде крыши капельки крови.

«Почему я ждал? Почему? Я мог бы пристрелить его и спокойно скрыться».

Почему?

Над кварталом разнесся гул вертолета. Зазвучали новые сирены.

«Отступать, солдат. Срочно отступать!»

Взглянув на спрятавшегося за машиной Джоди, Стивен бросил «Модель 40» в чемодан, закинул рюкзак на плечо и соскользнул по пожарной лестнице в переулок.

* * *

Вторая трагедия.

Переодевшись, Перси Клэй вышла в коридор и тут же наткнулась на массивного Роланда Белла. Тот крепко ее обнял.

Второй из трех. Это уже не уход механика, не неприятности с компанией. Погиб ее лучший друг.

О Бритт…

Перси мысленно представила себе, как он, раскрыв рот в беззвучном крике, бросился навстречу зловещему убийце. Пытаясь его остановить, пораженный тем, что кто-то действительно хочет убить его, убить Перси. Переполненный не столько страхом, сколько негодованием. Жизнь Бритта была такой размеренной. Даже риск был строго рассчитан. Полет

вверх ногами на высоте пятьдесят футов, штопор, пике. Зрителям все казалось невозможным. Но он знал, что делал. Если у него и возникали мысли о преждевременной гибели, то причина этого могла быть только в лопнувшей тяге или засорившемся топливопроводе, или каком-то неопытном новичке, случайно залетевшем в район полетов.

Знаменитый автор Эрнст Ганн, писавший об авиации, как-то сказал, что судьба — это охотник. Перси всегда считала, что он имел в виду силы природы или стечение обстоятельств — одновременный отказ словно сговорившихся узлов и механизмов, в результате чего самолет падает на землю. Но судьба оказалась гораздо сложнее. Такой же сложной, как человеческий мозг. Такой же сложной, как зло.

Трагедии приходят по три... Какая будет последней? Гибель самой Перси? Гибель компании? Чья-то еще?

Прижимаясь к широкой груди Роланда Белла, Перси дрожала от ярости, проклиная судьбу. Вспоминая: она, Эд и Хейл, словно пьяные от недосыпу, стоят в залитом светом ангаре рядом с «Чарли Джульетт», полные надежды, что именно они получат контракт компании «Ю. Эс. Хелскэр», и, ежась от ночной сырости, обдумывают, как лучше подготовить самолет к вылету.

Темно. Туман. Аэродром пустынен. Последние кадры фильма «Касабланка».

Слышится визг тормозов.

Мужчина вытаскивает большие брезентовые мешки из машины, бросает их в кабину «Бичкрафта» и запускает мотор. Характерное завывание поршневого двигателя.

Кажется, Эд говорит: "Что он делает? Аэродром ведь закрыт! "

Судьба.

Пожелавшая, чтобы они оказались в аэропорту в ту ночь.

Именно в ту ночь, когда Филипп Хансен решил избавиться от обличающих его улик.

А Хансен оказался человеком, готовым пойти на убийство ради того, чтобы сохранить свой вылет в тайне.

Судьба...

Вдруг Перси вздрогнула. В дверь охраняемого дома постучали.

На пороге стояли двое. Белл их узнал. Это были сотрудники управления защиты свидетелей полиции Нью-Йорка.

— Мы приехали, чтобы отвести вас на базу Шорхэм в Лонг-Айленде, миссис Клэй.

— Нет-нет, — воскликнула Перси, — это ошибка! Я должна ехать в аэропорт «Мамаронек».

— Перси, — начал Роланд Белл.

— *Должна!*

—Ничего не знаю, мэм, — настаивал один из полицейских. — У нас есть приказ доставить вас в Шорхэм и держать вас там под охраной до предварительного слушания в суде, назначенного на понедельник.

— Нет-нет. Позвоните Линкольну Райму. Он все знает.

— Видите ли… — полицейские переглянулись.

— Пожалуйста, — взмолилась Перси, — позвоните ему. Он вам все скажет.

— Миссис Клэй, видите ли, именно мистер Райм настоял на вашем переезде. Будьте добры, пройдите с нами. Не беспокойтесь. Мы не дадим вас в обиду, мэм.

Глава двадцать седьмая

Час 28-й из 45

— Зрелище не из приятных, — предупредил молодую женщину Том.

Из-за двери донесся раздраженный голос Райма:

— Я хочу виски, и немедленно.

— Что происходит? Помощник поморщился.

— О, иногда он бывает просто невыносим. Сейчас он пытается заставить одного из полицейских налить ему виски. Якобы в качестве обезболивающего. По его словам, так прописал врач. Ты в это можешь поверить? О, когда он выпьет, он становится невозможным!

Из комнаты донесся бешеный рев.

Сакс понимала, что Райм не швыряется чем под руку попало только потому, что не может этого физически.

Она взялась за дверную ручку.

— Вы бы лучше немного подождали, — еще раз предостерег ее Том.

— Ждать нельзя.

— *Черт побери!* -бушевал Райм. — Отдайте мне мою бутылку, мать вашу!

Сакс открыла дверь.

— Потом не говорите, что я вас не предупреждал, — шепнул ей вдогонку Том.

Войдя в комнату, она остановилась в дверях. Ей открылось впечатляющее зрелище. Волосы Райма были растрепаны, на подбородке повисла слюна, глаза налились кровью.

На полу валялась бутылка виски. Судя по всему, криминалист попытался схватить ее зубами, но уронил со стола.

Увидев Сакс, Райм приказал ей:

— Подними бутылку.

— Райм, у нас полно работы.

— Под-ни-ми бу-тыл-ку!

Подняв бутылку, молодая женщина поставила ее на полку.

— Ты прекрасно поняла, что я имел в виду! — взбесился он. — Я хочу выпить!

— Судя по твоему голосу, ты и так уже достаточно выпил.

— Налей мне стакан, черт побери. Том! Проклятие, иди сюда... Трус чертов.

— Райм, — оборвала его Сакс, — нам необходимо исследовать улики.

— К черту улики!

— Сколько ты выпил?

— Танцор забрался в дом, так? Лиса в курятнике. Лиса в курятнике.

— Я насобирала целый пылесос микроскопических улик. У меня есть пуля, у меня есть образцы его крови...

— Крови? Что ж, это справедливо. Нашей Танцор пролил предостаточно.

— Слушай, у меня столько улик, ты должен радоваться, как маленький ребенок в свой день рождения, — отрезала Сакс. — Прекрати жалеть себя и принимайся за работу.

Райм молчал. Проследив за его взглядом. Сакс увидела, что он смотрит мимо нее, в сторону двери. Обернувшись, она увидела там Перси Клэй.

Тотчас же потупившись, Райм продолжал хранить молчание.

«Ну да, — со злостью подумала Сакс, — хочет сохранить лицо перед своей новой возлюбленной!»

Войдя в комнату. Перси критическим взглядом посмотрела на Райма.

— Линкольн, что здесь происходит? — послышался голос Селитто.

По-видимому, он приехал вместе с Перси.

— Три трупа, Лон. Он убил еще троих. Лиса в курятнике.

— Линкольн, — пробормотал Селитто, — прекрати. Не заводись.

А вот этого говорить было не надо. Райм изобразил изумление.

— Я не завожусь. Разве похоже, что я завожусь? Ну? Разве я завожусь? *Разве я завожусь, мать вашу?*

—У нас...

— Все, кончено! Закрыто, завершено. Уходим в горы. Амелия, ты к нам присоединишься? Настоятельно рекомендую, — наконец он заметил Перси. — А вы что здесь делаете? Вы должны быть в Лонг-Айленде.

— Я хотела поговорить с вами.

Помолчав, Райм вдруг сказал:

— Налейте хоть вы мне виски.

Бросив взгляд на Сакс, Перси взяла с полки бутылку виски и налила себе и Райму. Сакс сверкнула глазами, но Перси, заметив это, никак не отреагировала.

— Вот классная женщина, — заметил Райм. — Я убил ее друга, а она несмотря на это не отказывается выпить со мной. А *ты,*Сакс, отказалась.

— Райм, прекрати паясничать, — взорвалась Сакс. — Где Мел?

— Я отправил его домой. Ему здесь больше нечего делать... Мы аккуратно упаковываем миссис Клэй и отправляем ее в Лонг-Айленд, где она будет в безопасности.

— Что? — спросила Сакс.

— Делаем то, что нужно было сделать с самого начала. Наливай еще.

Перси опять потянулась за бутылкой, но Сакс ее остановила.

— С него уже хватит.

— Не слушай ее, — пробормотал Райм. — Она на меня злится. Я не делаю то, что она от меня хочет, и она на меня злится.

*"О,*Райм, благодарю тебя! Давай трясти своим грязным бельем на людях, хорошо?"

Сакс смерила его ледяным взглядом, но он даже не заметил этого, полностью поглощенный Перси Клэй.

— Вы дали мне слово, — сказала та. — И вдруг приезжают полицейские, которые хотят отвезти меня в Лонг-Айленд. А я-то думала, что вам можно верить.

— Если вы будете мне *верить,*вы умрете.

— Вы предупреждали нас о том, что будет риск, — настаивала Перси.

— Ну да, но вам не известно, что я знал, как именно Танцор проникнет в дом.

— Что?

Сакс, нахмурившись, вся превратилась в слух.

— Я знал, что Танцор нападет на охраняемый дом. Знал, что он будет в форме пожарного. Даже знал, мать вашу, что он взорвет дверь черного хода направленным зарядом. Готов поспорить, мерзавец использовал «Экьюреси 521» или «Экьюреси 522» с дистанционным взрывателем «Инстадет». Я прав?

— Ну...

— Я прав?

—«Экьюреси 521», — подтвердила Сакс.

— Вот видишь? Я все предугадал. Понял, что Танцор придет, за пять минут до того, как это произошло. Но не смог позвонить, мать вашу, и предупредить! Не смог... снять... трубку, мать ее, и сказать, что будет. И из-за меня погиб ваш друг.

Сакс захлестнула волна сострадания. Она ощущала боль Райма как свою собственную, но не имела понятия, какие слова утешения подобрать.

По подбородку Райма текла слюна. Том шагнул было к нему с полотенцем в руке, но криминалист яростно тряхнул головой, останавливая его.

— О, я стал излишне самонадеянным, — кивнул он в сторону компьютера. — Возомнил себя совершенно нормальным человеком. Ношусь в своем инвалидном кресле словно автогонщик, зажигаю свет, меняю пластинки... Вздор!

Закрыв глаза, Райм вжался затылком в подголовник.

К всеобщему изумлению комната огласилась раскатами пронзительного смеха.

Перси Клэй снова наполнила свой стакан, затем плеснула немного Райму.

— Вздор, это точно. Все то, что вы говорите. Потрясенный криминалист открыл глаза. Перси снова рассмеялась.

— Не надо, — неуверенно попытался остановить ее Райм.

— Да? Что не надо? — Перси прищурилась. — Вы сказали, человек погиб из-за... технической неисправности?

Сакс поняла, что Райм ждал от летчицы чего-то другого. Застигнутый врасплох, он не сразу нашелся, что сказать.

— Да. Именно это я и сказал. Я не смог снять трубку и...

— И что с того? — оборвала его Перси. — Разве это дает вам право закатывать истерики? Отказываться от своего слова? — залпом выпив

виски, она измученно вздохнула: — Ради бога… Вы хоть представляете, чем я зарабатываю на жизнь?

К своему изумлению Сакс увидела, что Райм совершенно успокоился. Он начал было что-то говорить, но Перси снова остановила его.

— Только подумайте, — ее речь опять стала по-южному протяжной. — Я сижу в алюминиевой трубе, летящей со скоростью четыреста узлов на высоте шесть миль над землей. Температура за бортом минус шестьдесят градусов, скорость ветра достигает ста миль в час. Я уж не говорю о молниях, обледенении, воздушных ямах. Господи Иисусе, да я живу *только*благодаря машинам, — она снова рассмеялась. — И чем это отличается от вас?

— Вы ничего не поняли! — запальчиво воскликнул Райм.

— Вы не ответили на мой вопрос. Чем? — не отставала от него Перси. — Чем это отличается?

— Вы можете ходить, звонить по телефону…

— Ходить? Я нахожусь на высоте пятьдесят тысяч футов. Если я открою дверь кабины, через несколько секунд у меня закипит кровь.

Сакс показалось, что впервые за время ее знакомства с Раймом он встретил достойного противника. Криминалист молчал.

— Прошу прощения, если ошибаюсь, но я не вижу между нами никакой разницы, — продолжала Перси. — Мы оба являемся продуктами науки двадцатого века. Черт побери, если бы у меня были крылья, я бы летала сама. Но у меня их нет и никогда не будет. Поэтому мы вынуждены… вынуждены *полагаться*на машины.

— Ладно… — дьявольски усмехнулся Райм. «Ну же, Райм! — мысленно взмолилась Сакс. — Покажи ей!» Как ей хотелось, чтобы он одержал верх, заслав эту женщину в Лонг-Айленд, навсегда от нее избавился.

— Если я ошибусь, погибнут люди, — наконец сказал криминалист.

— Да? А что произойдет, если у меня на самолете выйдет система антиобледенения? Забарахлит авиагоризонт? Если при заходе на посадку в сопло двигателя залетит голубь? Гибель… неизбежна. Лопнет топливопровод, откажет гидравлическая система, механик забудет заменить перегоревший предохранитель… Сложная система выйдет из строя. В *вашем*случае остается надежда, что раненых удастся спасти. Но когда мой самолет ударится о землю на скорости триста миль в час, не останется ничего.

Казалось, Райм совершенно успокоился. Он озирался по сторонам, словно ища какую-нибудь улику, которая поможет бесспорно опровергнуть аргументы Перси.

— Итак, — спокойно заявила летчица, — насколько я понимаю, Амелия Сакс принесла улики, собранные в охраняемом доме. Я предлагаю немедленно прекратить кривлянья и приступить к их анализу. Потому что сейчас я направляюсь в «Мамаронек», чтобы закончить подготовку самолета к вылету. Сегодня вечером я поднимаюсь в воздух. Спрашиваю вас прямо: вы отпускаете меня в аэропорт, как мы договаривались? Или мне придется связываться со своим адвокатом?

Райм по-прежнему молчал.

Пауза затянулась.

— Том! — вдруг раскатился по комнате зычный баритон Райма. Сакс испуганно вздрогнула. — *Том!*Иди сюда!

Помощник подозрительно заглянул в дверь.

— Я тут насвинячил. Видишь, уронил стакан. Растрепал волосы. Ты бы не мог меня причесать? Пожалуйста.

— Линкольн, вы над нами издеваетесь? — недоверчиво спросил Том.

— Да, и Мел Купер, Лон, ты не мог бы пригласить его сюда? Наверное, он воспринял мои слова всерьез. Но я пошутил. Мел чертовски хороший ученый, но ему незнакомо чувство юмора. Нужно скорее вернуть его.

Амелии Сакс захотелось бежать отсюда сломя голову. Выбежать из комнаты, вскочить в машину и пронестись по дорогам Нью-Джерси или округа Нассо со скоростью 120 миль в час. Она больше ни секунды не могла оставаться в одном помещении с этой женщиной.

— Хорошо, Перси, — продолжал Райм, — возьмите с собой Роланда Белла, а я позабочусь, чтобы вас прикрывали ребята Боу Хауманна. Возвращайтесь в аэропорт. Делайте то, что вам нужно.

— Спасибо, Линкольн, — кивнула та, награждая его улыбкой.

И у Амелии Сакс мелькнула мысль, не предназначалась ли речь Перси Клэй отчасти и для нее, чтобы показать, кто одержал безоговорочную победу. Что ж. Сакс сознавала, что в некоторых состязаниях ей суждено терпеть неудачу. Чемпион по стрельбе, полицейский, отмеченный наградами, настоящий демон за рулем и весьма неплохой эксперт-криминалист, Сакс имела открытое ранимое сердце. Ее отец

понимал это; он сам был неисправимым романтиком. Несколько лет назад, после неудачной связи, он сказал своей дочери:

— Эми, нужно придумать бронежилет и для души. Ей-богу, уже давно пора.

«Прощай, Райм, — мысленно произнесла Сакс. — Прощай».

И как он ответил на это молчаливое прощание? Мимолетным взглядом и грубым замечанием:

— Сакс, тащи свои улики. Времени у нас в обрез.

Глава двадцать восьмая

Час 29-й из 45

Задача криминалиста состоит в однозначном определении улики. Необходимо установить связь микроскопических частиц с единственным источником происхождения, исключив все остальные.

В настоящий момент Линкольн Райм разглядывал самую однозначно определенную улику — кровь Танцора. Тест фрагментарного полиморфизма ДНК позволил установить практически однозначно: эта кровь принадлежит ему и никому другому.

Однако сейчас эта улика мало что могла дать криминалисту. В компьютеризированном архиве ДНК хранилась информация о генотипах осужденных, но он был очень небольшим, в основном в него были занесены данные о массовых насильниках, а также садистах. Райм не удивился, когда на запрос о наличии в архиве крови Танцора пришел отрицательный ответ.

И все же криминалист испытывал какое-то странное удовлетворение по поводу того, что теперь в его распоряжении имелась частица самого убийцы, соскобленная с крыши и помещенная в пробирку. Для большинства экспертов преступник остается «где-то там»; им редко предоставляется возможность столкнуться с ним лицом к лицу. Больше того, как правило, увидеть его лично они могут только во время судебного заседания. Поэтому сейчас Райм чувствовал небывалый душевный подъем, находясь в присутствии человека, причинившего боль стольким людям, в том числе и ему самому.

— Что ты еще нашла? — спросил он у Сакс. Молодая женщина тщательно пропылесосила комнату Бритта Хейла, однако и вдвоем с Мелом Купером, надев мощные очки, они не смогли найти ничего кроме пороховой гари, кусочков пуль и осколков кирпича и штукатурки.

Также она нашла гильзы от пистолета, которым воспользовался убийца. Это оказалась «Беретта» калибра 7,62 мм. Вероятно, старая; верхняя часть ствола была изношена. Все гильзы, собранные Сакс, были окунуты в чистящее средство, что уничтожило даже отпечатки пальцев сотрудников завода по выпуску боеприпасов. Таким образом, не было возможности проследить партию патронов до какого-то магазина. А Танцор, судя по всему, вставлял их в магазин с помощью костяшек пальцев. Старый трюк, позволяющий не оставлять отпечатки.

— Продолжай, — бросил Райм.

— Пистолетные пули.

Купер разложил на подносе пули. Три расплющенные. И одна практически недеформированная. Две пули были покрыты черной свернувшейся кровью Бритта Хейла.

— Посмотри, нет ли на них отпечатков, — распорядился Райм.

— Уже посмотрела, — сдержанно ответила Сакс.

— Попробуйте лазер. Этим занялся Купер.

— Линкольн, ничего, — эксперт заметил кусок ваты, завернутый в полиэтиленовый пакет. — А это что?

— О, я раздобыла и одну винтовочную пулю.

— Что?

— Танцор несколько раз выстрелил в Джоди. Две пули попали в стену и взорвались. А вот эта завязла в земле, в клумбе с цветами, и уцелела. Обнаружив в листе герани круглое отверстие, я...

— Постойте. — Купер заморгал. — *Это разрывная*пуля?

— Точно, только она не взорвалась.

Осторожно опустив пакет на стол, эксперт отошел назад, увлекая вместе с собой Сакс, несмотря на то, что та была на пять дюймов выше его.

— В чем дело?

— Разрывные пули — штуковина очень нежная. Быть может, пороховой заряд и сейчас продолжает тлеть... Она может взорваться в любую минуту, и осколок окажется смертельным.

— Мел, ты видел то, что осталось от других таких же пуль, — сказал Райм. — Как они изготавливаются?

— Вещь это крайне отвратительная. Линкольн, — с опаской произнес эксперт, вытирая с лысины бисеринки пота. — Заряд пластида, в качестве детонатора бездымный порох. Именно это и делает пулю такой нежной.

— Так почему же она не взорвалась? — спросила Сакс.

— Мягкая почва поглотила энергию удара. К тому же, Танцор сам изготавливает себе боеприпасы. Вероятно, в данном конкретном случае у него получился не совсем качественный продукт.

— Как он их изготавливает? — встрепенулся Райм.

Эксперт не отрывал взгляда от полиэтиленового пакета.

— Ну, обычно высверливается отверстие от головной части почти до самого донышка. Туда опускается шарик от подшипника, а затем засыпается черный или бездымный порох. После этого скатывается тоненькая колбаска пластида и вставляется в отверстие. Затем пуля закупоривается, в данном случае, керамическим наконечником. При ударе о твердую поверхность шарик сжимает порох, тот воспламеняется. Ну а потом взрывается пластид.

— Пластид скатывается колбаской? — спросил Райм. — Пальцами?

— Ну да.

Райм переглянулся с Сакс, и на мгновение трещина между ними исчезла.

Одновременно улыбнувшись, они хором произнесли:

— Отпечатки пальцев!

— Возможно, — согласился Мел Купер. — Но как это узнать? Для этого необходимо разобрать пулю.

— В таком случае мы ее разберем, — сказала Сакс.

— Нет-нет, Сакс, — отрезал Райм. — Только не ты. Дождемся специалистов-взрывников.

— У нас нет времени.

Она склонилась над пакетом.

— Сакс, черт побери, что ты хочешь доказать?

— Я ничего никому не доказываю, — спокойно ответила молодая женщина. — Я просто хочу поймать убийцу. Купер беспомощно застыл на месте.

— Ты пытаешься спасти Джерри Бэнкса? Что ж, тут ты опоздала. Оставь пулю и займись своим делом.

— Это и *есть*мое дело.

— Сакс, ты ни в чем не виновата! — крикнул Райм. — Забудь о том, что произошло. Мертвых не воскресишь, сколько раз тебе это повторять?

— Я накрою пулю своим бронежилетом, — невозмутимо произнесла Сакс. — Сама буду держаться с противоположной стороны.

Стащив блузку, она расстегнула липучки и сняла бронежилет. Сложив его домиком, она накрыла пакет с пулей.

— Ты-то сама будешь защищена жилетом, — заметил Купер, — но руки нет!

— Костюмы взрывников тоже не защищают руки, — указала Сакс и, достав из кармана затычки, которыми пользовалась в тире, вставила их в уши. — Тебе придется кричать, — сказала она Куперу. — Итак, что мне делать?

«Нет, Сакс! — мысленно воскликнул Райм. — Нет!»

— Если вы мне не скажете, я просто распилю ее пополам. Взяв специальную пилку, она склонилась над пакетом. Вздохнув, Райм кивнул Куперу.

— Говори, что делать.

Эксперт сглотнул комок в горле.

— Ну хорошо. Доставай пулю из пакета. Очень осторожно. Клади сюда, на полотенце. Только не роняй — это самое страшное, что может произойти.

Сакс достала из пакета пулю. Это был на удивление крошечный кусок металла с белым кончиком.

— Видишь этот наконечник? — продолжал Купер. — Если пуля взорвется, он пробьет бронежилет и одну, а то и две стены. Он с тефлоновым покрытием.

— Понятно, — ответила Сакс, поворачивая пулю наконечником к стене.

— Сакс, — ласково попросил ее Райм, — возьми пинцет. Пожалей пальцы.

— Райм, если пуля взорвется, разницы никакой не будет. А так я хоть чувствую, что делаю.

— Пожалуйста!

Поколебавшись, молодая женщина взяла пинцет, протянутый Купером, и подняла пулю за донышко.

— Как ее вскрыть? Распилить?

— Свинец ни в коем случае нельзя пилить! — воскликнул Купер. — Он нагреется от трения, и порох воспламенится. Ты должна вытащить наконечник, а затем достать пластид.

По лицу Сакс градом катил пот.

— Хорошо. Плоскогубцами?

Достав из сумки пассатижи с тонкими губками, Купер подошел к ней. Как только Сакс взяла их у него, он поспешно отступил назад.

— Крепко сожми наконечник и потяни его, покручивая. Мерзавец наверняка посадил его на эпоксидку. Правда, к свинцу она прилипает плохо, поэтому ты сможешь выдернуть наконечник, как пробку из бутылки. Только не нажимай слишком сильно. Если наконечник расколется, его можно будет только высверлить. А в этом случае наверняка работает заряд.

— Сжать крепко, но не слишком сильно, — пробормотала Сакс.

— Сакс, вспомни, сколько раз тебе приходилось возиться с машинами, — напомнил Райм.

— Что?

— Когда выкручиваешь неисправную свечу, ее нужно покачать, чтобы стронуть с места, но давить надо осторожно, иначе треснет керамический наконечник.

Сакс рассеянно кивнула, и Райм не понял, услышала ли она его. Нагнувшись, она заглянула под свой вигвам, сделанный из бронежилета, затем выпрямилась.

С замиранием сердца он увидел, как она зажмурилась.

— О, Сакс...

Движение было незаметным. Послышался очень тихий щелчок. Сакс осторожно посмотрела под бронежилет.

— Сняла. Пуля открыта.

— Ты видишь пластид? — спросил Купер.

Она заглянула в пулю.

— Вижу.

Эксперт протянул ей флакон с жидким машинным маслом.

— Капни внутрь, потом переверни. Пластид должен будет выпасть. Вытаскивать его нельзя, иначе уничтожим отпечатки пальцев.

Налив масла. Сакс перевернула пулю над полотенцем.

Ничего.

— Проклятие, — пробормотала она.

— Не вздумай...

Сакс тряхнула пулю. Что есть сил.

— ...ее трясти! — крикнул Купер.

— Сакс! — ахнул Райм.

Она снова резко тряхнула пулю.

— Нет!

На полотенце упала тонкая белая колбаска, а за ней высыпался черный порошок.

— Фу, — с облегчением выдохнул Купер. — Теперь она безопасна. — Подойдя к столу, он аккуратно подобрал пластид и уложил его на стеклянный предметоводитель и направился к микроскопу плавной

походкой всех криминалистов мира: распрямив спину, гася рукой колебания, крепко держа образец.

— Чем ее обработать? «Волшебной кисточкой»? — спросил Купер, имея в виду мелкий порошок для снятия отпечатков пальцев.

— Нет, — ответил Райм. — Возьми фиолетовую горечавку. Для того чтобы обнаружить отпечаток на пластиде, нужно очень контрастное средство.

Брызнув составом на взрывчатку, Купер вставил образец под микроскоп.

Тотчас же на экране компьютера появилось изображение.

— Есть! — торжествующе воскликнул Райм. — Вот он.

На экране были отчетливо видны папиллярные узоры.

— Отлично сработано, Сакс!

Купер принялся медленно поворачивать колбаску пластида, а Райм последовательно сохранял появляющиеся на экране изображения на жестком диске компьютера. Затем, собрав их вместе, он распечатал общую картинку.

Но эксперт, взглянув на нее, вздохнул.

— В чем дело? — спросил Райм.

— Мало. Размер всего четверть на пять восьмых дюйма. Ни один дактилоскопический архив на свете не даст заключения на основе этого.

— Господи, — сплюнул Райм, — столько трудов... и все впустую.

Внезапно в комнате прозвенел громкий смех. Смеялась Амелия Сакс, разглядывавшая висящие на стене перечни улик. МП-1, МП-2...

— Сложим их вместе, — сказала она.

— Что?

— У нас три частичных отпечатка, — объяснила молодая женщина. — Скорее всего, все оставлены указательным пальцем. Разве их нельзя сложить вместе?

Купер недоуменно посмотрел на Райма.

— Никогда не слышал ни о чем подобном!

Райм тоже не сталкивался с таким «творчеством». Работа криминалиста в основном заключается в анализе улик для последующего их представления на суде. Защита умрет со смеху, если полиция начнет склеивать отпечатки пальцев подозреваемых из отдельных частей.

Однако в настоящий момент задача состояла в том, чтобы *найти*Танцора, а не построить против него обвинение.

— Отличная мысль, — воскликнул Райм. — За работу! Сорвав со стены листы с другими фрагментами отпечатков Танцора, Купер разложил их на столе.

Они с Сакс принялись за работу. Эксперт привел все три частичных отпечатка к одному масштабу, а затем они с Сакс стали складывать из них мозаику-пазл, сосредоточенно раскладывая листы, передвигая их, оживленно споря друг с другом словно дети. Сакс дошла даже до того, что, взяв карандаш, провела несколько недостающих линий.

— Так нечестно! — шутливо заметил Купер.

— Но ведь подходит! — торжествующе сказала она. Наконец картинка была склеена. Она представляла собой около трех четвертей отпечатка пальца, скорее всего указательного правой руки.

— И все-таки у меня остаются сомнения. Линкольн, — пробормотал Купер, поднимая лист.

— Мел, это произведение искусства, — заверил его Райм. — Настоящий шедевр!

— Только дактилоскопическому архиву ни слова о том, что мы сделали, а то нас убьют!

— Запрашивай федеральный архив. Высший приоритет, по всем штатам.

— О-оох! — простонал Купер. — Это будет стоить моего годового жалования.

Отсканировав отпечаток, он направил запрос в архив.

— Придется ждать не меньше получаса, — сказал эксперт, не столько пессимист, сколько реалист.

Однако все оказалось гораздо проще. Всего через пять минут, в течение которых Райм гадал, кто охотнее нальет ему виски, Купер или Сакс, на экране замигало сообщение.

Присланный вами образец... обнаружен в архиве. 1 раз. 14 точек совпадения. Статистическая вероятность опознания: 97%.

—О господи, — прошептала Сакс, — мы его нашли.

— Мел, кто он такой? — тихо произнес Райм, словно опасаясь, что громкие звуки сдуют невесомые электроны с экрана компьютера.

— Отныне это уже не Танцор, — заявил Купер. — Это Стивен Роберт Колл. Тридцать шесть лет. Последний адрес — город Камберленд, штат Западная Вирджиния. Местонахождение в настоящее время неизвестно.

Такая распространенная фамилия. Райм ощутил необъяснимое разочарование. Колл.

— Почему он попал в архив?

Купер прильнул к экрану.

— Все так, как он рассказал Джоди... Двадцать месяцев за убийство; тогда ему было пятнадцать, — эксперт усмехнулся. — Судя по всему. Танцор *не потрудился*уточнить, что жертвой был его отчим.

— Отчим? Гм...

— Так, что там еще? — продолжал читать Купер. — О боже!

— В чем дело? — спросила Сакс.

— Здесь приводится выдержка из дела. Произошло вот что. Судя по всему, в семье постоянно происходили ссоры. Мать мальчика умирала от рака, а ее муж, отчим этого Колла, ударил ее за какой-то проступок. Женщина упала и сломала руку. Через несколько месяцев она умерла, и Колл вбил себе в голову, что в ее смерти виноват Лу, отчим.

Прочитав дальше, Купер поежился от отвращения.

— Хотите узнать, что произошло потом?

— Продолжай.

— Вскоре после смерти матери Стивен с отчимом пошли на охоту. Мальчишка оглушил Лу, раздел его донага и привязал к дереву. Оставил его в лесу на несколько дней. По словам адвоката, он хотел просто попугать отчима. Так или иначе, когда появилась полиция, у Лу было заражение крови. В нем копошились черви. Он прожил еще два дня, находясь в бреду.

— Господи Иисусе! — прошептала Сакс.

— Когда их нашли, мальчишка сидел перед деревом и спокойно смотрел на муки отчима. — Купер зачитал фразу из протокола: — «Подозреваемый не оказал сопротивления. Он находился в невменяемом состоянии, постоянно твердил: „Убивать можно любым оружием, убивать можно любым оружием...“ Был доставлен для осмотра в Центр психического здоровья округа Камберленд».

Психологический портрет преступника Райма не интересовал. В первую очередь он полагался на науку анализа улик. И раньше криминалист знал, что Танцор является социопатом. Это верно относительно всех без исключения профессиональных убийц. В настоящий момент от психических травм, полученных преступником в детстве, не было никакого толку.

— Фото есть? — спросил Райм.

— В подростковой колонии снимки не делали.

— Я и забыл. Черт! В армии он служил?

— Нет. Но у него еще раз были нелады с законом, — сказал Купер. — Колл пытался завербоваться в морскую пехоту, но был отвергнут после осмотра психиатром. В течение нескольких месяцев от приставал к вербовщикам и в конце концов избил одного сержанта. Признал себя виновным.

— Надо срочно обратиться во все архивы, — предложил Селитто.

— Пусть Деллрей пошлет людей в Камберленд, — распорядился Райм. — Надо найти следы Танцора.

— Хорошо.

Стивен Колл...

Наконец-то, после стольких лет! Райм чувствовал себя так, словно посетил святыню, о которой читал с детства, но никогда не видел лично.

Послышался резкий стук в дверь. Все вздрогнули. Сакс и Селитто непроизвольно потянулись за пистолетами.

Но пришедшим оказался один из полицейских, дежуривших внизу.

— Вам посылка.

— Что это? — спросил Райм.

— Ее доставил курьер из Иллинойса. Сказал, от пожарной службы округа Дю-Пейдж.

— Что там?

Полицейский пожал плечами.

— Курьер *сказал,*что там грязь с шин пожарных машин. Наверное, пошутил.

— Нет, — остановил его Райм, — здесь именно это, — он повернулся к Куперу. — Грязь с колес машин, прибывших на место катастрофы самолета.

Полицейский недоуменно заморгал.

— Именно это вы и просили? Посылку доставили самолетом из Чикаго...

— Мы ждали ее, затаив дыхание.

— Ну... В жизни много странного, вы не находите?

Линкольн Райм вынужден был согласиться.

* * *

Полеты — это не только собственно полеты.

Полеты — это масса бумаг.

Весь кузов фургона, перевозившего Перси Клэй в аэропорт «Мамаронек», был забит книгами, папками и картами: «Справочник аэропортов Северной Америки», «Справочное пособие летчика», «Наставление по полетам ФАГА» и многое другое. Тысячи страниц. Горы информации. Перси, как и большинство профессиональных летчиков, многое знала наизусть. Но она не могла даже подумать о том, чтобы сесть за штурвал, предварительно не проштудировав основные книги от корки до корки.

Раскрыв справочники и вооружившись калькулятором, Перси стала заполнять два основных предполетных документа: навигационную карту и план полета. На карте ей предстояло отметить свою высоту, рассчитать дрейф вследствие ветра, определить разницу между истинным и магнитным курсами и вычислить РВП — расчетное время прибытия. А в результате должно получиться число, известное одному господу богу:

количество необходимого горючего. Шесть городов, шесть навигационных карт, десятки промежуточных контрольных точек...

А на обороте навигационной карты составлялся план полета в соответствии с требованиями ФАГА. Поднявшись в воздух, второй пилот сразу же сообщит об этом в Центр управления полетами аэропорта «Мамаронек», который, в свою очередь, свяжется с Чикаго и передаст туда расчетное время прибытия. Если самолет не прибудет в пункт назначения через полчаса после истечения расчетного времени, он будет считаться опаздывающим, и начнется процедура поиска и спасения.

Эти сложные документы требовалось составить без ошибок. Имея запас топлива с избытком, самолет может лететь, ориентируясь исключительно на радиопеленг, спокойно передвигаясь из пункта отбытия в пункт назначения на любой высоте. Но горючее не только очень дорогое (а два турбовентиляторных двигателя «Гаррет» сжигали его в огромных количествах); оно также очень тяжелое, и возить его избыток — слишком дорогое удовольствие. При дальнем рейсе, особенно если предстоит много взлетов, двигатели становятся особенно прожорливыми. Чрезмерный запас горючего может существенно подточить прибыль, на которую рассчитывает компания. ФАГА требовало, чтобы в каждый вылет самолет брал запас горючего, необходимый для полета до места назначения, а также резерв, достаточный в случае полета ночью для нахождения в воздухе в течение сорока пяти минут.

Пальцы Перси Клэй проворно бегали по клавишам калькулятора. Бланки заполнялись ее четким почерком. Беспечная во всем остальном, к полетам она относилась в высшей степени серьезно. Ей доставляло удовольствие вписывать частоты станций наведения, значения магнитного склонения. Перси никогда не прибегала к приблизительным оценкам там, где требовались точные расчеты. И сегодня она окунулась в работу с головой.

Рядом находился Роланд Белл. Он был подавленным и угрюмым. Добродушный весельчак бесследно исчез. Перси очень переживала за него: похоже. Бритт Хейл стал первым свидетелем, которого Беллу не удалось сберечь. Она испытывала необъяснимое желание взять его за руку, сказать теплое слово, как еще совсем недавно успокаивал ее он. Но Белл, похоже, был из тех, кто, столкнувшись с потерей, уходит в себя. Проявление сочувствия могло только помешать. Перси поймала себя на мысли, что в этом Белл очень похож на нее. Уставившись в окно фургона, он постоянно проводил рукой по ребристой черной рукоятке пистолета, спрятанного в кобуру под мышкой.

Как раз когда Перси закончила заполнять последнюю полетную карточку, фургон свернул с шоссе в аэропорт. Вооруженная охрана в воротах проверила документы у всех, кто находился в машине, и только после этого пропустила ее.

Фургон подъехал к ангару, но Перси заметила, что в административном здании все еще горит свет. В сопровождении Белла и других телохранителей, настороженно оглядывающихся по сторонам, она направилась в контору компании.

Там она застала Рона Тэлбота, перепачканного машинным маслом, сидящего в кресле и устало вытирающего мокрый от пота лоб. Ее встревожило его красное лицо.

— Рои, — воскликнула Перси, спеша к нему, — что с тобой? Они обнялись.

— Бритт… — задыхаясь, покачал головой Рон. — Теперь он убил и Бритта. Перси, зачем ты приехала сюда? Уезжай туда, где ты будешь в безопасности. Даже не думай о том, чтобы лететь. Плата будет слишком высокой!

Перси отпрянула от него.

— В чем дело? Ты заболел?

— Нет, просто устал.

Вырвав у него из руки дымящуюся сигарету, она смяла ее в пепельнице.

— Неужели ты работал сам? Переоборудовал «Фокстрот Браво»?

— Ну…

— Рон!

— Да, в основном работал я. Но все практически закончено. Ребята из Северо-восточного отделения доставили патрон огнетушителя и кольцо сопла час назад. Я уже начал его устанавливать. Просто немного устал.

— В груди больно?

— Нет-нет, ничего такого.

— Рон, отправляйся домой.

— Я мог бы…

— Рон! — отрезала Перси. — За последние два дня я лишилась двоих близких мне людей. Я не хочу потерять и третьего... Я сама смогу сменить кольцо. Тут нет ничего сложного.

Судя по виду Тэлбота, он не смог бы поднять не то что тяжелое сопло, а даже гаечный ключ.

— Где Брэд? — спросила Перси, имея в виду второго пилота.

— Уже выехал. Будет здесь через час.

Она поцеловала Рона в мокрый от пота лоб.

— Поезжай домой. И ради Бога забудь на время о травке. Ты что, с ума сошел?

Тэлбот крепко стиснул ее.

— Перси, я хотел сказать...

Она приложила палец к губам.

— Домой. Выспись. Когда ты проснешься, я уже прилечу в Эри, и контракт будет у нас с подписями и печатями.

С трудом поднявшись на ноги, Рон постоял у окна, глядя на самолет. У него на лице появилось то самое выражение бесконечного горя, как и тогда, когда он сообщил Перси, что не прошел медицинскую комиссию и не сможет больше летать.

Развернувшись, Тэлбот направился к двери.

Пора за работу. Закатав рукава. Перси предложила Беллу следовать за ней. Тот кивнул, она находила этот жест просто очаровательным. Так же в точности вел себя Эд, когда она говорила ему разные нежные слова.

— Я проведу в ангаре несколько часов, — сказала Перси. — Сможете не подпускать ко мне этого сукиного сына?

Никаких афоризмов, никаких любимых словечек. Роланд Белл, вооруженный двумя пистолетами, молча кивнул, настороженно вглядываясь в тени.

* * *

Они столкнулись с загадкой.

Купер и Сакс внимательно изучили все улики, собранные с колес пожарных и полицейских машин, выезжавших на место падения самолета Эда Карни. Как и ожидал Райм, в основном это оказались грязь, собачий кал, трава, масло и всякий мусор. Лишь в самом конце им удалось найти кое-что интересное.

Вся беда была в том, что Райм не имел ни малейшего понятия, что это такое.

Единственный образец, имевший следы взрывного вещества, представлял собой крошечные куски мягкого светло-коричневого вещества. Хроматограф доложил, что его химическая формула C_5H_8.

— Изопрен, — заметил Купер.

— Это что такое? — спросила Сакс.

— Резина, — ответил Райм.

— Я также вижу следы жирных кислот, — продолжал Купер. — Красители, тальк.

— Затвердители? — спросил Райм. — Глина? Карбонат магния? Оксид цинка?

— Нет.

— Значит, это мягкая резина. Что-то вроде латекса.

— А также резиновый клей, — добавил Купер, разглядывая образец в микроскоп. — Ого!

— Мел, не тяни! — проворчал Райм.

— В резине вкрапления припоя и крошечных осколков пластмассы. Печатная плата.

— Часть таймера? — вслух высказала предположение Сакс.

— Нет, он остался целым, — напомнил Райм.

Он почувствовал, что они что-то нашли. Если это другой фрагмент бомбы, возможно, он позволит определить источник взрывчатки или какого-то другого компонента.

— Нам необходимо определить абсолютно точно, является это частью бомбы или же это было в самом самолете. Сакс, немедленно отправляйся в аэропорт.

— Какой?

— "Мамаронек". Найди Перси. Пусть она даст тебе образцы всего, в состав чего входят латекс, резина и печатные платы и что может находиться внутри такого самолета, как тот, на котором летел Карни. Мел, а ты свяжись с армейскими взрывниками, возможно, они используют какое-то водонепроницаемое покрытие из резины или что-то еще в том же духе. Быть может, нам удастся установить источник происхождения взрывчатки.

Купер застучал по клавишам компьютера, составляя запрос. Однако Сакс, как заметил Райм, была недовольна данным поручением.

— Ты хочешь, чтобы я говорила с Перси?

— Да, именно об этом я и попросил.

— Ну хорошо, — вздохнула она. — Ладно.

— И будь с ней повежливее. Нам нужна ее помощь. Райм не имел понятия, почему Сакс так резко сорвала с вешалки свою куртку и вышла, даже не обернувшись.

Глава двадцать девятая

Час 31-й из 45

Приехав в аэропорт «Мамаронек», Амелия Сакс первым делом увидела расхаживающего перед ангаром Роланда Белла. Еще шесть полицейских расположились по периметру здания. Наверное, где-то затаились и снайперы.

Ее взгляд непроизвольно упал на то место, где она рухнула на землю под огнем Танцора. При воспоминании о запахе сырой земли, смешанном со сладковатой гарью бездымного пороха от своих бесполезных выстрелов, у нее внутри все перевернулось от отвращения. Сакс подошла к Беллу.

— Добрый день, детектив.

— Привет.

Мельком взглянув на нее, он продолжил наблюдать за территорией аэропорта. Его южное добродушие исчезло. Вообще он стал другим. Сакс

подумала, что теперь их с Беллом объединяет нечто очень важное. Они оба стреляли в Танцора у гроба и промахнулись.

Оба побывали в зоне его действия, в зоне смерти, и остались живы. Однако Белл при этом стяжал больше славы. Сакс заметила на его бронежилете оставленное Танцором клеймо: следы от двух пуль, попавших во время нападения на охраняемый дом. Белл не отступил, не струсил.

— Где Перси? — спросила Сакс.

— В ангаре. Заканчивает подготовку самолета.

— Сама?

— Похоже, да. Перси Клэй — это что-то. Кто бы мог подумать, что эта... ну, не очень привлекательная женщина может обладать такой притягательной силой. Вы не согласны?

«Гм... Не заводи меня».

— Там кто-нибудь остался? В компании?

Сакс кивнула на контору «Гудзон-Эйр», где еще горел свет.

— Перси отослала всех домой. С минуты на минуту должен приехать парень, согласившийся лететь с ней вторым пилотом. А в конторе кто-то из управления полетами. Насколько я понял, он обязательно должен быть на месте, пока самолет в воздухе. Я его проверил. Все в порядке.

— Перси действительно собирается лететь сегодня вечером? — спросила Сакс.

— Похоже на то.

— Все это время самолет находился под охраной?

— Да, со вчерашнего дня. А вы что здесь делаете?

— Приехала за образцами для анализа.

— Ваш друг Райм — это тоже что-то.

— Угу.

— Вы с ним давно вместе?

— Вели несколько дел, — уклончиво ответила Сакс. — Райм вытащил меня из обыкновенного полицейского участка.

— Это он правильно сделал. Я слышал, вы знаете, как забивать гвозди.

— Простите?

— Умеете стрелять. Из стрелкового оружия. Входите в состав команды.

«Вот сейчас я как раз нахожусь на месте последнего соревнования», — с горечью подумала Сакс.

— Да нет, так, развлекаюсь по выходным, — пробормотала она.

— Я тоже балуюсь с пистолетом, но хвастать не буду: в хороший ясный день, имея длинноствольный пистолет и стреляя одиночными выстрелами, дальше шестидесяти ярдов попасть в мишень не берусь.

Сакс показалось, что это замечание призвано утешить ее после вчерашнего фиаско.

— Мне надо спешить.

— Прошу вас сюда.

Сакс вошла в просторный ангар. Она двигалась медленно, осматривая все места, где мог спрятаться Танцор. Дойдя до высокого ряда ящиков, молодая женщина остановилась. Перси ее до сих пор не заметила.

Летчица стояла подбоченясь на невысоких козлах, разглядывая сложное сплетение трубок и шлангов двигателя со снятым кожухом. Рукава ее куртки были закатаны, на руках чернела смазка. Наконец Перси кивнула, словно приняв какое-то решение, и взяла инструмент.

Сакс зачарованно следила, как ее руки проворно летают среди сложных механизмов, что-то регулируют, что-то замеряют, подтягивают какие-то гайки. Большой красный цилиндр, как предположила Сакс, патрон огнетушителя. Перси установила всего за десять секунд.

Но одна деталь, похожая на большую металлическую трубу, никак не желала вставать туда куда надо.

Спустившись с козлов. Перси выбрала нужные гаечные ключи и опять забралась наверх. Отпустив болты, она сняла еще одну деталь, освобождая место, и снова попыталась поставить большое кольцо на место.

Оно не поддавалось.

Перси надавила плечом. Кольцо не сдвинулось ни на дюйм. Летчица сняла еще одну деталь, аккуратно складывая болты и гайки в пластмассовую коробку у ног. Покраснев от усилия, она снова попыталась вставить кольцо. Ее грудь вздымалась от напряжения. Вдруг кольцо, сорвавшись, вывалилось из двигателя. Потеряв равновесие, Перси свалилась с козел. Аккуратно уложенные болты и ключи рассыпались по полу, закатившись под хвост самолета.

— Нет! — воскликнула Перси. — Нет!

Испугавшись, что она поранилась. Сакс шагнула было вперед, но тотчас же увидела, что эта вспышка никак не связана с болью — схватив большой гаечный ключ. Перси яростно ударила им по полу. Сакс поспешно отступила назад за большую коробку.

— Нет, нет, нет... — причитала Перси, колотя ключом по ровному бетону.

Застыв на месте. Сакс не отрывала от нее глаз.

— О, Эд... — Перси выронила ключ. — Одна я не смогу... — всхлипнув, она свернулась клубком. — Эд... о, Эд... мне тебя так не хватает!

Она лежала на блестящем полу, словно скрученный засохший лист, охваченная безудержными рыданиями.

И вдруг приступ кончился. Усевшись на полу. Перси вздохнула, вытирая слезы. Летчик в ее душе снова взял верх. Собрав гайки и ключи, она забралась на козлы. Перси внимательно осмотрела кольцо и соседние детали, но не смогла определить, что не дает ему встать на место.

Осторожно вернувшись ко входу. Сакс хлопнула дверью и опять прошла в ангар, на этот раз не скрывая звук своих шагов.

Обернувшись, Перси посмотрела, кто пришел, и, отерев лицо рукавом, снова занялась двигателем.

Подойдя к козлам. Сакс стала наблюдать, как она борется с кольцом.

Некоторое время обе женщины молчали.

— Попробуйте домкрат, — наконец предложила Сакс. Оглянувшись на нее. Перси промолчала.

— Допуски очень маленькие, — продолжала Сакс. — Вам недостает усилия. Все дело в силе сжатия. В технической школе этому не учат.

Перси внимательно осмотрела посадочные ушки.

— А я и не знала.

— Зато я в этом разбираюсь. Перед вами высококлассный специалист.

— Вам приходилось ставить сопло дожигания на «Лир»?

— Нет. Зато я меняла свечи в «Шевроле-Монца». Для того, чтобы до них добраться, двигатель нужно поддомкратить. Ну, только восьмицилиндровый. Но кому нужен автомобиль с четырехцилиндровым двигателем? Я хочу сказать, какой в нем смысл?

Перси задумчиво посмотрела на двигатель.

— Ну? — настаивала Сакс. — Где домкрат?

— Он сомнет наружный кожух.

— Не сомнет, если поставить его сюда. — Сакс указала на балку, крепящую двигатель к стрингеру, отходящему к фюзеляжу.

Перси осмотрела балку.

— Такого маленького домкрата у меня нет.

— Зато у меня есть. Сейчас принесу.

Быстро сходив к своей машине. Сакс вернулась с телескопическим домкратом. Не обращая внимания на вопящие от боли колени, она взобралась на козлы.

— Попробуйте поставить вот сюда, — она прикоснулась к картеру двигателя. — Это профилированная сталь.

Пока Перси устанавливала домкрат. Сакс с восхищением разглядывала сложную конструкцию двигателя.

— И сколько в нем лошадей?

— Мы измеряем мощность не в лошадиных силах, — рассмеялась Перси. — Мы используем фунт силы. Это турбовентиляторные двигатели «Гаррет-731». Каждый развивает тягу три тысячи пятьсот фунтов.

— Невероятно, — улыбнулась Сакс. Вставив рукоятку в домкрат, она начала ее крутить, чувствуя знакомое сопротивление. — Никогда не приходилось бывать так близко к турбинному двигателю. Но я всегда

мечтала прокатиться на реактивном автомобиле по высохшему соленому озеру.

— Это не реактивный двигатель в прямом смысле. Таких сейчас почти не осталось. Ну, разве что на сверхзвуковых «Конкордах». Разумеется, и на военных самолетах. А это турбовентиляторный двигатель. Как на авиалайнерах. Видите эти лопасти? По сути дела, это воздушный винт с постоянным шагом. Реактивный двигатель очень неэффективен на малых высотах. А эти позволяют экономить до сорока процентов топлива.

Учащенно дыша. Сакс крутила рукоятку домкрата. Перси, подперев плечом кольцо, не такое уж большое, но очень тяжелое, надавила изо всех сил.

— Значит, вы знаете толк в машинах? — спросила Перси, тоже задыхаясь.

— Это у меня от отца. Он их обожал. Мы проводили целый день, разбирая его машину на отдельные детали и собирая снова. Когда отец не был на дежурстве.

— На дежурстве?

— Он тоже был полицейским.

— И у вас бзик по поводу техники? — спросила Перси.

— Нет, у меня бзик по поводу *скорости*.А вот если он есть, лучше обзавестись также бзиком по поводу подвески, трансмиссии, двигателя и так далее, иначе быстро ехать не получится.

— А самолет вы когда-нибудь водили? — спросила Перси.

— "Водила"? — улыбнулась привычному слову Сакс. — Нет. Но, наверное, стоит об этом подумать, раз под этой крышкой прячется такая мощь.

Не обращая внимания на ноющие мышцы, она сделала еще несколько оборотов. Кольцо со стоном и скрипом подошло к своему месту.

— Не знаю... — неуверенно начала Перси.

— Почти встало!

Раздался громкий скрежет, и кольцо вошло в крепление. Плоское лицо Перси расплылось в слабой улыбке.

— Гайки затягиваются динамометрическим ключом? — спросила Сакс, вставляя в отверстия болты.

— Да, — откликнулась Перси. — Я использую усилие: «До тех пор, чтобы они не открутились ни за что на свете».

Сакс затянула гайки ключом с храповиком. Позвякивание металла о металл вернуло ее в те дни, когда она училась в школе, и выходные они проводили вдвоем с отцом. Запах бензина и машинного масла, аромат, доносящийся из кухни…

Проверив работу Сакс, Перси сказала:

— Остальное я закончу сама.

Она принялась соединять провода электронных компонентов. Сакс завороженно следила за ней. Через какое-то время Перси оторвалась от двигателя.

— Спасибо, — тихо произнесла она. И запоздало спохватилась: — А вы зачем сюда приехали?

— На месте катастрофы самолета мы обнаружили какой-то материал, и есть основания считать его остатками бомбы. Однако Линкольн хочет убедиться, что этот материал не является частью самолета. Это светло-коричневая латексная резина, печатная плата. Вам в голову ничего не приходит?

Перси пожала плечами.

— В «Лире» тысячи резиновых манжет. Возможно, какие-то из латекса, я понятия не имею. А печатные платы… Их тоже не меньше тысячи, — она кивнула в сторону верстака и шкафов. — Платы лежат отдельно, в зависимости от того, в состав какого оборудования они входят. А манжет там полно. Выбирайте какие хотите.

Подойдя к верстаку. Сакс начала отбирать в пакетик все куски резины коричневого цвета.

— А я решила, вы приехали, чтобы меня арестовать, — не оборачиваясь, бросила Перси. — Засадить в тюрьму.

«Хорошо бы», — мысленно отметила Сакс. Однако вслух она произнесла:

— Нет, только за образцами. Много еще работы? — помолчав, добавила она. — Я имею в виду, с самолетом?

— Только контрольный запуск и проверка мощности. Еще я хочу взглянуть на окно — то, которое заменил Рон. Не очень-то приятно терять окно на скорости четыреста миль в час. Вы не могли бы передать мне тот ключ?

— Я как-то потеряла на ста милях, — заметила Сакс, протягивая ей инструмент.

— Что?

— Лобовое стекло. Преступник, которого я преследовала, выстрелил из ружья. С двух стволов, дробью. Я успела пригнуться. Но стекла как небывало... Должна сказать, прежде чем я успела схватить мерзавца за шиворот, мне в рот залетело не меньше десятка жуков.

— А я-то думала, что это только у *меня*жизнь, полная приключений! — вздохнула Перси.

— В основном работа в полиции — смертельная скука. А платят за те пять процентов, когда вырабатывается адреналин.

— Где-то я уже это слышала, — сказала Перси, подключая к электронным компонентам двигателя переносной компьютер. Постучав по клавиатуре, она спросила, не отрываясь от экрана: — Так чем же это можно объяснить?

Заглянув ей через плечо, Сакс увидела на экране компьютера мелькающие цифры.

— Не понимаю, вы о чем?

— Ну... эту напряженность. Между нами. Вами и мной.

— Из-за вас едва не погиб мой друг. Перси покачала головой.

— Дело вовсе не в этом, — рассудительно произнесла она. — Ваша работа сопряжена с риском. Вы сами решаете, идти на него или нет. И Джерри Бэнкс не был зеленым новичком. Тут что-то другое, я это почувствовала еще до того, как Джерри был ранен. При самой первой нашей встрече, дома у Линкольна Райма.

Молча вытащив из двигательного отсека домкрат. Сакс рассеянно его закрутила. Детали одна за другой вставали на место. Перси размахивала отверткой словно дирижерской палочкой. У нее действительно были волшебные руки.

— Все дело в нем, да? — наконец спросила она.

— В ком?

— Вы прекрасно меня поняли. В Линкольне Райме.

— Вы считаете, я ревную? — деланно рассмеялась Сакс.

— Да, считаю.

— Вздор какой-то!

— Вас с ним связывает не только работа. По-моему, вы его любите.

— С чего вы взяли? Это просто нелепо.

Бросив на нее многозначительный взгляд. Перси аккуратно скрутила лишние провода в моток и уложила их в углубление в картере двигателя.

— То, что вы видели, это лишь проявление уважения к его таланту, — она ткнула в себя грязной рукой. — Ну же, Амелия, только посмотрите на меня. Какая из меня любимая женщина. Я коротышка, суетливая, некрасивая.

— Вы... — начала было Сакс.

— Вы хотите вспомнить сказку про гадкого утенка? — оборвала ее Перси. — Ну, том самом, которого все считали некрасивым до тех пор, пока он не превратился в прекрасного лебедя? В детстве я читала ее миллион раз. Увы, лебедем я так и не стала. Возможно, я научилась летать, как лебедь, — невесело улыбнулась она, — но это не одно и то же. К тому же, — закончила Перси, — я только что овдовела. Два дня назад потеряла мужа. В настоящий момент меня никто не интересует.

— Извините, — медленно начала Сакс, помимо своей воли втягиваясь в разговор, — но я должна заметить... ну, в общем, вы не очень-то в трауре.

— Почему вы так решили? Только потому, что я изо всех сил пытаюсь удержать наплаву свою компанию?

— Нет, тут нечто большее, — осторожно ответила Сакс. — Разве я неправа?

Перси пытливо всмотрелась в ее лицо.

— Мы с Эдом были очень близки. Он был для меня мужем, другом, деловым партнером... Но он действительно встречался с другой женщиной.

Сакс кивнула в сторону конторы компании «Гудзон-Эйр».

— Вы правы, — подтвердила Перси. — Это Лорен. Вы видели ее вчера.

Горько рыдавшая брюнетка.

— У меня разрывалось сердце. Черт побери, и Эду тоже было очень плохо. Он по-прежнему любил меня, но не мог обойтись без своих смазливых любовниц. Всегда страдал этим. Но, думаю, им приходилось еще хуже. Потому что в конечном счете Эд всегда возвращался ко мне. — Перси помолчала, пытаясь совладать со слезами. — Наверное, этим и определяется любовь. Тем, к кому ты возвращаешься.

— Ну а вы?

— Была ли я ему верной? — уточнила Перси. Она снова криво усмехнулась, как человек, способный заглянуть внутрь себя, но не любящий то, что он там видит. — Особых возможностей у меня не было. Едва ли меня можно причислить к тем женщинам, с кем знакомятся на улице, — она рассеянно уставилась на гаечный ключ. — Но действительно, когда я несколько лет назад прознала о похождениях Эда, я пришла в бешенство. Было очень больно. Я встречалась с Другими мужчинами. Мы с Роном, с Роном Тэлботом, провели вместе несколько месяцев, — она улыбнулась. — Он даже сделал мне предложение. Сказал, что я заслуживаю лучшего, чем Эд. Наверное, Рон был прав. Но несмотря на то, что в жизни Эда были и другие женщины, именно он был тем, с кем я должна быть рядом. Так было до самого конца.

Умолкнув, она уставилась вдаль.

— Мы с Эдом познакомились в морской авиации. Оба летали на истребителях. Когда он сделал мне предложение… Знаете, в армии в таких случаях говорят: «Хочешь стать моим подчиненным?» Ну, шутка такая. Но мы тогда еще оба были младшими лейтенантами, поэтому Эд сказал: «Давай станем подчиненными друг друга». Он хотел подарить мне кольцо, но поскольку отец лишил меня наследства…

— Правда?

— Ага. Прямо мелодрама какая-то, но мне сейчас не хочется вспоминать об этом. Так или иначе, уволившись из армии, мы с Эдом очутились на мели и долго откладывали последние гроши, чтобы основать свою компанию. Но однажды вечером он сказал: «Давай полетаем». Мы взяли напрокат старый «Норсман». Замечательный самолет. С большим звездообразным мотором воздушного охлаждения… На таком можно делать все что угодно. Я села в левое кресло, то есть взяла на себя

обязанности первого пилота. Мы взлетели, и я поднялась на высоту шесть тысяч футов. Вдруг Эд, поцеловав меня, покачал штурвал. Это означало, что он принимает управление на себя. Я отпустила штурвал. И тут Эд сказал: «Перс, а я все-таки достал тебе бриллиант».

— Да? — спросила Сакс. Перси грустно усмехнулась.

— Он дал полный газ, до самой красной отметки, а затем резко потянул штурвал на себя. Нос самолета задрался вертикально вверх, — в глазах Перси Клэй блеснули слезы. — Какое-то мгновение, пока Эд не отпустил штурвал, мы смотрели прямо на усыпанное звездами небо. Повернувшись ко мне, Эд сказал: «Выбирай. Перед тобой все звезды ночного неба — возьми любую».

Перси уронила голову. Все звезды ночного неба... Вытерев рукавом глаза, она снова повернулась к двигателю.

— Поверьте, у вас нет причин для тревоги. Линкольн — потрясающий мужчина, но кроме Эда мне никто не нужен.

— Тут нечто большее, — вздохнула Сакс. — Вы напоминаете ему женщину, которую он когда-то любил. Стоит ему вас увидеть, и он опять оказывается с ней.

Перси пожала плечами.

— У нас много общего. Мы друг друга понимаем. И что с того? Это ничего не значит. Амелия, откройте глаза. Райм вас любит.

— Не думаю, — рассмеялась Сакс.

Перси бросила на нее взгляд, красноречиво говоривший:

*«Как вам угодно...»,*и начала убирать инструмент, аккуратно складывая его в коробки.

Зашедший в ангар Роланд Белл проверил все окна, всмотрелся в тени.

— Все спокойно? — спросил он.

— Абсолютно.

— У меня для вас сообщение. Ребята из «Ю. Эс. Хелскэр» только что выехали из больницы Уэстчестера. Груз будет здесь через час. На всякий случай их сопровождает машина с моими людьми. Но не беспокойтесь, паники не будет, мои ребята знают, что к чему. Шофер даже не догадается, что за машиной следили.

Перси сверилась с часами.

— Хорошо.

Взглянув на Белла, смотрящего на раскрытый двигатель словно змея на мангуста, она спросила:

— Вы что, собираетесь нянчиться с нами и в самолете? Тот шумно вздохнул.

— После того, что произошло в охраняемом доме, — мрачно произнес он, — я больше ни на минуту не спущу с вас глаз.

Покачав головой так, будто его уже начало укачивать, он вернулся к выходу и скрылся в прохладных вечерних сумерках.

Засунув голову в отсек. Перси стала проверять свою работу.

— Глядя на вас с Раймом, я скажу так: пятьдесят на пятьдесят, — донесся ее гулкий голос. Вынырнув из двигателя, она посмотрела на Сакс. — Знаете, давным-давно у меня был инструктор.

— И?

— Когда мы с ним летали на многомоторных самолетах, его любимым развлечением было заглушить один двигатель и попросить совершить посадку. Многие инструктора глушат двигатель, чтобы выяснить, как ученик поведет себя в такой ситуации. Но делают они это на большой высоте, а перед посадкой запускают двигатель снова. Но это же — ха! Он заставлял нас садиться с одним работающим двигателем. Ученики его всегда спрашивали: «А это опасно?» А он всегда отвечал:

«Наверняка не знает даже Господь Бог. Иногда приходится рисковать».

Опустив створку отсека. Перси с громким стуком закрыла защелку.

— Что ж, готово. Этот чертов самолет действительно может подниматься в воздух.

С этими словами она похлопала по сверкающей стали, как треплет круп своего коня участник родео.

Глава тридцатая

Час 32-й из 45

В воскресенье в шесть часов вечера Джоди вызвали из спальни в особняке Райма на первом этаже, где он все это время сидел взаперти.

Маленький бродяга неохотно поднялся наверх, прижимая к груди свою глупую брошюру «Покончим с зависимостью» так, словно это было Священное писание. Райм вспомнил, что одно время эта книга несколько месяцев подряд держалась в списке бестселлеров. А сам он, в то время захлестнутый черной меланхолией, тогда цинично говорил себе, что он со своей зависимостью не покончит никогда. Из Куантико в Камберленд, штат Западная Вирджиния, последнее местожительство Стивена Колла, вылетел отряд агентов ФБР. Они должны были проверить все возможные ниточки, пытаясь определить его теперешнее местонахождение. Но Райм, имевший возможность убедиться, как тщательно заметает за собой следы Танцор у гроба, не имел оснований считать, что в прошлом он действовал менее аккуратно.

— Вы нам уже рассказывали о своем приятеле, — начал Райм, обращаясь к Джоди. — Вы говорили о *фактах, о*самом главном. Но мне нужно знать больше.

— Я...

— Подумайте хорошенько.

Джоди прищурился. Райму показалось, он старается подобрать что-нибудь такое, чтобы задобрить присутствующих. К его удивлению, Джоди вдруг сказал:

— Ну, например, он очень вас боится.

— Нас? — переспросил Райм.

— Нет. Вас одного.

— Меня? — поразился он. — Он меня знает?

— Ему известно, что вас зовут Линкольном. А также то, что вы на него охотитесь.

— Откуда?

— Понятия не имею, — сказал маленький человечек. Помолчав, он добавил: — Знаете, он пару раз звонил по своему сотовому телефону. Ничего не говорил и долго слушал. Я тогда подумал...

— Дьявол! — нараспев протянул Деллрей. — Он прослушивает чей-то телефон.

— Ну конечно! — воскликнул Райм. — Вероятно, номер конторы «Гудзон-Эйр». Именно так ему стало известно про охраняемый дом. Как нам это раньше не пришло в голову?

— Надо срочно прочесать всю контору, — заметил Деллрей. — Впрочем, жучок может быть поставлен в раздаточную коробку. Но мы его найдем. Обязательно найдем.

Он связался с техническим управлением ФБР.

— Продолжайте, — предложил Джоди Райм. — Что еще ему известно обо мне?

— Он знает, что вы из полиции. По-моему, ему не известны ни ваш адрес, ни фамилия. Но он вас до смерти боится.

Если живот Райма и был способен зарегистрировать прилив возбуждения и гордости, он сделал бы это сейчас.

«Что ж, Стивен Колл, посмотрим, сможем ли мы еще чем-нибудь тебя испугать».

— Джоди, один раз вы нам уже помогли. Я хочу опять просить вас о помощи.

— Вы с ума сошли?

— Заткнись, мать твою, — рявкнул Деллрей. — И слушай, что тебе говорят, понятно? *Понятно?*

—Я выполнил то, что обещал. Больше я ничего делать не буду. — Услышав завывание Джоди, Райм понял, что продолжать уговаривать его дальше бесполезно. Он повернулся к Селитто. Здесь требуется работа профессионала.

— В твоих интересах помочь нам, — спокойно произнес детектив.

— В моих интересах получить пулю в *спину?*Получить пулю в *башку?*Ага. Я все понял. Не могли бы вы объяснить подробнее?

— Да, я сейчас все тебе объясню, мать твою! — проворчал Селитто. — Танцору известно, что ты его продал. Ему ведь *не нужно*было стрелять в тебя там, у охраняемого дома, верно? Я прав?

В первую очередь необходимо разговорить того, кого допрашиваешь. Заставить его *принять участие*в разговоре. Селитто не раз пытался объяснить Линкольну Райму технику допроса.

— Ну да, наверное.

Селитто поманил Джоди пальцем.

— Для него самым лучшим было бы просто смыться. Но он не поленился занять позицию и попытался прострелить твою задницу. Итак, о чем это говорит?

— Я...

— Это говорит о том, что Танцор не успокоится до тех пор, пока не прикончит тебя.

В разговор вмешался Деллрей, радуясь возможности в кои-то веки побыть искренним.

— А я полагаю, это не тот человек, которого ты хочешь увидеть под своей дверью в три часа утра — на этой неделе, в следующем месяце или через год. Тут мы согласны, так?

— Итак, — подвел резюме Селитто, — ты согласен, что в твоих *собственных*интересах помочь нам?

— А вы обеспечите меня — как это называется... ну, когда охраняют свидетелей?

— И да, и нет, — пожал плечами Селитто.

— А?

— Если поможешь, то обеспечим. Если не поможешь — нет.

— Красные глаза Джоди затянула влажная пелена. Было видно, что ему страшно. После несчастного случая Райму бывало страшно только за других — за Амелию, Тома, Лона Селитто. Самому же ему казалось, что он больше никогда не испытает страх смерти. Ему стало любопытно, каково жить, постоянно боясь. Вести жизнь мыши.

Слишком много способов умереть...

Селитто, натягивая на себя маску доброго полицейского, сочувственно улыбнулся Джоди.

— Ты ведь был рядом с Танцором, когда он убил полицейского. Там, в подвале, да?

— Был, точно.

— Этот человек мог бы остаться в живых. И Бритт Хейл мог бы остаться в живых. И еще много-много других людей... *если*бы кто-то помог нам остановить этого подонка пару лет назад. Что ж, ты можешь помочь нам остановить его сейчас. Спасти жизнь Перси, десяткам других. Это в *твоих*силах.

В этом и состоял талант Селитто. Райм бы продолжал давить на маленького бродягу, запугивать его, возможно, попытался бы его подкупить. Но ему бы не пришло в голову попытаться воззвать к крохотной крупице порядочности, которую детективу удалось разглядеть в Джоди.

Тот рассеянно мусолил страницы книги. Наконец он поднял взгляд и сказал, поразив Райма своей серьезностью:

— Когда я вел этого человека к своему дому по тоннелям, пару раз у меня возникало желание столкнуть его в канализационную трубу. Течение там очень сильное. Унесло бы его до самого Гудзона. А еще мне известно, где в метро лежат металлические костыли. Когда он отвернулся бы от меня, я мог бы схватить костыль и ударить его по голове. Честное слово, я об этом думал. Но мне было очень страшно. — Джоди раскрыл книгу. — «Глава третья. Борьба с демонами, находящимися внутри тебя». Понимаете, я всегда бежал от трудностей. Мне никогда не удавалось встретиться с ним лицом к лицу. Я думал, что смогу сделать это в тот раз, но не смог.

— Что ж, сейчас у тебя есть шанс, — сказал Селитто. Полистав растрепанную книгу, Джоди вздохнул.

— Что я должен делать?

Деллрей поднял к потолку пугающе длинный большой палец, выражая одобрение.

— Сейчас подойдем и к этому, — сказал Райм, обводя взглядом комнату. — Том! — вдруг закричал он. — Том! *Сюда!*Ты мне нужен.

Измученное лицо помощника высунулось из-за утла.

— Да-а?

— Я становлюсь тщеславным, — драматично заявил Райм.

— Что?

— Мне нужно зеркало.

— Зеркало?

— И большое. Да, и еще, пожалуйста, причеши меня. Я постоянно твержу об этом, а ты все время забываешь.

* * *

Фургон компании «Ю. Эс. Хелскэр» подкатил к ангару. Если на двоих рабочих в белых халатах, доставивших человеческие органы на сумму свыше четверти миллиона долларов, и произвели какое-то впечатление вооруженные автоматами полицейские, оцепившие аэродром, они это никак не показали.

Но все же они вздрогнули от неожиданности, когда Кинг, немецкая овчарка подразделения по борьбе с терроризмом, обнюхал ящики с грузом, проверяя, что там нет взрывчатых веществ.

— Гм, следите повнимательнее за своей собачкой, — с беспокойством заметил один из рабочих. — Там, в ящике, сплошные деликатесы: печенка, сердце.

Но Кинг был настоящим профессионалом. Он тщательно обнюхал груз, но не стал пробовать его на вкус. Рабочие загрузили ящики в холодильники на борту самолета. Перси вернулась в кабину, где Брэд Торгесон, светловолосый молодой пилот, иногда выполнявший рейсы для «Гудзон-Эйр», заканчивал предполетную подготовку.

Оба пилота уже совершили внешний осмотр самолета, в сопровождении Белла, трех полицейских и Кинга. Первое и самое главное: у Танцора не было возможности подобраться к самолету. Впрочем, убийца уже успел снискать себе репутацию способного материализоваться прямо из воздуха, так что, вероятно, это был самый тщательный предполетный наружный осмотр в истории авиации.

Окинув взглядом пассажирский отсек. Перси увидела огоньки работающих холодильников с тем удовлетворением, какое испытывала всегда, когда оживали бездушные механизмы, творение рук человеческих. Для Перси Клэй подтверждением существования Бога служили равномерное жужжание сервомоторов и трепет гладких металлических крыльев в тот момент, когда набегающий воздушный поток создает достаточную для отрыва от земли подъемную силу.

Изучая перечень необходимых работ. Перси вдруг испуганно вздрогнула, услышав над ухом громкое дыхание.

— Ого! — воскликнул Брэд.

Кинг, придя к заключению, что в кабине взрывчатки нет, продолжил осмотр внутреннего салона.

Только что с Перси говорил Райм. Он сказал, что они с Амелией Сакс исследовали все резиновые манжеты и трубки, но не нашли ничего похожего на латекс, обнаруженный на месте катастрофы под Чикаго. Криминалист высказал предположение, что Танцор, возможно, герметично упаковал взрывчатку в резину, чтобы ее запах не могли уловить собаки. Поэтому Перси и Брэду пришлось на несколько минут выйти из кабины, пока специалисты из технической службы обошли весь самолет, прослушивая его снаружи и изнутри сверхчувствительными микрофонами в поисках таймера.

Все чисто.

Пока самолет будет катиться по аэродрому, вдоль рулежных дорожек будут стоять полицейские в форме. Фред Деллрей, переговорив с ФАГА, добился засекречивания полетного плана. Таким образом. Танцор не сможет узнать, куда направляется самолет, даже если ему известно, что за штурвалом сидит Перси. Деллрей также связался с отделениями ФБР в каждом из мест назначения. На всех аэродромах самолет будут встречать специальные подразделения.

И вот двигатели запустились. Брэд занял место второго пилота, Роланд Белл беспокойно ерзал в одном из двух оставшихся пассажирских кресел. Перси Клэй запросила центр управления полетами.

— "Лир" шесть-девять-пять «Фокстрот Браво» компании «Гудзон-Эйр» готов выруливать на полосу.

— Вас понял, шесть-девять-пять «Фокстрот Браво». Ваша дорожка ноль-пять, справа.

— Дорожка ноль-пять, справа. «Фокстрот Браво» начал движение. Легкое прикосновение к рычагам управления, и волшебный самолетик выкатился на рулежную дорожку, укутанную ранними весенними сумерками. Вела «Лир» Перси. Второй пилот может брать управление в воздухе, но только первый пилот ведет самолет по земле.

— Роланд, как вам, нравится? — окликнула летчица Белла.

— Безумно, — мрачно ответил тот, с опаской выглядывая в большой круглый иллюминатор. — Знаете, отсюда можно смотреть прямо вниз, такие большие окна. Почему?

Перси рассмеялась.

— На огромных авиалайнерах пассажиров стараются заставить забыть о том, что они находятся высоко в воздухе. Крутят фильмы, кормят, а иллюминаторы крохотные. Но ведь так все удовольствие пропадает, верно?

— И все же я вижу в этом какой-то смысл, — пробормотал Белл, зашторивая окно и впиваясь зубами в жевательную резинку.

Перси не отрывала взгляда от рулежной дорожки, всматриваясь в темноту.

— Так, слушай наши действия, — сказала она Брэду.

— Готов.

— Разгоняемся, опустив закрылки на пятнадцать градусов, — начала Перси. — Я даю газ. Ты следишь за скоростью.

Восемьдесят узлов, беру штурвал, плавный подъем, штурвал на себя. Потом даю команду убрать шасси. Понятно?

— Скорость восемьдесят, берешь штурвал, плавный подъем, штурвал на себя. Убрать шасси.

— Хорошо. Ты следишь за всеми приборами. Если загорается красная лампочка до того, как начался подъем, ты громко говоришь: «Стоп», и я принимаю решение, продолжать ли взлет. Если это произойдет после того, как мы оторвались от земли, мы взлетаем и разбираемся с нештатной ситуацией в воздухе. Ляжем на курс, а ты запросишь разрешение на немедленную посадку. Понятно?

— Понятно.

— Хорошо. Что ж, поехали… Роланд, вы готовы?

— *Я-то*готов. Надеюсь, вы тоже готовы. Постарайтесь не выронить изо рта конфетку.

Перси улыбнулась. Это же выражение употребляла их домработница в Ричмонде. Оно означало: «Сделай все как надо».

Она прибавила газу. Стрелки приблизились к красной отметке. Взвыв двигателями, «Лир» устремился вперед. Когда он проезжал мимо засады, где убийца прикрепил бомбу к самолету Эда, Перси выглянула в окно и увидела двух полицейских.

— "Лир" шесть-девять-пять «Фокстрот Браво», — послышалась команда центра управления полетами, — останавливайтесь у начала взлетно-посадочной полосы номер пять.

— "Фокстрот Браво". Останавливаюсь у начала ВПП номер пять.

Перси повернула штурвал, выруливая к полосе.

Крошечный «Лир» едва возвышался над землей, однако Перси Клэй, усаживаясь в левое кресло, каждый раз ощущала себя на высоте не меньше мили, даже если самолет еще бежал по бетону аэродрома. За штурвалом самолета она чувствовала себя на вершине могущества. Все ее решения выполнялись беспрекословно. Вся ответственность лежала на ее плечах. Она была командиром.

Перси посмотрела на приборную панель.

— Закрылки на пятнадцать.

— Закрылки на пятнадцать, есть, — эхом повторил Брэд.

— "Лир" шесть-девять-пять «Фокстрот Браво», занять позицию. Пятая ВПП, приготовиться к взлету.

— "Фокстрот Браво", занимаю пятую ВПП, готов к взлету. Брэд завершал предвзлетную проверку.

— Герметичность кабины — в норме. Выбор температуры — автоматический. Бортовые огни зажжены. За тобой зажигание, трубка Пито и стробоскоп.

Перси, проверив показания этих приборов, доложила:

— Зажигание, трубка Пито и стробоскоп в норме. Вырулив на взлетно-посадочную полосу, она остановилась строго на линии осевой разметки и сверилась с компасом.

— Проверка указателя курса ноль пять. ВПП пятая. Набираю мощность. Она надавила на рычаг газа. Самолет покатился по полосе бетона. Перси ощутила под своей рукой руку Брэда.

— Двигатели на полной мощности, — доложил он. — Скорость ожила. Стрелка спидометра, оторвавшись от подушки, начала медленно ползти вверх: двадцать узлов, сорок узлов...

Стрелка тахометра прижалась к красной отметке. Самолет рванул вперед. Услышав «о-оой!» из салона, где сидел бедняга Роланд Белл, Перси едва сдержала улыбку.

Пятьдесят узлов, шестьдесят узлов, семьдесят...

— Восемьдесят узлов, — доложил Брэд. — Двойная проверка.

— Подтверждаю, — откликнулась Перси, взглянув на показания спидометра.

— Скорость взлета, — пропел Брэд. — Бери штурвал. Убрав правую руку с рычага газа. Перси взяла штурвал. Обтянутые пластмассой рога, до этого бессильно обмякшие, вдруг напряглись от сопротивления набегающего воздуха. Перси потянула штурвал на себя, задирая «Лир» на стандартный угол взлета семь с половиной градусов. Двигатели продолжали размеренный рев, и она, усилив давление на штурвал, довела угол подъема до десяти градусов.

— Оторвались, — доложил Брэд.

— Убрать шасси. Убрать закрылки. Включить курсовой демпфер.

В наушниках послышался голос авиадиспетчера:

— "Лир" шесть-девять-пять «Фокстрот Браво», поворот налево, направление два-восемь-ноль. Свяжитесь с отделом вылетов.

— "Фокстрот Браво", направление два-восемь-ноль. Спасибо.

— Счастливого пути.

Потянуть штурвал чуть сильнее. Одиннадцать градусов, двенадцать, четырнадцать... Еще несколько минут двигатели будут работать на максимальной мощности, потом можно будет перевести их в нормальный режим.

Перси Клэй слышала у себя за спиной милый сердцу рев турбовентиляторных двигателей. Поднимаясь вверх, она оставляла позади все заботы, тяжесть, боль. Оставляла позади смерть Эда и смерть Бритта, и даже этого жуткого убийцу, Танцора у гроба.

Все горе, неопределенность, грязь остались далеко внизу, а она стала свободной. Вроде бы несправедливо, что ей удалось так легко сбросить с плеч тяжелую ношу, однако дело действительно обстояло так. Ибо та Перси Клэй, что сидела в левом кресле «Лир», бортовой номер Н695ФБ, была не той Перси Клэй, коротышкой с расплющенным лицом,

единственной притягательной силой которой были деньги ее отца. Не Перси-тролль, не Перси-боксер, не Перси-лягушка, неуклюжая брюнетка, борющаяся с вечно сползающими перчатками, окруженная стройными блондинками, которые встречают ее слащавыми улыбками, но приберегают злорадные сплетни на потом.

То была ненастоящая Перси Клэй.

Настоящая была *вот эта*.

Роланд Белл снова испуганно ахнул. Должно быть, он опрометчиво отдернул занавеску и выглянул в окно.

— Отдел вылетов аэропорта «Мамаронек», говорит «Лир» шесть-девять-пять «Фокстрот Браво». Высота две тысячи.

— Добрый вечер, «Фокстрот Браво». Поднимайтесь на шесть тысяч. — Началась рутинная работа настройки аэронавигационных приборов на частоту станций наведения, которые поведут реактивный «Лир» до самого Чикаго по курсу, прямому как стрела самурая.

На высоте пять с половиной тысяч футов самолет пробил слой облаков. Такого величественного заката Перси видеть еще не приходилось. Не очень-то любившая бывать на природе, она не уставала любоваться видом неба. Летчица пустила в свое сознание одну сентиментальную мысль: хорошо, если последнее, что увидел в своей жизни Эд, по красоте не уступало этому зрелищу.

На высоте двадцать одна тысяча футов Перси повернулась к Брэду:

— Самолет твой.

— Есть, — ответил тот.

— Кофе?

— Не откажусь.

Сходив в пассажирский салон, Перси приготовила три чашки кофе, отнесла одну Брэду, а сама подсела к Роланду Беллу. Тот принял чашку трясущимися руками.

— Ну как вы? — спросила она.

— Да меня даже не укачало. Просто я, — его лицо покрылось сетью морщин, — ну, волнуюсь, будто... — вероятно, в Дегтярном штате на эту

тему существовало не меньше тысячи присказок, но Белл так и не смог подобрать ничего подходящего. — В общем, я волнуюсь, — закончил он.

— Взгляните сюда, — предложила Перси, указывая на окно кабины.

Подавшись вперед, Белл посмотрел на открывающуюся картину ночного неба. Его лицо расцвело от восторга и удивления.

— Ого! — присвистнул он. — Красотища какая... Скажите, а взлет всегда происходит так стремительно?

— Эта птичка и не на такое способна. Вы когда-нибудь слышали о Брук Нэпп?

— Кажется, не слышал.

— Летчица из Калифорнии. Установила рекорд кругосветного полета на «Лире-35А» — таком же, на котором мы сейчас летим. Ей потребовалось чуть больше пятидесяти часов. Я намереваюсь как-нибудь побить ее результат.

— Не сомневаюсь, что вам это по силам, — заметно успокоившийся, Белл взглянул на приборную панель. — Наверное, это жутко сложно.

Перси отпила кофе.

— В нашем ремесле есть один фокус, о котором мы предпочитаем не говорить. Что-то вроде профессиональной тайны. На самом деле все значительно проще, чем кажется со стороны.

— И что же это за тайна? — жадно спросил Белл.

— Ладно... Выгляните в иллюминатор. Видите разноцветные огоньки на концах крыльев?

Ему очень не хотелось выглядывать, но он переборол себя.

— Ну, вижу.

— Еще один есть на хвосте.

— Да, кажется, я обратил на него внимание.

— Ну так вот, главное держать самолет между этими огоньками, а все остальное получится само собой.

— Между огоньками... — потребовалось некоторое время, чтобы шутка дошла до него.

Белл долго недоуменно таращился на Перси, затем наконец улыбнулся.

— И многих вы уже так провели?

— Ну, кое-кого провела.

Однако шутка его все же не развеселила. Он сидел, уставившись в пол. В конце концов затянувшееся молчание нарушила Перси:

— Роланд, Бритт мог бы отказаться. Он знал, на что идет.

— Нет, не знал, — возразил Белл. — Не знал. Он согласился с тем, что мы задумали, не слишком хорошо представляя себе, как обстоит дело. Это моя ошибка. Я должен был догадаться о пожарных машинах. Должен был предвидеть, что убийце известно местонахождение ваших комнат. Я мог бы увести вас в подвал, еще куда-нибудь. И я мог бы стрелять точнее.

Белл был настолько подавлен, что Перси не нашлась, что сказать. Она накрыла его руку своей ладонью. С виду довольно тонкая, ладонь Белла оказалась каменно-твердой.

Белл негромко рассмеялся.

— Знаете, что я вам скажу?

— Что?

— С тех пор, как мы познакомились, я впервые вижу вас хотя бы наполовину спокойной.

— Здесь единственное место, где я чувствую себя дома, — согласилась Перси.

— Мы летим со скоростью двести миль в час, в миле от поверхности земли, а вы чувствуете себя в безопасности, — вздохнул Белл.

— Нет, мы летим со скоростью четыреста миль в час на высоте четыре мили.

— Хм. Лучше бы не говорили.

— У летчиков есть старая поговорка, — сказала Перси. — "Святой Петр не считает время в полете и удваивает часы, проведенные на земле ".

— Занятно, — усмехнулся Белл. — Мой дядя тоже говорил что-то в том же духе. Только он имел в виду рыбалку. Не обижайтесь, но мне его вариант больше по душе.

Глава тридцать первая

Час 33-й из 45

Черви...

Стивен Колл, покрытый потом, стоял в грязной уборной дешевого китайского ресторана. Яростно оттирая руки.

Черви, копошащиеся, жующие, грызущие... «Оттереть... Оттереть их, мать твою!!!» «Солдат...» «Сэр, я занят». «Сол...»

Тереть, тереть, тереть, тереть. Его ищет Линкольн-Червь. И везде, где он ищет, появляются черви.

Прочь!!!

Щеточка мелькала взад-вперед, впиваясь в кожу. На костяшках пальцев выступила кровь.

«Солдат, кровь — это улика. Нельзя...»

«Прочь!!!»

Вытерев руки, Стивен схватил с пола чемодан и сумку и вошел в зал ресторана.

«Солдат, где твои перчатки?»

Официанты испуганно таращились на окровавленные руки, на безумный блеск в глазах.

— Черви, — оправдываясь, пробормотал Стивен. — Черви, мать их.

Он поспешно выскочил на улицу и быстро пошел вперед, пытаясь успокоиться. Размышляя о том, что ему нужно сделать. Разумеется, он *должен*убить Джоди. Должен его убить, должен убить, должен, должен... И не потому, что маленький бродяга оказался предателем, — он выдал ему слишком много информации...

«Солдат, а почему ты так поступил, мать твою?»

— ...слишком много информации о себе. — И еще он должен убить Линкольна-Червя, потому что... потому что в противном случае черви его одолеют.

Должен убить, должен убить, должен, должен...

"Солдат, ты меня *слушаешь?*Ответь!"

Только это и осталось сделать.

А потом он уедет из этого города. Вернется в Западную Вирджинию. В родные горы.

Линкольн будет мертв.

Джоди будет мертв.

Должен убить, должен убить, должен...

И больше его здесь ничто не будет держать.

Ну а Жена? Стивен посмотрел на часы. — Семь вечера с лишним. Что ж, а она, вероятно, уже мертва.

* * *

— Пуленепробиваемый.

— И *эти*пули его тоже не возьмут? — спросил Джоди. — Вы же говорили, они взрываются.

Деллрей заверил его, что бронежилет защитит и от разрывных пуль. Стальной лист был покрыт толстым слоем кевлара. Бронежилет весил сорок два фунта, и Райм не знал ни одного полицейского, кто согласился бы его надеть.

— А что если он выстрелит мне в голову?

— Со *мной*он хочет расквитаться гораздо сильнее, чем с тобой, — успокоил его Райм.

— А как он узнает, что я здесь?

— А ты как думаешь, остолоп? — буркнул Деллрей. — Я сам ему скажу.

Затянув на коротышке бронежилет, он кинул ему ветровку. Джоди вымылся в душе после долгих возражений и переоделся в чистое белье.

Небесно-голубая ветровка, скрывавшая бронежилет, была ему широковата в плечах, но зато в ней он казался атлетически сложенным. Увидев себя в зеркале, отмытого, в чистой одежде, Джоди улыбнулся впервые с тех пор, как попал сюда.

— Отлично. — Селитто повернулся к двум полицейским в штатском. — Везите его в город.

Те вывели Джоди из комнаты.

Как только они ушли, Деллрей посмотрел на Райма. Тот кивнул. Вздохнув, долговязый агент раскрыл сотовый телефон и позвонил в контору «Гудзон-Эйр», где его звонка ждал другой агент. Специалисты технического отдела ФБР обнаружили в раздаточной коробке телефонных линий рядом с аэропортом «Мамаронек» подслушивающее устройство, подключенное к телефону чартерной авиакомпании. Однако его не стали трогать; больше того, по настоянию Райма специалисты проверили исправность устройства и даже заменили подсевшие батарейки. И вот сейчас криминалист рассчитывал, что этот жучок поможет ему поставить новую ловушку на Танцора.

В трубке послышались длинные гудки, затем щелчок.

— Агент Мондейл, — донесся низкий голос. На самом деле Мондейл был не Мондейлом, и говорил он заранее составленный текст.

— Говорит агент Уилсон, — сказал Деллрей голосом янки, белоснежного как лилия, родившегося в фамильном особняке в штате Коннектикут. — Мы у Линкольна. (Не «у Райма»; криминалист известен Танцору как «Линкольн».)

— Как аэропорт?

— По-прежнему оцеплен.

— Хорошо. Слушай, у меня к тебе вопрос. На нас тут работает один осведомитель, некий Джо Д'Оффорио.

— Этот тот, который...

— Точно.

— ...который переметнулся. И что?

— Тот еще осел, — сказал Уилсон, он же Фред Деллрей. — Но готов нам помогать. Мы сейчас свозим его в его дыру и обратно.

— Это еще зачем?

— Он хочет принять дозу своей дряни.

— Мать вашу, и зачем вам это нужно?

— Линкольн заключил с ним договор. Бродяга продает нам убийцу, а мы даем ему зелье. Он хранит его у себя, на заброшенной станции... Так вот, сопровождения не будет, поедем в одной машине. Почему я тебе и звоню: нам нужен хороший водила. А ты говорил, что у тебя есть такой, да?

— Водила?

— Ты с ним работал в деле Гамбино.

— Так, дай-ка вспомнить...

Они неторопливо обсудили давнишнее дело. Райм, как всегда, был поражен игрой Деллрея. Агент без труда становился тем, кем хотел стать.

Лже-Мондейл, тоже достойный награды, наконец сказал:

— Вспомнил. Тони Глидден. Нет, Томми. Блондин, да?

— Он самый. Он мне нужен. Он здесь?

— Нет. Он сейчас в Филли. Там накрыли банду угонщиков.

— В Филадельфии... Плохо. Мы выезжаем через двадцать минут. Ждать нельзя. Ладно, я сам сяду за руль. Но этот Томми, он...

— Да, сукин сын умеет водить, мать его! От любого хвоста оторвется через квартал. Просто поразительно!

— Он нам сейчас не помешал бы. Ну ладно, Мондейл. Счастливо.

— До встречи.

Райм заморгал — для инвалида это было равносильно рукоплесканию. Закрыв аппарат, Деллрей медленно с шумом выпустил воздух.

— Посмотрим, посмотрим.

— Мы уже третий раз забрасываем на него крючок, — оптимистично заметил Селитто. — На этот раз мы его точно возьмем.

Линкольн Райм не верил, что это правило применимо к правоохранительным органам. И все же он пробормотал:

— Будем надеяться.

* * *

Стивен Колл, сидя в украденной машине недалеко от заброшенной станции метро, увидел подъехавший седан без специальных знаков.

Из машины вышел Джоди в сопровождении двух полицейских в форме, оглядывающих крыши окрестных домов.

Маленький бродяга, забежав на станцию, вернулся через пять минут с двумя свертками в руках.

Стивен не заметил ни одной машины сопровождения. Похоже, подслушанный разговор двух агентов соответствует действительности. Рванув с места, седан влился в транспортный поток, и Стивен последовал за ним, размышляя, что на всем свете нет места лучше Манхэттена для незаметного слежения за машиной. В Айове или Вирджинии такое ему бы вряд ли удалось.

Машина без маркировки мчалась быстро, но Стивен тоже был хорошим водителем и ехал, не теряя ее из виду. Свернув у Центрального парка на запад, седан уменьшил скорость, проезжая мимо одного из особняков в районе Семидесятых улиц. Перед зданием стояли двое мужчин в штатском. Тем не менее было очевидно, что это полицейские. Они подали водителю седана знак, вероятно, означающий: «Все чисто». Что ж, вот он, дом Линкольна-Червя.

Седан поехал дальше на север. Некоторое время Стивен следовал за ним, затем вдруг резко остановился и, выбравшись из машины, схватил гитарный чемодан и побежал в парк. Он знал, что особняк охраняется, поэтому двигался осторожно.

«Подобно оленю, солдат». «Так точно, сэр».

Нырнув в густые кусты, Стивен прополз к дому и нашел отличную позицию на каменистом бугре под цветущим кустом сирени. Он раскрыл чемодан. Машина, в которой сидел Джоди, снова подъехала к особняку, но теперь с другой стороны. Обычный способ оторваться от преследования — это неожиданно развернуться на загруженной транспортом улице.

Выбравшиеся из седана полицейские, оглядевшись по сторонам, повели трясущегося от страха Джоди к дому.

Сняв защитные колпачки с оптического прицела, Стивен тщательно навел винтовку предателю в спину.

Внезапно мимо проехала черная машина, и Джоди, испуганно вскрикнув, вырвался из рук полицейских и бросился в переулок за домом.

Полицейские, обернувшись, выхватили пистолеты, целясь в машину. Увидев в салоне четырех латиноамериканских девушек, они поняли, что тревога ложная, и рассмеялись. Один из них окликнул Джоди.

Но в настоящий момент маленький бродяга не интересовал Стивена. Убить за один раз и Джоди, и Червя ему не удастся. И сейчас он должен покончить с Линкольном. Стивен буквально ощущал жажду расправиться с Червем, сравнимую по силе с потребностью тереть руки.

Выстрелить в лицо в окне, убить червя. Должен, должен, должен...

Осматривая особняк в оптический прицел, он наконец увидел то, что искал. Он нашел Линкольна-Червя. По телу пробежала дрожь.

Похожая на электрический разряд, проскочивший в момент прикосновения к ноге Джоди... только в тысячу раз сильнее. От возбуждения дыхание Стивена стало тяжелым.

Почему-то убийцу нисколько не удивило, что Червь является калекой. Больше того, именно по этому признаку он и понял, что красивый мужчина в инвалидной коляске *и есть*Линкольн. Потому что Стивен был уверен: поймать его может только необычный человек. Тот, кого не отвлекают мелочи повседневной жизни. Тот, чьей сутью является мозг.

Черви могут целый день напролет ползать по Линкольну, а он этого даже не почувствует. Они могут забраться ему под кожу, а он об этом не узнает. У него к ним иммунитет. И за эту неуязвимость Стивен еще больше ненавидел его.

Значит, лицо в окне, которое он видел во время операции в Вашингтоне... это был не Линкольн.

Или, все-таки, это был он?

«Прекрати думать об этом! Немедленно прекрати! В противном случае черви тебя сожрут живьем».

В обойме патроны с разрывными пулями. Дослав один в патронник, Стивен снова осмотрел комнату.

Линкольн-Червь разговаривал с кем-то, кого Стивену не было видно. Комната, расположенная на первом этаже, похоже, была чем-то вроде лаборатории. Стивен разглядел экран компьютера, другое оборудование.

Обмотав ремень вокруг запястья, Стивен словно приклеился щекой к прикладу. Вечер был сырой, влажный. Плотный воздух замедлит полет пули, но вносить поправку не надо: до цели всего восемьдесят ярдов. Снять винтовку с предохранителя, дышать, дышать ровно…

Целиться в голову. Попасть с такого расстояния совсем нетрудно. Дышать ровно…

Вдох, выдох, вдох, выдох.

Стивен навел перекрестие прицела на ухо Линкольна-Червя, повернувшегося к экрану компьютера.

Давление на курок начало плавно нарастать.

Дышать ровно. Это ощущение сравнимо с наслаждением полового акта, прикосновением к гладкой упругой коже…

Сильнее. Сильнее… И вдруг Стивен замер.

Он увидел небольшую неровность на рукаве Линкольна-Червя. Но не складку. Оптическое искажение.

Убрав палец с курка, Стивен снова осмотрел комнату в оптический прицел, установив максимально большое увеличение. Он навел «Редфилд» на экран компьютера. Буквы были зеркально отраженными.

Зеркало! Он целится в зеркало! Это *новая*ловушка!

Стивен закрыл глаза. Он едва не выдал свою позицию. Его снова захлестнуло омерзение. Черви, черви повсюду, облепили, душат его. Стивен огляделся вокруг, понимая, что в роще не меньше десятка сотрудников службы наблюдения с направленными микрофонами только и ждут, чтобы по звуку засечь, откуда будет произведен выстрел. А потом на Стивена обрушится шквальный огонь из автоматических винтовок М-16, оснащенных прицелами ночного видения.

Огонь будет вестись на поражение. Никто не собирается брать его живым.

Быстро, но абсолютно бесшумно, Стивен трясущимися руками снял оптический прицел и убрал его вместе с винтовкой в чемодан. Борясь с тошнотой, вызванной омерзением. «Солдат…» «Сэр, оставьте меня в

покое». «Солдат, что ты себе позволяешь...» «Сэр, убирайтесь ко всем чертям, мать вашу!» Проскользнув между деревьями, Стивен вышел на аллею и спокойным шагом направился на восток.

О да, теперь он был уверен как никогда, что ему необходимо убить Линкольна. Надо составить новый план. Нужно будет спокойно посидеть час-другой, обдумать дальнейшие действия.

Внезапно свернув с аллеи, Стивен остановился в кустах, вслушиваясь, всматриваясь в темноту. Линкольн-Червь так боялся спугнуть его, что решил не ставить вокруг парка оцепление.

Это было ошибкой.

Стивен заметил группу молодых людей, одетых в спортивные костюмы, с теннисными ракетками и рюкзаками. Громко разговаривая друг с другом, ребята направлялись в сторону Верхнего Ист-сайда. Блестящие волосы указывали на то, что они только что приняли душ после занятий в спортивном клубе.

Пропустив их мимо, Стивен пристроился сзади. Улыбнувшись одному из парней, он пошел, весело размахивая чемоданом, в сторону тоннеля, ведущего на Ист-сайд.

Глава тридцать вторая

Час 34-й из 45

Их окружала темнота.

Перси Клэй, вернувшаяся в левое кресло пилотской кабины «Лира», увидела впереди горящее зарево. Чикаго.

Центр управления полетами дал разрешение снижаться до двенадцати тысяч фунтов.

— Начинаю снижение, — сообщила Перси, чуть убавляя газ.

Настроив рацию на частоту автоматической информационной системы аэропорта, Брэд стал повторять вслух то, что диктует записанный на магнитофон голос.

— Метеосводка Чикаго. Ясно, видимость отличная. Ветер два-пять-ноль, скорость три. Температура пятьдесят девять градусов. Барометр тридцать запятая одиннадцать.

Брэд настроил альтиметр, а Перси сказала в микрофон:

— Центр слежения Чикаго, говорит «Лир» бортовой номер шесть-девять-пять «Фокстрот Браво». Приближаюсь к вам на высоте двенадцать тысяч. Курс два-восемь-ноль.

— Добрый вечер, «Фокстрот Браво». Снижайтесь и держитесь на высоте десять тысяч. Ожидаемый заход на посадку — двадцать седьмая правая.

— Вас понял. Снижаюсь до десяти. Курс посадки — два-семь справа.

Перси избегала смотреть вниз. Где-то под ними находится могила ее мужа и самолета. Она не знала, успели ли диспетчеры «О'Хейр» разрешить «Чарли Джульетт» заход на посадку, но если успели, Эд пролетал именно там, где теперь летит она.

Возможно, именно здесь он связался с ней...

«Нет! Не думай об этом, — приказала себе Перси. — Сосредоточься на управлении самолетом».

Тихим спокойным голосом она произнесла:

— Брэд, заходим справа на двадцать седьмую полосу. Следи за приближением и сообщай все выделенные высоты.

После последнего разворота, пожалуйста, выдавай данные о скорости, высоте, вертикальной скорости. Если вертикальная скорость будет выше тысячи футов в минуту, предупреди. При заходе держим мощность девяносто два процента.

— Все понял.

— Закрылки на десять градусов.

— Закрылки на десять градусов. Есть. В наушниках раздался треск.

— "Лир" шесть-девять-пять «Фокстрот Браво», разворачивайтесь на курс два-четыре-ноль и снижайтесь до четырех тысяч.

— "Фокстрот Браво", снижаюсь с десяти тысяч до четырех. Захожу на курс два-четыре-ноль.

Перси убрала газ, и рев двигателей немного ослаб. Самолет чуть клюнул носом вниз. Послышался свист воздуха, подобный шелесту занавесок у открытого окна.

— Сейчас вам предстоит первая посадка на борту «Лира», — крикнула Перси, оборачиваясь к Беллу. — Посмотрим, смогу ли я сесть так, чтобы не расплескать ваш кофе.

— Да я прошу только о том, чтобы приземлиться в виде одного целого куска, — ответил тот, туго затягивая ремень безопасности, словно жокей подпругу.

* * *

— Ничего, Райм.

Криминалист с отвращением закрыл глаза.

— Не верю. Просто не верю.

— Танцор ушел. Он был здесь, наши ребята уверены в этом. Но микрофоны не смогли уловить ни звука.

Райм посмотрел на огромное зеркало, по его просьбе установленное Томом у противоположной стены. Все собравшиеся в комнате ждали, что в него вопьются разрывные пули. Центральный парк кишел бойцами Хауманна и Деллрея, затаившимися в ожидании выстрела.

— Где Джоди? — спросил Райм.

— Удрал в переулок, — презрительно фыркнул Деллрей. — Увидел какую-то машину и сдрейфил.

— Какую машину? — встрепенулся Райм. Агент рассмеялся.

— Если это и *был*Танцор, то на этот раз ему удалось замаскироваться под четырех толстых пуэрториканок. Маленький бродяга сказал, что не выйдет из кустов до тех пор, пока не выключат фонарь у тебя перед домом.

— Оставьте его в покое. Вернется сам, когда замерзнет.

— Или чтобы получить свои деньги, — напомнила Сакс.

Райм нахмурился. Он был страшно разочарован, что его затея не удалась.

В этом виноват он сам? Или у Танцора есть какое-то шестое чувство? Инстинкт? Как ученому Линкольну Райму была неприятна эта мысль, однако он не мог полностью сбросить ее со счетов. В конце концов, даже полиция Нью-Йорка время от времени прибегала к услугам психологов.

Сакс направилась было к окну.

— Нет, — остановил ее Райм. — Нам пока что не известно наверняка, что Танцор ушел.

Селитто, осторожно приблизившись к окну сбоку, плотно задернул шторы.

Как это ни странно, гораздо страшнее было томиться в неведении, чем знать, что Танцор находится в каких-то двадцати футах и целится в окно из винтовки.

Тишину нарушило пиликанье телефона Купера. Эксперт раскрыл аппарат.

— Линкольн, это ребята из взрывного отдела Бюро. Они порылись в архиве СВУ и говорят, что там есть что-то похожее на эти обрывки латекса.

— Что там у них?

Некоторое время Купер молча слушал.

— Точно определить сорт резины не удалось, но не исключено, что такой материал используется в детонаторах-альтиметрах. Надувается воздушный шарик. Когда самолет поднимается вверх, шарик расширяется вследствие пониженного давления на больших высотах. На определенной высоте он нажимает на кнопку на стенке бомбы. Замыкается контакт, и бомба взрывается.

— Но ведь в нашем случае бомба сработала от часового механизма.

— Ребята только предположили, как можно объяснить происхождение латекса.

Райм снова посмотрел на полиэтиленовые пакеты, в которых лежали части бомбы. Его взгляд упал на таймер, и он подумал: «Почему часовой механизм так хорошо сохранился?»

Потому что он был установлен за стальным выступом.

Но ведь Танцор мог установить его где угодно, облепить со всех сторон зарядом пластида, в этом случае при взрыве таймер разнесло бы на микроскопические кусочки. Сначала Райм думал, что уцелевший часовой механизм говорит об оплошности Танцора. Но сейчас он начал сомневаться.

— Скажи им, что самолет взорвался при *снижении,* -сказала Сакс.

Купер передал ее слова и выслушал ответ.

— Они говорят, возможны различные модификации, — объяснил он. — При наборе высоты шарик раздувается и нажимает включатель, взводящий детонатор. При снижении шарик уменьшается в размерах и замыкает контакт. Происходит взрыв.

— Таймер — это уловка! — прошептал Райм. — Танцор специально установил его за стальным выступом, чтобы он уцелел при взрыве. Чтобы мы считали взрыватель срабатывающим по времени, а не в зависимости от высоты. На какой высоте взорвался самолет Карни?

Селитто быстро схватил листки с отчетом.

— Как только прошел пять тысяч футов.

— Значит, взрыватель был взведен, когда самолет поднялся выше пяти тысяч, взлетая из «Мамаронека», и сработал, когда он прошел ту же высоту, приземляясь в Чикаго, — сказал Райм.

— Но почему взрывать самолет при заходе на посадку? — спросил Селитто.

— Наверное, чтобы это произошло как можно дальше от аэропорта вылета? — предположила Сакс.

— Совершенно верно, — подтвердил Райм. — В этом случае у Танцора было больше времени, чтобы уехать из «Мамаронека».

— Но зачем идти на такие труды, — спросил Купер, — чтобы обмануть нас насчет типа взрывателя?

Райм увидел, что мысли Сакс работают так же быстро, как его собственные.

— Нет, только не это! — воскликнула она.

— Что? — все еще ничего не понял Селитто.

— То, — объяснила Сакс, — что сегодня, осматривая самолет Перси, наши взрывники искали *таймер.*Они пытались услышать часовой механизм.

— А это значит, на борту самолета Перси и Белла тоже заложена бомба!

* * *

— Скорость снижения тысяча двести футов в минуту, — произнес Брэд.

Перси слегка потянула на себя штурвал, замедляя спуск. «Лир» прошел отметку пятьдесят пять тысяч футов.

И вдруг она услышала этот звук.

Странный щебет. Ничего подобного она никогда раньше не слышала. Напоминающий сигнал тревоги, но звучащий где-то далеко. Окинув взглядом приборную панель. Перси не увидела ни одной горящей красной лампочки. Щебет прозвучал снова.

— Высота пять тысяч триста, — доложил Брэд. — Что это за шум?

Внезапно щебет оборвался.

Перси пожала плечами.

Через мгновение у нее за спиной раздался крик:

— Тяни на себя! Поднимаемся! Быстро!

Горячее дыхание Роланда Белла обожгло ей щеку. Полицейский стоял на четвереньках за пилотским креслом, размахивая сотовым телефоном.

— Что?

— На борту бомба! Взрыватель-альтиметр, он сработает на пяти тысячах футов.

— Но ведь мы находимся выше...

— Знаю! Поднимайся! Вверх!

— Даю газ девяносто восемь процентов! — крикнула Перси. — Доложи нашу высоту.

Не колеблясь ни секунды, Брэд надавил на ручку газа. Перси потянула штурвал на себя, задирая нос «Лира» вверх. Белл, не удержав равновесия, упал на пол.

— Пять двадцать, — докладывал Брэд, — пять сто... пять двести, пять триста, пять четыреста... пять восемьсот... шесть тысяч футов.

За всю свою летную карьеру Перси Клэй еще ни разу не приходилось подавать сигнал бедствия. Однажды она сообщила о чрезвычайной ситуации на борту, когда стая пеликанов, решивших свести счеты с

жизнью, забила воздухозаборник правого двигателя. Но сейчас, впервые в жизни, она четко произнесла в микрофон:

— "Лир" шесть-девять-пять «Фокстрот Браво», терплю бедствие.

— Что у вас, «Фокстрот Браво»?

— У нас есть сведения, что на борту самолета находится бомба. Необходимо срочно убрать с нашего курса все самолеты на высоте до десяти тысяч футов и направить нас над малонаселенной территорией.

— "Фокстрот Браво", вас понял, — спокойно ответил диспетчер. — Гм... держите курс два-четыре-ноль. Уводим от вас все самолеты... Меняйте код системы опознавания на семь-семь-ноль-ноль и «писк».

Брэд, беспокойно взглянув на Перси, переключил код системы опознавания, которая теперь стала автоматически посылать сигналы тревоги всем находящимся поблизости радиолокационным станциям. А «писк» означал, что теперь все диспетчеры и штурманы будут знать, какая именно точка на экране их радаров означает терпящий бедствие «Лир».

Белл снова говорил в телефон:

— Кроме меня и Перси к самолету приближался только управляющий полетами — Рон Тэлбот, и я. Не хочу сказать ничего плохого про Тэлбота, но мы с моими ребятами следили за ним во все глаза, все время стояли у него за спиной. Да, еще этот парень привез запасные детали к двигателю. Из Гринвича, со склада. Но я его проверил и перепроверил. Даже узнал номер домашнего телефона, позвонил его жене и попросил их сказать друг другу пару слов, чтобы убедиться, что он тот, за кого себя выдает, — выслушав ответ, он закрыл телефон. — Они с нами свяжутся.

Посмотрев на Брэда и Белла, Перси снова сосредоточилась на управлении самолетом.

— Что с топливом? — спросила она своего напарника. — На сколько хватит?

— Расход меньше запланированного. Ветер был попутным. — Брэд произвел необходимые расчеты. — Сто пять минут.

Перси поблагодарила Господа Бога, судьбу или свою собственную интуицию за то, что решила не дозаправляться в Чикаго, а сразу взять запас горючего до Сент-Луиса плюс обязательный резерв на сорок пять минут.

Телефон Белла снова защебетал.

Выслушав сообщение, полицейский вздохнул и повернулся к Перси.

— Северо-восточная компания привозила патрон огнетушителя?

— Черт, неужели он засунул бомбу *туда?* — сгоречью пробормотала Перси.

— Все говорит о том. Выехав со склада, грузовик сразу же проколол колесо. Водитель возился с запаской минут двадцать. Патрульная машина только что побывала на месте происшествия. На придорожных кустах что-то похожее на пену двуокиси углерода.

— *Проклятье!* -Перси непроизвольно бросила взгляд на двигатель. — А я ведь сама его устанавливала, мать твою!

— Райм хочет знать, не взорвется ли бомба от тепла, — передал вопрос криминалиста Белл.

— Одни детали нагреваются сильно, другие поменьше. Там, где находится патрон, не очень горячо.

Передав ее ответ Райму, Белл сказал:

— Он хочет поговорить с вами лично. Через мгновение телефон был переведен на радиоприемник. Перси услышала в наушниках голос Линкольна Райма.

— Перси, вы меня слышите?

— Прекрасно слышу. Значит, этот ублюдок все же нас провел, да?

— Похоже на то. Сколько времени вы еще сможете продержаться в воздухе?

— Один час сорок пять минут. Около того.

— Так, понятно.

Пауза.

— Вы сможете... вы сможете подобраться к двигателю из самолета?

— Нет. Новая пауза.

— Нельзя каким-нибудь образом отсоединить весь двигатель? Ну, отвернуть болты или что-то в этом роде? Сбросить его?

— Только не изнутри самолета.

— Вы сможете подняться на такую высоту, чтобы детонатор замерз? — спросил Райм.

Перси была поражена, как быстро работает его ум. Ей такое просто в голову бы не пришло.

— Возможно. Но даже при аварийном снижении, я имею в виду пикирование, потребуется минут восемь-десять, чтобы спуститься до земли. Не думаю, чтобы детонатор смог оставаться замерзшим так долго. К тому же, порог Маха, скорее всего, разнесет нас в клочья.

— Хорошо, — продолжал Райм, — как насчет того, чтобы подлететь сзади к какому-то другому самолету, откуда вам переправят парашюты?

Первой мыслью Перси было то, что она ни за что на свете не бросит свой самолет. Но реалистичный ответ тот, который она дала Райму, заключался в том, что учитывая скорость «Лира-35А», расположение дверей, крыльев и двигателей, из него нельзя выпрыгнуть, не задев за какую-нибудь часть самолета.

Райм снова умолк. Брэд, сглотнув комок в горле, вытер руки об наутюженные брюки.

— Господи...

Роланд Белл сидел, раскачиваясь взад-вперед.

Кажется, положение безнадежное, подумала Перси, уставившись в черно-синее ночное небо.

— Линкольн! — наконец не выдержала она. — Вы еще здесь?

В наушниках снова послышался его голос. Криминалист окликнул кого-то, находящегося в лаборатории или в спальне.

— Не *эту*карту, — сварливо потребовал он. — Ты же поняла, какую я просил. Ну, зачем она мне нужна? Нет-нет...

Тишина.

«О, Эд, — подумала Перси. — Наши жизненные пути всегда шли параллельно. Возможно, и смерть нам уготовлена одна и та же».

Но ей было очень жалко Роланда Белла. Мысль о том, что его дети останутся сиротами, была невыносимой.

Вдруг она услышала вопрос Райма:

— Какое расстояние вы сможете пролететь на том горючем, что у вас осталось?

— При самом экономном расходе... Она переглянулась с Брэдом, застучавшим по клавишам калькулятора.

— Если наберем высоту, ну, миль восемьсот, — ответил тот.

— У меня есть одна мысль, — сказал Райм. — Вы сможете долететь до Денвера?

Глава тридцать третья

Час 36-й из 45

— Аэропорт находится на высоте пять тысяч сто восемьдесят футов над уровнем моря, — прочитал Брэд, раскрыв «Справочник пилота» на странице относящейся к международному аэропорту Денвера. — Приблизительно на такой же высоте мы находились около Чикаго, и бомба не взорвалась.

— Далеко до него? — спросила Перси.

— От того места, где мы сейчас находимся, девятьсот две мили.

Перси мысленно спорила сама с собой не больше нескольких секунд.

Она кивнула.

— Летим туда. Проводи курс по прямой, пока не получили пеленг, — затем в микрофон: — Линкольн, мы попробуем. Горючего хватит в обрез. Будем на связи.

— Хорошо.

Взглянув на карту, Брэд сверился с навигационным журналом.

— Поворот налево, курс два-шесть-шесть.

— Два-шесть-шесть, — повторила Перси. Затем она связалась с диспетчером. — Центр управления полетами Чикаго, говорит «Фокстрот Браво». Мы направляемся в международный аэропорт Денвера. По всей

видимости... у нас на борту бомба со взрывателем, чувствительным к высоте. Нам необходимо приземлиться на пяти тысячах футов или выше. Запрашиваем радиопеленг для наведения до Денвера по кратчайшей прямой.

— "Фокстрот Браво", вас понял. Обождите минуту.

— Центр, пожалуйста, сообщите погодные условия по всему маршруту следования, — добавил Брэд.

— Через Денвер движется антициклон. Встречный ветер скоростью от пятнадцати до сорока узлов на высоте десять тысяч узлов, на высоте двадцать пять тысяч до шестидесяти-семидесяти узлов.

— Оох, — тяжело пробормотал Брэд, быстро производя расчеты. — Горючее закончится в пятидесяти пяти милях от Денвера.

— А вы сможете посадить самолет на шоссе? — спросил Белл.

— Да, только он превратится в огромный огненный шар, — ответила Перси.

На связь снова вышел диспетчер:

— "Фокстрот Браво", вы готовы записать частоты станций наведения?

Пока Брэд записывал передаваемые данные. Перси, потянувшись, вжалась затылком в подголовник. Это движение показалось ей знакомым, она вспомнила, что так же поступал Линкольн Райм, лежа в своей дорогой кровати, венце технического прогресса. Летчица вспомнила свою гневную отповедь. Разумеется, тогда она говорила искренне, но лишь сейчас ей стало понятно, насколько справедливы были ее слова. Люди действительно всецело зависят от хрупких кусков металла и пластмассы.

Которые, возможно, станут причиной их смерти.

Судьба является охотником...

Самолет не дотянет пятьдесят пять миль. Что делать?

Ну почему ее ум не такой проворный, как у Райма? Неужели она ничего не сможет придумать, чтобы сэкономить топливо?

Полет на большой высоте более эффективен.

Также более эффективен полет облегченного самолета. Можно ли выбросить что-нибудь за борт?

Разве что груз? Контейнеры, привезенные компанией «Ю. Эс. Хелскэр», весят ровно 478 фунтов. Сбросив их, можно было бы выиграть несколько миль.

Но еще обдумывая эту возможность, Перси уже знала, что ни за что не пойдет на это. Пока есть какая-то надежда спасти груз, получить заказ и спасти компанию, она будет бороться.

«Ну же, Линкольн Райм, подскажи! Наведи на мысль...» Перси представила себе его комнату, себя в кресле, вспомнила самца-сокола, расхаживающего по подоконнику.

— Брэд, — резко спросила она, — какой у нас коэффициент планирования?

— У «Лира-35»? Понятия не имею.

Когда-то давно Перси доводилось летать на планере «Швайцер 2-32». Еще первый опытный образец, построенный в 1962 году, стал новым стандартом летных характеристик планеров. Его скорость снижения была просто фантастической — всего 120 футов в минуту. Планер весил около тысячи трехсот фунтов. Реактивный «Лир», на котором они сейчас летят, весит четырнадцать тысяч фунтов. И все же он способен планировать, как и любой самолет. Перси вспомнила случай, произошедший с «Боингом-767» Канадских авиалиний несколько лет назад: гражданские летчики во всем мире до сих пор говорили о нем. В результате сочетания сбоя компьютера и ошибки человека у огромного лайнера закончилось горючее. Оба двигателя заглохли на высоте сорок одна тысяча футов, и махина превратилась в 143-тонный планер. Лайнеру удалось совершить вынужденную посадку без единой человеческой жертвы.

— Что ж, давай думать. Какая скорость снижения будет при неработающих двигателях?

— Думаю, нам удастся удержать ее на двух тысячах трестах футах в минуту.

То есть вертикальное падение со скоростью около тридцати миль в час.

— Так. А теперь рассчитай, если мы сожжем горючее, чтобы подняться на пятьдесят пять тысяч футов, когда у нас опустеют баки?

— На пятьдесят пять? — изумился Брэд.

— Так точно.

Он склонился к калькулятору.

— Максимальная скорость подъема составляет четыре тысячи триста футов в минуту; сначала мы сожжем уйму керосина, но после тридцати пяти тысяч эффективность повысится. Можно будет уменьшить до предела мощность…

— Заглушить один двигатель?

— Конечно. И один потянет. Брэд продолжал вычисления.

— По такому сценарию горючее закончится в восьмидесяти трех милях от аэродрома. Но, естественно, у нас будет высота.

Перси, отличница по математике и физике, мастерски считала и без помощи калькулятора. У нее в голове пронеслись многозначные числа… Двигатели глохнут на высоте пятьдесят пять тысяч, скорость снижения две тысячи триста… По прямой они смогут пролететь еще миль восемьдесят. Возможно, и больше, если ветер смилостивится.

Брэд при помощи калькулятора и быстрых пальцев пришел к такому же заключению.

— Однако, если и дотянем, то на пределе. *Наверняка не знает и Господь Бог.*

—Центр управления Чикаго, — запросила Перси, — «Фокстрот Браво» запрашивает немедленное освобождение полосы до высоты пятьдесят пять тысяч футов.

Иногда приходится рисковать.

— Гм… «Фокстрот Браво», повторите.

— Нам необходимо подняться на высоту пятьдесят пять тысяч футов.

Голос диспетчера наполнился беспокойством.

— "Фокстрот Браво", у вас ведь «Лир-35», верно?

— Так точно.

— Максимальный потолок сорок пять тысяч футов.

— Все правильно, но нам нужно подняться выше.

— Вы давно проверяли фюзеляж? То есть герметизацию люков и дверей. На большой высоте внутреннее давление воздуха может разорвать самолет.

— Все в полном порядке, — ответила Перси, не удосуживаясь упомянуть о том, что еще вчера «Фокстрот Браво» был продырявлен разрывными пулями.

— Вас понял, — ответил диспетчер. — «Фокстрот Браво», даю разрешение подняться на пятьдесят пять тысяч футов.

И тогда Перси произнесла фразу, которую до нее вряд ли когда-либо произносил пилот «Лира»:

— Вас поняла. Набираю высоту с десяти тысяч до пятидесяти пяти.

Она повернулась к Брэду.

— Мощность двигателей на восемьдесят восемь процентов. Докладывай скорость подъема на высоте сорок, пятьдесят и пятьдесят пять тысяч.

— Есть, — спокойно ответил Брэд. Перси взяла штурвал на себя, и самолет круто пополз вверх.

Все звезды ночного неба...Через десять минут Брэд доложил:

— Высота пятьдесят пять тысяч футов.

«Лир» перешел в горизонтальный полет. Перси казалось, она слышит недовольный стон швов обшивки. Страшно представить, что произойдет, если вылетит иллюминатор, который менял сегодня Рон, или не выдержит герметическое уплотнение, даже если самолет не развалится, все находящиеся в нем меньше чем за пять секунд погибнут от гипоксии. Но даже если бы у них были кислородные маски, от резкого перепада давления закипит кровь.

— Уменьшить давление внутри салона.

— Есть уменьшить давление внутри салона, — ответил Брэд.

По крайней мере, это хоть чуть снизит огромную нагрузку на фюзеляж.

— Здорово ты придумала, — сказал Брэд. — Как это тебе пришло в голову?

Обезьянья хватка...

—Не знаю, — ответила Перси. — Уменьшить мощность правого двигателя. Закрыть дроссельную заслонку, отключить автоматическую заслонку.

— Закрыл, отключил, — эхом повторял Брэд.

— Отключить топливный насос, отключить зажигание. Перси ощутила, как самолет потащило в сторону. Тяговое усилие с одной стороны исчезло. Она компенсировала это, отклонив горизонтальный руль. В целом эффект оказался не слишком большим. Поскольку двигатели были установлены не на крыльях, а в хвосте, остановка одного из них не очень влияла на стабильность самолета.

— Ну а теперь что? — спросил Брэд.

— Лично я выпью кофе, — сказала Перси, соскакивая с кресла словно озорной мальчишка с дерева. — Эй, Роланд, а вы как насчет того, чтобы повторить?

* * *

В течение сорока минут в комнате Райма царила мучительная тишина. Не звонили телефоны. Не приходили факсы. Компьютер не докладывал механическим голосом: «Пришла почта».

Наконец ожил телефон Деллрея. По тому, как агент кивал, Райм понял, что новости плохие.

— Из Камберленда?

Закрыв телефон, Деллрей кивнул.

— Просто засада какая-то. Этот Колл не появлялся там уже много лет. О да, тамошние жители до сих пор вспоминают о том, как он привязал своего отчима к дереву, оставив его на съедение червям. Это стало чем-то вроде местного предания. Но в тех краях у Колла нет никаких родственников. И никто ничего не знает. Или не хочет говорить.

Тут запиликал телефон Селитто. Открыв аппарат, детектив сказал:

— Да?

«Улика, — взмолился Райм, — пожалуйста, пусть это будет новая улика!»

Рыхлое лицо полицейского оставалось непроницаемым. Он хлопнул крышкой, закрывая телефон.

— Это был Роланд Белл, — сказал Селитто. — Он просто хотел сообщить, что у них кончилось горючее.

Глава тридцать четвертая

Час 38-й из 45

Три тревожных сигнала прозвучали одновременно.

Закончилось горючее, пониженное давление масла, пониженная температура двигателя.

Перси попыталась чуть покачать самолет в надежде выманить из баков последние капли керосина, но они были сухими.

Тихо постучав, левый двигатель кашлянул и умолк.

И тотчас же в кабине стало совершенно темно. Как в шкафу.

Только не это...

Перси не могла разглядеть ни приборы, ни ручки управления. К счастью, далеко впереди показалась бледная светящаяся полоска — Денвер.

— В чем дело? — встревожился Брэд.

— Господи, я совсем забыла про генераторы. Привод генераторов осуществляется от двигателей. Не работают двигатели, нет электричества.

— Выпускай пассивную турбину, — приказала Перси.

Склонившись к приборной панели, Брэд отыскал на ощупь нужную ручку. Из хвостовой части вывалился небольшой пропеллер, подсоединенный к генератору. Этот пропеллер приводил во вращение набегающий поток воздуха. Вырабатываемой энергии хватало для освещения кабины и приборной панели. Но о закрылках придется забыть.

Вскоре в кабине снова зажегся тусклый свет.

Перси взглянула на указатель вертикальной скорости. Они теряли высоту с приличной скоростью три тысячи пятьсот футов в минуту. Значительно быстрее, чем предполагалось. Падали со скоростью около пятидесяти миль в час.

Почему? Почему расчеты оказались настолько неточны?

Потому что на большой высоте воздух разреженный! А она проводила вычисления, учитывая скорость снижения в плотной атмосфере. И тут Перси вдруг с ужасом вспомнила, что и над Денвером воздух будет разреженным. А она никогда не поднималась на планере выше одной мили.

Перси потянула штурвал на себя, останавливая падение. Вертикальная скорость упала до двух тысяч ста футов в минуту, но при этом также резко снизилась и горизонтальная скорость. В таком разреженном воздухе скорость срыва в штопор где-то около трехсот узлов. Штурвал, завибрировав, обмяк. С неработающими двигателями самолету ни за что не удастся выбраться из мертвой спирали вниз.

Угол *гроба*...

Штурвал от себя. Самолет стал падать быстрее, но горизонтальная скорость возросла.

Эту игру Перси вела на протяжении пятидесяти миль. Диспетчер сообщил о сильном встречном ветре, и Перси пыталась найти оптимальное сочетание высоты и курса, ветер должен был быть достаточно сильным для того, чтобы обеспечить «Лиру» оптимальную подъемную силу, в то же время не слишком уменьшать горизонтальную скорость.

Наконец Перси, физически измученная ручным управлением, отерла пот с лица и бросила Брэду:

— Связывайся с Денвером.

— Центр управления полетами в Денвере, говорит «Лир» шесть-девять-пять «Фокстрот Браво», летящий на высоте девятнадцать тысяч футов. Мы в двадцати одной миле от аэродрома. Горизонтальная скорость двести двадцать узлов. Двигатели не работают; запрашиваем наведение на самую длинную взлетно-посадочную полосу, учитывая наш теперешний курс два-пять-ноль.

— "Фокстрот Браво", вас понял. Мы вас ждем. Барометр тридцать запятая девяносто пять. Разворачивайтесь влево на курс два-четыре-ноль. Направляем вас на ВПП двадцать восемь слева. У вас будет одиннадцать тысяч футов, чтобы остановиться.

— Денвер, вас понял.

Перси не давала покоя какая-то мысль, за которую она никак не могла ухватиться. То же самое неприятное ощущение внизу живота. Как тогда, когда она увидела черный микроавтобус.

Что это? Или это просто глупое предчувствие?

Трагедии случаются по три...

— До полосы девятнадцать миль, — доложил Брэд. — И шестнадцать тысяч футов.

— "Фокстрот Браво", связывайтесь с наведением аэропорта Денвера, — назвав частоту, диспетчер добавил: — Там извещены о вашей ситуации. Удачи вам, мэм. Сердцем мы с вами.

— До свидания, Денвер. Спасибо. Брэд переключил радиостанцию на новую частоту. «И все же что-то не так, — ломала голову Перси. — Я о чем-то не подумала».

— Центр наведения Денвера, говорит «Лир» шесть-девять-пять «Фокстрот Браво». Мы на высоте тринадцать тысяч футов в тринадцати милях от полосы.

— Ждем вас, «Фокстрот Браво». Держите курс два-четыре-ноль. Насколько мы поняли, вы летите без двигателей, это верно?

— Скоро вы увидите самый большой в мире планер, Денвер.

— Закрылки работают? Обратная тяга будет?

— Закрылков не будет. Обратной тяги тоже. Шасси постараемся выпустить вручную.

— Вас понял. Машины вызывать?

То есть пожарные машины и скорую помощь.

— Мы считаем, на борту самолета заложена бомба. Вызывайте все, что у вас есть.

— Вас понял.

И вдруг Перси вздрогнула от ужаса. До нее дошло: давление воздуха!

— Денвер, что у вас на барометре?

— Так… тридцать целых и девяносто шесть сотых. За последнюю минуту ртутный столбик поднялся на одну сотую дюйма.

— Давление растет?

— "Фокстрот Браво", подтверждаю. Мы в зоне крупного антициклона. Нет! Давление окружающего воздуха сожмет шар раньше, как будто самолет находится ниже.

— Дерьмо! — пробормотала Перси.

Брэд вопросительно посмотрел на нее.

— Каким был ртутный столбик в «Мамаронеке»?

Он заглянул в журнал.

— Двадцать девять и шесть.

— Пересчитай, какая высота соответствует пяти тысячам при давлении двадцать девять и шесть, если у нас тридцать один ровно.

— Тридцать один дюйм? Это же жутко высокое давление!

— Мы летим на антициклон.

Брэд встревоженно взглянул на нее.

— Но ведь бомба…

Перси кивнула.

— Считай.

Молодой пилот уверенной рукой взял калькулятор.

Наконец он вздохнул, впервые проявляя свои чувства.

— Пять тысяч футов «Мамаронека» здесь переводится в четыре и восемьсот пятьдесят. Перси снова подозвала Белла.

— Ситуация следующая. Мы летим в область антициклона. Когда мы коснемся взлетно-посадочной полосы, атмосферное давление будет таким, что бомба решит, будто мы находимся ниже пяти тысяч футов над уровнем моря.

— Понятно, — спокойно кивнул Белл.

— Закрылки у нас не действуют, так что садиться мы будем на большой скорости, близкой к двумстам милям в час. Если бомба взорвется, самолет потеряет управление и рухнет на землю. Пожара не будет, потому что баки пусты. В зависимости от того, что будет впереди, возможно, нам удастся сесть на брюхо. Вам не остается ничего другого, кроме как пристегнуть ремень и опустить голову.

— Хорошо, — снова кивнул Белл, выглядывая в иллюминатор.

Перси пристально взглянула на него.

— Роланд, можно задать один вопрос?

— Валяйте.

— Вы ведь летите не в первый раз?

Он вздохнул.

— Знаете, если почти всю жизнь живешь в Северной Каролине, особо путешествовать не приходится. А потом, когда я перебрался в Нью-Йорк... мне очень нравятся скоростные пассажирские поезда. — Белл помолчал. — Так что я поднимался только туда, куда ходит лифт.

— Так бывает далеко не всегда, — заверила его Перси. Белл потрепал ее за плечо.

— Только не выроните свою конфетку, — прошептал он, направляясь к своему месту.

— Постараюсь. — Перси снова раскрыла «Справочник пилота». — Брэд, посадка в ночное время в условиях видимости. Управление самолетом беру на себя. Ты вручную выпустишь шасси. Будешь докладывать о скорости снижения, расстоянии до полосы и высоте, давай мне расстояние до земли, а не абсолютную высоту над уровнем моря, и горизонтальную скорость.

Она постаралась вспомнить, не забыла ли чего-нибудь. Электричества нет, нет и закрылков. Говорить больше нечего; предпосадочное наставление второму пилоту получилось самым кратким в ее летной практике. Подумав, Перси добавила: — И еще одно. Как только остановимся, живо уносим отсюда ноги.

— Десять миль до полосы, — сообщил Брэд. Скорость двести узлов. Высота девять тысяч футов. Необходимо уменьшить скорость снижения.

Перси чуть потянула на себя штурвал, и скорость самолета заметно упала. Штурвал задрожал. Если сейчас сорваться в штопор, это конец.

Снова штурвал от себя.

Девять миль... восемь...

Капли пота летели с ее лица летним ливнем. Вытирая лоб, Перси почувствовала, что на нежной коже между большим и указательным пальцами образовались мозоли.

Семь миль... шесть...

— Пять миль до полосы, высота четыре с половиной тысячи. Скорость двести десять узлов.

— Выпустить шасси, — приказала Перси.

Брэд принялся крутить колесо лебедки, выпуская вручную стойки. Ему помогала сила тяжести, и все равно работа была очень тяжелой. При этом молодой пилот не отрывал глаз от приборов, произнося спокойным голосом, словно читая бухгалтерский отчет:

— Четыре мили до полосы, три тысячи девятьсот футов...

Перси приходилось еще бороться с резким ветром.

— Шасси выпущены, — доложил учащенно дышащий Брэд. — Все три стойки.

Скорость упала до ста восьмидесяти узлов — около двухсот миль в час. Все равно быстро. Слишком быстро. Без двигателей, дающих обратную тягу, самолету не хватит и самой длинной взлетно-посадочной полосы.

— Денвер, какой у вас барометр?

— Тридцать девяносто восемь, — невозмутимо ответил диспетчер.

Давление растет. Все выше и выше.

Перси глубоко вздохнула. Для бомбы аэродром находится на высоте чуть меньше пяти тысяч футов над уровнем моря. Как точно настроил свой детонатор Танцор?

— Шасси тянет нас назад. Скорость снижения две тысячи шестьсот футов, — то есть около тридцати восьми миль в час. — Перси, мы падаем

слишком быстро, — заметил Брэд. — Свалимся до посадочных огней. Ярдах в ста, может быть, в двухстах.

Диспетчер также обратил на это внимание.

— "Фокстрот Браво", вам необходимо набрать высоту. Вы заходите слишком низко.

Штурвал на себя. Скорость падает. Опасность свалиться в штопор. Штурвал от себя.

— Две с половиной мили от полосы, высота тысяча девятьсот футов.

— "Фокстрот Браво", слишком низко! — снова предупредил диспетчер. Перси посмотрела вперед, поверх серебристого носа самолета. Там, вдалеке их манят посадочные огни: синие точки на рулежной дорожке, оранжево-красные — на взлетно-посадочной полосе... И другие огни, которых Перси никогда не видела. Сотни белых и красных мигающих лампочек на крышах пожарных машин.

Огни повсюду.

Все звезды, ночного неба...

—Высота очень маленькая, — доложил Брэд. — Столкнемся с землей, не долетев двести ярдов.

Руки Перси гудели от напряжения, ладони взмокли от пота. Она снова подумала о Линкольне Райме, прикованном к инвалидному креслу, внимательно смотрящем на экран компьютера.

— "Фокстрот Браво", слишком низко! — твердил диспетчер. — Посылаю пожарные машины вперед.

— Не надо, — решительно ответила Перси.

— Высота тысяча триста футов, — доложил Брэд. — До полосы полторы мили.

"У нас всего тридцать секунд! Что делать?

Эд, помоги! Бритт... хоть кто-нибудь?

Ну же, обезьянья хватка... Черт побери, что делать?"

Перси выглянула в окно. В свете луны она увидела кусты, постройки, полоски обработанной земли, но в основном огромные пятна пустырей.

Колорадо — штат пустынь... Ну конечно!

Она круто заложила штурвал влево.

Брэд, не имеющий понятия, что она делает, продолжал докладывать:

— Скорость снижения три тысячи двести футов, высота тысяча футов, девятьсот футов, восемьсот пятьдесят...

Накренившийся самолет с неработающими двигателями быстро терял высоту.

— "Фокстрот Браво", *не*поворачивайте, — воскликнул диспетчер. — Повторяю, не поворачивайте! У вас и так слишком маленькая высота.

Перси направила самолет к участку пустыни.

Брэд издал радостный смешок.

— Высота стабильная... высота растет. Девятьсот футов, тысяча футов, тысяча двести футов, тысяча триста... ничего не понимаю.

— Тепловой воздушный поток, — объяснила Перси. — Днем пустыня накапливает тепло, а ночью его отдает. Диспетчер также понял, в чем дело.

— Отлично, «Фокстрот Браво»! Молодец! Выиграли около трехсот ярдов. Держите курс два-девять-ноль... хорошо, теперь два-восемь-ноль. Отлично. Так держать. Слушайте, если вам захочется сесть прямо на посадочные огни, мы не возражаем.

— Спасибо за предложение, Денвер, но мы сядем в тысяче за цифрами.

— Это будет просто великолепно, мэм.

Но теперь возникла другая проблема. Самолет долетит до полосы, но у него слишком большая скорость. Для уменьшения скорости входа в штопор применяются закрылки. Нормальная посадочная скорость «Лира-35А» была около 110 миль в час. Без закрылков она была не ниже 180 миль в час. При такой скорости взлетно-посадочная полоса длиной в две мили закончится мгновенно.

Поэтому Перси развернула самолет боком.

Этот прием используется при посадке легких самолетов в условиях бокового ветра. Необходимо накренить самолет влево, при этом нажимая педаль правого элерона. Такое действие позволяет значительно

уменьшить скорость. Перси не знала, пользовался ли кто-либо этим приемом, управляя семитонной махиной, однако ничего другого она придумать не смогла.

— Брэд, мне нужна твоя помощь, — задыхаясь, крикнула она своему напарнику, чувствуя, как ноют от напряжения руки.

Схватив штурвал, тот также надавил на педаль. Скорость уменьшилась, но самолет опасно накренился на левое крыло.

Ничего, она выровняет его перед самым прикосновением к бетону.

Перси очень на это надеялась.

— Скорость? — крикнула она.

— Сто пятьдесят узлов.

— "Фокстрот Браво", пока все в порядке.

— До полосы двести ярдов, высота двести восемьдесят футов, — доложил Брэд. — Посадочные огни прямо по курсу.

— Скорость снижения?

— Две тысячи шестьсот.

— Слишком быстро. От сильного удара могут сломаться стойки шасси. Или сработать бомба.

Посадочные огни впереди, они направляют самолет на взлетно-посадочную полосу...

Ниже, ниже, ниже...

Как только самолет пролетел над стойкой с прожекторами, Перси крикнула:

— Самолет мой!

Брэд тотчас же отпустил штурвал.

Выровняв крен. Перси опустила нос вниз. Поймав поток набегающего воздуха, самолет набрал подъемную силу, прекратив опасное снижение как раз над цифрами на бетоне.

Причем набрал он ее так хорошо, что отказался садиться.

В плотных слоях воздуха быстро летящий над самой поверхностью земли самолет, облегченный отсутствием горючего, никак не хотел опускаться.

Перси проводила взглядом мелькающие мимо желтовато-зеленые машины чрезвычайных служб.

Тысяча футов за цифрами, и все еще в тридцати футах над бетоном.

Две тысячи футов за цифрами. Три тысячи.

Эй, да садись же!

Перси надавила на штурвал. Самолет резко повалился вниз, и она тут же потянула штурвал на себя. Серебристая птица, задрожав, плавно коснулась бетона. Такой мягкой посадки Перси еще не совершала.

— Тормоза на полную!

Они с Брэдом со всей силы надавили на педали. Послышался визг тормозных колодок, самолет завибрировал. Кабина наполнилась дымом.

Половина полосы уже позади, а они все еще несутся со скоростью сто миль в час.

«Трава! — в отчаянии подумала Перси. — Если что, я сверну на траву. Шасси полетит к черту, но груз я спасу...»

Восемьдесят миль в час, семьдесят...

— Правое шасси горит, — доложил Брэд. И сразу же: — Носовое шасси горит.

Мать вашу! Перси всем своим весом навалилась на педаль тормоза.

Вибрация усилилась. «Лир» начало разворачивать боком. Перси компенсировала занос с помощью носового колеса. Кабина снова наполнилась дымом.

Шестьдесят миль в час, пятьдесят, сорок...

— Дверь! — крикнула Перси Беллу.

Мгновенно вскочив с места, полицейский распахнул дверь, превратившуюся в трап.

К самолету со всех сторон спешили пожарные машины.

Бешено завывая дымящимися тормозами, «Лир» бортовой номер Н695ФБ застыл в десяти футах от края бетонной дорожки.

Первым прозвучал голос Белла.

— Так, Перси, а теперь живо из самолета! Шевелись!

— Я должна...

— Теперь командую я! — крикнул детектив. — Если понадобится, я вытащу тебя силой. Ну!

Ему пришлось буквально подталкивать Перси и Брэда. Спрыгнув на землю последним, Белл поспешно отвел пилотов от самолета и крикнул пожарным, начавшим заливать пеной шасси:

— На борту бомба, может взорваться в любую минуту. Она в двигателе. Не подходите близко!

Выхватив пистолет, он настороженно оглядел спасателей, обступивших их кольцом. Еще недавно Перси считала такую осторожность параноидальной. Теперь она больше так не думала.

Все отошли от самолета футов на сто. Подъехала машина денверской полиции со специалистами-взрывниками. Белл замахал рукой, подзывая их к себе.

Вышедший из машины полицейский в широкополой ковбойской шляпе подошел к Беллу. Они показали друг другу свои значки, и Белл рассказал про бомбу, объяснил, где, предположительно, она находится.

— Значит, — сказал полицейский из Денвера, — вы не знаете наверняка, что она на борту самолета.

— Стопроцентной уверенности нет.

Перси посмотрела на «Фокстрот Браво». На прекрасной серебристой обшивке, залитой ярким светом прожекторов, белели клочья пены. Вдруг раздался оглушительный грохот. Все кроме Белла и Перси рухнули на землю. Хвостовая часть самолета исчезла в ослепительной вспышке оранжевого пламени. В воздух взлетели куски металла.

— Ой, — выдохнула Перси, поднося руку ко рту. Конечно, горючего в баках не осталось, но вся внутренность самолета — кресла, электропроводка, ковры, пластмассовая фурнитура и драгоценный груз — успела выгореть дотла, прежде чем пожарные, осторожно выждав,

приблизились к самолету и принялись заливать бесполезной снежной пеной обезображенный металлический остов.

Часть пятая

Пляска смерти

Посмотрев вверх, я увидел падающую точку, превратившуюся в перевернутое сердечко, а затем в пикирующую птицу. Ветер ревел в ее колокольчиках, производя ни на что не похожий звук. Провалившись на полмили вниз, сокол в последний момент взмахнул крыльями и, догнав фазана, ударил его сзади с сочным «шлеп» пули большого калибра, впивающейся в живую плоть.

Стефан Бодио, «Страсть к соколам»

Глава тридцать пятая

Час 24-й из 45

Райм посмотрел на часы. Три утра. Перси Клэй возвращается на Восточное побережье на специальном самолете ФБР. Через несколько часов она отправится во дворец правосудия, чтобы дать показания на предварительном слушании.

А он все еще не имеет ни малейшего понятия, где затаился Танцор у гроба, что он замышляет, чью личину сейчас на себя надел.

Запиликал телефон Селитто. Молча выслушав сообщение, детектив нахмурился.

— Господи Иисусе! Танцор убил еще одного человека. Только что в тоннеле в Центральном парке, рядом с Пятой авеню, обнаружен свежий труп, обработанный так, что опознание невозможно.

— Совершенно невозможно?

— Судя по всему. Танцор потрудился на славу. Удалил руки, зубы, челюсти и одежду. Труп принадлежит белому мужчине. Довольно молодому, около тридцати лет. — Селитто снова поднес телефон к уху. — Не бродяга, — продолжил он. — Чистый, атлетического телосложения. Хауманн считает, зажиточный обитатель Ист-сайда.

— Понятно, — вздохнул Райм. — Везите его сюда. Я хочу лично его осмотреть.

— Труп?

— Да, именно труп.

— Ну хорошо.

— Значит, Танцор надел новую маску, — раздраженно пробормотал криминалист. — Черт побери, кто он теперь? Как он собирается нанести свой следующий удар?

Выглянув в окно, он повернулся к Деллрею.

— В какой охраняемый дом ты собираешься их поместить?

— Я как раз думал об этом. По-моему...

— В наш, — произнес новый голос.

Все повернулись к грузному мужчине, появившемуся в дверях.

— В *наш*охраняемый дом, — повторил Реджинальд Элиополос. — Мы берем на себя защиту свидетелей.

— Только если у вас есть... — начал Райм.

Прокурор помахал у него перед носом бумагой. Криминалист не успел ничего прочесть, но никто не сомневался, что ордер на принудительное задержание свидетелей в полном порядке.

— Ничего хорошего в вашей затее нет, — пробурчал Райм.

— По крайней мере, это лучше, чем пытаться всеми возможными способами уничтожить последнего свидетеля, как это делаете *вы*.

Разъяренная Сакс шатнула было вперед, но Райм покачал головой.

— Поверьте, Танцор рано или поздно догадается, что вы возьмете свидетелей под свою опеку. Вполне возможно, *уже*догадался. Больше того, — зловещим тоном добавил он, — быть может, именно на это он и рассчитывает.

— Для этого ему нужно быть телепатом.

Райм склонил голову.

— Вы излишне самоуверенны.

Элиополос презрительно фыркнул. Окинув взглядом комнату, он заметил Джоди.

— Это вы Джозеф Д'Офорио?

Маленький человечек испуганно втянул голову в плечи.

— Я... да.

— Вы тоже поедете с нами.

— Эй, обождите, мне сказали, что я получу деньги и смогу...

— К обещанной награде это не имеет никакого отношения. Если вы ее заслужили, она от вас никуда не денется. Мы просто хотим быть уверены, что до суда с вами ничего не произойдет.

— До какого еще суда? Никто не говорил о том, что мне придется давать показания!

— Видите ли, — сказал Элиополос, — Вы являетесь важным свидетелем, — он кивнул в сторону Райма. — Вот *он,*вероятно, думает только о том, чтобы расправиться с убийцей. *Мы*же собираемся выдвинуть обвинение против человека, который его нанял. Вот для чего существуют правоохранительные органы.

— Никаких показаний я давать не буду.

— В таком случае, вы получите срок за пренебрежительное отношение к суду. Отбывать его вы будете в общей тюрьме. Полагаю, вы догадываетесь, можно ли в этом случае говорить о вашей безопасности.

Маленький бродяга попытался было рассердиться, но было видно, что он напуган до смерти. Его лицо исказилось от страха.

— О господи...

— Вы не сможете обеспечить достаточную защиту свидетелей, — сказал Райм. — Мы знаем, с кем имеем дело. Доверьте защиту *нам*.

—Да, Райм, вот еще что, — повернулся к нему Элиополос. — После инцидента с самолетом я намереваюсь выдвинуть против вас обвинение во вмешательстве в ход расследования уголовного дела.

— Только попробуй, мать твою, — бросил Селитто.

— И попробую, мать твою, — огрызнулся толстяк. — Разрешив свидетельнице лететь, он едва не развалил дело. В понедельник я выписываю ордер. И я собираюсь лично следить за ходом расследования. Он...

— Знаете, а он был здесь, — тихо произнес Райм.

Прокурор осекся на полуслове. Помолчав, он наконец спросил:

— Кто?

Хотя прекрасно понимал, о ком идет речь.

— Меньше часа назад он находился вот за этим окном и целился из снайперской винтовки, заряженной разрывными пулями, в эту самую комнату. — Райм указал взглядом на пол. — Вполне возможно, именно в ту точку, где вы сейчас стоите.

Элиополос ни за что на свете не сделал бы шаг в сторону. И все же он беспокойно оглянулся на окна, убеждаясь, что они зашторены.

— Почему?..

— Почему он не выстрелил? — закончил за него Райм. — Потому что ему пришла в голову более удачная мысль.

— И какая же?

— Ха, — усмехнулся криминалист, — а вот это вопрос стоимостью миллион долларов. Нам известно только, что Танцор убил еще одного человека — молодого мужчину, в окрестностях Центрального парка, и позаботился о том, чтобы мы не смогли опознать труп. Не сомневаюсь ни на минуту, ему известно, что Перси не погибла при взрыве самолета, так что он должен довести дело до конца. И Танцор возьмет вас в помощники.

— Он даже не догадывается о моем существовании.

— Вам очень хочется в это верить.

— Господи, Реджи, — воскликнул Деллрей, — протри очки!

— Попрошу без фамильярностей!

— Неужели вы до сих пор ничего не поняли? — поддержала специального агента Сакс. — Вам еще не приходилось сталкиваться с таким преступником.

Повернувшись к ней, Элиополос заговорил, обращаясь к Селитто:

— Наверное, у себя в городе вы действуете по-другому. Но на федеральном уровне мы лучше знаем, что к чему.

— Не будьте глупцом! — взорвался Райм. — Вы имеете дело не с простым гангстером или бывшим мафиози. От этого человека невозможно спрятаться. Его необходимо остановить раз и навсегда.

— Да-да, Райм, вы с самого начала повторяете этот боевой клич. Что ж, мы больше не будем жертвовать нашими людьми только потому, что вы чувствуете непреодолимое желание расквитаться с преступником, убившим пять лет назад двоих ваших экспертов. Если, конечно, вы способны что-либо чувствовать...

Элиополос, мужчина солидной комплекции, был ошеломлен, когда его так быстро и аккуратно уложили на пол. Задыхаясь, прокурор открыл глаза и увидел перед собой побагровевшее лицо Селитто и занесенный кулак.

— Только попробуйте, — заскулил он, — и через полчаса против вас будет выдвинуто обвинение.

— Лон, отпусти его, — сказал Райм. — Отпусти...

Взяв себя в руки, детектив отпустил Элиополоса, напоследок сверкнув глазами. Прокурор с трудом встал.

На самом деле Райму было наплевать на его оскорбительное замечание. Он даже не думал об Элиополосе. Если быть точным, то и о Танцоре. Ибо криминалист, случайно взглянув на Амелию Сакс, увидел ее пустой взгляд. И понял, что она чувствует: отчаяние из-за того, что добыче удастся бежать. В настоящий момент Элиополос отнимал у нее надежду взять Танцора. А этот убийца успел стать центром ее жизни.

И все из-за одной-единственной оплошности — того случая в аэропорту, когда Сакс бросилась на землю, спасаясь от пуль Танцора. Мелочь, пустяк, не имеющий значения ни для кого кроме нее. Но как там говорится в пословице? Дурак может бросить в пруд камень, который не смогут вытащить и десять мудрецов. А чем является сейчас жизнь Райма, как не следствием того, что кусок дерева сломал кусок кости? Так и жизнь Сакс сломалась в одно мгновение, в котором она видела проявление трусости. Правда, в отличие от Райма, у нее оставалась надежда на излечение, по крайней мере, криминалист на это очень надеялся.

«О Сакс, как будет больно, но у меня нет выбора».

— Хорошо, — сказал Райм, обращаясь к Элиополосу. — Но взамен вы окажете мне одну услугу.

— А если я откажусь? — презрительно усмехнулся Элиополос.

— Если вы откажетесь, я не скажу вам, где Перси, — просто ответил Райм. — Кроме нас никто не знает, где она.

Побледнев, прокурор бросил на него ледяной взгляд.

— Что вы хотите?

Райм с шумом вздохнул.

— Как показала жизнь. Танцор старается расправиться с теми, кто на него охотится. Раз вы хотите защитить от него Перси Клэй, я хочу, чтобы вы также защитили главного криминалиста, ведущего это дело.

— Вас? — спросил прокурор.

— Нет, Амелию Сакс, — ответил Райм.

— Райм, не надо, — нахмурилась молодая женщина. «Бесшабашная Амелия Сакс... А я ставлю тебя прямо под удар».

Он подозвал ее к себе.

— Я хочу остаться с вами, — начала Сакс. — Я должна его найти.

— Сакс, об этом не беспокойся, — прошептал Райм. — *Он сам*тебя найдет. Мы с Мелом попытаемся вычислить, в каком он сейчас обличье. Но если Танцор нападет на дом в Лонг-Айленде, я хочу, чтобы ты была там. Рядом с Перси. Ты единственная, кто его понимает. Ну, помимо меня. А из меня в обозримом будущем стрелок никудышный.

— Он может вернуться сюда...

— Не думаю. Возникла угроза, что впервые рыбе удастся сорваться с крючка, а этого Танцор не может допустить. Он пойдет за Перси. У него нет другого выхода. Я в этом уверен.

Обдумав его слова. Сакс кивнула.

— Хорошо, — согласился Элиополос, — вы поедете с нами. Машина уже ждет.

— Сакс, — окликнул ее Райм.

Она остановилась.

— Мы не можем ждать, — поторопил ее Элиополос.

— Я спущусь через минуту.

— Пожалуйста, поторопитесь.

— Я же сказала, через минуту.

Она без труда выиграла дуэль взглядов.

Элиополос и сопровождающий его полицейский повели Джоди на улицу. В коридоре маленький бродяга вдруг остановился.

— Подождите!

Вернувшись, он схватил свою драгоценную книгу и засеменил назад.

— Сакс...

Райм хотел сказать что-то о ненужном геройстве, о Джерри Бэнксе, о том, чтобы она поберегла себя. О том, что мертвых уже не воскресишь... Но он понял, что любые слова будут фальшивыми.

— Стреляй первой, — ограничился он.

Сакс накрыла ладонью его левую руку. Закрыв глаза, Райм изо всех сил попытался ощутить ее прикосновение. Ему показалось, это удалось, хотя бы безымянным пальцем.

Он открыл глаза.

— И ты тоже не отсылай нянек далеко, — сказала Сакс, кивая на Селитто и Деллрея. — Хорошо?

Появившийся в дверях санитар скорой помощи недоуменно посмотрел на Райма в инвалидном кресле, на оборудование, на красивую женщину, гадая, почему, во имя всего святого, он получил такой странный приказ.

— Кто тут просил труп? — неуверенно произнес он.

— Мы! — крикнул Райм. — Тащите его сюда! Скорее!

* * *

Въехав в ворота, фургон свернул на узкую дорожку, протянувшуюся, казалось, на многие мили.

— Если здесь такая длинная дорожка, — пробормотал Роланд Белл, — каким же окажется сам дом?

Они с Амелией Сакс сидели по обе стороны от Джоди, доставшего всех своим бесконечным ерзаньем. Поминутно задевая их своим не по размеру большим бронежилетом, маленький бродяга испуганно всматривался в подъезды домов и проезжающие мимо машины. Сзади сидели два бойца отряда 32-Е, вооруженные автоматами. Перси Клэй была впереди рядом с водителем.

По пути в округ Саффолк фургон подобрал ее и Белла, дожидавшихся в специальном зале аэропорта «Ла-Гуардия». Сакс была поражена, увидев летчицу.

И дело было не в усталости, хотя Перси, несомненно, находилась на грани физического истощения. Страх тоже был не при чем. Сакс не на шутку встревожилась, прочтя в глазах Перси полную отрешенность. Прослужив патрульным полицейским, молодая женщина вдоволь насмотрелась трагедий. Ей не раз приходилось приносить родным и близким черные вести, но еще ни разу она не видела такого полностью сломавшегося человека, каким была сейчас Перси Клэй.

Летчица связывалась по телефону с Роном Тэлботом. По выражению ее лица Сакс поняла, что «Ю. Эс. Хелскэр» даже не стала ждать, пока остынет пепел взорванного самолета, и расторгла контракт. Окончив разговор. Перси невидящим взглядом уставилась в окно. Потом она повернулась к Беллу.

— Страховая компания не собирается платить даже за груз. Сказали, что я сознательно пошла на риск. Это все. Конец. Мы банкроты.

Мимо мелькали сосны, голые дубы, песчаные проплешины. Сакс, родившаяся и выросшая в большом городе, в юные годы отправлялась в Нассау и Саффолк не ради пляжей или за покупками, а чтобы резко бросить педаль сцепления и разогнать свой каштановый «Чарджер» до шестидесяти миль в час за пять целых девять десятых секунды на прекрасных ровных шоссе, которыми по праву гордился Лонг-Айленд. Сакс любила деревья, траву и коров, но природа нравилась ей больше всего тогда, когда она проносилась мимо со скоростью сто десять миль в час.

Джоди, сидевший посредине, скрестил руки на груди, снова расплел их, начал возиться с ремнем безопасности и опять ткнул Сакс в бок.

— Извините, — пробормотал он.

Ей захотелось раздавить его как слизняка.

Дом не соответствовал подъездной дороге.

Строение неопределенного стиля, частично из бревен, частично из бруса. Убогое место, в которое угрохана уйма бюджетных денег без какого-либо вдохновения.

В ночной темноте белели пятна густого тумана, и все же Сакс смогла разглядеть, что дом окружен плотным кольцом деревьев. Дальше лес был вырублен на двести ярдов. Хорошее укрытие для тех, кто находится внутри, и в то же время отлично видно любого, кто попытается приблизиться к дому. Серая полоса вдалеке указывала на то, что дальше снова начинается лес. За домом темнел большой застывший пруд.

Выбравшийся из первой машины Реджинальд Элиополос дал знак выходить. Первым войдя в дом, он представил вновь прибывших круглолицему мужчине, казавшемуся веселым несмотря на то, что он и не думал улыбаться.

— Добро пожаловать, — сказал тот. — Я федеральный маршал Дэвид Фрэнкс. Хочу немного рассказать вам о жилище, которое на время станет вашим домом. Это самое надежное место содержания свидетелей во всей стране. По всему периметру здание окружено датчиками, реагирующими на движение и давление. Сюда нельзя попасть, не вызвав срабатывание самых различных систем сигнализации. При этом компьютер запрограммирован так, чтобы реагировать только на человека, так что если к нам случайно забредет олень или собака, ложной тревоги не будет. Но стоит только какому-нибудь *человеку*появиться там, где его не должно быть, и все пространство вокруг озарится светом прожекторов, будто Таймс-сквер в рождественскую ночь. Ну а если кто-то вздумает пожаловать к нам верхом? Это мы также предусмотрели. Компьютер по расстоянию между копытами животного и удельному давлению определит наличие лишнего груза на спине, и сработает сигнализация. А так вообще любой движущийся объект, енот или белка, запускает инфракрасные видеокамеры.

Да, еще нас прикрывает радиолокационная станция аэропорта в Хэмптоне, так что попытка нападения с воздуха будет обнаружена заблаговременно. Если что-нибудь случится, вы услышите сирену и, может быть, увидите свет. В любом случае, оставайтесь на своих местах. Ни в коем случае не покидайте дом.

— Сколько человек нас охраняет? — спросила Сакс.

— В доме четыре федеральных охранника. Еще двое на въезде, двое у пруда. А если нажмете красную кнопку, через двадцать минут здесь будет вертолет с бойцами спецназа.

На лице Джоди было написано, что двадцать минут — это очень долго. Сакс вынуждена была с ним согласиться.

Элиополос взглянул на часы.

— В шесть утра за вами заедет бронированный фургон. Он отвезет вас в суд. Прошу прощения за то, что не дадим вам выспаться, — он посмотрел на Перси. — Если бы все с самого начала было так, как я хотел, вы бы провели здесь в полной безопасности весь день и успели бы отдохнуть.

Провожаемый всеобщим молчанием, прокурор направился к двери.

— Упомяну еще о некоторых мелочах, — продолжал Фрэнкс. — Не подходите к окнам. Не выходите из дома без сопровождения. Вот этот телефон, — он указал на коричневый аппарат в углу гостиной, — подключен к защищенной линии. Пользоваться можно только им. Свои сотовые отключите и ни при каких обстоятельствах ими не пользуйтесь. Так, кажется, все. Вопросы есть?

— Да, — сказала Перси. — Выпить найдется?

Повернувшись к шкафчику, Фрэнкс достал бутылку водки и бутылку коньяка.

— Мы рады скрасить ваше пребывание у нас в гостях. Поставив бутылки на стол, он направился к входной двери, натягивая ветровку.

— Я поехал домой. Счастливо оставаться. Том, — попрощался он с федералом, дежурившим у двери.

Четверка приехавших осталась стоять в сверкающей полированным деревом гостиной, со стен которых на них смотрели головы оленей и лосей.

Внезапно зазвонил телефон, испугав всех присутствующих. Трубку снял один из федералов.

— Алло? — он неуверенно посмотрел на женщин. — Среди вас есть Амелия Сакс?

Кивнув, молодая женщина подошла к телефону. Это был Райм.

— Сакс, насколько безопасен этот дом?

— Охрана достаточно надежная. Все по последнему слову техники. Удалось опознать труп?

— Пока нет. За последние несколько часов поступили сообщения о четырех пропавших в Манхэттене мужчинах. Проверяем всех. Джоди рядом?

— Да.

— Спроси у него, не упоминал ли Танцор о том, что собирается принять какой-то конкретный облик? Сакс передала вопрос. Джоди задумался.

— Ну, как-то он сказал… ничего определенного. Он сказал, что для того, чтобы кого-то убить, необходимо проникнуть, оценить, отвлечь внимание и уничтожить, или что-то в таком духе. Точно не помню. Он имел в виду, привлечь всеобщее внимание к кому-то другому, а затем действовать. Кажется, он упомянул рассыльного и чистильщика обуви.

Твоим самым страшным оружием является обман…

Сакс передала его слова Райму.

— Мы считаем, труп принадлежит молодому бизнесмену. Или адвокату. Спроси Джоди, не говорил ли Танцор о том, что собирается проникнуть в здание суда.

Джоди ничего такого не вспомнил.

— Ну хорошо. Спасибо. — Сакс услышала, как он окликнул Мела Купера. — Я еще позвоню, Сакс.

Она положила трубку.

— Не хотите пропустить по одной на ночь? — обратилась к присутствующим Перси.

Сакс не смогла решить сразу, хочет она выпить или нет. При воспоминании о виски, предшествующем фиаско в постели с Линкольном Раймом, молодая женщина поежилась. И все же, поддавшись необъяснимому порыву, она сказала:

— Конечно.

Роланд Белл решил, что может оторваться на полчаса от дежурства. Джоди, выпив коньяк залпом как лекарство, отправился спать, сжимая под мышкой драгоценную книгу.

* * *

Сырой весенний воздух на улице наполнился треском цикад и тревожными гортанными криками лягушек. Выглянув в темноту, Джоди увидел пробивающиеся сквозь туман огни фонарей. Ветер носил между деревьями белые клочья.

Отойдя от окна, Джоди подошел к двери и осторожно выглянул в коридор.

Его охраняли два охранника, сидящие в тесной каморке в двадцати футах от его комнаты. Скучающие и сонные, они забыли о бдительности.

Джоди вслушался в темноту, но услышал только скрипы и стоны старого деревянного дома.

Вернувшись в комнату, он сел на продавленную кровать и взял грязную обтрепанную брошюру «Покончим с зависимостью».

Пора за работу.

Развернув книгу так, что затрещал клей, Джоди оторвал от переплета полоску изоленты. На кровать упал длинный нож. Внешне он казался обыкновенным стальным, но в действительности лезвие было сделано из усиленного керамикой полимера и не обнаруживалось металлоискателем. Тусклое, покрытое пятнами, оно было с одной стороны острым как бритва, а с другой имело насечки, наподобие зубьев хирургической пилы. Рукоятка была обмотана. Джоди сам придумал этот нож и изготовил его собственными руками. Подобно настоящему серьезному оружию, нож выглядел неказистым, и использовать его можно было только для одного: убивать. Но с этой задачей он справлялся хорошо, очень-очень хорошо.

Джоди без колебаний взял его в руку так же спокойно, как он прикасался к дверным ручкам и подоконникам, потому что сейчас он был владельцем новых отпечатков пальцев. Месяц назад один швейцарский хирург сжег химическим раствором кожу на подушечках всех десяти пальцев, а затем с помощью лазерного метода, использующегося в микрохирургии, насадил на раны новую кожу. Разумеется, его собственные отпечатки обязательно восстановятся, но это произойдет не раньше чем через несколько месяцев.

Усевшись на кровать, Джоди закрыл глаза и, представив себе гостиную, совершил по ней мысленную прогулку, вспоминая расположение каждой двери, каждого окна, каждого предмета мебели, дешевых пейзажей на стенах, лосиных рогов над камином, пепельниц, оружия и

того, что может стать оружием. У него была настолько хорошая память, что он смог бы пройти по комнате с завязанными глазами, не задев ни за один стул.

Погруженный в медитацию, Джоди мысленно подошел к телефону в углу и постоял перед ним, размышляя о системе связи охраняемого дома. Ему была прекрасно известна ее работа (большую часть свободного времени он проводил за чтением пособий по системам безопасности и связи), и он понимал, что если перерезать телефонную линию, падение напряжения тотчас же приведет к срабатыванию сигнализации на щитке у охранников в доме и, скорее всего, также и в домике у ворот на въезде. Так что придется оставить ее в покое.

Не проблема, а фактор.

Мысленная прогулка продолжалась. Теперь осмотр видеокамер, установленных в гостиной, о которых «забыл» рассказать Фрэнкс. Дешевая модель — именно такую выбрал для охраняемого дома бережливый архитектор. Джоди такие видеокамеры были хорошо знакомы, и он знал, что они обладают серьезным конструктивным недостатком. Достаточно резко ударить по объективу, и это вызовет смещение линз. Изображение на мониторах исчезнет, но сигнал тревоги не прозвучит, как произошло бы, если бы был перерезан коаксиальный кабель.

Так, теперь свет... Из восьми ламп он сможет погасить шесть, нет, только пять, не больше. По крайней мере, до тех пор, пока не обезврежены все охранники. Отметив расположение ламп и выключателей, Джоди бестелесной тенью двинулся дальше. Холл с телевизором, кухня, спальни. Оценивая расстояния, углы наблюдения.

Не проблема...

Наконец Джоди открыл глаза. Удовлетворенно кивнув, он опустил нож в карман и подошел к двери.

Бесшумно прокравшись на кухню, Джоди прихватил шумовку из шкафчика над мойкой. Открыв холодильник, он налил стакан молока и вышел в гостиную. Бродя между книжными полками и делая вид, что он выбирает себе чтиво на ночь, Джоди по очереди приблизился к каждой видеокамере и ударил шумовкой по объективу. Затем, оставив стакан и шумовку на столе, он направился в комнату охранников.

— Слушай, что там с камерами наблюдения? — как раз говорил один из них, крутя ручки телевизионного монитора.

— А что с ними? — равнодушно спросил другой.

Джоди прошел мимо первого федерала. Тот, подняв голову, начал было спрашивать: «Сэр, и как вам у нас?», но тут «вжик, вжик», Джоди аккуратно сделал ему на шее надрез в виде перевернутой галочки. Обильной струёй хлынула бархатная кровь. Ошеломленно раскрыв глаза, напарник убитого схватился за пистолет, но Джоди, выбив оружие у него из руки, дважды ударил ножом в горло и грудь. Свалившись на пол, охранник забился в судорогах. Эта смерть произвела достаточно много шума, и Джоди это предвидел. Но он не мог наносить новые удары; ему была нужна форма, минимально испачканная кровью.

Умирающий охранник, бьющийся в конвульсиях на полу, посмотрел на Джоди, стащившего свою насквозь мокрую от крови одежду. Его взгляд упал на бицепс убийцы, на татуировку.

Джоди, склонившийся над охранником, чтобы снять с него форму, заметил этот взгляд.

— Она называется «Пляска смерти». Видишь? Смерть танцует со своей следующей жертвой. Для несчастной уже приготовлен гроб. Тебе нравится?

Он спрашивал с искренним любопытством, хотя и не ждал ответа.

Он его и не получил.

Глава тридцать шестая

Час 43-й из 45

Мел Купер, натянув резиновые перчатки, изучал труп молодого мужчины, обнаруженный в Центральном парке.

— Можно еще попробовать папиллярный узор пяток, — наконец уныло предположил он.

Отпечаток ступни так же уникален, как и отпечаток пальца, но толк от него будет только в том случае, если имеется образец, с которым сравнивать. В полицейских архивах такие данные не содержатся.

— Не трудись, — пробормотал Райм.

"Черт побери, *кто*же он? — гадал он, разглядывая обезображенное тело. — Вот ключ, который позволит нам узнать следующий шаг Танцора".

Самое мучительное ощущение — что-то совсем рядом, но никак не удается это ухватить. Вот улика, *известно,*что это ключ к разгадке, но объяснить ее происхождение не получается.

Райм снова посмотрел на списки улик, развешенные на стенах. Этот труп был сродни зеленым волокнам, обнаруженным в пустом ангаре, важная улика, смысл которой пока не понятен.

— Вы сможете что-нибудь добавить? — спросил Райм у врача из центра судебно-медицинской экспертизы, привезшего труп.

Лысеющий молодой человек вытер со лба блестящие созвездия капелек пота.

— Этот человек педераст. Точнее, был им в молодости. Его анальное отверстие показывает, что он неоднократно вступал в половые контакты с мужчинами, правда, последний раз несколько лет назад.

— А это что за шрам? — продолжал Райм. — Шов от операции?

— Такие оставляет скальпель. Но я не представляю, что можно оперировать в этом месте. Возможно, что-то с кишечником? И все же я не слышал, чтобы в этой части живота производили надрезы.

Райм жалел о том, что рядом нет Сакс. Ему хотелось обменяться с ней своими мыслями. Возможно, она заметила бы что-то такое, что он проглядел.

«Кто же этот человек?» — не переставал ломать голову Райм. Идентификация останков — сложная наука. Однажды Райму удалось установить личность убитого по одному зубу. Но процесс опознания очень длительный, как правило, на это уходят недели, а то и месяцы.

Если бы в крови убитого был обнаружен какой-то вирус, возможно, это помогло бы идентифицировать его через больницы и клиники. Но анализ крови — дело очень кропотливое, и результаты будут нескоро.

Отпечатки пальцев...

"Я готов отдать *что угодно*за один четкий отпечаток! — мысленно воскликнул Райм. — Если бы только..."

— Стоп! — вдруг рассмеялся он. — Его член!

— Что? — изумился Селитто.

Деллрей удивленно поднял бровь.

— Рук у него нет. Но какую часть тела он трогал практически наверняка?

— Пенис! — подхватил Купер. — Если в течение последних двух-трех часов своей жизни бедняга мочился, мы, скорее всего, сможем достать отпечаток.

— Кто возьмет на себя эту почетную обязанность?

— Полезное дело не может вызывать отвращение, — пробормотал эксперт, натягивая на руки вторые перчатки.

Взяв ленту для снятия отпечатков «Кромкоут», он принялся за работу. Его усилия были вознаграждены: на ленте появились два четких отпечатка. Большого пальца с верхней части члена и указательного — с нижней.

— Замечательно, Мел.

— Только не говорите об этом моей подружке, — жеманно потупился Купер.

Он срочно послал запрос в федеральную базу данных.

На экране компьютера замигало сообщение: «Ждите ответа... Ждите ответа...»

«Пожалуйста, пусть эти пальчики будут в архиве, — в отчаянии взмолился Райм. — Пожалуйста...»

Его надежды сбылись.

Но когда наконец пришел ответ, Селитто и Деллрей, стоявшие у компьютера Купера, не поверили своим глазам.

— Что за чертовщина? — воскликнул полицейский.

— Ну что? — крикнул Райм. — Кто он?

— Колл.

— Что?

— Это Стивен Колл, — повторил Купер. — Двадцать точек совпадения. Не может быть никаких сомнений, — отыскав тот составной отпечаток, с помощью которого была установлена личность Танцора, эксперт положил его рядом с лентой «Кромкоута». — Полная идентичность.

Как? Как это можно объяснить?

— А что если на петушке этого типа действительно пальчики Колла? — предложил Селитто. — А наш Колл — гомик?

— У нас ведь есть генетический анализ крови Колла, так? С крыши водозаборной башни?

— Точно, — подтвердил Купер.

— Надо их сравнить, — крикнул Райм. — Нужно провести анализ крови трупа. Срочно!

* * *

Поэзия была ему не чужда.

«Танцор у гроба»... Неплохо. Гораздо лучше, чем «Джоди» — имя, которое он выбрал для этого дела. Такое безобидное. Глупое, уменьшительное, презрительное. Танцор...

Он знал, что имена играют важную роль. Он был знаком с философскими трудами. Давать имена, выделять — это свойственно исключительно людям. Танцор мысленно обратился к покойному расчлененному Стивену Коллу: "Это обо мне ты слышал. Это яназываю свои цели «трупами». А ты называй их Женами, Мужьями, Друзьями, как тебе угодно.

Но после того как я взялся за дело, этих людей можно считать трупами. Они уже трупы".

Переодетый в форму федерального охранника, убийца пошел по тускло освещенному коридору, оставив за собой два трупа. Разумеется, ему не удалось не запачкать мундир кровью, но кто заметит в полумраке на темно-синей ткани красные пятна?

Теперь осталось найти Труп номер три.

Жену, если тебе так больше нравится, Стивен. Какой же ты был противоречивый, неуравновешенный. Все время тер руки... Муж, Жена, Друг...

Проникнуть, оценить, отвлечь, уничтожить... Эх, Стивен... Я мог бы обучить тебя главному правилу в нашем ремесле: необходимо быть на шаг впереди всех, абсолютно всех.

Теперь у убийцы было два пистолета, но он еще не собирался ими пользоваться. Поспешными действиями можно все испортить. А если сейчас он споткнется, другой возможности убить Перси Клэй до предварительного слушания в суде, которое начнется сегодня утром, у него больше не будет.

Он бесшумно вышел в прихожую, где сидели еще два охранника: один читал газету, другой смотрел телевизор.

Первый, мельком взглянув на Танцора, увидел форму и снова склонился над газетой. Потом снова поднял голову.

— Подожди, — сказал один из них, вдруг сознавая, что лицо ему не знакомо.

Но Танцор не стал ждать.

Он ответил быстрым ударом, рассекая обе сонные артерии. Убитый охранник соскользнул на шестую страницу «Дейли Ньюс» настолько бесшумно, что его напарник даже не оторвался от телевизора, где пышная блондинка в дорогих украшениях объясняла, как познакомилась со своим возлюбленным посредством медиума.

— Подождать? Чего? — спросил он, уставившись в экран.

Его смерть получилась чуть более шумной, но все равно ее никто не заметил. Сбросив трупы на пол, Танцор запихнул их под стол.

Подойдя ко входной двери, он сначала убедился, что на ней нет датчиков, и лишь после этого бесшумно выскользнул на улицу. Два охранника перед домом несли службу бдительно, но их внимание было обращено в противоположную сторону. Один, обернувшись, кивнул, увидев человека в форме. Уже начинало рассветать, но все же черты лица разобрать было нельзя. Оба патрульных умерли практически бесшумно.

Что касается следующих двух, дежуривших в сторожке у пруда. Танцор подкрался к ним сзади. Точным ударом в спину он пронзил одному из них сердце, а затем перерезал горло второму. Первый, упав на землю, перед смертью вскрикнул. Но опять никто не обратил внимания на этот шум. Звук, как решил Танцор, был очень похож на крик гагары, пробуждающейся навстречу восхитительному розовато-серому рассвету.

* * *

К тому моменту, как прибыл факс с результатами анализа ДНК, Райм и Селитто уже знали наверняка. Анализ был выбран быстрый, на реакцию полимеризации цепочки, и все же его приговор был практически

бесспорным: с вероятностью шесть тысяч к одному лежащий перед ними труп принадлежал Стивену Коллу.

— Его убили? — пробормотал Селитто. Его рубашка стала такой измятой, что напоминала ниточку хлопчатобумажного волокна под пятисоткратным увеличением. — Но почему?

«Почему?» — это вопрос не к эксперту-криминалисту.

Улики… Райма заботили только улики.

Он изучал протоколы осмотра мест преступления, останавливаясь на каждой улике. Волоски, пули, разбитое стекло…

Думай! Анализируй!

Ты знаешь, что нужно делать. Ты делал это уже миллион раз.

Собрать улики. Определить их количество, разобрать на группы. Сделать предположения. Вывести заключения. А затем…

Предположения.

В самом начале они сделали одно ничем не подкрепленное предположение. Все расследование велось, исходя из убеждения, что Стивен Колл *и есть*Танцор у гроба. А если это не так? Если он лишь пешка, и Танцор только использовал его?

Обман…

В таком случае должны быть улики, не встраивающиеся в общую картину. Что-то такое, что указывает на истинного Танцора.

Райм внимательно изучал списки.

Но все улики имели логическое объяснение, за исключением зеленых волокон. А определить их происхождение так и не удалось.

— Одежды Колла у нас нет, так?

— Нет, его обнаружили совершенно обнаженным, — ответил врач-эксперт.

— Есть у нас что-либо, с чем он вступал в контакт? Селитто пожал плечами.

— Ну, Джоди.

— Он ведь переоделся здесь? — спросил Райм.

— Верно, — подтвердил Селитто.

— Тащите его одежду сюда. Я хочу на нее взглянуть.

— фу, — презрительно поморщился Деллрей. — Зрелище это не из приятных.

Купер отыскал вещи маленького бродяги. Почистив их щеткой над чистой газетой, он поместил собранные частицы под микроскоп.

— Что там у нас? — оживился Райм, глядя на экран компьютера — точную копию того, что видел Купер в окуляры.

— Что это за белый порошок? — спросил эксперт. — Эти крупинки? Их много. Я вытряс их из швов на штанах.

Райм ощутил, как горит его лицо. Отчасти это объяснялось повышенным давлением, следствием физического истощения, отчасти — призрачными болями, до сих пор время от времени терзавшими его. Но в основном это был жар погони.

— О господи, — прошептал криминалист.

— В чем дело. Линкольн?

— Это *тот самый*песок, — объявил он.

— Но что это такое, мать твою? — спросил Селитто.

— Икорный камень. Нанесенный ветром песок. Такого полно на Багамах.

— На Багамах? — нахмурился Купер. — По-моему, мы уже слышали сегодня что-то о Багамах, — он оглянулся вокруг. — Не помню.

Но Райм помнил. Он не отрывал взгляда от доски сообщений, куда были прикреплены результаты анализа таинственного песка, обнаруженного в машине Тони Панелли, исчезнувшего агента ФБР.

Криминалист прочитал вслух:

"Представленный на анализ образец не является песком в строгом смысле. Это частицы кораллов с примесью остатков скелетной иглы морских червей, раковин брюхоногих моллюсков и фораминифер. Наиболее вероятное место происхождения — коралловые рифы северной части Карибского моря:

Куба, Багамские острова".

Агент Деллрея. Человек, знавший про охраняемый дом ФБР в Манхэттене, который мог под пыткой назвать адрес.

И Танцор дождался там, показался Стивену Коллу, подружился с ним, а затем устроил так, чтобы его задержали и поместили рядом с жертвами.

— Наркотики! — воскликнул Райм.

— Что? — не понял Селитто.

— О чем я думал? Торговцы наркотиками не разбавляют медицинские препараты детским питанием! Это слишком сложно! Так поступают только с синтетическими наркотиками!

— Джоди ничего не разбавлял, — кивнул Купер. — Наркотики он просто выкидывал, а сам глотал безобидную кашу, чтобы мы считали его наркоманом.

— Джоди — это Танцор! — крикнул Райм. — Звоните! Срочно связывайтесь с охраняемым домом! Схватив трубку, Селитто набрал номер. Неужели уже слишком поздно? Амелия, что я наделал! Неужели я тебя убил? Небо приобрело металлически-розовый оттенок. Вдалеке прозвучала сирена.

Сокол-самец, проснувшись, собрался лететь на охоту. Лон Селитто с отчаяньем посмотрел на телефон.

— Никто не отвечает.

Глава тридцать седьмая

Час 44-й из 45

Некоторое время они говорили, сидя в комнате Перси. Говорили о самолетах, машинах, работе в полиции. Потом Белл отправился спать, а Перси и Сакс, оставшись вдвоем, говорили о мужчинах.

Затем и Перси вытянулась на кровати и закрыла глаза. Сакс, вынув из руки спящей женщины стакан, погасила свет. Она решила, что неплохо бы и ей выспаться.

Молодая женщина стояла в коридоре, любуясь светлеющим предрассветным небом — розовым с оранжевым, как вдруг до нее дошло, что уже давно звонит телефон.

Почему никто не берет трубку?

Она быстро пошла по коридору.

Охранников нигде не было видно. В ответвлении было темно. Почти все лампы не горели. Мрачное место, мелькнула у нее мысль. Мурашки по коже бегут. Пахнет сосновыми досками, плесенью. И чем-то еще? Чем-то очень знакомым. Но чем именно?

Ей не раз приходилось сталкиваться с этим запахом при осмотре мест преступления. Но усталый мозг отказывался работать.

Телефон продолжал звонить.

Сакс прошла мимо комнаты Роланда Белла. Дверь в нее была приоткрыта, и она заглянула внутрь. Белл сидел в кресле лицом к зашторенному окну, уронив голову и скрестив руки на груди.

— Детектив! — осторожно окликнула его Сакс.

Он не ответил.

Белл крепко спал. О чем только оставалось мечтать Сакс. Тихо прикрыв дверь, она пошла к себе.

Ее мысли крутились вокруг Райма. Пусть хоть он-то выспится. Сакс довелось быть свидетелем одного из приступов дисрефлексии. Это было ужасно, и она опасалась повторений.

Телефон умолк на середине звонка. Сакс неуверенно посмотрела туда, где стоял аппарат, гадая, не с ней ли пытались связаться. Она так и не услышала, ответил ли кто-нибудь. Подождав немного, молодая женщина убедилась, что ее никто не зовет.

Тишина. Затем осторожный стук, тихий скрежет. И снова тишина.

Сакс зашла в свою комнату. Там было темно. Повернувшись к выключателю, она увидела два глаза, сверкнувшие в отраженном свете, смотрящие на нее. Положив правую руку на рукоятку «Глока», Сакс левой щелкнула выключателем. Со стены на нее таращилась блестящими стеклянными глазами голова огромного оленя.

— Мертвые животные, — пробормотала она. — Замечательное украшение охраняемого дома...

Задрав блузку, Сакс стащила громоздкий бронежилет. Конечно, не такой громоздкий, как у Джоди. Ну и дохлятина! Как там его назвал Деллрей? Тощий скелет. Маленький неудачник.

Засунув руку под нижнее белье, Сакс принялась чесать. Грудь, спину под застежкой лифчика, бока.

Оооох, до чего же хорошо!

Да, она устала, но сможет ли заснуть?

Кровать с виду казалась чертовски уютной.

Опустив блузку. Сакс легла, положив голову на подушку. Закрыла глаза. Действительно за дверью послышались шаги или ей показалось?

Наверное, кто-то из охранников пошел за кофе.

Спать. Дышать ровно и глубоко...

Сон не приходил.

Открыв глаза. Сакс уставилась на потолок, обитый листами фанеры.

Танцор у гроба. Как он попытается нанести удар на этот раз? Каким оружием воспользуется?

Самым страшным его оружием является обман...

Выглянув на улицу в щель между занавесками. Сакс увидела восхитительную картину сереющего предрассветного неба. Легкая дымка заволакивала деревья вдалеке.

Где-то в доме послышался глухой удар. Звук шагов.

Скинув ноги на пол, молодая женщина уселась на кровати. Наверное, лучше все *же*отказаться от бесполезных попыток заснуть и выпить кофе. А выспится она завтра.

Внезапно ей неудержимо захотелось переговорить с Раймом, узнать, удалось ли ему что-либо выяснить. Но Сакс буквально услышала его недовольный голос: "Если бы я что-нибудь узнал, я бы обязательно позвонил, ведь так? Я же *сказал,*что буду держать тебя в курсе".

Ей не хотелось его будить, но она сомневалась, что он спит. Достав из кармана сотовый телефон, молодая женщина раскрыла его, но тут же

вспомнила требование Фрэнкса пользоваться только закрытой линией в гостиной.

Сакс собралась было закрыть телефон, но тут он вдруг громко замурлыкал.

Молодая женщина поежилась не потому, что ее напугал неожиданный звук. Просто она почему-то вообразила, что Танцору удалось каким-то образом узнать ее номер, и сейчас он хочет убедиться, что она в охраняемом доме. У нее даже мелькнула абсурдная мысль, что он успел также заложить в аппарат взрывчатку.

«Проклятие, Райм, смотри, какой я стала пугливой!»

Не надо отвечать.

Но какое-то чутье приказало ей ответить на звонок. Хотя криминалисты и издеваются над интуицией, полицейские *с улицы*всегда прислушиваются к внутреннему голосу. Сакс выдвинула антенну.

— Да?

— Слава богу…

Она застыла, услышав проникнутый паникой голос Линкольна Райма.

— Привет, Райм. В чем…

— Слушай очень внимательно. Ты одна?

— Да. Что случилось?

— Джоди — это Танцор.

— Что?

— Стивен Колл был отвлекающей фигурой. Джоди его убил. Именно его труп нашли в парке. Где Перси?

— У себя в спальне. Это дальше по коридору. Но как…

— Нет времени. Сейчас Танцор собирается с ней расправиться. Если охранники еще живы, пусть соберутся в одной из комнат и займут круговую оборону. Если убиты, найди Перси и Белла и срочно выводи их из дома. Деллрей уже связался со спецназом, но отряд прибудет к вам не раньше чем через двадцать-тридцать минут.

— Здесь же восемь охранников. Он не сможет справиться со всеми...

— Сакс, — решительно произнес Райм, — не забывай, с кем мы имеем дело. Шевелись! Свяжешься, когда будете в безопасности.

Белл! Сакс с ужасом вспомнила застывшую неестественную позу полицейского, упавшую на грудь голову.

Распахнув дверь своей спальни, она выхватила пистолет. Коридор и гостиная зияли темнотой. Лишь тусклый рассвет пробивался в окна. Сакс прислушалась. Шорох. Приглушенный металлический лязг. Но откуда донеслись эти звуки?

Она бесшумно направилась к комнате Белла.

Он напал на нее у самой двери.

Увидев оторвавшуюся от двери тень, Сакс припала на колено, выбрасывая вперед «Глок». Тень, крякнув, выбила пистолет у нее из руки. Сакс не задумываясь толкнула ее, со всей силы ударяя спиной о стену.

Выхватывая выкидной нож.

— Погоди, — задыхаясь, выдавил Роланд Белл. — Отпусти...

Сакс освободила его рубашку.

— Это вы!

— Ну вы меня и напугали! В чем...

— Вы живы! — радостно прошептала Сакс.

— Просто задремал на минутку. Что случилось?

— Джоди — это Танцор. Только что звонил Райм.

— Что? Как?

— Не знаю, — оглянувшись вокруг, Сакс поежилась. — Где охрана?

Коридор был пуст.

И тут вдруг она вспомнила, какой знакомый запах не давал ей покоя. Кровь! Ее запах похож на запах нагретой меди. Сакс поняла, что все охранники убиты. Нагнувшись, чтобы подобрать свое оружие, она

нахмурилась, увидев обращенную к ней рукоятку. Там, куда вставлялась обойма, чернела пустота. Молодая женщина испуганно схватила пистолет.

— Нет!

— В чем дело? — спросил Белл.

— Обойма пропала.

Сакс похлопала себя по поясу. Две запасные обоймы также исчезли. Белл достал свои пистолеты — «Глок» и «Браунинг». В них тоже не было обойм. И в патроннике пусто.

— Мерзавец сделал это в машине, — выдавила Сакс. — Он сидел между нами. Постоянно вертелся, тыкал нам под ребра.

— В гостиной шкафчик с оружием, — сказал Белл. — Там пара охотничьих карабинов.

Сакс также вспомнила про них.

— Туда!

В тусклом полумраке с трудом можно было что-либо разобрать. Белл, озираясь по сторонам, пригнувшись направился вперед. Сакс, вернувшись к комнате Перси, заглянула внутрь. Летчица крепко спала.

Шагнув в коридор. Сакс раскрыла нож и приняла боевую стойку, вглядываясь в темноту. Вскоре вернулся Белл.

— Шкафчик взломан. Карабины исчезли. И патронов тоже нет.

— Будим Перси и уходим отсюда.

Звук шагов совсем рядом. Щелчок винтовки, снимаемой с предохранителя.

Схватив Белла за шиворот. Сакс повалила его на пол.

Выстрел прозвучал оглушительно громко. Пуля преодолела звуковой барьер совсем рядом. Сакс почувствовала запах собственных паленых волос. В распоряжении Джоди к настоящему моменту имелся целый арсенал — оружие охранников. Однако он решил воспользоваться охотничьим карабином.

Вскочив с пола. Сакс и Белл бросились в комнату Перси. Дверь раскрылась прямо перед ними, и на пороге появилась заспанная летчица.

— Господи, что…

Роланд Белл, налетев на Перси с разбега всем своим весом, затолкнул ее в комнату. Сверху на них свалилась Сакс. Захлопнув за собой дверь, она заперла ее на замок и подбежала к окну.

— Живее, живее, живее…

Подхватив оглушенную Перси Клэй с пола, Белл подтащил ее к окну. Несколько мощных пуль, предназначенных для крупного зверя, вырвали из двери клочья вокруг замка.

Никто не оглянулся, чтобы убедиться, насколько успешными оказались выстрелы Танцора у гроба. Перекатившись через подоконник. Сакс, Перси и Белл спрыгнули на землю и со всех ног побежали по мокрой от росы траве.

Глава тридцать восьмая

Час 44-й из 45

Сакс остановилась у пруда. Над застывшей серой гладью воды плавали призрачные клочья тумана, окрашенные в розоватый цвет.

— Вперед, — крикнула она Беллу и Перси. — К тем деревьям.

Она указала в сторону ближайшего укрытия: широкой полосы деревьев на краю поля с противоположной стороны пруда. До нее оставалось больше ста ярдов, но ближе ничего не было.

Сакс оглянулась на дом. Джоди нигде не было видно. Она склонилась над трупом одного из охранников. Разумеется, кобура у него была пустой, патронташ на поясе тоже. Сакс не сомневалась, что Джоди забрал оружие, и все же надеялась, что одну вещь пропустил.

Райм, он все же *человек*…

Перевернув остывший труп, молодая женщина нашла то, что искала. Засучив брючину, она вытащила из кобуры на щиколотке запасное оружие. Игрушечный пистолетик, крошечный пятизарядный «Кольт» со стволом длиной всего два дюйма.

Сакс снова посмотрела на дом как раз тогда, когда в окне появилось лицо Джоди. Он поднял карабин. Вскинув пистолет, молодая женщина нажала на курок. В паре дюймов от головы Джоди брызнуло разбитое стекло. Он поспешно отпрянул назад.

Развернувшись, Сакс пустилась вокруг пруда вслед за Беллом и Перси. Они бежали быстро, петляя из стороны в сторону.

Они успели отбежать от дома ярдов на сто, прежде чем раздался первый выстрел. Гулкое эхо отразилось от деревьев. Под ногами Перси взметнулся фонтанчик земли.

— Ложись! — крикнула Сакс, указывая на небольшую неровность почвы. — Туда.

Только они с разбегу повалились на землю, как прогремел второй выстрел. Если бы Белл остался стоять, пуля попала бы ему прямо между лопаток.

До ближайшей группы деревьев, которая могла предоставить защиту, оставалось всего пятьдесят футов. Однако сейчас бежать к ней было равносильно самоубийству. Судя по всему, как стрелок Джоди нисколько не уступал Стивену Коллу.

Сакс на мгновение оторвала голову от земли.

Она не успела ничего увидеть, но услышала выстрел. Тотчас же у нее над головой просвистела пуля. Ее захлестнул тот же безотчетный ужас, что и тогда на аэродроме. Молодая женщина вжалась лицом в холодную траву, скользкую от росы и ее собственного пота. У нее затряслись руки.

Приподняв голову, Белл тотчас же снова распластался на земле. Новый выстрел. Фонтанчик взметнулся в паре дюймов от его лица.

— Кажется, я его заметил, — протянул полицейский. — В кустах справа от дома. На пригорке.

Сакс трижды сделала быстрый вдох-выдох. Затем, откатившись на пять футов вправо, приподнялась и тут же метнулась назад.

На этот раз Джоди решил не стрелять, и ей удалось все рассмотреть. Белл был прав: убийца занял позицию на пригорке и целится в них из охотничьего карабина с оптическим прицелом. Сакс удалось разглядеть отблеск линз объектива. С этого места Джоди не сможет попасть в них, если они будут лежать, не поднимая головы. Но ему достаточно подняться выше: с гребня он достанет их в той яме, где они залегли.

Пять минут прошли в полной тишине. Убийца поднимался вверх по пригорку. Но ему приходилось действовать осторожно, он знал, что Сакс вооружена, и уже убедился, что стреляет она хорошо. Что им делать? Оставаться в своем ненадежном укрытии? Но когда прилетит вертолет со спецназом?

Зажмурившись, Сакс втянула носом запах сырой земли, запах травы.

И подумала о Линкольне Райме.

Сакс, ты знаешь его как никто другой...

Преступника невозможно понять, не пройдя там, где ходил он, не собрав нечистоты его злодеяний...

"Но, Райм, — мысленно возразила Сакс, — это же не Стивен Колл. Джоди — не *тот*убийца, которого я знаю. Я осматривала места преступлений, совершенных не *им*.Не в *его*мысли пыталась проникнуть..."

Она попыталась найти какие-нибудь неровности почвы, прикрываясь в которых, можно было бы добраться до спасительных деревьев. Ничего. Достаточно сместиться на пять футов в любую сторону, и они станут прекрасной мишенью.

Что ж, они и так с минуты на минуту станут прекрасной мишенью, как только Джоди доберется до гребня.

И тут вдруг до нее дошло. Преступления, которые она изучала, на самом деле *совершил*Танцор. Пусть не он выпустил пулю, убившую Бритта Хейла, не он заложил бомбу, взорвавшую самолет Эда Карни, и взмахнул ножом, нанося смертельную рану Джону Иннельману.

Но за всем этим стоял Джоди.

Сакс отчетливо услышала голос Линкольна Райма:

«Его самым страшным оружием является обман».

— Ползите туда, — крикнула она, оборачиваясь и указывая на узкую лощину. — Оба.

Они с Беллом встретились взглядами. Сакс поняла, как сильно он хочет лично расквитаться с Танцором. Но по ее глазам полицейский понял, что добыча принадлежит ей одной. Никаких возражений, никаких споров. Райм дал ей эту возможность, и теперь ничто в мире ее не остановит.

Мрачно кивнув, Белл потащил Перси за собой в неглубокую выемку в земле.

Сакс проверила обойму. Осталось четыре патрона.

Много.

Более чем достаточно...

*Если*она не ошиблась.

Права ли она? — гадала Сакс, прижимаясь лицом к влажной пахучей земле. Да, права... Атака в лоб — это не стиль Танцора. *Обман*.

И она ответит ему тем же.

— Оставайтесь там. Что бы ни произошло сейчас, оставайтесь там.

Сакс приподнялась на четвереньки, глядя в сторону пригорка. Готовясь, собираясь с силами. Дыша размеренно.

— Амелия, до него больше ста ярдов, — прошептал Белл. — Из этого короткоствольного обрубка? Она не обратила на него внимания.

— Амелия, — окликнула ее Перси. На мгновение их глаза встретились, обе женщины улыбнулись.

— Не высовывайся, — приказала Сакс, и Перси послушно распласталась на земле.

Амелия Сакс встала.

Она не стала пригибаться, не повернулась боком, чтобы представлять собой менее уязвимую мишень. Молодая женщина присела в привычную стойку, сжимая пистолет обеими руками. Лицом к дому, к пруду, лицом к затаившейся фигуре на пригорке, направившей в нее карабин с оптическим прицелом. Крошечный пистолет с обрубком-стволом весил не больше стакана виски.

Сакс прицелилась в линзы объектива, блеснувшие далеко, словно на противоположном конце футбольного поля.

У нее на лице выступил пот.

Дышать, дышать.

Не торопиться.

Выждать…

По спине и рукам пробежала неприятная рябь. Усилием воли Сакс прогнала панику.

Дышать…

Слушать, слушать внимательно.

Дышать…

Давай!

Стремительно обернувшись, молодая женщина припала на колено как раз в тот момент, когда выстрелил карабин, высунувшийся из небольшой рощицы у нее за спиной, до которой было примерно пятьдесят футов. Пуля рассекла воздух прямо у нее над головой.

Сакс увидела изумленное лицо Джоди, все еще прижимающего к плечу охотничий карабин. Убийца понял, что ему не удалось ее обмануть. Она разгадала его замысел. Догадалась, что он, сделав несколько выстрелов от пруда, затащил на пригорок труп одного из охранников с карабином, а сам, выбежав на дорожку, зашел сзади.

Обман…

Мгновение оба стояли, не шелохнувшись.

Воздух застыл. Клочья тумана зависли на месте, трава не колыхалась.

На лице Сакс мелькнула слабая улыбка. Она подняла пистолет, сжимая его обеими руками.

Джоди отчаянно передернул затвор, выбрасывая стреляную гильзу и досылая новый патрон. Когда он поднес карабин к плечу, Сакс выстрелила. Дважды.

Два точных попадания. Джоди отлетел назад, выронив карабин.

— Оставайся с ней! — крикнув Беллу, Сакс побежала к преступнику.

Он упал навзничь в траву. Одна пуля раздробила левое плечо. Вторая попала прямо в оптический прицел, вонзив осколки металла и стекла в правый глаз. Лицо Джоди превратилось в кровавое месиво.

Взведя курок своего крохотного пистолета. Сакс чуть надавила на курок, прижимая дуло к его виску. Обыскав Джоди, она отобрала один «Глок» и длинный графитовый нож. Другого оружия у него не было.

— Все чисто, — крикнула Сакс.

Она выпрямилась, доставая наручники. Танцор, закашляв и харкая кровью, вытер свой здоровый глаз. Затем, приподнявшись, посмотрел на поле и увидел Перси Клэй, застывшую в траве, не отрывающую взгляда от своего врага.

Джоди охватила дрожь. Снова кашлянув, он издал тихий стон. Его следующие действие ошеломило Сакс. Джоди попытался оттолкнуть ее ногу своей здоровой рукой. Он был серьезно ранен, возможно, смертельно и обессилел от потери крови. Его движение было странным, так отгоняют с дороги назойливую шавку.

Сакс отошла в сторону, по-прежнему целясь ему в грудь.

Но Амелия Сакс больше не интересовала Танцора у гроба. Он не обращал внимания на раны и мучительную боль. В его сознании осталось только одно. Сверхчеловеческим усилием перевернувшись на живот, цепляясь ногтями за землю, он со стоном пополз вперед, к Перси Клэй, женщине, которую должен был убить.

К Сакс подошел Белл. Она отдала ему «Глок», и оба взяли Танцора под прицел. Им ничего не стоило остановить его или убить. Но они стояли, застыв на месте, не отрывая глаз от раненого, полностью поглощенного стоящей перед ним целью и не замечающего того, что у него не видит один глаз и не работает рука.

Он продвинулся еще на несколько футов, задержавшись лишь для того, чтобы подобрать камень с острыми краями размером с грейпфрут, а затем пополз дальше к своей добыче. Не произнося ни слова, истекая кровью и потом, с перекошенным от боли лицом. Даже Перси, имевшая все основания ненавидеть этого человека, вырвать у Сакс из руки пистолет и положить конец жизни убийцы, зачарованно следила за его последней отчаянной попыткой довести до конца начатое дело.

— Достаточно, — наконец сказала Сакс. Нагнувшись, она вырвала камень из руки раненого.

— Нет, — простонал тот. — Нет...

Она надела на него наручники.

Танцор у гроба издал жуткий вопль, который, возможно, объяснялся невыносимой болью, но скорее всего выражал нестерпимые муки неудачи, и уронил лицо на землю.

Он затих. Сакс, Перси и Белл стояли над ним, глядя, как растекается лужа крови, окрашивая бурой ржавчиной траву и невинные крокусы. Вскоре нежные голоса гагар потонули в громком реве вертолета, появившегося над деревьями. Сакс заметила, что Перси Клэй тотчас же забыла про человека, причинившего ей столько страданий. Проснувшаяся в ней летчица проследила за тем, как неуклюжий летательный аппарат, прорезав туман, осторожно опустился на зеленое поле.

Глава тридцать девятая

— Ну не проси. Линкольн. Не могу, — упорно повторял Лон Селитто.

Но Линкольн Райм упрямством был ему под стать.

— Дай мне его на полчаса.

— Они против, — это было сказано слишком мягко, и детектив поправился: — Да они дерьмом изошли, когда я передал твою просьбу. Ты же гражданское лицо.

Был уже понедельник, десять часов утра. Появление Перси перед судьями было перенесено на завтрашний день. Военные водолазы обнаружили брезентовые мешки, которые затопил в проливе Лонг-Айленд Филипп Хансен. Мешки отправили на анализ экспертам ФБР. Элиополос добился отсрочки предварительного слушания, чтобы собрать против Хансена как можно больше улик.

— Чего они боятся? — капризно спросил Райм. — К сожалению, я не могу набить ему морду.

Он подумал было о том, чтобы уменьшить требование, попросив лишь двадцать минут. Однако это было бы признаком слабости. А Линкольн Райм считал, что слабость нельзя выказывать ни в коем случае. Поэтому он твердо произнес:

— Это я его поймал. Я имею право с ним поговорить.

И замолчал.

Блэйн, его бывшая жена, проявив однажды не свойственную ей проницательность, заявила, что глаза Райма, черные как ночь, являются лучшим аргументом, по сравнению с любыми словами. И вот сейчас

криминалист молча смотрел на Селитто до тех пор, пока тот, вздохнув, не переглянулся с Деллреем.

— О, ну дай ты им встретиться, — буркнул тот. — Кому от этого будет плохо? Тащи этого нехорошего мальчика сюда. А если он попытается выкинуть какой-нибудь фокус, черт побери, у меня будет шикарная возможность пострелять по бегущей мишени.

— Ну ладно, — наконец согласился Селитто. — Сейчас позвоню. Только глядите, чтобы на этот раз все было тип-топ.

Криминалист едва ли услышал его слова. Его взгляд был прикован к двери, словно там вот-вот должен был волшебным образом материализоваться Танцор у гроба.

Если бы это произошло, Райм бы нисколько не удивился.

* * *

— Как ваше настоящее имя? Действительно Джо или Джоди?

— А, да какая разница? Вы меня поймали, так что можете называть как угодно.

— И все же? — настаивал Райм.

— А *вы*как меня называли? Танцором. Мне нравится.

Маленький человек пристально следил за Раймом своим единственным глазом. Если его мучили боли от ран или кружилась голова от лекарств, он этого никак не показывал. Несмотря на гипсовую повязку на левом плече, руки убийцы были в толстых наручниках. На ногах звенели кандалы.

— Как вам угодно, — учтиво согласился Райм, продолжая изучать сидящего перед ним человека так, словно это была пыльца какого-то незнакомого растения, обнаруженная на месте преступления.

Танцор улыбнулся. Из-за повреждения лицевых нервов и повязок выражение лица получилось гротескным. Время от времени тело его билось в судорогах, пальцы дрожали, раздробленное плечо непроизвольно поднималось и опускалось. У Райма возникло странное ощущение: будто он сам здоров, а перед ним калека.

Среди слепцов одноглазый — король.

Танцор улыбнулся.

— Вам ведь до смерти хочется узнать, не так ли? — спросил он.

— Что?

— Все... Именно за этим вы и привезли меня. Вам повезло, я имею в виду то, что вы меня поймали, но вы понятия не имеете, как я все сделал.

Райм щелкнул языком.

— Наоборот, мне прекрасно все известно.

— Неужели?

— Я просто хотел поговорить с вами, — сказал Райм. — Только и всего. Поговорить с человеком, который едва меня не провел.

— "Едва", — Танцор рассмеялся. Его лицо снова перекосилось в улыбке. — Ладно, рассказывайте.

Райм потянул из соломинки. В стакане был фруктовый сок. Криминалист изумил Тома, попросив вылить виски и налить вместо него гавайский пунш.

— Ну хорошо, — любезно начал Райм. — Вас наняли убить Эда Карни, Бритта Хейла и Перси Клэй. Заплатили много. Думаю, шестизначную сумму.

— Семизначную, — гордо поправил Танцор. Райм поднял бровь.

— Прибыльное ремесло.

— Если преуспеть в нем.

— Вы положили деньги в банк на Багамах. Каким-то образом узнали имя Стивена Колла — каким именно, не знаю. Возможно, через сеть вербовки наемников... — Танцор кивнул, — ...и наняли его своим субподрядчиком. Анонимно, по электронной почте, возможно по факсу, воспользовавшись рекомендациями, которым он доверял. Разумеется, лично вы ни разу не встречались. И, смею предположить, вы его испытали в деле?

— Естественно. Работенка в Вашингтоне. Меня наняли убить помощника одного конгрессмена, воровавшего секреты из бумаг комитета по вооружению. Задача была несложной, поэтому я перепоручил ее Стивену. Это дало возможность проверить его. Я следил за каждым его шагом. Лично осмотрел входное отверстие пули. Очень профессиональный выстрел. Кажется, он заметил меня и попытался

избавиться, как от нежелательного свидетеля. Что тоже показало его с лучшей стороны.

Райм продолжал:

— Вы оставили Коллу деньги и ключ к ангару Филиппа Хансена, где он ждал, чтобы заложить бомбу на самолет Карни. Вы знали, что он неплохо знает свое дело, но все же сомневались, что ему удастся убрать всех трех свидетелей. Вероятно, вы считали, что Колл справится только с одним из них, но он отвлечет на себя внимание и позволит вам приблизиться к оставшимся двум.

Танцор кивнул, восхищаясь помимо своей воли.

— Меня очень удивило, что Колл убил Бритта Хейла. Очень. Но еще больше удивило то, что ему удалось уйти, а потом заложить вторую бомбу на борт самолета Перси Клэй.

— Предвидев, что по крайней мере одну из жертв вам придется убить лично, вы на прошлой неделе превратились в Джоди и стали всем предлагать свои таблетки, чтобы о вас узнало как можно больше народу. Похитив среди бела дня на людной улице агента ФБР, вы выпытали у него, в какой охраняемый дом поместят свидетелей. Затаившись в наиболее вероятном месте, откуда Стивен должен был нанести свой удар, вы дали ему возможность похитить себя. За собой вы оставили полно улик, которые обязательно должны были привести нас к вам, в ваше логово на заброшенной станции метро… чтобы потом мы с вашей помощью постарались взять Колла. Мы полностью доверяли вам. И это естественно, Стивен даже не подозревал, что это *вы*его наняли. Он только знал, что вы его предали, и хотел с вами расправиться. Для вас замечательное прикрытие, но очень рискованное.

— А что такое жизнь без риска? — игриво спросил Танцор. — Это делает ее бессмысленной, вам не кажется? К тому же, пока мы были с Коллом вместе, я предпринял определенные… скажем так, контрмеры. В результате он колебался перед тем, как выстрелить в меня. Скрытый гомосексуализм *всегда*помогает.

— Но, — добавил Райм, недовольный тем, что его перебили, — когда Колл был в парке, вы тайком покинули переулок, куда спрятались, отыскали его и убили… Избавились от рук, зубов, одежды и оружия. Думаю, бросили в канализационную трубу. А потом мы сами пригласили вас в Лонг-Айленд… Лиса в курятнике. — Райм мрачно усмехнулся. — Такова схема… Голые факты. Но, по-моему, общее впечатление получить можно.

Здоровый глаз Танцора закрылся, затем открылся вновь. Красный и влажный, он не отрывался от Райма. Убийца кивнул, выражая свое согласие, а может быть, даже восхищение.

— Что? — наконец спросил он. — Что навело вас на меня?

— Белый песок, — ответил Райм. — Песок с Багамских островов.

Танцор кивнул, морщась от боли.

— Я вывернул карманы, прочистил одежду пылесосом.

— Остался в складках швов. И еще таблетки. Следы наркотиков и детского питания.

— Да. Конечно, — помолчав. Танцор добавил: — Он не зря вас боялся. Я имею в виду Стивена, — его единственный глаз продолжал буравить Райма, так врач ищет злокачественную опухоль. — Бедняга. Мне его жаль. Почему он вырос таким запуганным? Как вы думаете, во всем виноват его отчим? Или ребята из колонии?

— Понятия не имею, — сказал криминалист.

На подоконник опустился сокол-самец и сложил крылья.

— Стивен испугался, — задумчиво произнес Танцор. — А если ты боишься, это все. Ему казалось, его ищут черви. Линкольн-Червь. Я слышал, как он постоянно это шепчет. Он вас до смерти боялся.

— Но вы не боялись.

— Да, — подтвердил Танцор. — Я не боялся, — вдруг он кивнул, словно ему наконец удалось ухватить мысль, долго крутившуюся рядом. — О, я вижу, вы внимательно прислушиваетесь, да? Пытаетесь определить акцент?

Райм действительно занимался именно этим.

— Но, видите ли, его легко поменять. Вот послушайте:

Горный... Коннэктикут... Южанин с равнин и южанин с болот... Миззури... Кейнтуккии... Зачем вы меня допрашиваете? Вы ведь эксперт-криминалист. Меня уже поймали. Пора баиньки. Сказке конец. Знаете, я люблю шахматы. Просто *обожаю.*А вы. Линкольн, играете?

Когда-то Райм очень любил шахматы. Они с Клэр Триллинг играли довольно часто. Том попытался заставить своего шефа играть с

компьютером и даже купил очень хорошую программу. Райм так ни разу и не запустил ее.

— Уже давно не играл.

— Нам с вами как-нибудь надо будет сыграть партию. Вы интересный противник... Хотите знать, какую ошибку часто допускают многие шахматисты?

— Какую же?

Внезапно Райму стало не по себе от горящего взгляда единственного глаза.

— Их начинают интересовать их противники. Они пытаются проникнуть в их личную жизнь. Но от этого нет никакой *пользы.*Откуда они родом, кто были их родители, есть ли у них дети.

— Неужели?

— Возможно, так можно утолить какой-то внутренний зуд. Но для шахматиста подобные знания вредны, опасны. Понимаете, Линкольн, вся игра происходит только на доске, — кривая усмешка. — Вы никак не можете смириться с тем, что ничего обо мне не знаете, так?

«Да, не могу», — вынужден был признаться себе Райм.

— И все же что именно вы хотели бы знать? — продолжал Танцор. — Адрес? Успеваемость в школе? Я удивлен вами, Линкольн. Вы лучший криминалист из всех, с кем мне приходилось встречаться. Но сейчас вы собираетесь отправиться в какое-то сентиментальное ностальгическое путешествие. Кто я такой? Всадник без головы. Вельзевул. Я — это «они» из предостережения «Берегитесь, они могут напасть в любую минуту». Но я не кошмарный сон из поговорки, потому что я — это явь, действительность, реальность, как бы ни трудно было это признать. Я ремесленник. Я деловой человек. А мое имя, чин и серийный номер вы никогда не узнаете. Я не придерживаюсь требований Женевской конвенции.

Райм не нашелся, что сказать.

Послышался стук в дверь.

Приехала машина.

— Вы бы не могли снять кандалы с ног? — трогательным голосом спросил Танцор двух конвоиров, моргая единственным глазом, чтобы

прогнать слезу. — Пожалуйста. Мне так больно. И в них *очень*трудно ходить.

Один из охранников, сочувственно посмотрев на него, вопросительно взглянул на Райма.

— Только освободите их на одну дырочку, — небрежно заметил тот, — и вас тотчас же освободят от этой работы и больше в нашем городе вас никуда не возьмут.

Конвоир недоуменно уставился на него. Кивнув, он повернулся к своему напарнику. Танцор рассмеялся.

— Не проблема, — сказал он, не отрывая глаза от Райма. — Просто фактор.

Конвоиры, подхватив его под здоровую руку, подняли на ноги. Маленький человечек пошел к двери, окруженный двумя верзилами. На пороге он оглянулся.

— Линкольн!

— Да?

— Вам будет меня не хватать. Без меня вам будет смертельно скучно, — его единственный глаз жег Райма насквозь. — Без меня вы умрете.

* * *

Через час грузные шаги возвестили возвращение Лона Селитто. Вместе с ним пришли Сакс и Деллрей.

Райм сразу же понял, что произошла беда. Сначала он вообразил, что Танцору удалось бежать.

Однако дело было не в этом.

Сакс вздохнула.

Селитто переглянулся с Деллреем. Лицо долговязого агента скривилось в гримасе.

— Ладно, говорите, — резко произнес Райм. Заговорила Сакс:

— Эксперты проверили содержимое мешков.

— Угадай, что оказалось внутри, — предложил Селитто.

Райм устало вздохнул. У него не было настроения для головоломок.

— Детонаторы, плутоний и труп Джимми Хоффы[8].

— Пачка телефонных справочников Уэстчестера и пять фунтов камней, — сказала Сакс.

— *Что?*

—Там ничего нет. Линкольн. Ничего.

— Вы уверены, что это телефонные справочники, а не зашифрованные архивные записи?

— Криптографы Бюро хорошенько над ними поработали, — буркнул Деллрей. — Обыкновенные справочники, мать их. А камни только для веса. Чтобы мешки утонули.

— Хансена выпускают, — мрачно пробормотал Селитто. — Сейчас все засели за бумаги. Дело даже не будет выдвигаться на предварительное слушание. Так что столько людей погибло совершенно напрасно.

— Ты уж говори до конца, — добавила Сакс.

— Сюда едет Элиополос, — сказал Селитто. — У него бумага.

— Ордер? — сразу догадался Райм. — Какой?

— Ну, как он и обещал. На твой арест.

Глава сороковая

Реджинальд Элиополос появился в дверях в сопровождении двух рослых полицейских.

При первой встрече Райму показалось, что прокурору далеко за сорок. Однако при свете дня он рассмотрел, что Элиополосу лишь тридцать с небольшим. Сопровождавшие его агенты также были молодыми, однако несмотря на дорогие костюмы, они почему-то напомнили Райму портовых грузчиков.

Интересно, зачем Элиополос захватил их с собой? Ему ведь придется иметь дело с человеком, беспомощно лежащим пластом.

— Что ж, по-видимому, когда я предупреждал о неприятных последствиях, вы мне не поверили. Так-так. Не поверили.

— Реджи, мать твою, из-за чего ты говнишься? — спросил Селитто. — Мы ведь взяли мерзавца.

— Так-так... так-так. Сейчас я объясню, из-за чего... — подняв руки, он изобразил в воздухе воображаемые кавычки, — ...я говнюсь. Делу против Хансена капут. В выловленных из моря мешках никаких улик.

— Нашей вины в этом нет, — заметила Сакс. — Мы сохранили жизнь свидетелю. И поймали убийцу, нанятого Хансеном.

— Но ведь прокурору этого недостаточно, так? — спросил Райм.

Элиополос холодно посмотрел на него.

— Видите ли, — продолжал Райм, — теперь Джоди, я хотел сказать. Танцор — это единственная надежда построить дело против Хансена. По крайней мере, так полагает наш уважаемый прокурор. Вот только Танцор ни за что не выдаст своего клиента.

— О, вы так уверены? Боюсь, вы не знаете его так хорошо, как мы. Я только что имел с ним долгий разговор. Танцор, как вы его называете, был готов дать показания против Хансена. Вот только сейчас он наглухо замкнулся. И все из-за вас.

— Из-за меня? — удивился Райм.

— Он сказал, что вы его запугивали. Во время той непродолжительной встречи, состоявшейся совсем недавно, на которую вы не имели никакого права. Так-так. Можете не сомневаться, так просто я этого не оставлю. Свалится не одна голова.

— Помилуй Бог, — горько рассмеялся Райм. — Разве вы не понимаете, что он делает? Так, дайте-ка мне подумать... Вы сказали ему, что арестуете меня, верно? А он в этом случае согласился дать показания против Хансена.

Качнувшийся маятником взгляд Элиополоса сообщил Райму, что именно это и произошло.

— Неужели вы ничего не поняли?

Но Элиополос так ничего и не понял.

— Танцор просто хочет, чтобы я тоже оказался в изоляторе предварительного содержания, в каких-то пятидесяти-шестидесяти футах от него, — сказал криминалист.

— Райм! — озабоченно нахмурилась Сакс.

— О чем это вы? — спросил прокурор.

— Он хочет меня *убить*.Вот его цель. Я единственный, кто смог его остановить. Танцор не сможет вернуться к своему ремеслу, зная, что я существую.

— Но он никуда не вернется. Никогда. *Так-так*.

—Расправившись со мной. Танцор тут же откажется от своих слов. Он не даст показаний против Хансена. А как вы сможете на него надавить? Пригрозить ему смертной казнью? Танцор не испугается. Он ничего не боится. Совершенно ничего.

Райму не давала покоя какая-то смутная мысль. Что-то здесь не так. Наконец он пришел к выводу, что все дело в телефонных справочниках.

В телефонных справочниках и камнях...

Погруженный в размышления, Райм смотрел на списки улик, развешенные на стенах. Услышав позвякивание, он поднял голову. Один из полицейских, пришедших вместе с Элиополосом, достал наручники и направился к кровати. Райм мысленно рассмеялся. Лучше надеть кандалы на бесполезные ноги. А то вдруг он сбежит.

— Реджи, уймись, — сказал Селитто.

Зеленые волокна, телефонные справочники, камни...

Райм вдруг вспомнил одну фразу, сказанную Танцором. Тот сидел в этом самом кресле, у которого сейчас стоял Элиополос.

Семизначная цифра — *миллион долларов*...

Райм не замечал агента, соображавшего, как лучше нейтрализовать инвалида. Не замечал и Сакс, шагнувшую вперед, соображавшую, как лучше нейтрализовать *агента*.

—Подождите! — внезапно властным голосом рявкнул он.

Все присутствующие застыли.

Зеленые волокна...

Райм не отрывал взгляда от этой строчки в перечне улик.

Кто-то что-то говорил. Полицейский покачивал наручники, глядя на руки инвалида. Но Райм не замечал ничего вокруг себя.

— Дайте мне полчаса, — обратился он к Элиополосу.

— Почему я должен согласиться?

— Ну же, хуже от этого никому не будет. Куда я смогу убежать? — и прежде чем прокурор успел что-либо сказать, криминалист закричал: — Том! *Том,*мне нужно срочно позвонить. Ты мне поможешь? Не знаю, куда он иногда пропадает. Лон, ты мне не поможешь?

* * *

Лон Селитто отыскал Перси Клэй, когда та вернулась с похорон своего мужа. Вся в черном, летчица села в скрипящее плетеное кресло у изголовья «Клинитрона». Рядом с ней стоял Роланд Белл в коричневом костюме, мешковато сидящем из-за двух пистолетов под мышками. Редеющие темные волосы были зачесаны назад.

Элиополос уехал, но его громилы остались караулить у дверей. Судя по всему, они *действительно*опасались, что при малейшей возможности Том попробует выкатить Райма из комнаты, и тот попытается скрыться на своей «Штормовой стреле», максимальная скорость которой составляла семь с половиной миль в час.

Платье Перси было сильно поношенным у воротника и манжет, и Райм готов был поспорить, что оно у нее единственное. Усевшись в кресло, летчица начала было по привычке закидывать ногу на ногу, но, осознав, что для этого у нее не тот наряд, строго сдвинула колени.

Перси смотрела на Райма с нетерпеливым любопытством, и он вдруг понял, что ей еще ничего не сказали.

Трусы, подумал он, имея в виду Селитто и Сакс.

— Перси… суд не будет рассматривать дело против Хансена.

Первой ее реакцией была вспышка облегчения. Затем до нее дошли вытекающие последствия.

— Нет! — ахнула Перси.

— А что ему можно инкриминировать? Тот ночной вылет, когда он сбросил в море мешки? В них ничего не было.

Она побледнела.

— Его отпустят на свободу?

— Полиции не удалось установить связь между Танцором и Хансеном. Так что пока он свободен. Перси закрыла лицо руками.

— Значит, все было впустую? Эд… и Бритт… они погибли напрасно?

— Что будет с вашей компанией? — вдруг спросил Райм. Этого вопроса Перси не ожидала. Ей показалось, она ослышалась.

— Простите?

— Я имел в виду вашу компанию. Что станет с «Гудзон-Эйр»?

— Наверное, ее придется продать. У нас уже есть предложения. Другая чартерная компания готова выкупить наши долги. А нам не расплатиться. Впрочем, может быть, мы просто ликвидируемся.

Впервые в ее голосе прозвучала отрешенность.

— Какая компания согласилась выкупить ваши долги?

— Если честно, я не помню. С ними разговаривал Рон.

— Рон Тэлбот, верно?

— Да.

— А ему хорошо известно финансовое положение вашей компании?

— Конечно. Он разбирается в этом не хуже юристов и бухгалтеров. И гораздо лучше меня.

— Вы не могли бы пригласить его срочно приехать сюда?

— Попробую. Он тоже был на кладбище. Наверное, уже вернулся домой. Я ему позвоню.

— Да, Сакс, — повернулся к молодой женщине Райм, — у нас есть еще одно место преступления. Необходимо его осмотреть. Без промедления.

* * *

Подняв взгляд, Райм увидел вошедшего крупного мужчину в темно-синем костюме форменного покроя. Криминалист предположил, что именно в нем Рон Тэлбот садился за штурвал, когда еще летал.

Перси представила их друг другу.

— Значит, вы взяли этого сукиного сына, — проворчал Тэлбот. — Как вы думаете, он сядет на электрический стул?

— Я только собираю мусор, — сказал Райм, как всегда, радуясь возможности устроить маленькую мелодраму. — А каким будет наказание, решать прокурору и судье. Перси сказал вам, что возникли определенные сложности с уликами против Хансена?

— Да, она что-то такое говорила. Кажется, на самом деле в мешках ничего не было? Но зачем ему это понадобилось?

— Думаю, я смогу ответить на это, но сначала мне нужно кое-что уточнить. По словам Перси, вы хорошо знакомы с делами вашей компании. Вы ведь один из партнеров?

Кивнув, Тэлбот достал пачку сигарет, но, заметив, что никто не курит, убрал ее в карман. Он казался еще более помятым, чем Селитто, и, наверное, ему уже давно не удавалось застегнуть жилет на своем солидном брюшке.

— Давайте попытаемся представить следующее, — сказал Райм. — Что если Хансен не собирался убивать Эда и Перси как опасных свидетелей?

— Тогда чем же объяснить его действия? — выпалила Перси.

— Вы хотите сказать, у него был другой мотив? — удивился Тэлбот. — Какой же?

Райм не стал отвечать прямо.

— По словам Перси, дела «Гудзон-Эйр» идут неважно. Тэлбот пожал плечами.

— Последние года два нам пришлось нелегко. Конкуренция очень сильная, мелких воздушных перевозчиков полно...

— Но все же у вас были неплохие... Фред, как это называется? Деньги, которые компания получает? Ты ведь не всегда бегал по улицам с пистолетом, тебе приходилось и книжки умные читать? Как это по-научному?

— До-хо-ды, Линкольн, — усмехнулся Деллрей.

— Вот-вот, у вас были неплохие доходы.

Тэлбот кивнул.

— О, деньги текли постоянно. Просто вытекало их больше, чем втекало.

— Что вы скажете о следующей версии: Танцор был нанят для устранения Перси и Эда, чтобы заказчик смог выкупить компанию за гроши?

— Какую компанию? Нашу? — нахмурилась Перси.

— Зачем она нужна Хансену? — задыхаясь, спросил Тэлбот.

— И почему бы ему просто не предложить чек на большую сумму? — добавила Перси. — Он ведь даже не подходил к нам.

— Но ведь я не говорил, что заказчик Хансен, — заметил Райм. — Я только спросил, а что если *Хансен*не собирался устранять Эда и Перси? Что если это понадобилось кому-то другому?

— Кому? — спросила Перси.

— Я пока не уверен. Просто... все дело в зеленых волокнах.

— Зеленых волокнах? — Тэлбот проследил за взглядом Райма, обращенным к таблице с перечнем улик.

— В том, о чем все забыли. Все кроме меня.

— Этот человек никогда ничего не забывает. Правда, Линкольн?

— Такое случается, Фред, но, надеюсь, нечасто. Так вот, волокна. Сакс, моя помощница...

— Я вас помню, — подтвердил Тэлбот, кивая молодой женщине.

— Она нашла эти волокна в ангаре, который арендовал Хансен. Микроскопические следы были обнаружены у окна, где стоял Стивен Колл, дожидаясь возможности подложить бомбу на борт самолета Эда Карни. Помимо волокон. Сакс нашла также частицы латуни, белые волокна и клей, каким заклеивают конверты. Все вместе это сообщило нам о том, что кто-то передал Коллу ключ к ангару в конверте. И тут я задумался, зачем Коллу был нужен ключ, чтобы: проникнуть в пустующий ангар? Он был профессионалом. В этот ангар он залез бы с закрытыми глазами. Единственным назначением ключа была наводка на Хансена. Якобы именно он передал ключ Коллу.

— Ну, а угон армейского грузовика, — возразил Тэлбот, — когда были убиты два солдата и похищено оружие? Всем известно, что Хансен убийца.

— О, вероятно, это так, — согласился Райм. — Но только он не летал ночью над проливом Лонг-Айленд и не бомбил его безобидными телефонными справочниками. Это сделал кто-то другой.

Перси беспокойно заерзала.

— Кто-то, — продолжал Райм, — кто никак не думал, что мы найдем мешки.

— Кто же это? — спросил Тэлбот.

— Сакс!

Достав из сумки три больших пакета с уликами, молодая женщина положила их на стол.

В двух пакетах лежали конторские книги. В третьем была стопка белых конвертов.

— Эти улики добыты в вашем кабинете, Тэлбот. Он деланно рассмеялся.

— По-моему, вы не имели права заходить туда без ордера на обыск.

— Я разрешила, — сказала, нахмурившись. Перси Клэй. — Я все еще возглавляю компанию, Рон. Линкольн, так о чем вы говорили?

Райм пожалел о том, что не успел поделиться с ней своими подозрениями; сейчас летчице предстояло пережить страшное потрясение. Но он не мог рисковать: вдруг она предупредила бы Тэлбота. До сих пор ему удавалось прекрасно заметать за собой следы.

Райм посмотрел на Мела Купера.

— Зеленые волокна, обнаруженные с частицами ключа, идентичны тем, из которых состоит бумага главной бухгалтерской книги. Белые — тем, из которых состоит бумага конвертов. Совпадение полное.

— И все это из вашего кабинета, Тэлбот, — продолжал Райм.

— Линкольн, что вы хотите сказать? — ошеломленно раскрыла рот Перси.

— Всем в аэропорту было известно, что Хансен под следствием, — заговорил Райм, обращаясь к Тэлботу. — И вы решили воспользоваться этим обстоятельством. Дождавшись, когда Перси, Эд и Бритт Хейл остались работать допоздна, вы угнали самолет Хансена и сбросили в море мешки с телефонными книгами. Затем вы наняли Танцора.

Полагаю, вы узнали о нем во время работы в Африке или на Дальнем Востоке. Я навел кое-какие справки. Вы работали на ВВС Ботсваны, а затем были советником правительства Бирмы по закупке подержанных самолетов. Танцор признался, что за работу получил миллион долларов. — Райм покачал головой. — Это сразу должно было насторожить меня. Хансен без труда устранил бы всех трех свидетелей за пару сотен тысяч. Сейчас на рынке профессиональных убийц предложение значительно превышает спрос. Цифра в миллион дала мне понять, что заказчик — любитель, в распоряжении которого имеются большие суммы.

Пронзительно вскрикнув. Перси Клэй вскочила с места. Тэлбот испуганно попятился назад.

— Как ты мог? — воскликнула она. — Как?

— Наши ребята из экономического отдела сейчас просматривают ваши книги, — сказал Деллрей. — И они находят уймы денег там, где их не должно быть.

— Компания «Гудзон-Эйр» действовала гораздо успешнее, чем вы думаете. Перси, — продолжал Райм. — Но только вся прибыль оседала в кармане Тэлбота. Он знал, что рано или поздно его схватят за руку, поэтому ему нужно было убрать с дороги вас и Эда и выкупить компанию.

— Как партнер, он в случае нашей смерти имел право выкупить нашу долю с огромной скидкой, — подтвердила Перси.

— Это чушь собачья! Вспомните, тот тип и в меня стрелял!

— Но вы не нанимали Колла, — напомнил Райм. — Вы наняли Джоди, Танцора у гроба, а тот перепоручил свой заказ Коллу. Не имевшему понятия о вашем существовании.

— Как ты мог? — сдавленным голосом повторила Перси. — Почему? *Почему?*

—Потому что я любил тебя! — запальчиво воскликнул Тэлбот.

— Что? — изумленно ахнула Перси.

— Когда я сделал тебе предложение, ты рассмеялась мне в лицо!

— Рон, я...

— И вернулась к нему. — Тэлбот презрительно усмехнулся. — К красавчику Эду Карни. Лучшему летчику-истребителю... Он обращался с тобой как с половой тряпкой, а тебе по-прежнему не нужен был никто другой. А потом... — он побагровел от ярости. — Потом... когда я лишился последнего, когда меня приковали к земле... запретили летать... Я смотрел на то, как вы поднимаетесь в небо, набирая сотни летных часов в месяц, в то время как я был вынужден сидеть в конторе и перекладывать бумаги... У Эда была ты, у тебя был Эд, вы оба могли летать... Ты не представляешь, каково лишиться всего, что любишь. Ты просто не имеешь понятия!

Сакс и Селитто пристально следили за ним. Они предвидели какую-то реакцию, но не ожидали, что Тэлбот окажется таким сильным. Сакс шагнула вперед, расстегивая кобуру, но великан свалил ее с ног, швырнув на лабораторный стол. Микроскопы повалились на пол. Мел Купер отлетел к стене. Тэлбот выхватил «Глок» из руки молодой женщины.

Он навел пистолет на Белла, Селитто и Деллрея.

— Так, бросьте оружие на пол. Ну! Живо!

— Парень, прекрати, — начал вращать глазами Деллрей. — Ну куда ты отсюда денешься? Вылезешь из окна? У тебя нет выхода.

Тэлбот ткнул пистолетом ему в лицо.

— Больше повторять не буду.

Его глаза горели отчаянием. Он напомнил Райму загнанного в угол медведя. Деллрей и Селитто неохотно положили оружие на пол. Белл тоже бросил оба своих пистолета.

— Куда ведет эта дверь? — спросил Тэлбот, указывая на стену.

Он видел охрану, оставленную Элиополосом, и понимал, что тем путем ему не выбраться.

— Встроенный шкаф, — быстро ответил Райм.

Открыв дверь, Тэлбот увидел крошечную кабину лифта.

— Мать твою! — прорычал он, направляя пистолет на криминалиста.

— Нет! — крикнула Сакс. Тэлбот стремительно обернулся.

— Рон! — воскликнула Перси, — пожалуйста, подумай...

Сакс, не пострадавшая при падении, поднялась на ноги, не отрывая взгляда от пистолетов, лежащих в десяти футах от нее.

«Нет, Сакс! — мысленно взмолился Райм. — Не вздумай!»

Она осталась жива, столкнувшись лицом к лицу с самым хладнокровным профессиональным убийцей в истории страны, а сейчас ее подстрелит запаниковавший любитель…

Взгляд Тэлбота метался между Деллреем, Селитто и лифтом.

Сакс, не надо…

Райм попытался привлечь ее внимание, но молодая женщина оценивала расстояния и углы.

Нет, ей не успеть.

— Тэлбот, давай спокойно поговорим, — начал Селитто. — Ну же, положи пистолет.

Пожалуйста, Сакс, не надо… Он заметит твой бросок и выстрелит в голову, как всегда стреляют любители. И убьет тебя.

Сакс внутренне напряглась, не отрывая глаз от «Зиг-Зауэра» Деллрея.

Нет!..

Как только Тэлбот снова отвернулся к лифту, Сакс бросилась на пол и, перекатываясь через бок, схватила пистолет Деллрея. Но Тэлбот заметил ее. Прежде чем молодая женщина успела поднять тяжелое оружие, он, объятый паникой, направил «Глок» ей в лицо, прищуриваясь и нажимая на курок.

— Нет! — крикнул Райм.

Выстрел прозвучал оглушительно громко. Задребезжали стекла, испуганные соколы-сапсаны взмыли в воздух.

Селитто бросился вперед, подбирая свой пистолет. Распахнулась входная дверь, и в комнату ворвались агенты Элиополоса, на бегу выхватывая оружие.

Рон Тэлбот, постояв на месте, вдруг как подкошенный повалился на пол. У него на виске появилось крошечное красное отверстие.

— О боже, — пробормотал Мел Купер, держа пакет с уликами в руках и недоуменно смотря на свой крошечный «Смит-Вессон» 38-го калибра, зажатый в неподвижной руке Роланда Белла. — Ну и ну!

Приблизившись к эксперту сзади, Белл вытащил пистолет из кобуры у него на поясе. Он выстрелил с бедра, точнее, с бедра Купера.

Поднявшись на ноги. Сакс вытащила свой «Глок» из обмякшей руки Тэлбота.

Комната огласилась завываниями. Перси Клэй, упав на колени перед трупом, принялась всхлипывая бить кулаком по массивному плечу. Все стояли не двигаясь. Наконец вперед шагнули Амелия Сакс и Роланд Белл. Остановившись, они переглянулись, и Сакс отошла назад, позволив темноволосому полицейскому увести летчицу от трупа ее друга и врага.

Глава сорок первая

Ближе к ночи прогремел гром, началась весенняя гроза.

Окно было распахнуто настежь, разумеется, не то, за которым поселились соколы; Райм не хотел их беспокоить, и комнату наполняла вечерняя прохлада.

Хлопнув пробкой, Амелия Сакс откупорила бутылку «Шардоннэ» и наполнила свой бокал и стакан Райма.

Случайно уронив взгляд на экран компьютера, она рассмеялась.

— Не могу поверить.

Райм запустил шахматную программу.

— Ты же не играешь ни в какие игры, — сказала Сакс. — Точнее, я *никогда*не видела, чтобы ты во что-нибудь играл.

— Ничего страшного, — усмехнулся Райм. На экране появилась надпись:

«Я вас не понимаю. Пожалуйста, повторите еще раз». Криминалист отчетливо произнес:

— Ладья на поле С-4. Шах и мат. Пауза.

Надпись «Поздравляю!» И на экране появилась компьютеризированное исполнение отрывка марша Вашингтона.

— Это не для развлечения, — грубо ответил Райм. — Поддерживает ум в форме. А ты. Сакс, не хочешь сыграть?

— Я в шахматы не играю, — сказала она, делая глоток восхитительного вина. — Если какой-то чертов конь попытается напасть на моего короля, я просто пристрелю его вместо того, чтобы думать, как его обхитрить. Много нашли?

— Денег, припрятанных Тэлботом? Больше пяти миллионов.

Проверив второй комплект бухгалтерских книг, настоящих, аудиторы обнаружили, что «Гудзон-Эйр» является процветающей компанией. Конечно, потеря двух самолетов и выгодного контракта явилась ударом, но денег в резерве достаточно, чтобы удержать ее, как сказала Перси, «на лету».

— Где Танцор?

— В специальном изоляторе.

О существовании этого учреждения в системе правосудия известно немногим. Райм сам там никогда не бывал, как и большинство простых полицейских, но за тридцать пять лет существования изолятора из него не было ни одного побега.

— Когти ему здорово обкорнали, — заметила Перси Клэй, когда Райм сообщил ей об этом.

И пояснила, что имела в виду подпиливание когтей охотничьих соколов.

Райм, учитывая его личную заинтересованность в деле, настоял на том, чтобы ему предоставили полную информацию о содержании Танцора в специальном изоляторе. Ему сообщили, что тот подробно расспрашивал охранников об окнах, о том, на каком этаже находится изолятор, в какой части города расположено здание.

— Судя по запаху, здесь где-то поблизости заправочная станция? — произнес Танцор загадочную фразу.

Услышав об этом, Райм срочно связался с Лоном Селитто и попросил его удвоить охрану.

Амелия Сакс сделала еще один глоток, набираясь сил и готовясь к тому, что должно было произойти.

Набрав полную грудь воздуха, она выпалила:

— Райм, ты не должен ее отпускать, — еще один глоток. — Не знаю, правильно ли я поступила, что заговорила об этом.

— Прошу прощения?

— Она — это именно то, что тебе нужно.

Они никогда не испытывали затруднений с тем, чтобы смотреть друг другу в глаза. Однако сейчас Сакс, предчувствуя впереди шторм, уставилась в пол.

— О чем ты?

Подняв взгляд, она увидела, что Райм не понял смысл ее слов.

— Я вижу, как ты к ней относишься. И хотя она сама не признается, я вижу, как относится она к тебе.

— *Кто?*

—Ты прекрасно знаешь. Перси Клэй. Ты думаешь, что поскольку она только что овдовела, ей пока никто не нужен. Но... ты же слышал, что говорил Тэлбот: у Карни была любовница. Сотрудница компании. Перси знала об этой связи. Они с мужем не расходились, потому что были друзьями. И из-за компании.

— Да я...

— Райм, не теряй времени. Я искренне желаю тебе добра. Ты боишься, у вас ничего не получится. Но ее не волнует твое состояние. Проклятие, вспомни, что она говорила тогда. И она была права, у вас очень много общего.

Порой бывают моменты, когда просто необходимо поднять руки и бессильно их уронить, выражая полное отчаяние. Райму пришлось остановиться на том, чтобы откинуть голову на удобную подушку.

— Сакс, что тебе взбрело в голову?

— Пожалуйста, не надо. Я и так все видела. Видела, как зажигались твои глаза, когда она появлялась. Как ты на нее смотрел. Как был одержим стремлением ее спасти. Я все понимаю.

— И *что*ты понимаешь?

— Она похожа на Клэр Триллинг, женщину, бросившую тебя несколько лет назад.

А… Райм кивнул. Вот в чем дело. Он улыбнулся.

— Ты права, Сакс. В последнее время я действительно много думал о Клэр. Я тебе солгал, утверждая обратное.

— Когда ты о ней упомянул, я сразу же поняла, что ты до сих пор ее любишь. После несчастного случая, происшедшего с тобой, вы ни разу не виделись. Для тебя все это оставалось открытой книгой. Как и наши с Ником отношения после того, как он ушел. И вот ты встретил Перси, она воскресила в твоей памяти Клэр, и все началось сначала. Ты понял, что можешь расстаться с одиночеством. Быть вместе с Перси. А не… а не со мной. Что ж, такова жизнь.

— Сакс, — начал Райм, — ты должна ревновать меня не к Перси. Это не она выпихнула тебя из моей кровати в ту ночь.

— Не она?

— Это сделал Танцор.

Плеснув себе вина. Сакс покрутила бокал, разглядывая бледную жидкость.

— Не понимаю.

— Помнишь ту ночь. Сакс? — Райм вздохнул. — Я должен был провести между нами черту. Мы и так уже чересчур сблизились. Если мы собираемся и дальше работать вместе, я обязан сохранить этот барьер. Разве ты не понимаешь? Если мы будем близки, *настолько*близки, я не смогу посылать тебя навстречу опасности. Я не могу допустить, чтобы это случилось снова.

— *Снова?*

Сакс вспыхнула. Только сейчас до нее начала доходить правда. «Молодец, это моя Амелия! — подумал Райм. — Замечательный криминалист. Как быстро работает у нее мысль!»

— Линкольн, неужели Клэр…

Он кивнул.

— Это ее я направил на осмотр места преступления, совершенного Танцором на Уолл-Стрит пять лет назад. Именно она достала из мусорной корзины листок бумаги, что привело к срабатыванию бомбы.

Вот почему он был так одержим желанием остановить этого человека. Вот почему, что так несвойственно для него, он стремился заглянуть в душу убийцы. Райм хотел поймать преступника, убившего его возлюбленную. Хотел узнать о нем все.

*Это была месть,*чистая, неразбавленная месть. Когда Лон Селитто, знавший о Клэр, предлагал отправить Перси и Хейла из города, он имел в виду, не влияют ли личные чувства Райма на расследование дела.

Что ж, как выяснилось, влияли. Но Линкольн Райм, несмотря на свое теперешнее состояние, оставался таким же охотником, как и живущие у него за окном соколы-сапсаны. Таким же, каким должен быть настоящий криминалист. Учуяв добычу, он не остановился до тех пор, пока она не была схвачена.

— Вот и все. Сакс. Перси тут совершенно не при чем. И как сильно ни хотелось мне провести с тобой ту ночь — проводить с тобой все ночи, я не могу рисковать тем, что полюблю тебя сильнее, чем уже люблю.

Линкольн Райм был поражен, изумлен тем, что говорит такие слова. После несчастного случая он убедил себя в том, что балка, переломившая позвоночник, также нанесла неисцелимые раны и сердцу, убив в нем все чувства. Способность любить и быть любимым раскололась подобно хрупкой хорде спинного мозга. Но в ту ночь, рядом с Сакс, он осознал, как сильно ошибался.

— Ты ведь понимаешь, Амелия? — прошептал Райм.

— Только фамилии, — улыбнулась она, подходя к кровати. Нагнувшись, молодая женщина поцеловала его в губы. Сначала Райм попытался было отвернуться, но затем ответил ей.

— Нет, не надо, — твердил он, продолжая ее целовать.

Сумочка Сакс упала на пол. Куртка и часы отправились на столик у изголовья кровати. За ними последовал последний из модных аксессуаров: «Глок» в кобуре.

Они снова поцеловались. Наконец Райм оторвался от нее.

— Сакс... это слишком рискованно!

— Наверняка не знает даже Господь Бог, — ответила она, заглядывая ему в глаза.

Встав, она направилась к выключателю.

— Подожди, — бросил ей вдогонку Райм.

Остановившись, молодая женщина обернулась. Густые рыжие волосы, упав ей на лицо, закрыли один глаз.

Райм нагнулся к микрофону, закрепленному на спинке кровати.

— Погасить свет.

В комнате воцарилась темнота.

Примечания

1

Распространенное прозвище города Чикаго.

2

Амелия Мэри Ирхарт — первая женщина-летчик, совершившая в 1932 году в одиночку перелет через Атлантический океан.

3

Обратная сторона плаката использовалась для разбирательства дела в детективе «Собиратель костей».

4

Прозвище штата Северная Каролина.

5

В этом городе находится университет Северной Каролины.

6

Белл, выходец с Юга, шутливо намекает на то, что во время Гражданской войны в США штат Мичиган выступил на стороне Северных штатов.

7

4 мая 1970 г. Национальная гвардия штата Огайо открыла огонь по студентам Кентского университета, протестовавшим против ввода американских войск в Камбоджу.

8

Джеймс Риддл Хоффа, профсоюзный деятель США, в 1975 году бесследно исчез и считается убитым.